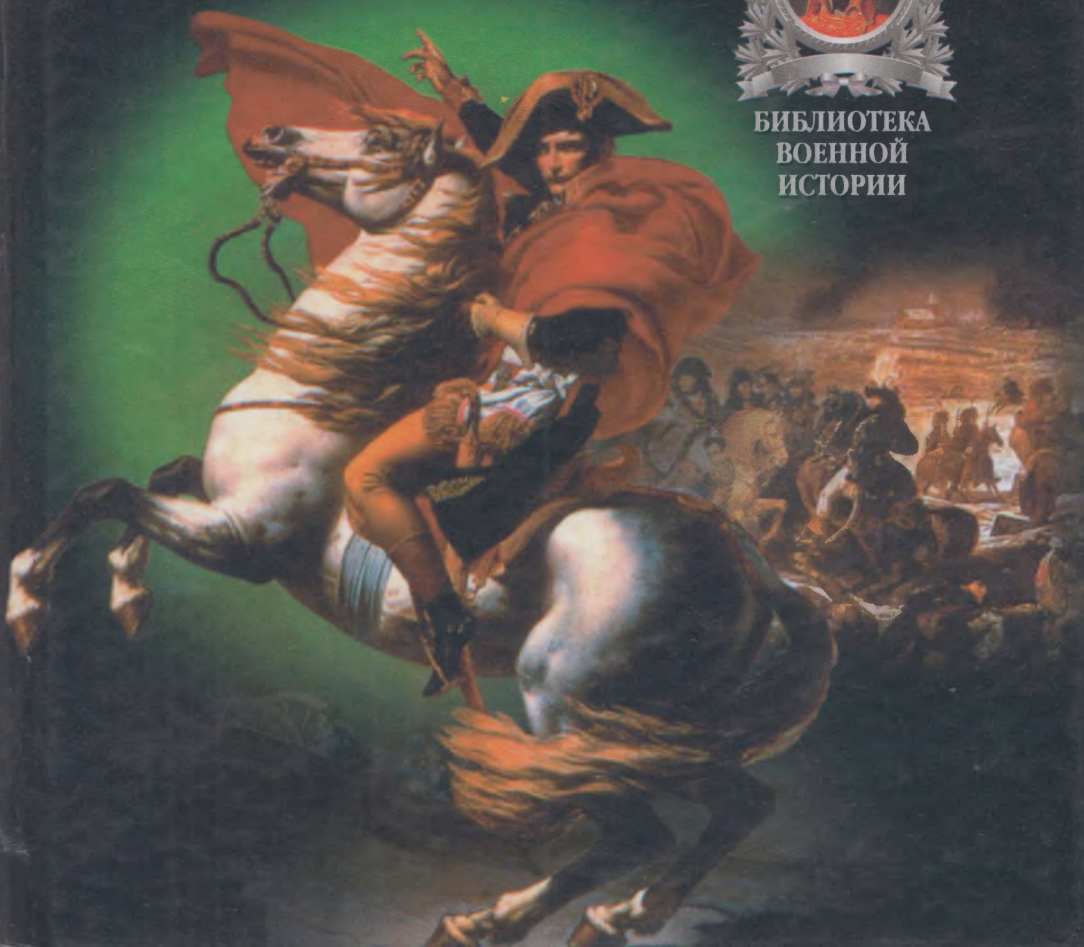

ШЕСТЬДЕСЯТ СРАЖЕНИЙ НАПОЛЕОНА

БИБЛИОТЕКА
ВОЕННОЙ
ИСТОРИИ

БИБЛИОТЕКА
ВОЕННОЙ
ИСТОРИИ

В.В. Бешанов

ШЕСТЬДЕСЯТ СРАЖЕНИЙ НАПОЛЕОНА

Под общей редакцией А.Е. Тараса

**Минск
Харвест
2000**

УДК 930.9
ББК 63.3(0)
Б 57

Серия основана в 1998 году

Бешанов В.В.

Б 57 Шестьдесят сражений Наполеона. — Мн.: Харвест, 2000. — 511 с. (Библиотека военной истории).

ISBN 985-433-737-5.

Наполеон Бонапарт — один из величайших полководцев во всемирной истории. Однако до сих пор на русском языке не было книг, освещавших всю его полководческую карьеру от начала и до конца.

В данной работе описаны и проанализированы все кампании, походы и сражения Наполеона.

Книга адресуетя широкому кругу читателей.

**УДК 930.9
ББК 63.3(0)**

ISBN 985-433-737-5

© В. В. Бешанов, 2000.

© Составление и редакция серии. А. Е. Тарас, 2000

Предисловие

Я провел шестьдесят сражений и могу вас заверить, что ни в одном из них ничему не научился. Цезарь тоже последнюю битву воспринимал как первую.

Наполеон

Это сказал большой знаток и любитель «предмета», по его собственному признанию — любивший войну. Сам Наполеон называл имена семи великих полководцев, «подвиги коих сохранила для нас история». Это Александр Македонский, Ганнибал, Юлий Цезарь, Густав II Адольф, Тюренн, принц Евгений Савойский и Фридрих Великий.

Думаю, что с полным основанием мы можем включить Наполеона Бонапарта в этот список восьмым. И пожалуй, справедливо было бы поставить его имя первым в этом списке. За 22 года его долгой кровавой карьеры, от Тулона до Ватерлоо, он дал больше сражений, чем любой из вышеперечисленных военных гениев, и в этих битвах участвовали огромные людские массы, гораздо большие, чем в войнах его предшественников. Он дошел до той грани, когда военными действиями (от распределения пищевых рационов до принятия стратегических и дипломатических решений) мог руководить один человек, и то лишь такой, как он. С появлением миллионных армий это стало физически невозможным. Война сегодня — это работа генерального штаба и исполняющих его распоряжения военачальников. Эпоха полководцев закончилась, именно поэтому Карл фон Клаузевиц считал Наполеона последним из них.

Литература, посвященная Наполеону, огромна. В нашей стране большой и заслуженной популярностью пользуются труды Тарле и Манфреда. Но это сочинения биографического характера. О военном же искусстве

Наполеона писали немногие авторы учебников для военных учебных заведений. При этом главный упор всегда делался на те кампании, в которых принимала участие русская армия, особенно — на Отечественную войну 1812 года. Выработался даже определенный штамп: авторы превозносили полководческий талант Кутузова и героизм русских воинов, сдобряя все это марксистским анализом общественно-политической ситуации в Европе того времени. А произведения таких классических авторов, как Клаузевиц, Левицкий, Шлиффен, Жомини, рассматривавших полководческое искусство Наполеона в отдельных кампаниях, не переиздавались 50—60 лет и потому сегодня практически не доступны массовому читателю.

С моей точки зрения, в этом вопросе возник своего рода вакуум, который я и попытался заполнить в меру своих скромных сил. Мне хотелось проследить весь боевой путь Наполеона от курсанта до императора, собрать в одной книге описание всех его кампаний и сражений, рассказать о его победах и неудачах, показать взлеты и падения его таланта стратега, остановиться на ошибках и гениальных прозрениях.

То, что получилось, ни в коем случае нельзя рассматривать как учебник или научную монографию. Эта книга — военно-популярного жанра, того жанра, который в годы советской власти просто не существовал.

Владимир Бешанов

Рождение полководца. 1769—1793 годы

Я рожден быть солдатом...

Наполеон

Наполеон Бонапарт уроженец города Аяччо, что на острове Корсика, второй сын мелкопоместного дворянина Карло-Мариі Буонапарте и его супруги Летиции, в девичестве Рамолино, появился на свет 15 августа 1769 года, три месяца спустя после завоевания Корсики французами.

Характер мальчика с раннего детства оказался нетерпеливым и беспокойным. «Ничто мне не импонировало, — вспоминал он впоследствии, — я был склонен к ссорам и дракам, я никого не боялся. Одного я бил, другого царапал, и все меня боялись». Мать любила его, но воспитание, как и другим своим детям, дала довольно суровое. Жили экономно, но нужды семья не испытывала. Отец, человек добрый и слабохарактерный, имел небольшую адвокатскую практику. Истинным главой семьи была Летиция, твердая, строгая, трудолюбивая женщина. Любовь к труду и порядку Наполеон унаследовал именно от нее.

В 1779 году, после больших хлопот, отцу удалось отвезти двух старших детей — Жозефа и Наполеона — во Францию и поместить их в Отенский колледж, а весной того же года десятилетний Наполеон был переведен на казенную стипендию в Бриеннское военное училище. Учился он превосходно, прекрасно знал историю, увлекался математикой и географией.

В октябре 1784 года, в 15 лет, Наполеон с успехом окончил курс и перешел в Парижскую военную школу, откуда уже выпускались офицеры в армию. Здесь были собраны лучшие преподаватели, среди них — знаменитый математик Гаспар Монж и астроном Пьер Лаплас.

Наполеон с жадностью слушал лекции и много читал. Но в феврале 1785 года случилось несчастье: от рака желудка скончался его отец. Семья осталась почти без средств, и шестнадцатилетний юнкер взял на себя заботу о мате-

Наполеон Бонапарт.

ри, братьях и сестрах. После годичного пребывания в военной школе он вышел 30 октября 1785 года в армию с чином подпоручика и отправился в полк, стоявший на

юге, в городе Валансе. Молодому офицеру жилось трудно. Большую часть жалованья он отсылал матери, оставляя себе только на самое скудное пропитание. Вечерами он упорно занимался самообразованием.

В сентябре 1786 года Наполеон испросил себе длительный отпуск и уехал в Аяччо, на родину, устроить материальные дела своей семьи. Вернувшись с Корсики в июне 1788 года, он вскоре со своим полком был отправлен в Оксонн. Уже в этот ранний период в нем проявилась способность к долгому размышлению, к упорному умственному труду.

В зрелости Наполеон упоминал о своей гениальности часто с иронией, зато о работе говорил всегда с большой серьезностью. Он гордился своей колоссальной работоспособностью больше, чем какими бы то ни было другими дарами, которыми наделила его природа. Энергия Наполеона и вправду была поразительной. В годы юности Бонапарт вставал в 4 часа утра и сразу же принимался за работу. Он считал, что каждый офицер должен уметь выполнять на службе то же, что делает любой солдат, и в своей батарее сам подавал тому пример. Во время учений, а позже в походах он шел пешком вместе с солдатами в любую погоду.

В эти годы жизни Наполеона бросается в глаза одна черта: полное подчинение страстей и желаний воле и рассудку. Он живет впроголодь, избегает общества, отказывает себе в развлечениях, работает без устали, сидит за книгами все свободное время. Он был ревностным офицером, прекрасно знавшим свое дело, в особенности тайны артиллерийского искусства.

Наполеон еще не успел конкретно сформулировать свои планы на будущее, когда в 1789 году грянула Великая французская революция. Двадцатилетнему офицеру Наполеону не приходилось раздумывать над тем, принимать или не принимать революцию. Происходившие перемены давали шанс мелкопоместному провинциалу с далекого острова подняться вверх по социальной лестнице не в силу происхождения, а благодаря своим личным качествам и способностям. Честолюбивый, мечтавший о карьере, славе и власти, Наполеон сознавал, что только революция может открыть ему дорогу.

Сначала он решил сделать карьеру на родине. Спустя два с половиной месяца после штурма Бастилии Наполеон отпросился в отпуск и уехал на Корсику, где немедленно объявил себя сторонником возвратившегося из изгнания лидера корсиканских сепаратистов Паоли. Но тот отнесся к молодому лейтенанту холодно, а очень скоро обнаружилось, что им и вовсе не по пути. Паоли желал совершенно освободить остров от французского владычества, а Бонапарт считал, что революция открывает новые пути для развития Корсики и для его собственной карьеры.

Пробыв на Корсике несколько месяцев и не добившись никаких результатов, он снова уехал в полк и увез с собой младшего брата Люсьена, чтобы уменьшить расходы матери по дому. Братья поселились в Валансе, куда снова был переведен полк. Бонапарт по-прежнему голодал и много работал, изучая математику, право, философию, военную историю и многое другое. «Я большой любитель анализа... Почему и как — это настолько нужные вопросы, что ими нигде не лишне задаваться».

Он еще дважды побывал на Корсике и окончательно разошелся с Паоли, который в конце концов решил отделить остров от Франции и перейти на сторону англичан. Незадолго до захвата острова британцами в июне 1793 года Наполеону удалось бежать с Корсики и увезти с собой мать и всю семью. Едва они скрылись, как их дом был разграблен сепаратистами.

Начались годы тяжелейшей нужды. Большая семья была совсем разорена, и уже капитану Бонапарту пришлось содержать мать и семерых братьев и сестер. Кое-как он их устроил сначала в Тулоне, потом в Марселе. Потянулась трудная и скудная жизнь, месяцы проходили, не принося никакого просвета. И вдруг служебная рутина закончилась самым неожиданным образом...

Тулон. Сентябрь–декабрь 1793 года

С этой осады утвердилась репутация Наполеона. Все генералы, народные представители и солдаты, знавшие о мнениях, которые он высказывал... все те, кто были свидетелями его деятельности, предрекали ему ту военную карьеру, которую он потом сделал

Наполеон. Осада Тулона

Летом 1793 года Французская республика переживала критический момент. Армии интервентов на всех фронтах перешли в наступление, Бельгия была потеряна, испанцы просачивались через горы, в Вандее усиливалась прокоролевская коалиция. Внутренняя контрреволюция смыкалась с внешней. Роялисты, фельяны, жирондисты объединялись для свержения якобинской власти. Вся Европа — Англия, Пруссия, Австрия, Голландия, Испания, германские и итальянские государства — сплотилась в могущественную контрреволюционную коалицию. 22 августа 1793 года роялисты Тулона изгнали или перебили представителей революционной власти и призвали на помощь крейсировавший в западной части Средиземного моря английский флот. Британская эскадра вошла на Тулонский рейд и высадила 5-тысячный десант. Над городом поднялось белое знамя Бурбонов. Позднее на помощь мятежникам прибыли морем испанские, неаполитанские и пьемонтские войска. К концу сентября гарнизон Тулона насчитывал уже 14 000 солдат.

Революционная армия осадил город с суши. Для проведения операции из Альпийской армии была выделена дивизия Карто в 12 000 человек и из Итальянской армии — дивизия Лапуапа в 6000 человек. Главнокомандующим осадными войсками Конвент назначил генерала Карто. Осада шла вяло и неуспешно. Политическим руководителем армии, усмирявшей восстание роялистов, был знакомый Бонапарта корсиканец Саличетти, вместе с ним выступавший против Паоли. И когда на прием к комиссару Конвента явился молодой капитан Бонапарт,

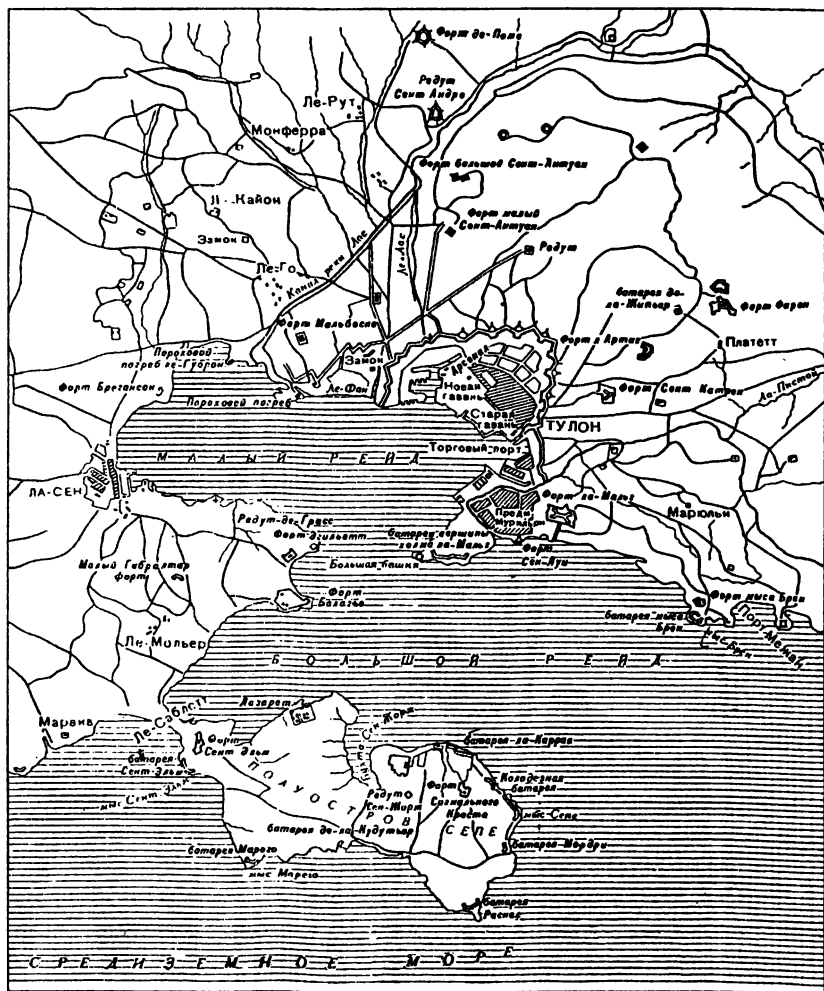
он был встречен радушно. После беседы Саличетти сразу предложил ему ответственное поручение — командовать артиллерией в армии, осаждавшей Тулон. В начале сентября назначение состоялось.

Так началось восхождение Наполеона Бонапарта. К Тулону были прикованы взоры всей Франции. Битва за него имела не только военное значение — это было, прежде всего, политическое сражение, республика не могла его проиграть. Саличетти представил Бонапарта депутатам Конвента: Гаспарену, младшему Робеспьеру, генералу Карто.

Карто был сорокадвухлетний здоровяк, в прошлом — драгун, затем — художник, занимавшийся батальной живописью. Он не имел ни военного, ни какого-либо иного образования и восполнял его отсутствием крайней самоуверенностью и «революционным сознанием». По случайному стечению обстоятельств, возможному только в такое бурное время, он за три месяца дослужился от полковника до дивизионного генерала, а затем командующего армией. С точки зрения Бонапарта, Карто «ничего не понимал ни в крепостях, ни в осадном деле». Карто хвастливо рассказывал Бонапарту о своем плане взятия Тулона и повез его с собой осматривать позиции. Все увиденное и услышанное показалось Наполеону смехотворным. По его мнению, за 24 дня со дня начала осады не было сделано ровным счетом ничего.

Вся артиллерия армии состояла из двух полевых батарей, трех батарей конной артиллерии и из восьми 24-фунтовых пушек, взятых из морского арсенала. Бонапарт должен был начинать с азов — с создания осадного парка. Он немедленно принялся за дело, изумляя всех энергией, с которой собирал под Тулоном пушки, рассеянные по всему побережью. Спустя шесть недель здесь насчитывалось более ста тяжелых орудий — дальнобойных мортир, 24-фунтовых пушек и достаточное количество боеприпасов к ним. На самом берегу моря по приказу начальника артиллерии были построены две батареи, названные батареями Горы и Санкюлотов. Именно их огонь очень скоро вынудил корабли противника очистить малый рейд.

В конце сентября осаждавшие собрали военный совет для решения вопроса о том, с какой стороны вести главную атаку города — с восточной или с западной. Общее мнение было следующим: атаковать следует с запада и здесь сосредоточить главный осадный парк. С восточной стороны Тулон был прикрыт фортами Фарон и Ла-Мальг, с западной же находился только один форт Мальбоске, представлявший собой лишь простое полевое ук-

Крепость Тулон.

репление. Майор Бонапарт предложил совершенно другой план — не штурмовать город с суши, а заставить английскую эскадру покинуть Тулонский рейд, что неизбежно повлекло бы за собой эвакуацию иностранных войск. В этом случае крепость пала бы сама.

Эта задача, по его замыслу, возлагалась на артиллерию, которая должна была быть поставлена в долговременных укреплениях, возведенных на полуострове, разделявшем рейд на две части. Нужно было установить всего две 44-пушечных батареи: одну на оконечности мыса Эгильетт, а другую — на мысе Балагье, что давало возможность обстреливать английскую эскадру в любой точке рейда.

План мог показаться на первый взгляд слишком простым. Но именно в этой простоте и была его неотразимая сила. Трудность заключалась в Карто. С надменностью невежды он считал свое мнение непререкаемым.

Самое смешное, что Бонапарт выдвигал свой план на третий день по прибытии в армию, когда полуостров еще даже не был занят противником, но Карто не понял идеи. Зато значение полуострова быстро оценили англичане и вскоре, высадив десант, возвели на его вершине форт, который получил название Малый Гибралтар и защищался 4-тысячным гарнизоном. К концу октября противник настолько укрепился, что об атаке нельзя было и думать.

Теперь нужно было ставить хорошие батареи, чтобы смести возведенные противником укрепления и заставить замолчать артиллерию форта. И все равно, именно в этом пункте Бонапарт видел уязвимое место всей обороны Тулона. Но у командующего была масса собственных идей, от которых начальник артиллерии зеленел от злости: Карто, ни с кем не советуясь, переставлял батареи под влиянием какой-нибудь внезапно пришедшей в голову мысли или выдвигал постоянно меняющиеся проекты; однажды в отсутствие Бонапарта он приказал убрать сильно досаждавшую англичанам батарею Горы под тем предлогом, что канониры несут здесь слишком большие потери.

Наконец Бонапарт представил депутату Конвента Гаспарену доклад, в котором откровенно рассказал о разно-

гласиях с командующим армией и предложил свой план действий, сопровождая его советами общего вида: «Артиллерийский огонь необходимо всегда направлять в одну точку. Когда брешь в обороне противника пробита, соотношение его сил нарушается, сопротивление становится тщетным, и его территория отвоевана. Чтобы выжить, нужно дробить свои силы, чтобы атаковать, нужно их объединять. Без единства в командовании победы не видать». Как кадровый военный Гаспарен во всем согласился с Бонапартом и послал курьера в Париж. Карто был смещен и отозван.

Пока решался вопрос о назначении нового командующего осадной армией, майор Бонапарт установил напротив форта Малый Гибралтар девять мощных батарей. Канонада происходила ежедневно. Ее целью было замедлить работу противника над еще большим усилением своих укреплений. Огонь был весьма эффективен, о чем свидетельствовала предпринятая противником 8 ноября вылазка. Она была отбита, но одну батарею осажденные успели захватить и заклепали орудия.

10 ноября прибыл новый главнокомандующий — Доппе. Он был медиком по образованию и беллетристом по призванию — до революции сочинял романы и мемуары. Теперь он повсюду вынюхивал заговоры аристократов и выявлял в армии «врагов народа». Как вспоминал Наполеон, «он был медик, савоец, умнее чем Карто, но такой же невежда в области военного искусства; это был один из корифеев якобинцев, враг всех людей, у которых замечался какой-либо талант». В операции под Тулоном литературные навыки Доппе помочь не могли, и через десять дней он был отрешен от должности. Правда, в этот краткий период его командования едва не был взят Малый Гибралтар, когда отдельные стычки между защитниками форта и осаждающими стихийно вдруг переросли в нешуточное сражение. Но в разгар штурма Доппе велел отступить, когда рядом с ним убило адъютанта. Это произошло в самый решающий момент, солдаты рвались в бой, и Бонапарт был уверен, что победа осталась бы за французами, если бы не эта грубая ошибка командующего. Сам начальник артиллерии шел впереди атакующей колонны и его ранило в ногу. Рядовые солдаты тоже бы-

ли возмущены и кричали: «Пришлите нам настоящего командующего!»

Наконец 20 ноября командующим был назначен генерал Дюгомье, опытный боевой командир, имевший 40-летний стаж военной службы и обладавший «всеми качествами старого воина». Осадная армия к этому времени насчитывала 30 000 человек, но толку пока не было никакого. Дюгомье разглядел Бонапарта среди других офицеров, несколько раз беседовал с ним и проникся доверием. На военном совете 25 ноября план Бонапарта утвердили. Теперь можно было от слов переходить к делу.

Между тем затянувшаяся осада осложняла внутривойсковое положение. В связи с захватом важного для юга Франции стратегического Тулонского порта в провинции Прованс стал ощущаться недостаток продовольствия. Поэтому эта часть страны возлагала надежды на скорое падение Тулона, тогда как за четыре месяца осады было обстреляно, по слухам, лишь одно полевое укрепление, расположенное в стороне от крепостных фортов. Все усилия осаждавших предпринимались в направлении, противоположном городу, и это вызывало всеобщее неодобрение. Полагали, что осада еще даже не начиналась, так как против Тулонских фортов не были даже заложены траншеи. Власти Прованса, находившиеся в Марселе и знавшие о плане осады только по слухам, боялись все усиливающегося голода, предлагали Конвенту снять осаду, очистить Прованс и отступить за реку Дюранс до весны.

Осажденные, видя бессилие противника, также готовились перейти к активным действиям и строили все более далеко идущие планы. Командовавший гарнизоном генерал О'Хара ожидал подкреплений. Он рассчитывал одержать победу под Тулоном, затем обойти французскую армию в Италии, и, соединившись с пьемонтцами, расположиться на зимние квартиры на реке Дюранс, овладев всем Провансом. 29 ноября О'Хара с 8-тысячным отрядом предпринял крупную вылазку в районе форта Сент-Антуан. После жаркого боя атака была отбита французами, а сам генерал ранен и взят в плен.

Все говорило, что медлить с взятием Тулона более невозможно. В начале декабря к городу прибыл затребо-

ванный Дюгомье из Итальянской армии отборный отряд из 2500 егерей и гренадеров.

14 декабря французские батареи открыли огонь по укреплениям Малого Гибралтара из 15 мортир и 30 крупнокалиберных пушек. Канонада продолжалась день и ночь по 17-е число, до момента штурма. Артиллерия действовала очень результативно: у неприятеля были подбиты несколько орудий, насыпи и палисады форта разворочены. 16-го хлынул проливной дождь и поднялся яростный ветер. Дюгомье хотел отложить атаку, однако Бонапарт считал, что плохая погода не является неблагоприятным обстоятельством. К тому же на командующего заседали комиссары Конвента, «исполненные революционного нетерпения».

Штурм начался в час ночи 17 декабря. Наступление, осуществляемое тремя колоннами (общее количество 7000 солдат), возглавил лично Дюгомье. Атака велась в абсолютной темноте, штурмующие добрались до подножия форта, но здесь были вынуждены залечь под прицельным огнем английских стрелков. Но тут подоспел Бонапарт с резервной колонной, которая и решила дело. Впереди шел капитан Мюирон, превосходно знавший местность. В три часа он сумел через амбразуру проникнуть во вражеский форт, вслед за ним в укрепление вошли французы. К пяти часам утра Малый Гибралтар был в руках республиканцев. Выбитый гарнизон предпринял три контратаки, но все они были отбиты огнем артиллерии. К полудню неприятель был совершенно изгнан французами с полуострова, их потери составили 1000 человек. Остаток дня Бонапарт потратил на оборудование давно им задуманных батарей.

Этот решающий успех predetermined исход осады. Английские и испанские корабли стали сниматься с якорей и покидать рейд Тулона.

В ночь с 17 на 18 декабря французы захватили практически все форты, окружавшие город, и днем вплотную придвинулись к валам крепости. Весь день Тулон обстреливался мортирами. В это время из города началось повальное бегство интервентов и роялистов, море было покрыто шлюпками и малыми судами, спешившими к эс-

кадре, крейсировавшей вне досягаемости артиллерийского огня.

Вечером 18 декабря страшный взрыв возвестил об уничтожении порохового погреба. Вскоре после этого, в десять часов солдаты полковника Червони взломали ворота и ворвались в город. Тулон встретил их тишиной, враг обратился в бегство. Армия республиканцев победительницей вступила в крепость.

Весть о взятии Тулона в тот момент, когда этого менее всего ожидали, произвела огромное впечатление на Францию и всю Европу. 25 декабря Конвент устроил по этому поводу национальный праздник. Тулон действительно был крупной победой — его взятие обещало скорую ликвидацию роялистской контрреволюции на всем юге. Конечно, она не решала исход войны, но это была первая большая победа над объединенными силами иностранной коалиции. Этой победы удалось достичь в значительной мере благодаря тому, что был принят смелый, замечательный своей простотой и ясностью план операции, предложенный Бонапартом — он умело определил географический пункт, овладение которым привело к успешному разрешению задачи в целом.

Бонапарт под Тулоном обнаружил не только полководческий талант, но и воодушевлявшую солдат личную храбрость. Под ним была убита лошадь, ему прокололи штыком ногу, он получил контузию, но ничего не могло остановить его наступательного порыва. «Я не нахожу подходящих выражений, чтобы обрисовать заслуги Бонапарта, — писал генерал дю Тейль военному министру, — глубина научного подхода, такая же глубина понимания и еще больше храбрости — вот слабое представление о достоинствах этого редкого офицера». Огромная роль Бонапарта в расположении орудий, в искусстве ведения осады и, наконец, в решающий миг штурма была ясно видна всему осадному корпусу.

22 декабря 1793 года Робеспьер-младший и Саличетти своей властью комиссаров Конвента присвоил Бонапарту звание бригадного генерала. Это решение в феврале было утверждено правительством. Наполеону Бонапарту было двадцать четыре года. После пяти лет неудач в его судьбе наступил поворот. Несмотря на обилие гран-

диозных сражений, с которыми будет связана дальнейшая деятельность Наполеона, Тулонская победа, при всей своей сравнительной скромности, заняла в напо-

Наполеон Бонапарт.

леоновской эпопее совсем особое место: он впервые обратил на себя внимание, о нем впервые узнали в Париже.

В дни Тулона вокруг Бонапарта начала складываться немногочисленная группа молодых офицеров, уверовавших в его счастливую звезду. Сначала их было четверо: Жюно, Мюирон, Мармон и Дюрок.

Весна 1794 года стала для Бонапарта весной надежд.

13 вандемьера — 5 октября 1795 года

Какой трус! Как можно было впустить этих каналий! Надо было смести пушками 500—600 человек, — остальные разбежались бы.

Лейтенант Бонапарт о Людовике XVI

Весной и в начале лета 1794 года комиссары Конвента на юге готовили вторжение в Пьемонт (Северная Италия), чтобы оттуда угрожать Австрии. Комитет общественного спасения колебался, Карно в то время был против этого плана. Влияя через Огюстена Робеспьера, Бонапарт мог надеяться на осуществление этой своей мечты: принять участие в завоевании Италии. Сама мысль об этом была еще необычной для французского правительства: идея защищаться от интервенции не обороной от контрреволюционной Европы, а прямым нападением на последнюю казалась дерзкой.

Планам Бонапарта не суждено было осуществиться в 1794 году. Внезапная, абсолютно непредвиденная политическая катастрофа перевернула все вверх дном. Из Парижа пришло известие об аресте 9 термидора (27 июля) прямо на заседании Конвента Максимильена Робеспьера и его брата Огюстена, Сен-Жюста, Кутона, их приверженцев и казни всех без суда на другой день, в силу простого объявления вне закона. Гильотина уничтожала своих творцов.

Немедленно по всей Франции начались аресты лиц, близких к бывшим деятелям павшего правительства. Генерал Бонапарт был арестован 10 августа. Через две не-

дели заключения его отпустили. Наполеону повезло, его ни в чем не обвинили, но выйдя из тюрьмы, он сразу убедился, что времена переменились и что его счастливо начатая карьера приостановилась. Новые люди относились к нему с подозрением, да и знали его очень мало. Тулонский подвиг уже был забыт или во всяком случае расценивался не так высоко, как прежде.

Для Бонапарта опять наступил период материальной нужды. 25-летний генерал в отставке без всяких средств невесело просуществовал трудную зиму и весну 1795 года, обивая пороги военного министерства. Наконец в августе он оказался зачисленным как генерал артиллерии в топографическое отделение Комитета общественного спасения. Это был прообраз генерального штаба, созданный Карно. В топографическом отделении Бонапарт составлял «инструкции» для Итальянской армии республики, которая вела операции в Пьемонте. Должность не давала большого заработка, существование было полуничтожным. «Я был в то время тощим, как пергамент», — вспоминал Наполеон.

И тут судьба еще раз выручила его: снова он понадобился Французской республике и опять против тех же врагов, что и в Тулоне.

1795 год был одним из решающих в истории Великой французской революции. Термидорианский Конвент, покончив с якобинской диктатурой, неуклонно продвигался в политическом смысле вправо. 9 термидора стало победой новой буржуазии, выросшей и разбогатевшей за годы революции и установившей свое полное господство, чтобы беспрепятственно воспользоваться всеми приобретенными благами.

Последовавшие вслед за этим подавления восстаний рабочих предместий в жерминале и прериале, разгул правого террора воскресили надежды монархической части буржуазии и дворянства: роялисты предположили, что их время пришло. Но это было ошибкой. Сломившая парижскую плебейскую массу буржуазия вовсе не за тем разрушала рабочие кварталы, чтобы облегчить возвращение на французский престол брата казненного короля — графа Прованского. Роялисты не хотели и не могли понять, что в 1789–1795 годах феодализм рухнул

окончательно и уже никогда не вернется, что вследствие буржуазной революции возникла непреодолимая пропасть между старым и новым периодом истории Франции, и что их реставрационные идеи чужды большинству городской и сельской буржуазии.

Новая конституция, обсуждавшаяся летом 1795 года, хотя и сохранила во Франции республиканский строй, но отменяла всеобщее избирательное право, установив высокий избирательный ценз, две палаты вместо одной и исполнительную власть — Директорию, наделенную весьма широкими правами. Творцы новой конституции создавали новую страну — «страну, управляемую собственниками». Роялисты, не без основания, считали, что подобная избирательная система обеспечит им большинство в будущих собраниях и возможность «законного» восстановления монархии. Но такую перспективу учитывали и термидорианцы. Чтобы не допустить преобладания роялистов в будущих законодательных органах и прочно удержать за собой власть, Конвент постановил, что две трети состава будущих законодательных собраний должны быть избраны из числа депутатов Конвента.

Надежды роялистов на легкий конституционный путь к реставрации монархии рухнули. Декрет о «двух третях» вызвал их ярость. В столице было много сторонников монархии, хорошо вооруженных и научившихся за бурные годы обращаться с оружием. Немало роялистов насчитывалось и среди офицеров Парижского гарнизона. На этот раз выступление против произвольных декретов готовы были поддержать и представители крупной финансовой буржуазии, и часть центральных секций Парижа. Все это делало положение Конвента особенно опасным.

В начале октября заговорщики решили, что час действия пробил: в этом месяце вступала в силу новая конституция, медлить больше было нельзя. 11 вандемьера в Конvente узнали, что в секции Лепелетье собираются враждебные силы, что в зале Французского театра происходят незаконные собрания, идет мобилизация недовольных. На стороне мятежников была и Национальная гвардия. Конвент объявил свои заседания непрерывны-

ми и поручил генералу Мену силой оружия восстановить порядок в столице.

Мену не спешил. Вместо того чтобы выполнять приказ Конвента, он вступил 12-го числа в переговоры с мятежниками, настойчиво намекая, что склонен идти на уступки. Его поняли, и обе стороны договорились отступить, не прибегая к оружию, а Мену первым отдал приказ подчиненным ему войскам.

Пока войска гарнизона отступали, роялисты собрали свои силы и быстро организовались. Во главе мятежников встал Рише де Серизи, главнокомандующим был назначен генерал Даникан, его помощником — Лафон, недавно вернувшийся из эмиграции. Пассивность Мену позволила роялистам добиться значительного численного превосходства над силами термидорианского Конвента. Роялисты располагали примерно 25 000 человек, и это было вчетверо больше, чем у правительства. По столице разнеслась весть, что Конвент оказывается от борьбы, что можно будет обойтись без сражения на улицах — войска уводятся в казармы, а город находится во власти восставших.

Но ликование оказалось преждевременным, Конвент решил сражаться. Немедленно в ночь на 13 вандемьера генерал Мену был отставлен от должности и арестован. Затем Конвент назначил одного из главных деятелей 9 термидора Барраса главным начальником всех вооруженных сил Парижа. Обстоятельства требовали решительных действий, потому что возмущившиеся секции, узнав об аресте Мену и поняв, что Конвент решил бороться, с поспешностью стали собираться на прилегающих к дворцу Тюильри улицах и готовиться к утреннему бою. Их победа казалась всем несомненной, но они плохо рассчитали.

При всех пороках и недостатках Барраса, ему нельзя было отказать ни в энергии, ни в решительности. Однако военного дела он не знал. В такой опасной обстановке Баррас привлек на помощь ряд генералов, в том числе и Бонапарта, наряду с Брюном, Карто и др. Таким образом, Бонапарт, находившийся столько времени не у дел, неожиданно оказался в самом центре стремительно развертывавшихся событий. Он не долго раздумывал, при-

нять ли предложение Барраса, и быстро просчитал, какова будет выгода. Наполеон согласился выступить на стороне Конвента, поставив одно условие: чтобы никто не вмешивался в его распоряжения.

Положение было действительно трудным. Противник располагал превосходством в силах и готовил решающую атаку на дворец Конвента, а 5000 солдат в распоряжении правительства — этого было явно недостаточно, чтобы противостоять мощным силам мятежников. Решение напрашивалось само собой. Устранить численное превосходство противника можно было лишь прибегнув к самому сильному средству ведения боя — артиллерии. Бонапарт понял, что победы добьется та сторона, у которой будут пушки. Но орудия находились в нескольких километрах от Тюильри, в Саблонском лагере.

Был час ночи, и шел проливной дождь, когда Бонапарт отдал приказ командиру эскадрона 21-го стрелкового полка со своими солдатами и тремястами лошадьми как можно быстрее пробиться в Саблонский лагерь, взять пушки и привезти их в Тюильри. Задача была не простой, так как надо было пройти через территорию города, занятого мятежниками, и следовало опасаться, что роялисты так же попытаются завладеть артиллерией. Молодой командир, охотно принявший этот приказ, выполнил его блестяще. Он промчался вихрем со своим эскадром по улицам ночного Парижа, сшибая и опрокидывая все встречавшиеся на пути патрули, отбросил прибывшую раньше него в Саблонский парк колонну противника, овладел пушками и в шесть часов утра доставил в Тюильрийский парк 40 орудий.

Молодого офицера звали Иоахим Мюрат. Бонапарт сразу оценил его храбрость и энергию. Таких людей он замечал мгновенно и старался удержать подле себя. Он назначил Мюрата своим адъютантом, и с этой ночи их пути соединились на двадцать лет.

Наступил исторический день — 13 вандемьера, сыгравший в жизни Наполеона гораздо большую роль, чем взятие Тулона. Утром солдаты правительственных войск, защищавшие резиденцию Конвента, стали получать лаконичные, деловые приказы, определявшие новое расположение частей и орудий. Тьебо, в ту пору ка-

питан, позднее генерал и барон империи, оставил колоритную зарисовку первого впечатления, произведенного на него в то памятное утро незнакомым генералом: «Небрежность его туалета, длинные свисающие волосы, ветхость одеяния подчеркивали крайнюю нужду, но, несмотря на опалу, на двадцать шесть лет, на общий столб, неимпозантный внешний вид... с этого дня он стал подниматься в общественном мнении...»

Бонапарт нашел простейшее решение. В ту пору еще не было многих мостов через Сену, соединяющих ныне левый берег с правым. Карто прочно удерживал Новый мост, и, следовательно, не приходилось опасаться угрозы с левого берега. Это позволило Бонапарту расположить основную массу орудий в направлении Пале-Рояль, откуда, как он предполагал, начнется главная атака.

Он ждал, когда мятежники сконцентрируют для наступления крупные силы; в условиях уличной войны иначе и быть не могло. И действительно, когда у церкви Святого Ро-

Иоаким Мюрат (1767–1815), маршал Франции, король Неаполитанский.

ха скопились значительные силы противника, готовые идти на штурм, им навстречу загремела артиллерия Бонапарта. Мятежники отвечали ружейной пальбой, но время было упущено. У них была возможность ночью захватить пушки, которые теперь несколькими залпами решили исход сражения. К середине дня все было кончено. На улицах лежали сотни убитых и раненых, остальные разбежались в разные стороны. Бонапарт сказал своему другу Жюно: «Если бы эти молодцы дали мне начальство над ними, как бы у меня полетели на воздух все

члены Конвента!» В письме брату Бонапарт так описывал этот день: «Наконец-то все позади... Мы выставили войска, противник атаковал нас у Тюильри, мы уложили кучу народа и сами потеряли 30 человек убитыми и 60 ранеными. Их сотни мы разоружили, сейчас все спокойно... На мне, как всегда, ни царапины».

Вечером Баррас поблагодарил молодого генерала и настоял, чтобы Бонапарт был назначен командующим военными силами тыла. В этом угрюмом, хмуром молодом человеке и Баррасу, и другим руководящим деятелям очень импонировала та полная бестрепетность и быстрая решимость, с которой Бонапарт пошел на такую меру, как стрельба из пушек среди города в самую гущу толпы. Но для самого Бонапарта в этом не было ничего исключительного. Он считал, что если дело дошло до битвы, нужно вырывать победу, чего бы это ни стоило. Этому правила Наполеон придерживался везде без исключения. Полная беспощадность в борьбе была его характерной чертой. «Во мне живут два разных человека: человек головы и человек сердца. Не думайте, что у меня нет чувствительного сердца. Я даже довольно добрый человек. Но с ранней моей юности я старался заставить молчать эту струну, которая теперь не издает у меня уже никакого звука» — так он говорил в одну из редких минут откровенности.

День 13 вандемьера сделал имя Бонапарта не только известным в военных кругах, где его отчасти уже знали по Тулону, но и во всех слоях общества, где до той поры о нем не слыхивали. На него стали смотреть как на человека очень большой распорядительности, быстрой сметливости, твердой решимости.

4 брюмера Бонапарт был произведен в дивизионные генералы и почти одновременно назначен сначала заместителем, а затем главнокомандующим внутренней армией Парижа, то есть гарнизоном столицы. Политики, завладевшие властью, и во главе их — Баррас, сделавшийся сразу самым влиятельным из директоров, взирали на генерала благосклонно. Они полагали, что на него и впредь можно положиться в том случае, если понадобится пустить в ход военную силу против тех или иных народных волнений.

Но сам Бонапарт мечтал о другом. Он стал влиятельным человеком, времена нищеты навсегда прошли, но его не прельщала перспектива быть исполнителем воли Барраса и нести фактически полицейскую службу. Его тянуло на театр военных действий, он мечтал о самостоятельном командовании одной из армий Французской республики. Артиллерийский офицер, дороживший своей профессией, не мог не чувствовать, что занимаемая им высокая должность уводит его все дальше от похода в Италию, к которому он давно стремился.

Итальянский поход. 1796—1797 годы

Солдаты, вы раздеты, плохо питаетесь, правительство вам много задолжало и ничего не может дать... Я хочу повести вас в самые плодородные равнины мира.

*Генерал Бонапарт.
Из обращения к Итальянской армии*

Наступил 1796 год — звездный год Бонапарта! Продолжалась война Франции с первой коалицией европейских государств. Директория планировала наступательную кампанию против австрийцев, главным местом предстоящих сражений считалась Западная и Юго-Западная Германия, через которую французы в дальнейшем будут пытаться вторгнуться в исконно австрийские владения. В этом походе Директория предполагала использовать лучшие войска и самых выдающихся стратегов. На берегах Рейна к решающему удару готовились две армии под командованием генералов Жана Журдана и Жана Моро общей численностью около 155 000 человек. Их задача состояла в том, чтобы нанести решающее поражение австрийцам в Южной Германии и проложить дорогу на Вену. Для этих армий не жалели средств, снаряжения; их обоз был прекрасно организован, на их действия французское правительство возлагало большие надежды.

В это время командующий войсками Парижского гарнизона Бонапарт составил «Записку об Итальянской армии», в которой предложил из Южной Франции вторгнуться в Северную Италию, чтобы отвлечь силы коалиции от германского театра военных действий и этим обеспечить успешные действия главных сил. Эти предложения были приняты Директорией и отправлены к исполнению генералу Шереру, командовавшему в то время Итальянской армией. Но Шереру план не понравил-

ся — уж он-то знал состояние своих войск. «Пусть его выполняет тот, кто его составил» — так Шерер оценил план и тут же отправился в отставку. И вот, когда возник вопрос, кого же назначить главнокомандующим на этом второстепенном участке фронта, Карно назвал Бонапарта. Остальные директора легко согласились, потому что никто из более известных генералов этого назначения не добивался.

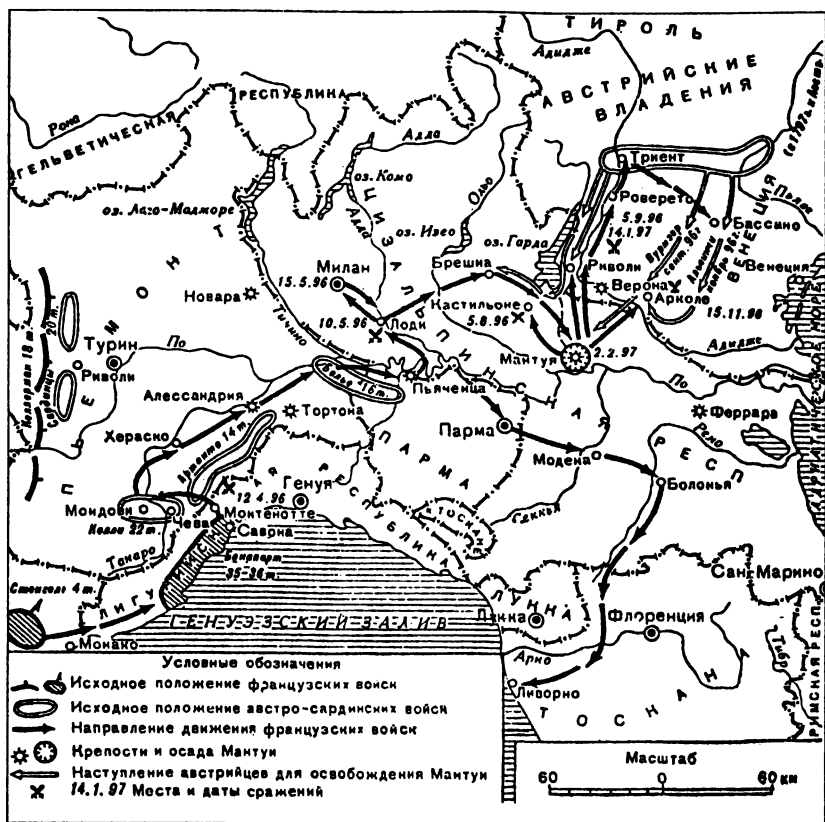
2 марта 1796 года Бонапарт был назначен командующим Итальянской армией. Его мечта сбылась — он получил, наконец, самостоятельную должность. Уже 11 марта, через три дня после собственной свадьбы, новый главнокомандующий помчался к месту назначения.

Таким образом, откорректированный и принятый Директорией план войны с коалицией теперь предусматривал одновременные действия на двух театрах. Армии Журдана и Моро должны были войти в Южную Германию в обход Швардцвальда с юга и с севера, следуя по долинам Майна и Дуная. Итальянской армии была поставлена задача захватить Пьемонт и Ломбардию, после чего движением через Тироль и Баварию соединиться с главными силами для занятия Вены. Правда, больших надежд на действия корсиканского «простака» в Париже не возлагали. И уж тем более никто не мог тогда предвидеть, что именно в Италии развернутся решающие события.

К началу марта Итальянская армия располагалась вдоль побережья Генуэзского залива, ее фронт растянулся на 45 километров.

Австро-сардинские войска с конца 1795 года квартировали в Северной Италии. На правом фланге, к западу от Турина, растянут был на фронте протяженностью около 90 километров 20-тысячный сардинский отряд герцога Аостского. Ему противостояла Альпийская армия генерала Франсуа Келлермана, которая прикрывала горные проходы из Пьемонта во Францию. 22-тысячная сардинская армия генерала Л. Колли, включавшая в свой состав 5-тысячный австрийский отряд Провера, располагалась по линии Мондови, Чева. Левее Колли в двух группах дислоцировалась австрийская армия фельдмаршала И. Больё: 14 000 солдат генерала Е. Аржанто были

растянуты на линии Чева—Тортон, а 16 000 генерала Себотендорфа находились в районе Пьяченца, Лоди. Пресловутая кордонная система нашла яркое воплощение в этой диспозиции.

Итальянский поход. 1796–1797 годы.

Был ли у Бонапарта план кампании? Несомненно. С 1794 года он составил несколько тщательно разработанных вариантов наступательных операций в Италии. За два года в совершенстве изучил карту будущего театра военных действий и знал его, по выражению Клаузевица, как «собственный карман». План Бонапарта в главном был прост. Французам противостояли две основные силы: австрийская армия и армия пьемонтского короля.

Задача состояла в том, чтобы разъединить эти силы, нанести решающие удары прежде всего по пьемонтской армии, принудить Пьемонт к миру и затем обрушить всей мощью на австрийцев. Удобные долины давали возможность занять внутреннее положение между группами войск Колли и Больё и разбить их по частям. Итак, план был прост, но на пути его выполнения стояли неисчислимые трудности. Первый сюрприз ждал Бонапарта в Ницце.

Новый главнокомандующий прибыл в Ниццу, в главную ставку Итальянской армии, 27 марта. Генерал Шерер сдал ему дела и ввел в курс дел. Производя смотр войск, Бонапарт имел возможность сразу догадаться, почему никто из знаменитых французских генералов не рвался на этот пост. Армия состояла из четырех действующих пехотных и двух кавалерийских дивизий под командованием генералов Массена, Ожеро, Лагарпа, Серрюрье, Стенжеля и Кильмена. Вся кавалерия состояла из 2 500 человек. Списочный состав армии насчитывал 106 000 солдат, однако из них 70 000 были «мертвыми душами»: пленными, дезертировавшими, умершими, лежали в госпиталях, были переброшены в другие военные округа или переподчинены.

С удивлением Бонапарт понял, что у него имеется всего около 30 000 человек, которые могли бы выступить в поход. Но и они походили скорее на скопище оборванцев. То немногое, что отпускалось на содержание армии правительством, открыто разворовывалось интендантами. Район расположения армии был истощен реквизициями, солдаты — полураздеты и плохо питались. В арсеналах имелось достаточно пушек, но все упряжные лошади пали от голода. Этот развал не мог не сопровождаться упадком дисциплины. Имелись затруднения и личного порядка. Кем был 27-летний Бонапарт, который за всю свою службу не командовал даже полком, в глазах боевых командиров? Выскочкой, салонным генералом, заработавшим эполеты не в сражениях с иностранными армиями, а в гражданской войне с соотечественниками. К тому же он говорил по-французски с сильным корсиканским акцентом, допускал грубые

ошибки в разговорной речи, был худ, невысок ростом — и тут же получил кличку Замухрышка. Бонапарт понимал, что приказами уважения армии не добьешься, потому резко повел борьбу с воровством и за восстановление дисциплины. «Приходится часто расстреливать», — доносил он в Париж Директории.

Но времени на создание настоящих боевых частей уже не было. Откладывать военные действия до того, когда будет наведен порядок в армии, означало фактически пропустить кампанию 1796 года. Бонапарт принял решение, которое и сформулировал в своем первом воззвании к войскам. Ему предстояло труднейшее дело: не только одеть, обуть, дисциплинировать свое войско, но сделать это на ходу, во время самого похода, в промежутках между сражениями. Он не мог и не хотел ждать, ибо это означало лишиться себя единственного шанса на успех, если этот шанс был. Сам Наполеон впоследствии вспоминал об этом времени: «...во французской армии было только 30 000 человек и 30 пушек. Ей противостояли 80 000 человек и 200 пушек. В генеральном сражении численная слабость, недостаток артиллерии не позволили бы ей долго сопротивляться. Следовательно, ей надо было восполнить недостаток численности быстротой переходов, недостаток артиллерии — характером маневрирования, недостаток кавалерии — выбором соответствующих позиций. Лишения, бедность и нищета — школа хорошего солдата».

5 апреля 1796 года, на девятый день после принятия дел новым главнокомандующим, Итальянская армия выступила в поход. Бонапарт выбрал самый короткий, хотя и самый опасный путь. Армия шла по прибрежной кромке приморских Альп, по знаменитому «карнизу», где она в течение всего перехода находилась под пушками крейсировавших у берега английских кораблей. Но зато это позволило обойти горный кряж и намного ускорило движение. Впереди, пешком, в походном мундире шел командующий. Расчет оказался правильным. Командование австро-сардинских войск и мысли не допускало, что французы рискнут на такую дерзость. Через четверо суток самая опасная часть пути осталась позади — 9 апреля французские полки вступили в Италию.

Монтенотте. 12 апреля

Наша родословная идет от Монтенотте.

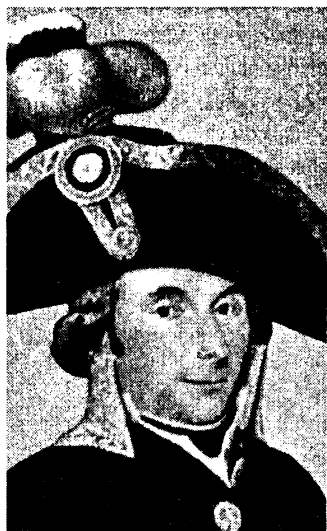
Наполеон

Армия Бонапарта не имела выбора, она могла идти только вперед. Голод подгонял солдат, разутые и раздетые, с тяжелыми ружьями наперевес, внешне скорее напоминавшие орду оборванцев, чем регулярную армию, они могли надеяться только на победу, все иное означало для них гибель.

Сразу после перехода Бонапарт отрядил дивизию генерала Серюрье для наблюдения за позициями Колли около Чевы, а дивизии Лагарпа, Массена и Ожеро сосредоточил в Савоне, изображая намерение двигаться на Геную. Авангард дивизии Лагарпа под командованием генерала Червони продвинулся еще дальше и захватил Вольтри. Эта военная хитрость была прикрыта соответствующей акцией французской дипломатии.

Австрийский главнокомандующий, введенный в заблуждение относительно намерений противника, 11 апреля начал активные действия с целью изгнания французов из Северной Италии. Он перенес свою главную квартиру в Нови и разделил войска на три части. Правый фланг, из пьемонтцев под командованием генерала Колли с главной квартирой в Чеве, получил задачу оборонять линию рек Стура и Танаро. Центр под командой Аржанто двинулся на Монтенотте, чтобы отрезать французскую армию во время ее предполагаемого марша к Генуе, обрушившись на ее левый фланг. Лично 72-летний Больё со своим левым флангом двинулся на Вольтри — спасти Геную. В результате Больё еще более расплыл свои силы. Между его левым флангом и центром не было путей сообщений. Тогда как французская армия, наоборот, была расположена таким образом, что могла сосредоточиться в несколько часов и обрушиться всей силой на отдельные корпуса противника. Именно этого и добивался своей демонстрацией Бонапарт — ситуация созрела. Все, что последовало дальше, историки позже назовут «шесть побед в шесть дней».

Генерал Аржанто, в соответствии с полученным приказом, занял Монтенотте. 11 апреля он выступил на Савону, но был остановлен в горах заслоном полковника Рампона, и в течение всего дня так и не смог взять французского редута. Больё со своей стороны 10 апреля вышел к Генуе и атаковал авангард генерала Червони перед Вольтри. И здесь французы отбили все атаки противника. Бонапарт решил, что наступил подходящий момент для удара по австрийскому центру. Этот удар приводил к полному отрыву войск Колли от армии Больё. Выдвинув дивизию Серюрье к самой Чеве для демонстрации против генерала Колли, Бонапарт в течение суток стянул

Андре Массена (1758–1817), маршал Франции, герцог Риволи и князь Эслингский.

все свои остальные силы к Монтенотте. В ночь на 12 апреля дивизия Лагарпа заняла позиции позади редутов Рампона и приготовилась к фронтальной атаке. Части Червони тайно покинули позиции у Вольтри и присоединились к своей дивизии. Сам Бонапарт с дивизиями Ожеро и Массена вышел через Кадибонский перевал за Монтенотте. С рассветом Аржанто, окруженный со всех сторон, был атакован с фронта Лагарпом, с тыла и флангов — Массена. Поражение австрийцев было полным, их потери составили 2700 человек. Французы захватили 4 знамени, 5 пушек и 2000 пленных. Остатки войск Аржанто в беспорядке отступили к Дего.

В то же самое время Больё вошел в Вольтри, но уже никого там не застал. Только днем 13-го он узнал о поражении под Монтенотте и о выходе французов в Пьемонт. Больё повернул свои войска назад, но ему предстояло идти почти двое суток по плохим дорогам, чтобы вернуться к месту основных событий.

Это была первая победа французов в Итальянской кампании. В Вене были озадачены, но посчитали происшедшее случайностью. Силы коалиции по-прежнему имели двойное количественное превосходство.

Миллезимо и Дего. 13—14 апреля

Искусство горной войны состоит в том, чтобы занимать позиции или на флангах, или в тылу неприятеля и этим ставить его перед необходимостью либо очистить свою позицию без боя... либо выступить и атаковать вас. В горной войне атаковать невыгодно.

Наполеон.

Очерк операций Итальянской армии

После первого поражения пьемонтцы отступили на Миллезимо, а австрийцы на Дего. Эти две позиции имели связь через пьемонтскую бригаду, занимавшую высоты Биестро между ними. В Миллезимо пьемонтцы осадили дорогу, ведущую в Турин. Правый фланг их позиции опирался на холм Коссария, господствовавший над местностью. В Дего австрийцы стояли на позиции, защищающей дорогу в Миланскую область. К ним присоединился и Больё со всеми теми, кого он смог вывести из Вольтри. Таким образом, два основных прохода — в Пьемонт и на Милан были прикрыты. Союзники не торопились. Время работало на них, позволяя еще более укрепиться и получить подкрепления из тылов. Бонапарт, в отличие от противника, ждать не мог. Ему было необходимо непрерывно развивать наступление, расширяя брешь между армиями союзников.

Поэтому уже вечером 13 апреля генерал Пьер Ожеро стремительным ударом выбил противника из миллезимских ущелий и окружил холм Коссария, отрезав на его вершине арьергард в 2000 человек. Командовавший арьергардом генерал Провера забаррикадировался в полуразрушенном замке и удерживал его до темноты, успеш-

но отбивая все атаки французов. С высоты Провера видел правый фланг сардинской армии, готовящийся к битве, и надеялся, что эти войска его выручат.

На следующий день началось сражение между двумя армиями. Утром 14 апреля Ожеро с левым флангом французской армии атаковал Миллезимо, Массена с центром направился на Биестро и Дего, а Лагарп с правым флангом начал обходный маневр. После упорного боя

Пьер Франсуа Шарль Ожеро (1757-1816), маршал Франции, герцог Катильоне.

Массена и Лагарп захватили Дего, а Жубер — высоты Биестро. Все атаки генерала Колли, направленные на освобождение Коссарии, были безрезультатны: он сам был разбит, а его преследователи шли по пятам. Отчаявшийся Провера капитулировал. Множество убитых на поле боя, сдача в плен пяти батальонов, бегство остатков армии — таков результат сражения для союзников. Французы захватили 30 орудий, 15 знамен и 6000 пленных, среди которых были и два генерала.

На следующий день, 15 апреля в 3 часа утра состоялось второе сражение за Дего. В город внезапно ворвалась австрийская гренадерская дивизия генерала Вукасовича, запоздало прибывшая из Вольтри. После двухчасового боя Дего был взят французами снова, а дивизия Вукасовича почти полностью уничтожена или пленена.

С этого момента разделение австрийской и сардинской армий стало ярко выраженным. Больё с остатками своих войск отступил на северо-восток и собирал силы у Акви. Бонапарт его не преследовал, а повернул на запад и пошел на Колли, который теперь не имел никакой связи с австрийской группировкой.

Чева и Мондови. 19—21 апреля

Ганнибал форсировал Альпы, ну а мы их обошли.

Генерал Бонапарт

Хотя путь к Турину был уже открыт, Бонапарта не интересовали географические пункты сами по себе, что как раз являлось очень важным с точки зрения кордонной стратегии. Он оценивал в первую очередь, каково значение разгрома живой силы врага. Оставив в Дего дивизию Лагарпа в виде заслона от Больё, с остальными войсками Бонапарт перешел в наступление на Чеву, где Колли с 13 000 солдат занял позицию в укрепленном лагере. Фронтальная атака французам не удалась, но угроза флангам сардинцев заставила последних, бросив артиллерию, отступить на Сан-Микеле.

20 апреля Бонапарт начал новый обходной маневр, двинув дивизию Серюрье для удара по правому флангу противника, в то время как Массена обходил левый фланг. После нескольких стычек Колли оценил невыгодность создавшегося положения и ночью отошел к Мондови, где успел возвести несколько редутов. Но французы, окрыленные успехом, не ослабляли натиска. 21 апреля они тремя колоннами атаковали Мондови, захватили редуты и вошли в город. Разбитые пьемонтцы, так и не получив никакой помощи от Больё, бежали в Кераско, преследуемые конницей полковника Мюрата. В этом сражении войска Колли потеряли 3000 человек, 10 знамен, 8 орудий, 1500 пленных. Преследуя противника, французы вступили в Кераско, в 40 километрах от Турина. Это был полный разгром. В приказе по армии от 26 апреля Бонапарт писал: «Солдаты, в течение пятнадцати дней вы одержали шесть побед, взяли 21 знамя, 55 пушек, много крепостей и завоевали самую богатую часть Пьемонта, вы захватили 15 000 пленных, вы вывели из строя убитыми и ранеными 10 000 человек. Вы были лишены всего — вы получили все, вы выиграли сражения без пушек, переходили реки без мостов, совершали трудные переходы без обуви, отдыхали без вина и часто без

хлеба. Только фаланги республиканцев, солдаты Свободы способны на такие подвиги!»

Дальнейшее участие в борьбе с французами Сардиния признала бессмысленным и, заключив 28 апреля перемирие с Бонапартом, вышла из коалиции. Французы стали хозяевами всего Пьемонта и всей территории Генуи. 15 мая в Париже был подписан мир. Пьемонт обязывался не пропускать через свою территорию ничьих войск, кроме французских, не заключать отныне ни с кем союзы, уступал Франции графство Ниццу и всю Савойю, а также должен был поставлять французской армии все необходимые ей припасы. Так в кратчайший срок Бонапарт достиг крупного успеха, выполнив план Директории по разрыву австро-сардинского союза и обеспечив себе сообщения с Францией. Что же принесло успех Итальянской армии? Прежде всего, быстрота и маневренность. Такого темпа наступательных операций противник не ожидал. Мармон писал отцу, что он 28 часов не слезал с коня, затем три часа отдыхал и после этого снова 15 часов находился в седле. Молниеносность операций позволила Бонапарту постоянно сохранять инициативу и навязывать противнику свою волю. Будучи слабее союзников по численности армии, французский главнокомандующий действовал сосредоточенными силами против разбросанного на большом фронте противника и в каждом решающем столкновении с ним имел перевес в силах.

Изменилось и состояние его армии. В боях было захвачено много пушек и лошадей. В Кераско французы имели уже 60 орудий с запасом снарядов и упряжками. Солдаты стали регулярно получать продовольствие и звонкую монету. Была восстановлена дисциплина. Со всех сборных пунктов и госпиталей генуэзской Ривьеры через перевалы стало прибывать подкрепление, едва только туда досшел слух о победах и изобилии. Теперь австрийцев, оставшихся в изоляции, можно было преследовать в глубь Ломбардии, а освободившиеся части войск Альпийской армии Келлермана перевести в Италию. Протяженность коммуникации с Парижем сократилась вдвое. Наконец были созданы опорные пункты и артиллерийские склады для формирования осадного парка.

Лоди. 10 мая

Только после Лоди у меня появилась мысль, что я мог бы сделаться, пожалуй, решающим лицом на нашей политической арене. Первая искра честолюбия появилась тогда.

Наполеон

Обеспечив себе тыл со стороны пьемонтской армии, Бонапарт продолжил наступление. Теперь у него остался один враг, но враг могущественный — австрийская армия. Ее превосходство над французской в численности, артиллерии, материальном снабжении продолжало оставаться неоспоримым. Бонапарт должен был по-прежнему действовать в соответствии со своим основным принципом: «Численную слабость возмещать быстротой движений».

Сосредоточив к 3 мая войска в районе Алессандрия, Тортона, Вогера, Валенца, Бонапарт решил переправиться на левый берег реки По и выйти на коммуникации австрийской армии, главные силы которой расположились для обороны на линии Ломелло—Павия. Этот маневр давал возможность быстро покончить с Больё, который мог в случае промедления, усилить свое войско войсками итальянских герцогств, склонных в страхе перед революцией выступить против французов. Поэтому своим ходом Бонапарт одновременно угрожал и герцогствам Парма и Модена, вынуждая их окончательно выявить свое отношение к Французской республике.

7 мая переправилась на пароммах кавалерия и гренадеры Ланна, а через три дня по наведенному у Пьяченцы понтонному мосту перешли остальные войска. Появление Бонапарта в непосредственной близости заставило герцогов Пармы и Модены заключить с ним мирный договор. Верный своему не менее знаменитому принципу, что «война должна кормить себя сама», французский командующий наложил на них огромные контрибуции деньгами, продовольствием и лошадьми. Только Парма вынуждена была выплатить два миллиона франков золотом.

Введенный поначалу в заблуждение демонстративными действиями французов у Валенцы, Больё наконец понял маневр Бонапарта. Опасаясь за свои сообщения, австрийский командующий частично перебросил свои войска в Бельгиозо и Фомбио, но под давлением французов отошел к Лоди. Бросив Павию и Милан на произвол судьбы, Больё переправился на левый берег реки Адда. Для прикрытия отхода он оставил 10-тысячный отряд во главе с генералом Себотендорфом. Австрийский арьергард занимал позицию в Лоди на правом берегу реки, прикрыв дорогу на Кремону.

10 мая Бонапарт с силами 18 000 человек атаковал город и довольно быстро вытеснил австрийцев на левый берег Адды, но переправиться вслед за ними не смог. 20 австрийских орудий на другом берегу буквально сметали картечью все на мосту и вокруг его.

С прибытием подкреплений — войск Массена — Бонапарт решил повторить атаку. По его собственным воспоминаниям, он хотел «в тот же день перейти реку Адда по мосту под огнем неприятеля и изумить его такой смелой операцией». С целью отвлечь австрийцев около 17 часов Наполеон приказал генералу Бомону переправиться с кавалерией через Адду в 2 километрах вверх по течению через броды и произвести диверсию на правом фланге неприятеля. В то же время у моста, на городском валу и по краю правого берега была выставлена вся французская артиллерия, которая начала интенсивный обстрел австрийских позиций. Позади городского вала на берегу Адды Бонапарт укрыл колонну гренадер. Огонь французских батарей вынудил австрийскую пехоту отступить от реки и искать укрытия от сыпавшихся ядер в складках местности. Теперь батальон французских гренадер находился ближе к вражеским пушкам, чем линия австрийской пехоты.

Как только Бонапарт заметил, что огонь противника ослабел, а авангард кавалерии появился на левом берегу, он приказал атаковать. В этот момент Наполеон нашел нужным рискнуть своей жизнью и сам повел солдат в штыковую атаку. Беглым шагом французская колонна перешла через мост, захватила пушки и обрушилась на ли-

нии противника. Разгромленный австрийский аррьергард в беспорядке отошел в Кремону, оставив на месте около 2000 убитых и раненых и 15 пушек. Потери французов составили 200 человек.

В этом сражении Бонапарт окончательно завоевал сердца своих солдат, выказав огромную личную храбрость, и получил от них прозвище Маленький капрал. Но истинное значение Лоди было в другом. Ведь с тактической точки зрения штурм был бессмыслицей. Клаузевиц так объяснил этот феномен: «...штурм моста у Лоди представляется предприятием, которое, с одной стороны, настолько отступает от обычных приемов, с другой — является настолько немотивированным, что невольно возникает вопрос, можно ли найти ему оправдание или же это невозможно». В самом деле, мост длиной в 300 шагов обороняли 7000 солдат и 20 орудий. Была ли надежда на успех? Бонапарт доказал победой оправданность своих действий. Снова Клаузевиц: «Предприятие отважного Бонапарта увенчалось полным успехом... Бесспорно, никакой боевой подвиг не вызвал такого изумления во всей Европе, как эта переправа через Адду... И так, когда говорят, что штурм у Лоди стратегически не мотивирован, так как Бонапарт мог получить этот мост на другой день даром, то имеют ввиду только пространственные отношения стратегии. А разве моральные результаты... не принадлежат стратегии?»

Клаузевиц был прав. Уже 11 марта Бонапарт писал Карно: «Битва при Лоди, мой дорогой Директор, отдала Республике всю Ломбардию... В Ваших расчетах Вы можете исходить из того, как если бы я был в Милане». И это не пустое бахвальство — 15 мая французская армия триумфально вступила в Милан. Столица Ломбардии встретила своих завоевателей цветами и овациями. Господство австрийцев, феодальное болото великих герцогств и карманных королевств опротивело народу. По всей Италии прокатилась волна революционного антифеодального движения, зашаталась троны и устои. Эта поддержка простого населения во многом способствовала потрясшим Европу успехам молодого французского генерала. Значение этой поддержки он в полной мере

сможет оценить в своих будущих походах в Египет, Испанию и Россию.

Тем не менее победители не забыли наложить на Милан дань в 20 миллионов лир. В тех местностях, где население оказывало сопротивление реквизициям, эти выступления жестоко подавлялись, а города и поселки отдавались на разграбление солдатам. Бонапарт не слишком препятствовал грабежам, давая солдатам почувствовать плоды своих побед. Но в целом французская армия, окруженная ореолом революционной романтики и надежд на перемены, встречала восторженный прием у итальянцев. Бонапарт — полководец чистых итальянских корней, с итальянским именем и родным итальянским языком — в глазах миланцев не был французским генералом: он казался им посланцем свободы и равенства.

Победа при Лоди позволила занять всю Ломбардию по линии реки Адда. Часть французских сил двинулась в Тоскану и 29 июня заняла Ливорно, ликвидировав там базу английского флота. Обеспечив свой тыл устройством магазинов по левому берегу реки По, Бонапарт 30 мая перешел через Минчио, отбросил войска Больё и после серии блестящих маневров заставил его уйти в Тироль. 4 июня Бонапарт осадил Мантую. Теперь вся Северная Италия в его руках...

На большом и сложном жизненном пути Наполеона Бонапарта весна 1796 года навсегда осталась самой замечательной страницей. Слава пришла к нему не в дни Тулона и еще менее 13 вандемьера. Она явилась, когда, командуя небольшой армией раздетых и голодных солдат, он словно чудом одну за другой одерживал блистательные победы, заставляя всю Европу повторять неведомое ей ранее имя генерала Бонапарта. Тогда в него уверовали и боевые генералы, и простые солдаты, а он впервые поверил сам в себя: «Именно вечером у Лоди я уверовал в себя как в необыкновенного человека и проникся честолюбием для свершения великих дел, которые до тех пор рисовались мне фантазией».

Именно эту весну двадцать лет спустя на острове Святой Елены экс-император чаще всего любил вспоминать.

Лонато и Кастильоне. 3—5 августа

Надо ввязаться в бой, а там будет видно.

Генерал Бонапарт

Наполеон отлично знал, что Мантуя была ключом к Италии. Раз завладев ею, он уже никогда не выпускал ее из своих рук, пока не расстался со своей короной: а до тех пор владычество над Италией никогда не подвергалось серьезной опасности.

Ф. Энгельс. Военные произведения

«Начиная войну в апреле 1796 года, Бонапарт действовал по тщательно продуманному и отработанному плану. Он рассчитывал. Как в шахматной партии, все варианты, все возможные ходы — свои и противника — до двадцатого хода. Но вот пришла пора, когда 20-й ход был сделан, когда ранее продуманные варианты плана были исчерпаны. Война вступила в новую стадию — в сферу непредвиденного; наступило время импровизаций, время мгновенных, не допускавших отлагательств решений. И тут Бонапарт впервые для себя открыл, что именно эта сфера и есть его стихия, в ней он не имел равных, она приносила наибольшие успехи! Этот 27-летний командующий армией опрокидывал все установившиеся принципы ведения войны».

Итак, Мантуя была ключом к Италии. Гарнизон ее составлял 13 000 человек и имел продовольствия на 2,5 месяца. Считавшаяся неприступной крепость была охвачена с севера и востока озерами, а с юга на запад — поросшими камышом болотами, проходимыми лишь по пяти имевшимся плотинам. Попасть в нее было тяжело, но зато и блокировать можно было горстью людей. Выдвинув дивизию Массена против группы Больё, отошедшей к северу, Бонапарт блокировал Мальту и, получив осадные орудия из Милана и Феррары, приступил к постепенной атаке крепости. Большая часть французских войск встала вдоль реки Адидже, тем самым осуществляя прикрытие осадных операций. Дальнейшие боевые действия

противников в течение восьми месяцев протекали в борьбе за Мантую, которую австрийцы пытались деблокировать.

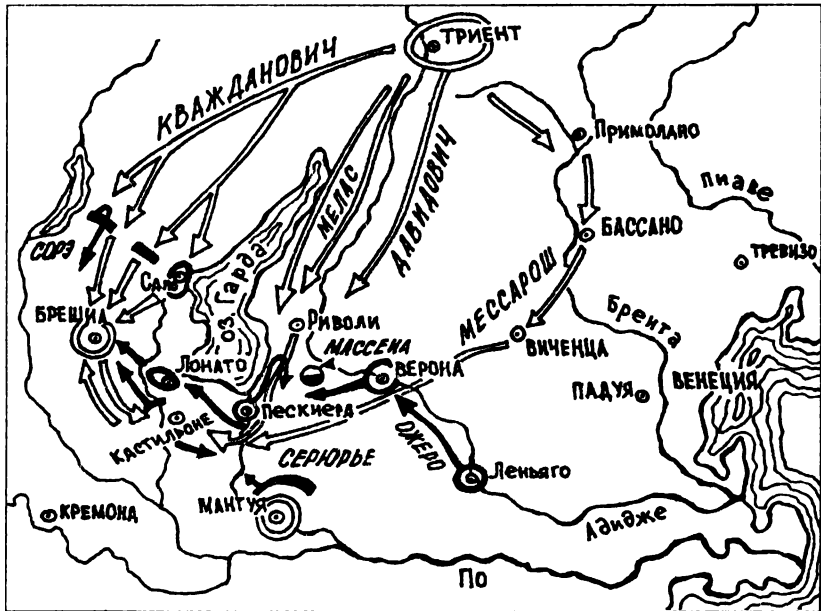
К концу июля армия Бонапарта усилилась до 46 000 человек, кроме 10 000, оставленных в качестве гарнизона в Ломбардии и Пьемонте. Французы были развернуты на широком фронте от Леньяго до Пескиеры. Сообщение с Миланом обеспечивалось вновь сформированной дивизией Соре, наблюдавшей за горными перевалами от Сало и далее. Блокада Мантуи была возложена на дивизию Серюрье — 11 000 солдат. Дивизия убитого в бою Лагарпа была расформирована, и ее личный состав распределен между другими дивизиями.

Вялые действия Журдана на германском фронте дали возможность австрийцам усилить свои войска на итальянском театре военных действий, перебросив сюда армию генерала Вурмзера. Он принял командование над объединенными силами австрийцев, действовавшими против Бонапарта. Помимо заблокированного в Мантуе гарнизона, Вурмзер располагал сосредоточенными у Триента 50 000 человек при 192 орудиях, с которыми он, по указанию гофкригсрата, должен был предпринять наступательную операцию для деблокады крепости и вытеснения французов из Ломбардии.

Вурмзер планировал наступление четырьмя колоннами на широком фронте, имея в виду в дальнейшем соединить их для действия под Мантуей. Колонна генерала Кваждановича (17 000 человек и 52 орудия) должна была наступать западнее озера Гарда с целью перерезать сообщение Бонапарта с Миланом. Колонне Меласа (15 000 человек и 52 орудия) предписано было двигаться восточнее озера в направлении Риволи. Десятитысячная колонна Давидовича, с 60 орудиями, направлялась вдоль левого берега реки Адидже, а колонна Мессароша (5000 человек и 18 орудий) была выдвинута на Бассано и Виценцу в демонстративных целях. Сам Вурмзер следовал с колонной Меласа.

Подготовка австрийцев к наступлению не осталась тайной для Бонапарта, однако намерения их еще не были ясны. 28 июля австрийские колонны начали наступательный марш. Первоначальные действия Кважданови-

ча были успешны. Под натиском противника французы очистили Сало и горные проходы, ведущие в долину реки По, а 30 июля войска Кваждановича уже занимали Брешию. Они перерезали дорогу Милан—Мантуя и передовыми частями продвинулись к Монтепиаро. В дальнейшем Кважданович, наступая на юго-восток, предполагал соединиться с Вурмзером и окружить французов.

Первое наступление Вурмзера. 1796 год.

Для того чтобы задержать движение колонны Вурмзера на главном направлении, Бонапарт послал дивизию Массена. Но Вурмзер отбросил ее. На помощь Массена выдвинулась дивизия Ожеро и тоже была отброшена австрийцами. 29 июля колонна Меласа с боем заняла Ривольское плато. Положение становилось отчаянным для французов, и тут Бонапарт совершил свой маневр, который, по мнению всех военных теоретиков, мог бы сам по себе обеспечить ему бессмертную славу, даже если бы тогда он был убит.

Получив донесения о неудачах у Сало и Риволи, Бонапарт решил в ночь с 30 на 31 июля снять осаду Мантуи и

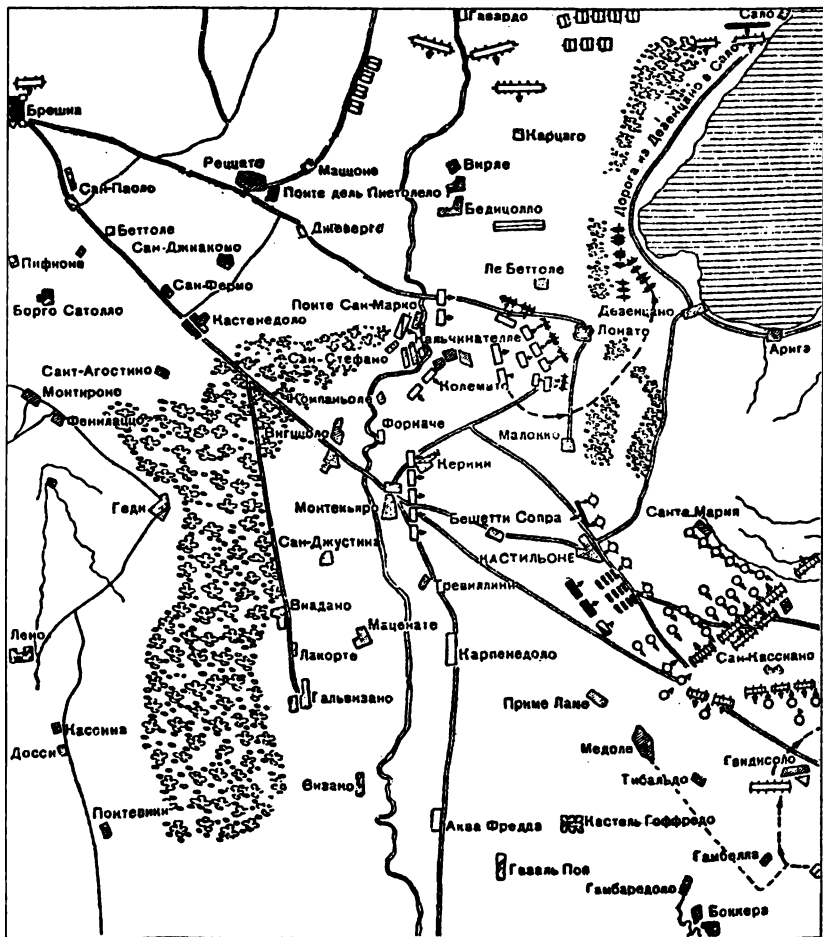
собрать как можно больше сил для нанесения удара по войскам Кваждановича, выставив заслоны против колонны Меласа. Французский командующий начал сосредоточение своих сил у Лонато и Монтекиаро. Причем переброшенные сюда части Ожеро и Кильмена, продвигнувшись вперед, вытеснили австрийцев из Брешии, а Соре вновь занял Сало, обеспечив сообщение французов с Миланом.

Вурмзер в это время праздновал победу. Он вошел в Мантую, сняв с нее таким образом осаду, как вдруг узнал, что Бонапарт со всеми силами ушел на восток. После некоторых колебаний Вурмзер вышел из крепости, отбросив заслон французов под начальством Валетта. Затем он переправил через Минчио колонны Меласа и Мессароша — в тыл французской армии. В результате сосредоточенные силы Бонапарта оказались между войсками Вурмзера и Кваждановича. Признав свое положение весьма рискованным, Бонапарт подумал даже об отступлении, но после совещания с генералами остался при принятом решении: нанести удар Кваждановичу. Против Вурмзера у Монтекиаро оставлены были дивизии Ожеро и Кильмена.

3 августа Бонапарт бросил остатки своей армии против Кваждановича к северу от Лонато и разбил все три его колонны. Одна из них сдалась, остальные отошли на север. Затем Бонапарт расположил свою армию против Вурмзера. Австрийский главнокомандующий, узнав о неудаче Кваждановича, тем не менее решил дать французам сражение и развернул свои войска в боевой порядок у Кастильоне.

Сражение, в которое французы вступили с ходу, началось 5 августа около 6 часов утра. Бонапарт сковал основные силы австрийцев в центре и на правом фланге, а главный удар нанес по их левому крылу. К 9 часам действовавшая на главном направлении дивизия генерала Ж.-А. Вердье овладела господствующей высотой Медоле и, установив на ней артиллерию, открыла фланкирующий огонь по основным силам австрийской армии. Австрийцы упорно сопротивлялись, но выход им во фланг и тыл передовых частей дивизии генерала Серюрье, подошедшей от Мантуи, и одновременный удар с фронта

всей французской армии – решили исход сражения. Потерпевшая поражение армия Вурмзера отступила в северном направлении, потеряв 3000 человек и 20 орудий. Таким образом, более передовая тактика французов – колонны в сочетании с рассыпным строем – показала свое превосходство над устаревшей линейной тактикой австрийцев. В то время как Вурмзер распределил свои войска равномерно по всему фронту, не выделив даже резерва, Бонапарт произвел решительное массирование сил и средств на главном направлении. Сильный фрон-

Сражение у Кастильоне.

тальный удар в сочетании с маневром во фланг и тыл противнику обеспечили ему успех.

После снятия осады с Мантуи, из крепости был выслан отряд для преследования войск Серюбе. Но в связи с неудачей полевых войск австрийцев, отряд этот отошел к Мантуе. Остатки армии Вурмзера ушли в Тироль. Общие потери австрийцев в первой попытке деблокировать Мантую составили 13 000 человек и 71 орудие. Французы потеряли 4000 человек, а также 187 осадных пушек, оставленных под Мантуей — это была самая невосполнимая потеря. Кроме материальных результатов победа дает и колоссальные моральные преимущества. Наполеон всегда это учитывал: «Австрийская армия после своего поражения все еще состояла из 40 000 человек, но отныне один батальон Итальянской армии обращал в бегство четыре неприятельских, и повсюду французы захватывали пушки, пленных и предметы военного снаряжения. Вурмзер, правда, снабдил припасами гарнизон Мантуи. Он вывел оттуда бригады Рокковина и Вукасовича, которые заменил свежими войсками, но он увел с собой только половину своей прекрасной армии, притом ничто не может сравниться с деморализацией этой армии и потерей ею боеспособности после понесенных неудач».

Роверето и Бассано. 4—8 сентября

Вопреки всякой вероятности, вопреки ожиданиям всей Италии, французской армии было суждено одержать еще более кровавые и более славные победы, и Австрия должна была выставить и потерять еще две новые армии, прежде чем пал этот ее оплот в Италии.

Наполеон. Итальянская кампания

Успехи Бонапарта на итальянском театре военных действий, а Журдана — на Рейне подняли настроение Директории, которая предприняла ряд мер по усилению французской армии в Италии. К концу августа силы Бо-

напарта выросли до 70 000 человек, из которых 10 000 были выделены для возобновления блокады Мантуи, а 20 000 обеспечивали тылы. Оставшиеся 40 000 солдат располагались главными силами в районе Вероны, Риволи с обеспечением флангов на Нижнем Минчио и в Сало.

Осада Мантуи возобновилась 24 августа. Австрийский гарнизон, увеличившийся за счет беглецов из армии Вурмзера, теперь составлял 17 000 человек. Потеря осадного парка, созданного с большими трудностями из орудий, собранных из различных крепостей Италии, была для французов весьма чувствительной. Бонапарт не стал организовывать новый осадный парк. Он удовлетворился простой осадой крепости и стал готовить наступление на Тироль.

В это же время 46 000 австрийцев готовились совершить новую попытку и вновь разделились на две самостоятельные и равные по численности части: армия генерала Пауля Давидовича располагалась в районе Ровето на дороге из Триеста в Верону. Армия Вурмзера, состоявшая из трех дивизий (26 000 человек), — в районе Бассано, Примолано. По плану австрийцев обе армии должны были двинуться самостоятельными путями, разобщенные отрогами Тирольских Альп, и соединиться в районе Леньяго для дальнейшего наступления на Мантую. При этом Вурмзер предполагал, что движение армии Давидовича, создавая угрозу сообщениям Бонапарта, вынудит последнего отвести свои войска к западу от Минчио.

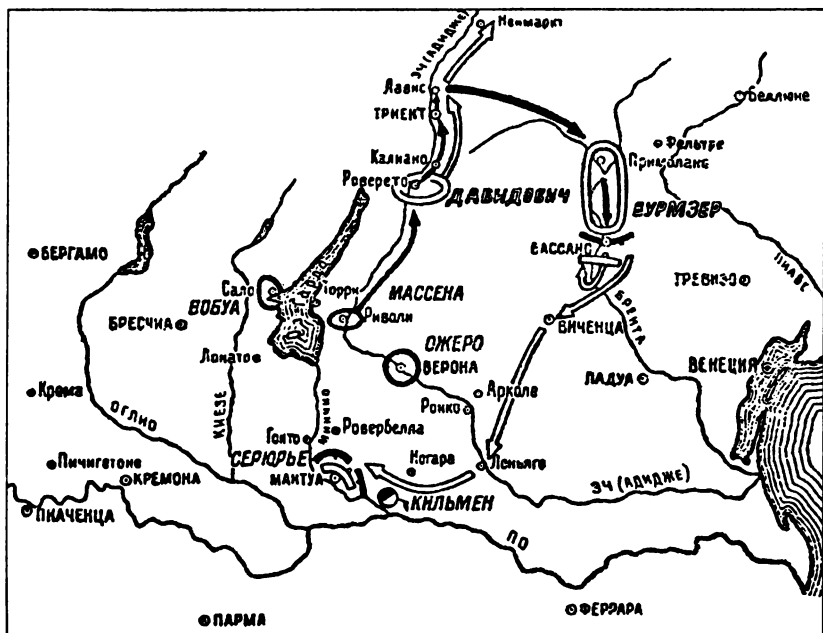
Наступление австрийцев было намечено на 4 сентября. Бонапарт, узнав о планах противника, решил определить его, начав свои действия 1 сентября. Первой задачей был разгром Давидовича и захват Триента. Бонапарт предполагал быстрым и решительным маневром отбросить войска Давидовича к северу, после чего нанести удар в тыл колонне Вурмзера. Оставив 8000 человек осаждать Мантую и 3-тысячный отряд Кильмена на линии реки Адидже для прикрытия осадных войск, Бонапарт с 34 000 человек пошел на север в Тироль. Быстрым маршем французские дивизии Массена, Ожеро, Вобуа поднялись вверх по реке Эч к изолированному от глав-

План крепости Мантуя.

ных сил корпусу Давидовича, для которого наступление противника оказалось полной неожиданностью.

4 сентября дивизия Массена и обошедшая австрийцев по западному берегу озера Гарда дивизия Вобуа разгромили передовые австрийские части южнее Роверето и овладели им. К вечеру того же дня французские дивизии мощной атакой разгромили главные силы Давидовича севернее города и утром 5 сентября вступили в Триент, захватив 6000 пленных. Попытка Давидовича удержать за собой линию реки Лавия не удалась — под давлением французов австрийцы бросились в бегство на Неймаркт, где были собраны только 4000 человек. Остальные разбежались в хаосе отступления.

Второе наступление Вурмзера. 1796 год.

Вурмзер узнал о поражении Давидовича, однако, выполняя первоначальный план, решил двигаться к Мантуе по долине реки Brentы. Пока Вурмзер стягивал свои разбросанные войска, Бонапарт, оставив против Давидовича небольшой заслон, последовал через Примолано

вслед за Вурмзером и после серии форсированных маршей настиг его у Бассано.

8 сентября французский авангард в 6 часов утра атаковал и отбросил шесть австрийских батальонов, засевших на позициях в ущельях по обеим берегам реки Brenta. Их остатки отошли на линии главных сил Вурмзера, насчитывавших около 20 000 человек, но оказавших лишь слабое сопротивление. Дивизия Ожеро атаковала левый фланг, дивизия Массена — правый. Австрийцы были опрокинуты повсюду и бежали на Бассано, одна дивизия была окружена и сдалась. В 15 часов французская армия уже вошла в Бассано. Потеряв 3000 пленными (а также многих — дизертировавшими) и 35 орудий, войска Вурмзера, преследуемые французами, в беспорядке отступили на Виченцу. Вурмзер оказался полностью отрезанным от сообщений с Австрией.

9 сентября Ожеро двинулся на Виченцу, а Массена — на Падую, перекрывая австрийцам пути возможного прорыва на север. Фактически Вурмзер оказался в окружении, у него осталось 16 000 деморализованных солдат, и французы уже предвкушали капитуляцию. И только оплошность блокадной дивизии спасла остатки австрийской армии. Используя не наблюдаемые французами болотные пространства, прилегающие к Мантуе, Вурмзер при помощи проводника из местных жителей на рассвете 12 сентября с ничтожными потерями прорвался к крепости и расположился в ее предместьях. Прибывший сюда Бонапарт с преследующими войсками 13 и 14 сентября безуспешно атаковал Вурмзера, усилившегося войсками гарнизона. 15-го числа Вурмзер предпринял неудачную попытку отбросить французов: атакованные с флангов австрийцы вынуждены были укрыться в крепости.

В результате второй попытки деблокады австрийская армия потеряла 27 000 человек за счет убитых, раненых и дизертировавших. Бонапарт лишился 7500 человек, из которых большинство выбыло из строя по болезни после усиленных маршей. Французский полководец, действуя быстро и энергично сосредоточенными силами против разделившегося противника, вновь достиг числен-

ного перевеса против каждой из австрийских армий и в обоих случаях имел успех.

Вурмзеру удалось прорваться в Мантую, но там он и остался, увеличив гарнизон крепости до 27 000 человек. Это привело к сокращению солдатского пайка и увеличению смертности. К октябрю треть гарнизона — около 10 000 солдат — находились вне строя по болезни. Был только один плюс в новом положении осажденных: Вурмзер привел с собой 4-тысячную кавалерию, коней пришлось засолить — и только это пока спасало австрийцев от голода.

Арколе. 15—17 ноября

В каждом бою бывают минуты, когда храбрейшие солдаты хотят обратиться в бегство; тут нужна какая-то мелочь, какой-то повод, чтобы вернуть им веру в себя.

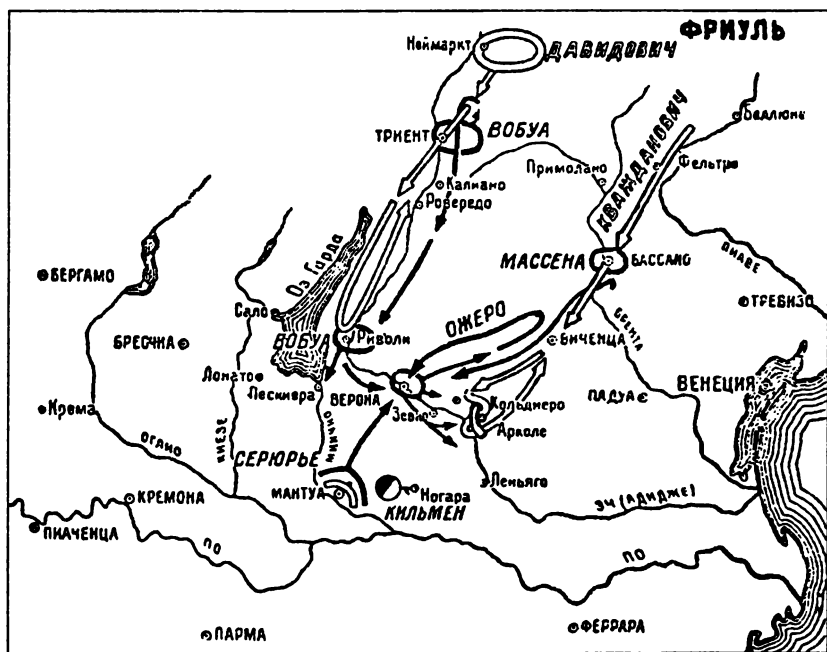
Наполеон

Весь сентябрь 1796 года австрийский двор провел в переходах от радости к унынию. За курьерами, привозившими в Вену известия об успехах эрцгерцога Карла в Германии, приезжали следом гонцы от Вурмзера с донесениями о его поражениях. Германия была спасена, но Италия потеряна, а армия, охранявшая эту границу, исчезла. Ее многочисленный штаб, старый командующий и кое-какие остатки войск смогли найти спасение только запершись в Мантуе, которая, доведенная до крайности голодом и болезнями, вскоре могла оказаться вынужденной открыть ворота.

Тем не менее поражение французской армии Журдана на германском театре военных действий подняло дух всех антифранцузских сил, опасавшихся революционной заразы со стороны республики. Папа римский Пий VI выступил с воззванием, призывающим к «крестовому походу» против Франции. Австрийское правительство, получив новые субсидии от Англии, сумело в короткий срок сформировать новую 50-тысячную армию. Австрий-

ским главнокомандующим в Италии стал фельдмаршал Йозеф Альвинци, который приобрел большой боевой опыт в первых войнах с Французской революцией. Задача его армии оставалась прежней — новая операция по деблокаде Мантуи.

Наступательный план Альвинци мало отличался от плана его предшественника Вурмзера. Действуя в горной местности, он также разделил свое войско на две части: 18 000 солдат — генерала Давидовича и 29 000 — генерала Кваждановича. Давидович должен был наступать из Неймаркта вдоль течения реки Адидже. Кважданович

Первый поход Альвинци.

направлялся из Фриуля через Бассано. Объединенными усилиями обеих армий предполагалось дать сражение где-нибудь в районе Вероны, в которой располагалась главная квартира французов. Естественно, после победы должно было последовать общее движение на выручку войскам в Мантуе. Австрийцы снова с тупым упрямством

действовали так, как будто противник ничего не будет предпринимать. Таким образом, раздельное движение двух армий, разобщенных между собой гористой местностью, вновь облегчало Бонапарту выполнение его любимой схемы – не допустить соединения группировок противника и разбить их по частям.

Для действий в поле у Бонапарта было 32 000 человек. Из них 5000 солдат Массена располагались в Бассано, а 10-тысячная дивизия Вобуа находилась в Триенте, прикрывая северное направление. Конница Шарля Кильмена была придвинута к Мантуе для прикрытия блокадных сил. Остальные французские войска группировались в районе Вероны.

Не ожидая наступления австрийцев, Бонапарт 2 ноября атаковал Давидовича войсками Вобуа. Австрийцы отбивали все атаки и, сами перейдя в наступление, заставили Вобуа оставить Триент. Более того, невыгодность позиции у Калиано вынудила Вобуа отступить еще южнее и занять оборону на Риволийском плато. Нерешительный Давидович после отражения атак французов почти не сдвинулся с места и только 14 ноября под давлением Альвинци медленно пошел вперед.

Между тем на востоке Массена отступил под натиском армии Кваждановича, при которой следовал и австрийский главнокомандующий. На помощь Массена прибыл Бонапарт с дивизией Ожеро, планируя нанести удар Кваждановичу у Виченцы. Бой длился весь день 6 ноября с большими потерями с обеих сторон. Французы были близки к победе, когда пришло известие о поражении Вобуа. Бонапарт решил вернуться к Вероне и разобраться в обстановке. На первом этапе операции Альвинци удалось завладеть всем Тиролем и всей местностью между реками Brenta и Адидже.

Под угрозой нападения войск Давидовича со стороны Риволи и Альвинци со стороны Кольдиеро Бонапарт потребовал дополнительно 6000 человек от Вобуа и 5000 от блокадных сил, стянув их все к Вероне. Ослабление блокады Мантуи, пока еще не замеченное австрийцами, создавало также угрозу со стороны гарнизона Вурмзера, против которого осталось не более 2000 французов. Для французской армии сложилась весьма рискованная об-

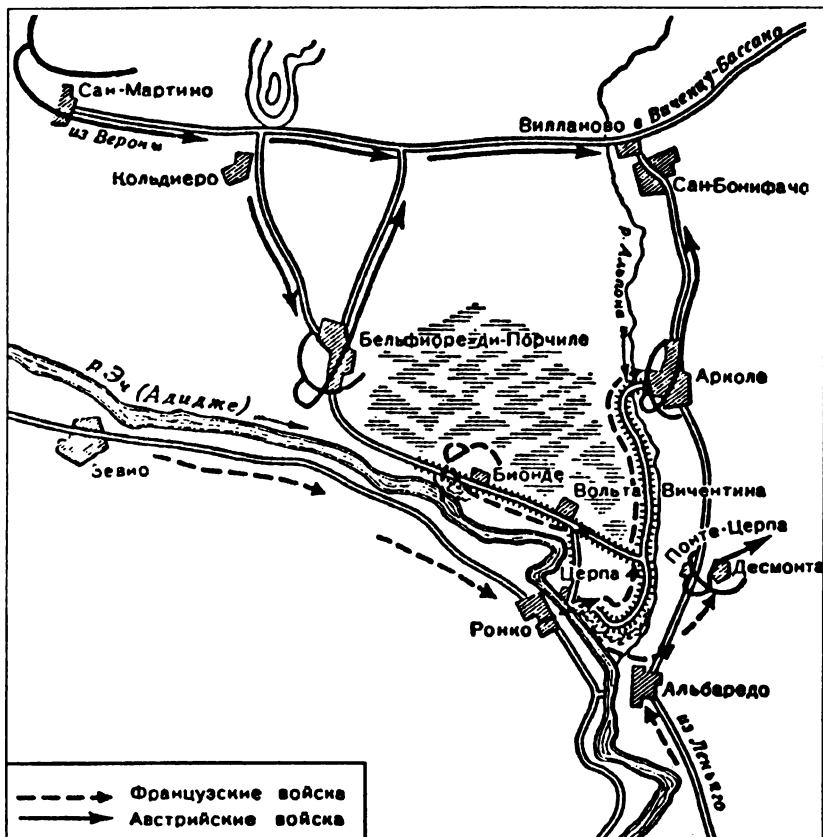
становка, однако Бонапарт не хотел отступить и потерять плоды предыдущих побед. Давидович и Вурмзер еще стояли на своих местах, и нужно было действовать против наиболее активного противника — Альвинци. 12 ноября Бонапарт весь день атаковал войска Кваждановича, занявшие удобные позиции на Кольдиерских высотах и укрепившие их редутами и сильными батареями. Сражение шло под проливным дождем. Земля настолько раскисла, что французская артиллерия увязла в грязи и практически не могла маневрировать на поле боя. В то время как австрийская, находясь на позициях, вела самый эффективный огонь. Потеряв 2000 человек, Бонапарт вновь отступил к Вероне. Только вконец испортившаяся погода помешала австрийцам закрепить успех, дороги стали малопроезжими от грязи, порох в ружьях отсырел и не воспламенялся. Теперь положение французской армии действительно стало критическим.

Вобуа понес значительные потери; у него оставалось не более 8000 солдат. В дивизиях Массена и Ожеро — не более 13 000. Армия оказалась зажатой в узком пространстве между Кольдиерскими высотами и ущельями Тироля. Австрийцы предвкушали победу и уже готовили осадные лестницы для штурма Вероны. Неудачи подорвали и моральное состояние французских солдат. Все понимали, что вновь атаковать австрийские позиции безнадежно, ввиду явного численного превосходства последних.

И тогда Бонапарт принял смелое решение — обойти левый фланг Кваждановича с юга, переправившись через реку Адидже у Ронко и выйти в тыл главным силам противника. «Он хочет обойти Кольдиеро, которого не мог взять с фронта; не имея возможности драться на равнине с 13 000 человек против 40 000, он переносит поле сражения на ряд шоссе, окруженных обширными болотами, где одной численностью не сделаешь ничего, но где доблесть головных частей колонны решает все...» (Наполеон).

В ночь на 15 ноября Бонапарт в строжайшей тайне вывел войска из Вероны, оставив в ней всего 1500 человек, и двинулся на восток в район Ронко. Частью сил дивизии Андре Массена был занят Бионде, что обеспечивало левый фланг со стороны Сан-Мартино. Переправив-

шись через реку Адидже и преодолев по дамбам труднопроходимое болото, французы вышли к Аркольскому мосту и сходу попытались прорваться на другой берег реки Альпоне и перерезать австрийские коммуникации. Но первые атаки на мост были отбиты. Дело в том, что войскам Ожеро приходилось наступать по узкой дамбе,

Сражение у Арколе. 17 ноября 1796 года.

не имея возможности развернуться в боевой порядок. Как только французская колонна выходила из-за поворота к мосту, ее голова попадала под прицельный огонь с другого берега и вынуждена была откатываться назад.

Альвинци утром получил известие о французской атаке у Арколе, но посчитал ее ложной демонстрацией, так

как не мог поверить, что можно всю армию бросить в непроходимые болота, — в этом треугольнике было всего две узкие насыпные дороги. Наконец австрийский главнокомандующий выделил две дивизии для контратаки. Дивизию Митровского он направил на аркольскую дамбу, а дивизию Провера — на левую дамбу. Около 9 часов они энергично атаковали французов. Но теперь австрийское численное преимущество, как и рассчитывал Бонапарт, не имело никакого значения. На левой дамбе Массена штыковой атакой отбросил противника с большими потерями. На аркольской дамбе происходило то же самое: едва австрийцы переходили мост и поворачивали на дамбу, лишаясь огневой поддержки со своего берега, как войска Ожеро жестокими контратаками сбрасывали их в болото и заставляли ретироваться.

Сложилась патовая ситуация. Захват Арколе становился чрезвычайно важным делом. В этой обстановке Бонапарт нашел необходимым вновь рискнуть собственной жизнью. Схватив знамя, он лично повел полки в бой, но и эта атака была отбита. Отступая, солдаты волокли упиравшегося генерала за собой. Прикрывая Бонапарта своим телом, погиб его адъютант Мюиرون. Бои на дамбах и Аркольском мосту продолжались еще двое суток

К вечеру 15 ноября, переправив часть сил через реку на понтонах, французы взяли Арколе, но вскоре вынуждены были оставить его. Время было упущено, и Бонапарт колебался. Он даже раздумывал о возвращении к Вероне, опасаясь за свой тыл со стороны войск Давидовича, которые понемногу теснили дивизию Вобуа. Наконец вечером 16-го французский главнокомандующий получил информацию, что Давидович остановился и ничего не предпринимает, чтобы поддержать Альвинци. Действия двух австрийских армий продолжали оставаться абсолютно несогласованными между собой, и Бонапарт решил продолжить операцию.

17 ноября дивизия Пьера Ожеро навела мост через Альпону близ ее впадения в реку Адидже и переправилась на левый берег. Здесь Ожеро соединился с французским гарнизоном, прибывшим из Линьяго, и после упор-

ного боя овладел селением Десмонта. Дальнейшее продвижение Ожеро на север к Арколе решило исход боя. Альвинци, понеся тяжелые потери и опасаясь за свои сообщения, отвел войска за Виченцу. В трехдневном сражении австрийцы потеряли около 7000 человек, французы 4500. Преследовать отходящего противника французская армия не стала, так как была вынуждена поспешить на помощь дивизии Вобуа. Дело в том, что 17 ноября Давидович атаковал Риволийское плато и заставил французов отступить к Пескиере, но ничего не предпринял, чтобы поддержать Кваждановича. Теперь, оставшись один, Давидович под ударами сосредоточенных сил французской армии также был разбит и отступил к Триенту.

Таким образом, энергичные действия Бонапарта против превосходящих сил противника, действовавших с двух направлений, закончились торжеством французов. Бонапарт проявил большое искусство, своевременно перебрасывая свои войска к пункту решающего удара, оставляя на второстепенных направлениях только слабые заслоны. Если отдельные соединения Бонапарта находились в полном взаимодействии, то отдельные группы австрийцев действовали в большинстве случаев бессвязно. Давидович оставался в бездействии в то время, когда Бонапарт направил усилия своих войск против Кваждановича. Малообученная австрийская армия не смогла успешно противостоять опытным французским солдатам. К тому же дождливый осенний период, когда отсыревший порох зачастую не воспламенялся, необходимо было действовать штыком, что, несомненно, давало перевес французским солдатам.

Под Арколе Бонапарт еще раз продемонстрировал личную храбрость, вызывая восторг своих бойцов, а генералы, когда-то скептически встретившие молодого командующего армией, теперь чувствовали в нем полководца с крупным дарованием. Авторитет Бонапарта еще более возрос.

Риволи. 13—15 января 1797 года

В этот день главнокомандующего несколько раз окружали вражеские солдаты и под ним было ранено несколько лошадей.

Наполеон. Итальянская кампания

Слабость сил Бонапарта и неподготовленность австрийцев к наступлению вызвали полуторамесячное затишье на итальянском театре военных действий. Востребованные Бонапартом от Директории крупные пополнения могли прибыть не ранее весны 1797 года. К концу 1796 года у него было 45 000 солдат. Австрийцы при помощи своих союзников и английских субсидий стремились к созданию крупных сил, планируя новую попытку деблокады Мантуи. Они собирались усилить свои войска в Италии за счет переброски войск с германского театра военных действий. Папа римский и неаполитанский король обещали выставить против французов 15 000 человек.

Попытка Директории вступить в мирные переговоры с Австрией не удалась: успех эрцгерцога Карла на Рейне обещал правительству успешное окончание борьбы на итальянском театре военных действий. Гофкригсрат торопил Альвинци с наступлением, хотя австрийский главнокомандующий, наученный горьким опытом, считал, что армия еще не подготовлена к активным действиям. Ожидаемые пополнения не прибывали. К концу 1796 года Альвинци имел 42 000 бойцов, расположенные в трех группировках: в районе Неймаркта были сосредоточены главные силы — 28 000 человек, в районе Бассано — 6000 генерала Баялича, в Падуе — 8000 человек генерала Провера. 15 000 солдат, выставленных папой и Неаполем, двигались к Болонье. Запертый в Мантуе гарнизон находился в тяжелом положении. Смерть уносила ежедневно до 100 человек. К концу декабря гарнизон имел в строю не более 9000 солдат.

Получив настойчивые требования правительства начать активные действия, Альвинци решил перейти в на-

ступление в начале января 1797 года. Сам фельдмаршал с главными силами должен был наступать через Триент вдоль реки Адидже к Мантуе. В то же время туда направлялся генерал Провера через Леньяго. Выдвигавшийся к Вероне отряд Баялича должен был служить связью между Альвинци и Провера, отвлекая на себя при этом внимание французов. Предполагалась также, что часть сил Бонапарта будет отвлечена войсками папы и Неаполя, создававшими угрозу с тыла.

Не ожидавший наступления австрийцев ранее второй половины января Бонапарт держал свои войска расположенными вдоль реки Адидже. Дивизии Ожеро, Массена и Жубера (заменившего Вобуа), насчитывавшие каждая по 10 000 человек, располагались соответственно в Леньяго, Вероне и на Риволийском плато. Охрана левого фланга и сообщений с Миланом была возложена на 4-тысячный отряд Энтони Рея, занимавшего Сало и Брешию. В Кастельяно стояли 1800 человек Виктора, 2700 солдат Ланна находились в Болонье с задачей отразить наступление неаполитанских и папских войск.

И снова Бонапарт оказался в центре сложнейшей ситуации. Бездействуя в Германии, Директория затягивала отправку подкреплений в Италию и фактически сознательно подставляла ставшего излишне самостоятельным генерала. Силы французской армии таяли от сражения к сражению. Сам командующий был болен: его трясла лихорадка. Он был желтого цвета, еще более похудел, высох; в кругах роялистов распространилась молва, что дни его сочтены и что через неделю, самое большое через две, его можно будет «списать» из числа противников. Но прошли еще две недели, и этот «живой мертвец» показал еще раз, на что он способен: он дал битву, ставшую одним из самых блистательных достижений военного искусства...

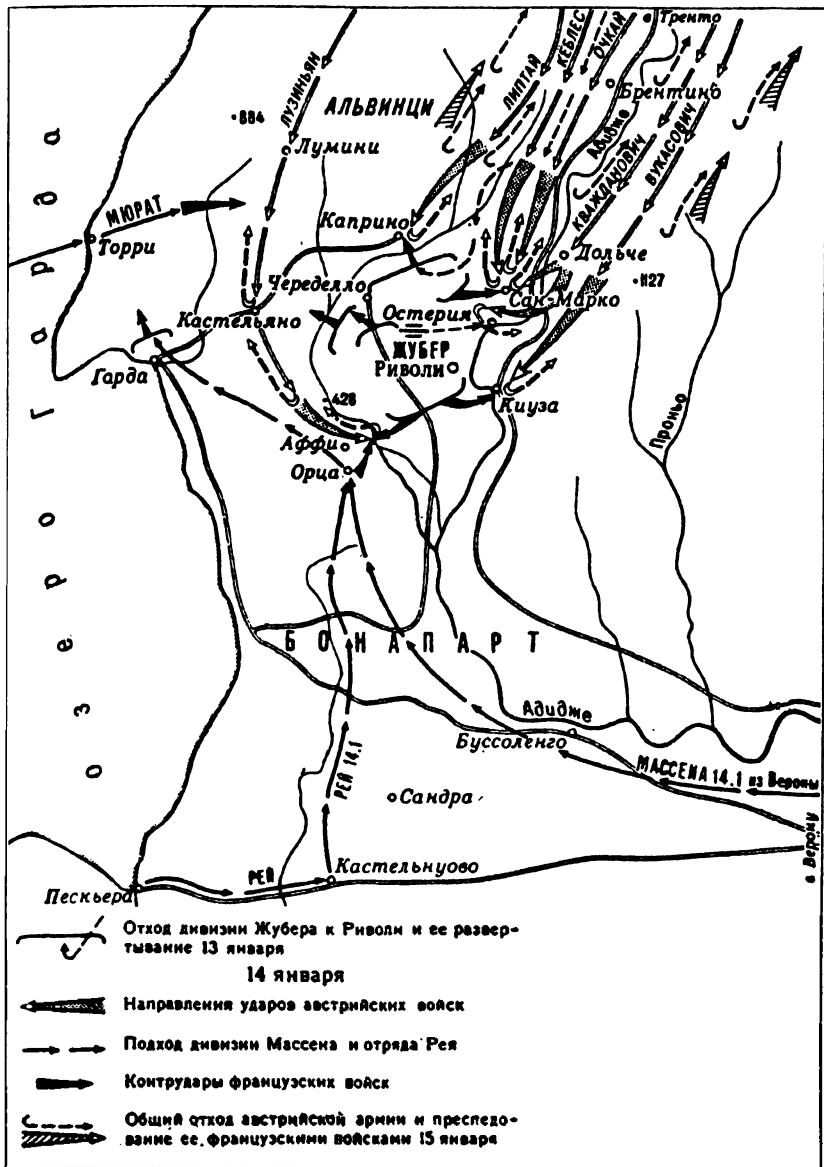
Четвертое наступление австрийцев на Мантую началось 8 января столкновением у Бавилаквы между войсками Провера и авангардом Ожеро, который вынужден был отойти на правый берег Адидже. Получив сообщение о наступлении противника, Бонапарт направил Ланна к Леньяго и лично отправился в Верону, чтобы разобраться в обстановке на общем фронте и принять реше-

ние. При этом случайное обстоятельство открыло французам намерения австрийского командования: из писем, найденных у захваченного австрийского шпиона, Бонапарт узнал, что главный удар следует ожидать со стороны Триента на Риволи.

Французский командующий решил разбить в первую очередь главную группировку противника и направил в Риволи большую часть дивизии Массена и войск Рея. Этой переброской он организовал против Альвинци ударную группу в 22 000 человек при 60 орудиях.

Между тем отряд Альвинци наступал в общем направлении на Риволийское плато, возвышающееся между рекой Адидже и озером Гарда. Войска Жубера расположились на высотах, окаймляющих плато с севера. Для обеспечения левого фланга французов к озеру был выдвинут один батальон. 13 января австрийцы, наступавшие шестью колоннами, приблизились к Риволийскому плато. Четыре колонны начали фронтальную атаку Жубера. Правофланговую колонну генерала Лузиньяна (4500 человек) Альвинци направил на Аффи с задачей выйти в тыл французской дивизии. Левофланговая колонна с артиллерией крупного калибра должна была идти по дороге вдоль восточного берега реки Адидже. Глубокий снег и пересеченная местность крайне затрудняли использование артиллерии и конницы.

Под натиском превосходящих сил противника Жубер вынужден был отойти к Риволи. Не дождавшись в этот день подкреплений, он предполагал даже начать отступление на Кастельяно. Однако вечером в Риволи прибыл Бонапарт и приказал Жуберу оставаться на месте. В ночь на 14 января Альвинци остановился на привале севернее Риволийского плато, намереваясь с утра охватить французов с обоих флангов. Освещенное огнями бивачное расположение отдельных колонн австрийцев позволило Бонапарту, лично наблюдавшему за войсками противника, разгадать его намерения. Он ясно, как на карте, увидел дальнейшие движения австрийских войск. Желая упредить австрийцев и перехватить инициативу, Бонапарт приказал Жуберу перейти в наступление еще до рассвета, не ожидая прибытия подкреплений.

Сражение у Риволи. 13–15 января 1797 года.

Утром 14 января начались упорные, с переменным успехом, бои. Однако на флангах австрийские колонны Лу-

зиньяна с запада и Вукасовича с востока обошли Ривольское плато. Охваченный с обоих флангов Жубер держался с трудом. Но к 10 часам к полю сражения с 6000 подкрепления прибыл из Вероны генерал Массена, и обстановка резко изменилась в пользу французов. Поддержав частью сил правый фланг Жубера, Массена бросился с остальными войсками на Лузиньяна. В это же время к Орце подоспела дивизия Рея и атаковала колонну Лузиньяна с тыла. Австрийцы с большими потерями начали отступление, которое превратилось в бегство, когда у них в тылу появился небольшой отряд Мюрата, переправившегося на судах из Сало через озеро Гарда. К вечеру австрийцы были отбиты повсеместно.

Столь же неудачной оказалась попытка Альвинци повторить атаку на следующий день. После первого же столкновения с французами австрийские солдаты бросились бежать на север. Французы преследовали их по всему фронту. Трехдневное сражение закончилось полным поражением главных сил Альвинци.

Оставив Жубера и Рея для преследования разбитого противника, Бонапарт с дивизией Массена поспешил на помощь Ожеро, который доносил, что переправившийся на правый берег Адидже Провера продолжает двигаться к Мантуе. Прибыв в Леньяго, Бонапарт мобилизовал все силы для уничтожения отряда Провера. С одной стороны появилась дивизия Массена, прошедшая за сутки 50 километров, с другой — Ожеро с отрядом Ланна, прибывшим из Болоньи, с третьей стороны — Виктор со своим отрядом. Вурмзер пытался вылазкой из крепости оказать содействие Провера, уже подходившего к Мантуе, однако столкновение с французами вынудило его вновь запереться в крепости. 16 января, охваченный со всех сторон, генерал Провера капитулировал. В то же время гарнизон Вероны разбил отряд Баялича, крайне ослабленный выделением войск для обеспечения флангов и тыла.

Потери австрийцев в четвертом наступлении составили 22 000 человек, из которых под Риволи Альвинци потерял 14 000, в том числе более 10 000 пленными. Французы потеряли 3200 человек.

Сражение при Риволи определило падение Мантуи. 2 февраля голод и поваральные болезни заставили Вурмзера капитулировать и сдать гарнизон – 19 000 человек (30 генералов), из которых более трети находились в госпиталях. Французы в качестве трофеев захватили около 1600 орудий и 24 знамени. За время осады в Мантуе, в основном от болезней, умерло 18 000 австрийцев. Отныне вся Италия лежала у ног победителей.

Уроки первых трех наступлений так и не были осознаны австрийским командованием. Опять три отдельных отряда наступали без связи между собой и без общего управления, что позволило Бонапарту действовать по внутренним операционным линиям, сосредотачивая крупные силы для нанесения удара сначала одному, а затем другому австрийскому генералу.

Триумф Риволи поднял престиж Бонапарта на недостижимую высоту. Граф Моцениго доносил из Флоренции в Петербург: «Французская армия в ожесточенном бою почти полностью сокрушила австрийцев... и в результате Буонопарте, в течение четырех дней почти уничтоживший императорские войска в Италии, вступил триумфатором в Верону, окруженный всеми атрибутами победы».

Начиная утром 14 января решающее сражение, Бонапарт отдавал себе отчет в том, что предстоящая битва определит не только исход всей итальянской кампании – тем самым будет решен его долгий спор с Директорией. Расчеты Бонапарта были подтверждены победами французского оружия. Он одержал победу не только над Альвинци и Вурмзером, но и над Директорией. В льстивых выражениях она поздравляла генерала. И хотя успехи Бонапарта вызывали все большее беспокойство членов Директории, она могла лишь скромно высказывать свои пожелания победоносному генералу. Прежние намерения «проучить», или отстранить своевольного командующего оказались по меньшей мере неуместны.

Бонапарту оставалось реализовать плоды своих побед.

Тальяменто. 16 марта

Солдаты! Взятием Мантуи только что закончилась итальянская война, которая дала вам право на величайшую благодарность родины... из всех врагов, соединившихся для удушения республики... остался перед вами только один император.

*Генерал Бонапарт.
Приказ о вторжении в Австрию*

Непрерывные поражения сокрушили австрийскую армию. К весне 1797 года общественное мнение Европы уже говорило о «кризисе австрийского дома», и что в армии считают неизбежным заключение мира с республиканской Францией. Но и армия Бонапарта была крайне утомлена. Надо было спешно, пока за плечами трепетали крылья победы, кончать войну. Бонапарт считал, что австрийцы должны первыми попросить начать переговоры о мире. И чтобы их поторопить, он двинул свою армию, изнемогавшую от усталости, на север, теперь уже угрожая наследственным гамбургским владениям.

После разгрома Альвинци командующим австрийской армией, действующей против Бонапарта, был назначен эрцгерцог Карл. У него была репутация лучшего полководца империи: он нанес тяжелые удары Журдану, заставил отступить Моро. Теперь он должен был подтвердить свою репутацию, остановив Бонапарта. В конце февраля Карл перебросил с Рейна шесть дивизий — 40 000 человек — своих лучших войск, из них четыре были направлены в Фриуль, а две — в Тироль. Кроме того, в Тироле были набраны волонтерами 10 000 отличных тирольских стрелков. 27 000 человек основных австрийских сил расположились вдоль реки Тальяменто. Эрцгерцог рассчитывал укрепиться на перевалах Юлийских и Норических Альп и здесь остановить французов. С этой целью австрийские инженеры обследовали горные проходы, чтобы, как только сойдет снег, дополнительно приспособить их к обороне.

Бонапарт не мог этого допустить, потеря темпа грозила свести на нет результаты зимней кампании. «Имею-

щий преимущество должен атаковать под угрозой потери этого преимущества», — это не только шахматное правило. Поэтому он задумал предупредить противника, не дать ему создать прочные рубежи обороны, атаковать и изгнать войска эрцгерцога из Италии до прибытия к нему новых подкреплений с германского театра военных действий. Армия Бонапарта состояла из восьми дивизий, для действий в Альпах он выделил семь — всего 53 000 солдат при 120 орудиях. К концу зимы он все же получил в подкрепление войска из Рейнской и Саамбрской армий. Четыре французские дивизии генералов Массена, Серюрье, Гюйо и Бернадота находились в Бассано и предназначались для действий на главном направлении. Сюда же 9 марта Бонапарт перенес и свою главную квартиру. Три дивизии — 12 000 человек — под общим командованием Жубера находились в Тироле. Французам необходимо было переправиться через реки Пьяве и Тальяменто на глазах австрийской армии и обойти ее правый фланг, чтобы раньше ее занять ущелье Понтеба. Для выполнения этой задачи выделялось три дивизии, с которыми шел главнокомандующий. Дивизия Массена должна была выполнить отвлекающий маневр, заходя с другого фланга.

10 марта Массена, выступив из Бассано первым, переправился в горах через Пьяве и разбил австрийскую дивизию Лузиньяна, захватив 600 пленных и самого командира. Остатки австрийских войск были отброшены за Тальяменто. 12 марта дивизия Серюрье выступила к Азоло, переправилась через Пьяве и двинулась на Конельяно, где находилась австрийская главная квартира. За ней следовала дивизия Гюйо, а на следующий день — дивизия Бернадота. Таким образом, они обошли все австрийские войска, оборонявшие нижнюю Пьяве. Противник отступил, выбрав в качестве нового рубежа обороны долину реки Тальяменто, где было удобно действовать его многочисленной кавалерии. 16 марта в 9 часов утра здесь встретились главные силы обеих сторон.

Французская армия встала на правом берегу реки, имея слева дивизию Гюйо, в центре дивизию Серюрье и справа дивизию Бернадота. Австрийская, почти равная им по силе, была построена на противоположном бере-

гу. Канонада началась на обоих берегах Тальяменто. Легкая кавалерия произвела несколько атак через этот горный поток, но была всюду отбита. Тогда французская армия видя, что противник хорошо подготовил позицию, прекратила огонь, разбила бивак и принялась за обед на виду у противника. Такое поведение противника ввело эрцгерцога в заблуждение: он решил, что французские солдаты слишком утомлены длительными горными переходами и сегодня не могут сражаться. Тогда Карл отвел войска от берега и вернулся в свой лагерь.

Два часа спустя, когда все успокоилось, французская

Жан Батист Бернадот (1763–1844), маршал Франции, получивший в 1818 году королевскую корону Швеции и Норвегии (Карл XIV Юхан).

армия неожиданно вновь встала в ружье. Авангард Гюйо во главе с генералом Дюфо и авангард Бернадота во главе с Мюратом, поддерживаемые огнем своих дивизий, бросились в реку, на ходу развертываясь в боевые порядки. Противник бросился к оружию, но уже вся первая линия французов успела переправиться и выстроилась на другом берегу. Со всех сторон разгорелся орудийный и ружейный огонь. Легкая кавалерия, приданная этим двум дивизиям, заняла место на флангах. Как только первая ли-

ния удалилась на 200 метров от берега, дивизия кавалерийского резерва генерала Дюгуа и дивизия Серюрье

тотчас переправились через реку и образовали вторую линию. После нескольких часов боя и ряда кавалерийских и пехотных атак австрийцы были отброшены от своих позиций у деревень Градиски и Кодроипо. А после удачной фланговой атаки дивизии Дюгуа начали отступление, оставив 8 орудий и пленных.

В это время Массена занял ущелье Понтеба, отбросив к югу австрийскую дивизию Очкая. Эрцгерцог попытался отойти на Тарвис, но здесь был остановлен войсками Массена. 18 марта Карл отвел свою армию за реку Изонцо. Разбив еще раз австрийцев у Градиски 19 марта и перейдя Изонцо, французы вступили в Германию, эрцгерцогу пришлось продолжить отход.

20 марта в Тироле перешел в наступление Жубер и в серии боев полностью разгромил противостоявшие ему войска. Теперь вся австрийская армия была изгнана из Италии. За двадцать дней войска эрцгерцога потерпели поражение на двух направлениях и были отброшены за Бреннер, Юлийские Альпы и реку Изонцо. Французы захватили Триест и Фиуме — единственные морские порты монархии, а также многочисленные трофеи — 20 знамен, 50 орудий и 20 000 пленных. 23 марта Массена еще раз разбил австрийские части под Мальборгетто и завершил свой рейд в Клагенфурте, где соединился с перешедшими Альпы тремя колоннами Бонапарта. Теперь французская главная квартира стояла в Германии, до Вены оставалось 240 километров. В столице Габсбургов началась паника.

Пора было ставить точку. Бонапарт ожидал, что дальнейшее наступление будет вестись одновременно с Рейнской и Мааской армиями, поскольку понимал мизерность своих сил. Однако Директория ответила ему, что главные армии к активным действиям пока не готовы. Бонапарту снова предстояло совершить невозможное — принудить Австрию к миру, имея в своем распоряжении лишь семь неполнокровных дивизий.

Неймаркт. 1 апреля

Для поддержки предложения об открытии переговоров было важно наступать и приблизиться к Вене.

Наполеон. Итальянская кампания

31 марта генерал Бонапарт отправил австрийскому главнокомандующему письмо, в котором писал, что если ему удастся заключить мир, то этим он будет гордиться более, «чем печальной славой, которая может быть добыта военными успехами». «Разве не достаточно убили мы народа и причинили зла бедному человечеству?» Однако, извещая Карла о своей готовности к миру, продолжал непрерывно наседавать на отступающих австрийцев, чтобы его предложения выглядели более убедительными.

1 апреля на рассвете Массена был направлен на Фризах. Перед замком он застал арьергард противника, прикрывавший большие запасы, собранные там эрцгерцогом. Массена энергично атаковал, на плечах австрийцев ворвался во Фризах, захватил все запасы и продолжал преследование до Неймаркта. У города его встретил эрцгерцог Карл с четырьмя дивизиями, прибывшими с Рейна, с резервом гренадер и остатками прежней армии, расположенными на позициях для обороны неймарктских ущелий.

Бонапарт тут же приказал Массена сосредоточить всю свою дивизию левее дороги. Дивизия Гюйо расположилась на высотах справа, а дивизия Серюрье была оставлена в резерве. В 15 часов бригада легкой пехоты дивизии Массена с ружьями наперевес бросилась на штурм первой неприятельской линии и прорвала ее. Затем французы начали общий штурм. Эрцгерцог метался по полю боя, рискуя жизнью, но все бесполезно — его войска были отброшены, потери составили 3000 человек. К ночи французские войска ворвались в Неймаркт на плечах австрийцев и захватили 1200 пленных, 6 пушек и 5 знамен. На рассвете 2 апреля французский авангард выступил в направлении на Мур. 4 апреля главная квартира

Бонапарта находилась уже в Шейфлингене, замке на берегу реки Мур.

От Шейфлингена до Книттенфельда дорога пролегла вдоль реки Мур по труднопроходимым ущельям. На каждом шагу имелись позиции, способные остановить французскую армию. Для эрцгерцога было в высшей степени важно выиграть несколько дней, чтобы дать Вене прийти в себя и чтобы войска, спешно перебрасываемые с Рейна, могли успеть с прибытием и прикрыть столицу. Те же самые причины предписывали французской армии не щадить ничего, лишь бы ускорить свой марш. 3 апреля ее авангард завязал жаркий бой в ущельях Унцмаркта; он опрокинул противника, несмотря на его численное превосходство, сбросил его штыковым ударом со всех позиций и вышел к Книттенфельду. Потери австрийцев составили 1500 пленными, 4 орудия.

После Унцмарктского боя французская армия не встречала более сопротивления, и 7 апреля ее авангард прибыл в Леобен в 180 километрах от Вены. В это же время войска Жубера достигли Линца и двигались на соединение с Бонапартом. «Наполеон теперь мог бы войти в Вену, но это не принесло бы никаких результатов. Удержаться в ней было бы трудно, потому что рейнские армии не только еще не открыли кампании, но заявили, что не могут начать ее».

В Леобене к Бонапарту явились представители австрийской стороны, которые заявили, что уполномочены императором вести переговоры о предварительных условиях мира. Мечты Бонапарта сбывались! Добившись победы вопреки всем препятствиям, французский командующий теперь один, без наставников и советников, поведет переговоры с уполномоченными императора и заключит мир на тех условиях, которые найдет наиболее целесообразными. Он не позволил Директории вырвать у него плоды побед. 18 апреля был подписан прелиминарный мирный договор, который был утвержден, хотя и «с неудовольствием», членами Директории, но с огромным энтузиазмом воспринят французским народом. Директора не могли в момент наивысшей популярности генерала, завоевавшего почтенный и выгодный мир, отправить его в отставку. Имя гениального военного вождя

было у всех на устах. Все понимали, что война, проигранная прочими генералами на Рейне, была выиграна одним Бонапартом в Италии. Официальным и частным, печатным и устным восхвалениям победоносного генерала не было конца.

17 октября 1797 года был подписан мирный договор в Кампо-Формио. Австрийское правительство приняло все условия, выдвинутые Бонапартом в Леобене, и карта Европы изменилась. Бельгия стала частью Франции, в Северной Италии из завоеванных земель была создана вассальная Цезальпинская республика. От Базеля до Альдернаха левый берег Рейна стал французским.

С точки зрения военного искусства в Итальянском походе Бонапарта отчетливо проявилось преимущество сосредоточенного использования сил на театре военных действий перед кордонным их применением. Успехи французских войск объяснялись, главным образом, их новой тактикой, а также полководческим искусством их вождя. Он последовательно использовал и развил тактику революционной армии — сочетание колонн с рассыпным строем. Решительно отвергая кордонную стратегию, которой слепо придерживалось австрийское командование, Бонапарт стремился, прежде всего, разгромить живую силу противника. Умело и быстро маневрируя своими войсками, он сосредоточенными ударами громил армии противника по частям, несмотря на их общее превосходство. В своей полководческой деятельности он умело опирался на талантливых генералов, выдвинутых революционной армией, таких как Бертье, Жубер, Массена, Ланн и др.

С точки зрения современников это был беспрецедентный подвиг, совершенный армией 20-летних героев, ведомых каким-то античным титаном. Гро, Верни, Давид в своих работах запечатлели образ устремленного вперед молодого, очень худого воина, с вдохновенным бледным лицом, со знаменем в руках рвущегося впереди солдат навстречу врагу. Бетховен, потрясенный громом великих побед и беспрецедентных подвигов, создал свою «Героическую симфонию».

10 декабря 1797 года Бонапарта с триумфом встречал Париж. Несметные толпы народа приветствовали его

бурными криками и рукоплесканиями. Все это 28-летний полководец воспринял с полным внешним равнодушием. «Народ с такой же поспешностью бежал бы вокруг меня, если бы меня везли на эшафот», — сказал он после этих оваций. Теперь ему нужно было значительно больше, чем ворох сыпавшихся наград и восторги толпы. Он уже уверовал в свою звезду.

Египетская экспедиция. 1798—1799 годы

Последствия этой экспедиции могли оказаться столь же велики, как счастье и гений того, кто должен был руководить ею.

*Наполеон.
Кампания в Египте и Сирии*

Достаточно честолюбивый, чтобы стремиться к высшим степеням, он не был настолько слеп, чтобы верить в возможность достижения их во Франции без особого стечения обстоятельств, которого нельзя было считать ни близким, ни даже вероятным.

Талейран о генерале Бонапарте в 1798 году

Еще за полтора месяца до возвращения Бонапарта в Париж, 26 октября 1797 года постановлением Директории генерал был назначен командующим Английской армией, то есть армией, предназначенной для вторжения на Британские острова. Назначение это было важное и ответственное. После заключения Кампо-формийского мира Англия осталась единственным непобежденным врагом Французской республики, сокрушение ее мощи представлялось в ту пору самой главной задачей. Кому, как не прославленному громкими победами полководцу, было по плечу ее решить?

Бонапарт, убедившись в том, что его возраст и нежелание Директории принять его в свои ряды закрывают ему путь к большой политической деятельности, примирился с назначением. К тому же сама мысль о десанте в Англию или, для начала, в Ирландию обладала огромной притягательной силой. Кроме того, он понимал: «У Парижа нет памяти. Если я долго пробуду в бездействии, я

пропал — здесь одна слава вытесняет другую. Мне нельзя здесь оставаться».

8 февраля 1798 года Бонапарт инкогнито выехал на западное побережье. Он хотел все увидеть своими глазами, проверить на ощупь, чтобы оценить возможность огромного предприятия. Командующий объехал все прибрежные порты, подсчитывал, опрашивал всех, включая рыбаков и контрабандистов, все изучил и пришел к неутешительным выводам. Успех десанта ни в военном (особенно военно-морском), ни в финансовом отношении не был обеспечен. «Это предприятие, где все зависит от удачи, от случая. Я не возьмусь в таких условиях рисковать судьбой прекрасной Франции» — таково было конечное решение генерала Бонапарта.

Он вернулся в Париж с уже созревшим убеждением: борьбу против Англии надо продолжать, но удар ей будет нанесен не на берегах Темзы, а на берегах Нила...

Еще едва только завладев Венецией, Бонапарт приказал захватить Ионические острова и тогда уже говорил об этой операции как об одной из деталей в деле овладения Египтом. В течение всей итальянской кампании он не переставал возвращаться к этой идее. В августе 1797 года Наполеон писал в Париж: «Недалеко уже то время, когда мы почувствуем, что для того, чтобы в самом деле разгромить Англию, нам нужно овладеть Египтом».

Теперь все свои усилия Бонапарт направил на то, чтобы убедить Директорию дать ему флот и армию для египетской экспедиции. Бонапарту не очень долго пришлось трудиться, чтобы убедить директоров. Во-первых, по ряду экономических и военно-политических причин Директория тоже видела смысл и пользу в этом завоевании, а во-вторых, кое-кто из директоров усматривал в затеваемой далекой и опасной экспедиции некоторую пользу именно от того, что она такая далекая и такая опасная. Внезапная колоссальная и шумная популярность Бонапарта давно их тревожила. Поэтому едва услышав слово «Египет», директора обещали генералу все: и полное согласие, и верховное командование, и всяческую помощь: только бы отослать этого опасного человека, который, по его собственным словам, уже «разучился повиноваться», подальше. Пусть едет в Египет: вернет-

ся — хорошо, не вернется — что ж, Баррас и его товарищи уже наперед были готовы безропотно перенести эту утрату. Судьба экспедиции была решена. 5 марта 1798 года генерал Бонапарт был назначен ее главнокомандующим. Перед ним стояла задача завоевать Мальту и Египет, вытеснить Англию с берегов Красного моря, пробиться сквозь Суэцкий перешеек, дабы Франция получила в собственность это море.

Немедленно началась самая кипучая деятельность главнокомандующего по подготовке экспедиции, по осмотру кораблей, по отбору солдат для формируемой Восточной армии. Тут еще больше, чем в начале итальянской кампании, обнаружилась способность Бонапарта, затеывая самые грандиозные и труднейшие предприятия, зорко следить за всеми мелочами и при этом нисколько в них не путаться и не теряться. Инспектируя берега и флот, собирая свой экспедиционный корпус, внимательно следя за всеми колебаниями мировой политики и за всеми слухами о передвижении эскадры Нельсона, которая могла потопить французскую армию во время перехода морем, — Бонапарт в то же время чуть ли не поодиночке отбирал для Египта солдат, с которыми воевал в Италии. Он знал огромное количество бойцов лично; его исключительная память всегда поражала окружающих. Ему было известно, что этот солдат храбр и стоек, но пьяница, а вот этот очень умен и сообразителен, но быстро утомляется, потому что болен грыжей. Он не только умел хорошо выбирать генералов, но также и капралов, и рядовых там, где это было нужно. А для Египетского похода, для войны под палящим солнцем, при пятидесяти градусах жары, для переходов по раскаленным пустыням без воды и тени нужны были именно отборные по выносливости люди.

19 мая 1798 года все было готово: флот Бонапарта отплыл из Тулона. Около 350 больших и малых судов, на которых разместились армия в 38 000 человек с артиллерией и огромными запасами, должны были пройти вдоль почти все Средиземное море и избежать встречи с британской эскадрой. Лучшие генералы — Клебер, Дезе, Бертье, Ланн, Мюрат, Бессьер, ближайшие сподвижники Бонапарта — Жюно, Мармон, Дюрок, Бурьенн — со-

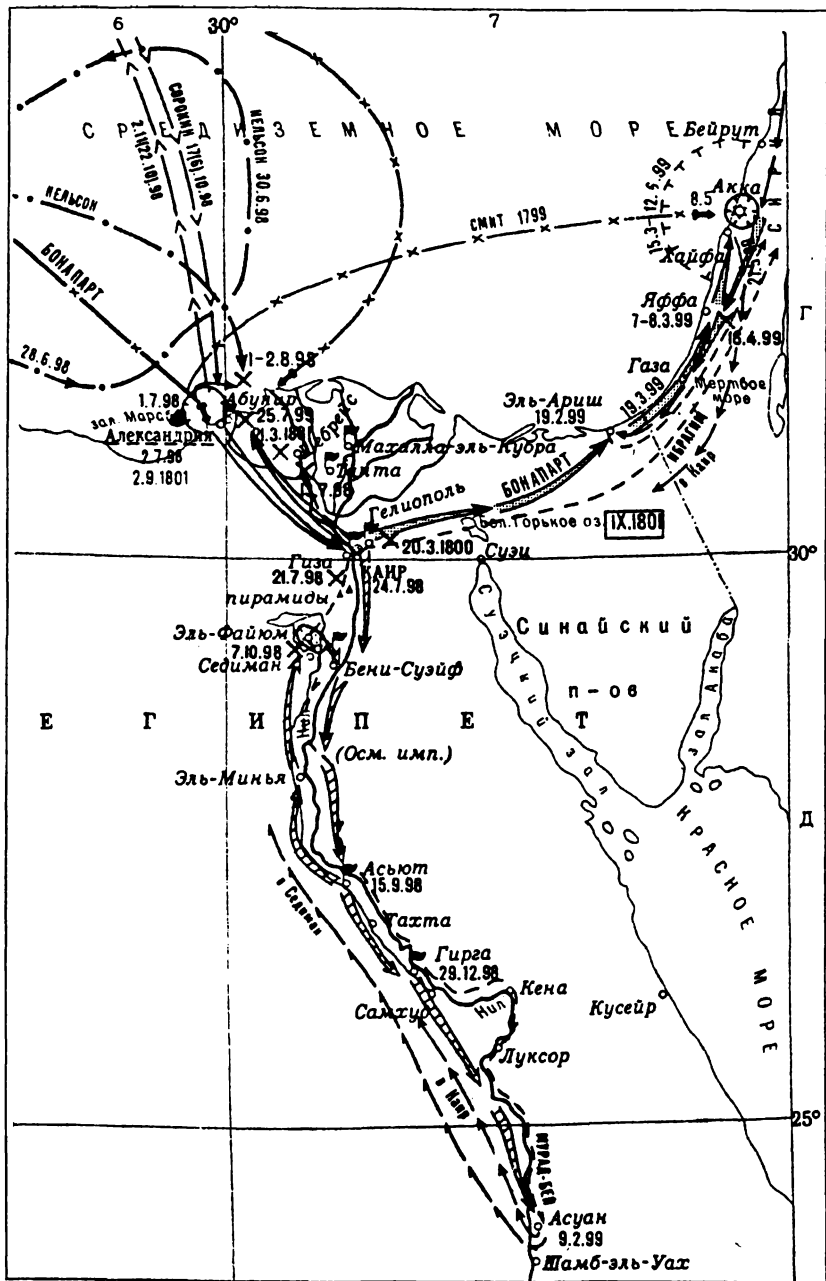
ставляли окружение командующего Восточной армией. Вместе с военными ехали ученые — в будущем основавшие Институт Египта, объединявший представителей всех областей науки.

Вся Европа знала, что готовится какая-то морская экспедиция. Англия прекрасно была информирована, что во всех южнофранцузских портах идет кипучая работа, что туда непрерывно прибывают войска, что возглавляет экспедицию генерал Бонапарт и что уже это назначение показывает всю важность дела. Но вот куда направится экспедиция? Бонапарт искусно распространил слух, что он намерен пройти через Гибралтар, обогнуть Испанию и попытаться сделать высадку в Ирландии. Это дошло до Нельсона и обмануло его: он сторожил Бонапарта у Гибралтара, когда французский флот вышел из гавани и пошел прямо на восток.

А три недели спустя, 9 июня, французы подошли к берегам Мальты. Остров с 16 века принадлежал ордену мальтийских рыцарей. Генерал Бонапарт потребовал сдачи крепости, и, после символически оказанного сопротивления, над Ла-Валеттой поднялся французский флаг. Остров был объявлен владением Французской республики. «Я смел взять, и я взял», — подытожил Бонапарт. 19 июня эскадра продолжила свой путь. На Мальте был оставлен 4-тысячный гарнизон под командованием генерала Вобуа.

Сопутствуемый благоприятным ветром уже 30 июня Бонапарт со своим флотом подошел к берегу Египта близ Александрии и немедленно начал высадку войск. Положение было опасное: он узнал, что за двое суток до прибытия французов здесь уже побывал Нельсон.

Английский адмирал, получив весть о падении Мальты, бросился на всех парусах в Египет, чтобы не допустить высадки и потопить французов еще в море. Но ему повредила именно его поспешность и быстроходность британских кораблей. Нельсон обогнал французскую эскадру, первым прибыл в Александрию, где узнал, что ни о каком Бонапарте здесь не слыхали. И тогда англичане помчались в Константинополь, решив, что больше французам плыть некуда.

Египетская экспедиция. 1798-1799 годы.

Эта цепь случайностей и ошибок Нельсона спасла экспедицию. Британский флот мог вернуться каждую минуту, поэтому высадка была произведена с максимальной быстротой. В час ночи 2 июля войска были на суше. Самая опасная часть предприятия осталась позади. Произошло почти чудо — более сорока дней французская флотилия находилась в море, она прошла его с запада на восток и с севера на юг, но так и не встретила англичан.

Чувствуя под ногами твердую почву, французы уже ничего не боялись: на суше они вновь ощущали себя армией победителей.

Александрия. 2 июля

Давно уже беи, господствующие над Египтом, оскорбляют французскую нацию и подвергают ее негоциантов унижениям; час отмщения настал...

Бонапарт. Воззвание к народам Египта

Очутившись в своей стихии, Бонапарт немедленно двинул армию на Александрию, и уже через несколько часов перед глазами французов возник большой восточный город.

Египет считался владением турецкого султана, но фактически им владела и над ним господствовала начальствующая верхушка хорошо вооруженной феодальной конницы. Конница называлась мамлюками, а их начальники, владельцы лучших земель в Египте, — беями-мамлюками. Мамлюки (в буквальном переводе — невольники) были первоначально воинами-рабами, в XIII веке составившими гвардию египетского султана. В 1250 году они свергли династию Айюбидов и основали династию мамлюкских султанов, правившую до завоевания Египта турками (1517); фактически сохраняли господство в Египте до 1811 года. Эта военно-феодалная аристократия платила дань Константинополю, признавала верховенство Турции, но реально крайне мало от нее зависела. В 1799 году Египтом управляли два сопровителя — Мурад-бей и Ибрагим-бей. Основное население страны —

арабы — занимались кто торговлей, кто ремеслами, кто караванным делом, кто работал на земле. Самые бедные батрачили, были чернорабочими, погонщиками верблюдов и т. п. Хотя страна считалась принадлежащей султану, Бонапарт, прибывший захватить ее в свои руки, все время старался делать вид, будто он с турецким султаном не воюет, — напротив, с султаном у него мир и дружба, а он явился, чтобы освободить арабов от угнетения беев-мамлюков, которые своими поборами и жестокостями угнетают население.

И когда он двинулся к Александрии и после нескольких часов перестрелки взял ее, то, выпустив воззвание к египетскому народу относительно освобождения его от ига мамлюков, сразу стал устанавливать надолго французское владычество. Он всячески уверял арабов в своем уважении к Корану и исламу, но одновременно рекомендовал полную покорность, грозя в противном случае крутыми мерами. «Всем, кто называет себя моими друзьями, живется хорошо. А те, кто перебегает к моим врагам, погибают».

Бонапарт рассчитывал, как это было в Италии, найти союзников в лице угнетенных и недовольных. Но арабы-феллахи и жители городов, составлявшие основное население Египта, были до такой степени забиты и политически отстали, находились на такой низкой ступени общественного сознания, что все призывы к борьбе до них не доходили: они просто не были способны их воспринять. Не сразу Бонапарту стало ясно, что он не находит общего языка с арабами, что они его не слушают, чтобы он ни говорил. Только с отдельными членами верхушки ему иногда удавалось находить взаимопонимание.

Бонапарт оказался в Египте — и это стало трагедией всего похода — в социальном вакууме. Он не встречал поддержки и не находил опоры в народе страны, он провел ряд смелых реформ антифеодалного характера, но не приобрел сочувствия арабов. Он был стратегом, созданным революцией, мыслил ее категориями, и в то время в его планах социальным силам придавалось не меньшее значение, чем пушкам и числу штыков. Когда Наполеон рисовал увлекающую его картину великого похода на Восток и полного сокрушения могущества Брита-

нии, то он рассчитывал достичь этого грандиозного результата не со своей маленькой армией. Он надеялся, что его солдаты станут авангардом великой армии освобождения, в которую вольются восставшие арабы, индийцы, греки, персы. Он будет идти во главе непрерывно растущего многомиллионного войска поднявшихся за свое освобождение народов, и в мире не найдется силы, которая могла бы их остановить.

«Европа — это кротовая нора! Здесь никогда не было таких великих владений и великих революций, как на Востоке, где живут 60 миллионов людей» — вот его мечты и надежды в Александрии. Александр Македонский — вот его кумир. Все разочарования ждали Наполеона впереди, а пока он был полон великих планов.

Битва у пирамид. 21 июля

Солдаты! Сорок веков смотрят на вас сегодня с высоты этих пирамид.

Генерал Бонапарт

После нескольких дней пребывания в Александрии, решив организационные вопросы, Бонапарт двинулся на юг, углубляясь в пустыню. Армия шла на Каир — второй крупнейший город Египта. Она состояла из пяти дивизий под командованием генералов Дезе, Ренье, Бона, Дюгуа и Виалья; резерва под командованием генерала Мюрата и двух бригад кавалерии. Всего 21 000 солдат и 42 пушки. Раненый при взятии Александрии генерал Клебер остался комендантом города с 9-тысячным гарнизоном.

На переходе войска страдали от отсутствия воды: население в панике покидало свои дома и, убегая, отравляло и загрязняло колодцы. Солдаты роптали, не понимая, зачем их забросили далеко от Франции сюда, где одни пустыни и нет никакой добычи. Между ними ходил слух, что вся экспедиция затеяна ради ученых, которые на каждой стоянке бросались осматривать и раскапывать какие-нибудь древние развалины. Главнокомандующий особо их опекал и в моменты опасности, когда налетали

арабские всадники, давал команду: «Ослов и ученых на середину!»

Впрочем, пока мамлюки медленно отступали, изредка тревожа французов внезапными нападениями из засад, захватывая отставших от строя и затем на своих великолепных конях скрываясь от погони.

Каждый воин-мамлюк был вооружен четырьмя пистолетами и холодным оружием. Все они были прекрасными наездниками и искусными противниками в рукопашной схватке. Одиночный французский улан, как правило, проигрывал в сабельном бою такому воину. Но мамлюки не знали строя, военной дисциплины и не представляли себе возможностей регулярного войска. Они видели, что французская армия малочисленна, и Мурад-бей был уверен, что ему удастся легко разгромить завоевателей.

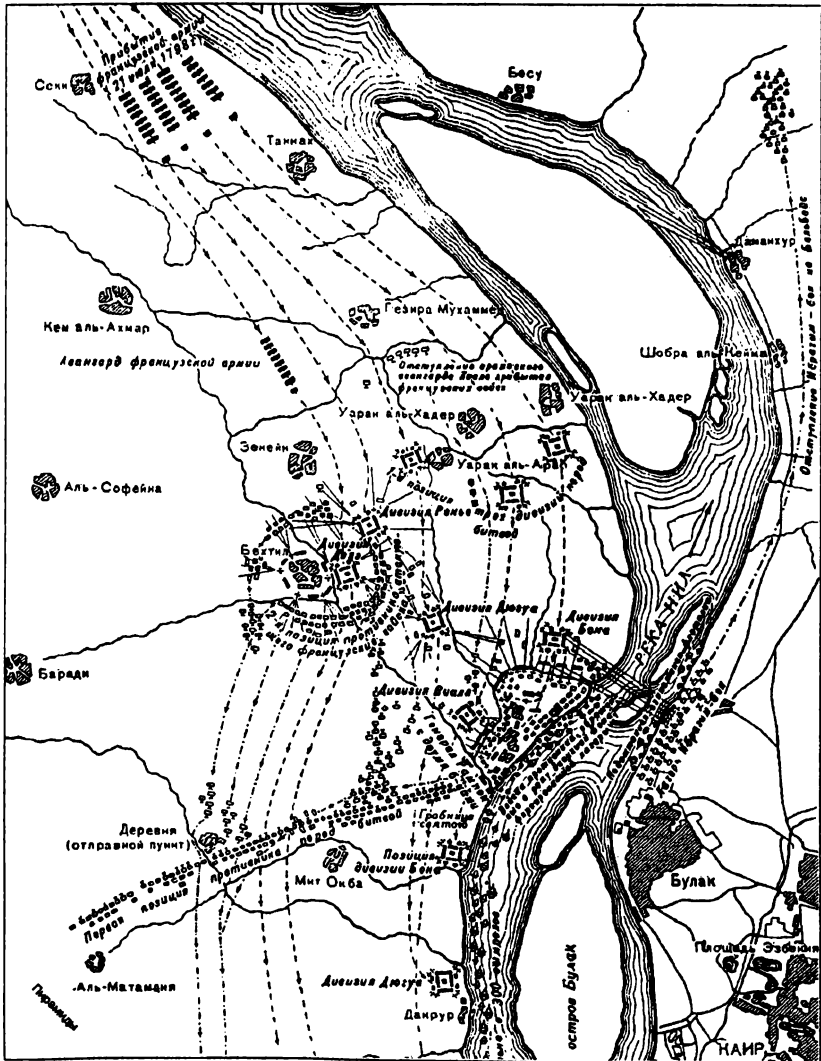
13 августа у Шебриза 8-тысячное конное войско мамлюков смело напало на французскую армию, но было отбито с жестоким уроном и к немалому изумлению самих нападавших. Это было настолько непонятно, что среди арабов распространилась версия, будто главный французский генерал — волшебник: все его солдаты связаны невидимыми нитями и могут мгновенно и одновременно поворачивать в нужную сторону, когда он дергает эти нити.

К 19 июля французская армия достигла Улем-Динара, местечка в 20 километрах от Каира в начале дельты Нила. В первый раз французы увидели на горизонте великие пирамиды. 20-го числа армия получила отдых, а затем ей был отдан приказ приготовиться к бою. Противник занял позицию на левом берегу Нила напротив Каира, между Эмбабой и пирамидами. Многочисленная кавалерия, пехота и артиллерия — вся эта масса людей не имела ничего общего с регулярной армией. Значительная флотилия, частью вооруженная, прикрывала их лагерь.

21 августа в 2 часа ночи французская армия снялась с бивака. На рассвете она встретила авангард мамлюков, который рассеялся после нескольких пушечных выстрелов. В 8 часов тысячи французских глоток испустили крик радости при виде 400 минаретов Каира. Теперь солдаты убедились, что существует в действительности большой город, не идущий ни в какое сравнение со всем

тем, что они наблюдали со времен высадки. В 9 часов французы увидели боевые порядки противника.

Правый фланг, состоявший из 20 000 янычар, арабов и каирских ополченцев, находился в укрепленном лагере перед деревней Эмбаба, напротив Булака. Лагерь был вооружен 40 пушками. Центр составлял кавалерийский

Битва у пирамид.

корпус из 12 000 мамлюков и прочих беев; все они имели при себе 3—4 пеших слуги, так что в линии находилось до 50 000 человек. Левый фланг из 8000 арабов-бедуинов примыкал к пирамидам. Вся боевая линия была протяженностью 6 километров. Нил от Эмбабы до Булака едва вмещал флотилию из трехсот египетских судов. На правом берегу реки собралось практически все население Каира, чтобы наблюдать за решающей битвой.

Бонапарт, получив данные разведки своего штаба, мгновенно оценил ситуацию. Укрепленный лагерь противника был защищен наспех вырытыми траншеями, которые могли явиться некоторым препятствием для кавалерии, но их ценность в случае пехотной атаки равнялась нулю. В арабской пехоте было мало порядка, и она была неспособна действовать на равнине. Вся ее задача состояла в том, чтобы держать оборону за полевыми укреплениями. Приданные ей пушки устанавливались на морских лафетах, то есть являлись неподвижными и не могли маневрировать. Поэтому неприятельская пехота не представляла особой опасности, как и арабы на левом фланге. Следовало опасаться только корпуса мамлюков, поэтому главный удар французский главнокомандующий наметил в центре.

Дивизия Дезе, двигавшаяся впереди, начала заходить направо, прошла в двух пушечных выстрелах от укрепленного лагеря, а затем направилась против центра линии мамлюков. Дивизии Ренье, Дюгуа, Виалья и Бона следовали за Дезе на некотором расстоянии. Напротив того пункта в линии противника, где намечался прорыв, находилась деревня. Она служила французам ориентиром. Около получаса французская армия двигалась в таком порядке и при полном молчании. Затем Мурад-бей, являвшийся главнокомандующим, догадался о намерении французов и решил помешать им завершить свой маневр. Он понял, что имея многочисленную кавалерию, ему следует атаковать неприятельскую пехоту немедленно, пока она на марше.

С 8000 всадников Мюрат-бей устремился вперед с быстротой молнии, проскакал между дивизиями Дезе и Ренье и окружил их. Дезе успел перестроить своих солдат. Одновременно пять французских колонн перегруппиро-

вались в каре 300 метров по фронту и 50 метров вглубь. Кавалерия, поделенная на пять дивизионов, находилась внутри строя, артиллерия — на флангах. Со всех четырех сторон каре атакующих всадников стал поражать ружейный и картечный огонь. Генерал Ренье также не замедлил принять оборонительную позицию и открыть огонь.

В это время дивизия Дюуба, с которой находился Бонапарт, продвинулась вперед и очутилась между Нилом и дивизией Дезе, отрезав этим маневром противника от Эмбабы и преградив ему путь к реке. Вскоре дивизия открыла огонь в тыл мамлюкам из своих орудий. В течение часа продолжалась эта яростная схватка, поле сражения покрылось телами убитых и раненых. Иррегулярная, храбрая конница разбилась о несокрушимые французские каре. Некоторые мамлюки поодиночке врубались в строй противника и проскакивали сквозь него. Но неумение скоординировать свои усилия не позволило им сломить французскую пехоту. Всадники утомляли своих лошадей, подскакивая один за другим к каре, и гибли на штыках.

Наконец они отступили за пределы действия огня. Мурад-бей с 3000 человек отошел в Гизу по дороге в Верхний Египет. Остальные мамлюки, оставшиеся позади каре, искали опоры в укрепленном лагере в тот момент, когда его атаковала дивизия Бона. В это время генерал Рампон с двумя батальонами захватил ров и дамбу, прервав сообщение между Эмбабой и Гизой.

Находившаяся в лагере египетская кавалерия, атаки которой были отбиты дивизией Бона, пыталась прорваться в Гизу. Но, остановленная Рампоном и поддержавшей его дивизией Дюуга, заколебалась, стала метаться из стороны в сторону и, наконец, бросилась в Нил, где множество людей утонули. Укрепленный лагерь не оказал никакого сопротивления. Арабская пехота, видя разгром кавалерии, вышла из боя и стала переправляться через Нил на небольших лодках и вплавь. Большая ее часть спустилась по левому берегу реки и под покровом темноты разбежалась на открытой местности.

Мурад-бей предпринял нескольких атак в надежде восстановить связь со своим укрепленным лагерем и облег-

чить отход находившимся там войскам, но все они были отбиты. К ночи он отступил и приказал поджечь флот.

Из 12 000 мамлюков только 3000 человек во главе с Мурад-беем отступили в Верхний Египет; 1200 остались вместе с Ибрагим-беем для обороны Каира и впоследствии отошли в Сирию. Потери египтян составили убитыми, ранеными, утонувшими и пленными около 10 000 человек и все пушки. Мурад-бей в бою был ранен. Французская армия потеряла 300 человек. При свете пожаров солдаты всю ночь обшаривали трупы в поисках золота в мамлюкских поясах.

24 июля Бонапарт вступил в Каир, где нашел массу съестных припасов. Его армия отдохнула после тяжелых переходов. Правда, неприятно было то, что жители слишком уж были напуганы, и командующий издал специальное воззвание с призывом сохранять спокойствие. Но так как он же одновременно приказал разграбить и сжечь село Алькам, заподозрив его жителей в убийстве нескольких солдат, то страх арабов еще более усилился. Такие приказы в подобных ситуациях Наполеон не колеблясь отдавал всюду, где бы он ни воевал: его войско должно было видеть, как страшно карает их начальник всех и каждого, кто посмеет поднять руку на французского солдата.

1 августа произошла катастрофа. Перед французским флотом, стоявшим в Абукирском заливе, внезапно предстала ожидаемая давно, но все же не в этот момент, эскадра адмирала Нельсона. Хотя французы имели превосходство в количестве орудий, Нельсон захватил инициативу в свои руки и к 11 часам утра 2 августа французский флот перестал существовать. Адмирал Брюэс погиб в бою.

Абукирская катастрофа повлекла за собой трагические последствия для армии в Египте — она оказалась надолго отрезанной от Франции. Бонапарт узнал о происшедшем только две недели спустя от курьера, посланного Клебером. Человек сильного характера, главнокомандующий, как это всегда бывало с ним в момент опасности, испытал прилив огромной энергии. Его письма Гантому, Клеберу и Директории динамичны, трезвы, в них нет ни тени колебаний; он уверенно наме-

Поход в Египет.

чает ряд неотложных мер, призванных спасти то немногое, что осталось от флота, он готов восстанавливать его, собирая по кораблю во всех средиземноморских портах. О его сильном душевном волнении можно лишь догадаться по настойчивости, с которой он доказывает Директории, что счастье его не покинуло.

Однако на армию известие разроме французского флота около Абукира Абукирском заливе произвело гнетущее впечатление. Собственно, разочарование и даже недовольство началось еще раньше. Египет в действительности оказался очень не похож на тот волшебный мир восточных красот и чудес, который рисовало воображение солдат на пути из Тулона в Александрию. После Италии это было разительным контрастом. Бесплодные, выжженные солнцем пустыни, бедность, убогость, темный народ, видевший во французах врагов, отсутствие денег, нехватка воды, постоянно мучающая жажда и все испепеляющий зной! Катастрофа в Абукире приумножила эти настроения. Бонапарт должен был поддерживать дух своей армии, и он это делал, но, оставаясь наедине, сам давал волю мрачным чувствам. Когда Бурьенн высказал надежду, что Директория придет на помощь, Бонапарт не дал ему договорить: «Ваша Директория — это кучка дерьма. Они меня ненавидят и оставят здесь погибать!»

На Директорию он не надеялся, понимая, что может рассчитывать только на самого себя.

Сирийский поход. 1799 год

Я видел себя едущим на слоне с тюрбаном на голове и новым Кораном в руках, написанным в соответствии с новой религией, которую я основал. Я хотел объединить в этом походе опыт Запада и Востока, поставить историю на службу себе...

Наполеон

В целом к осени 1798 года положение французов в Египте было стабильным. Они имели достаточно продо-

вольствия, установив правильно действующую систему снабжения и реквизиций. Самое жаркое время прошло, страна сделалась совсем иной. Армия отдохнула и усилилась. Кавалерия энергично пополнялась лошадьми.

Генерал Дезе с 5000 человек и речной флотилией был направлен в Верхний Египет преследовать Мурад-бея и нанес ему поражение в битве при Седимане. Клебер успешно завоевывал дельту Нила. Пользуясь затишьем, Бонапарт активно занимался созданием благоприятных условий для своей армии. На побережье возводились новые батареи, укреплялась Александрия, войска готовились к новым боям, опираясь на опыт, полученный в прошедшей кампании.

Пехотинцы обучались обороне против всадников маленькими группами по 2–8 человек, образуя своего рода каре. Для прикрытия пехоты от кавалерийских атак стали применяться специальные колья с острыми металлическими наконечниками. Колья, воткнутые в песок, скреплялись между собой цепочками, образуя длинные частоколы перед фронтом каре. В кавалерии, получившей 3000 прекрасных арабских коней, также полным ходом шла подготовка к предстоящим сражениям. Лошадей приучали к ружейной и артиллерийской пальбе, изготавливались седла арабского типа. Артиллерия занималась переустройством своих упряжек для использования верблюдов, мулов и даже буйволов.

С огромной энергией Бонапарт взялся и за общественное переустройство Египта, но оказался в состоянии полной изоляции от населения. Он вел переговоры с духовенством о возможности принятия всей его армией магометанства, но арабы отнюдь не были восхищены «освобождением от тирании мамлюков». В конце октября дело дошло до попытки восстания в самом Каире. Несколько человек из оккупационной армии были убиты, и в течение трех дней восставшие оборонялись в нескольких кварталах. Усмирение было беспощадным. Кроме множества перебитых жителей при самом подавлении, несколько дней потом шли показательные казни: от 12 до 30 человек в день. Головы мятежников водружались на колья в назидание остальным мятежникам. «Это ока-

жет на них благотворное действие. Мягкостью здесь много не добьешься».

Но армия-победительница беев оказалась заложницей своих побед. Бонапарт искал выхода из мышеловки, в которой он оказался. Надо было вырваться из Египта, пробиться к необозримым плодородным просторам Востока, и тогда все будет переиграно. Бонапарт не отказался от своих грандиозных планов. В сентябре у него появился новый противник. Турецкое правительство решило ни в коем случае не поддерживать распространенный Бонапартом вымысел, что он не воюет с Оттоманской (Османской) империей, и, отчасти под впечатлением победы англичан над французским флотом около Абукира, объявило войну Франции. В Сирию выдвинулась турецкая армия под командованием сераскера (главнокомандующего) Ахмеда Джебзара-паши, по прозвищу Мясник. Другая армия, при поддержке британской эскадры, готовилась к вторжению в Египет с острова Родос.

Французский полководец решил, не дожидаясь начала действий противника, самому нанести удар по турецкой армии в Сирии, вооружить сирийских христиан и прорваться к Дамаску.

К концу 1798 года численность французской армии в Египте составляла 29 700 человек, из них 1500 были небоеспособны. Для похода в Сирию главнокомандующий мог выделить только 13 000 солдат. В этот экспедиционный корпус вошли дивизии Клебера, Ланна, Бона и Ренье, кавалерия Мюрата в составе двух бригад, артиллерия и вспомогательные части. Это количество Бонапарту представлялось вполне достаточным для начальных наступательных операций. К тому же он весьма низко оценивал боеспособность турецких войск. Сирия должна была быть лишь первым актом в широко задуманном плане действий. Как позднее писал Наполеон, он рассчитывал, «если судьба будет благоприятствовать, несмотря на потерю флота, к марту 1800 года во главе 40-тысячной армии достичь берегов Нила».

Яффа. 3—7 марта

Ярость солдат достигла предела, они перебили всех; город был разграблен и пережил все ужасы, достаемые на долю города, взятого штурмом.

Наполеон. Поход в Египет и Сирию

9 февраля маленькая армия выступила в поход. Генерал Бонапарт вслед за дивизиями Ланна и Бона покинул Каир 10-го числа. Он оставлял достаточно обеспеченный и хорошо организованный тыл: 2 февраля генерал Дезе взял Асуан, завершив завоевание Верхнего Египта.

Путь французских войск был тяжелым, изнуряющим, даже в феврале жгло солнце, солдат мучила жажда. Но всех воодушевляла надежда: армия шла вперед. Авангард Ренье, преодолев бесплодную пустыню, отбросил на север мамлюков Ибрагим-бея и атаковал Эль-Ариш, но взять город с ходу не смог. На следующий день прибыл Бонапарт и приказал установить артиллерию. Через два дня огонь был открыт и, после пробития бреши в стене, гарнизон пошел на переговоры. 19 февраля Наполеон заключил с осажденными договор о сдаче, согласно которому 3000 человек гарнизона должны были отправиться в Багдад, дав клятву не воевать против французов в течение года.

После четырехдневного отдыха армия двинулась к Газе. Теперь в авангарде была дивизия Клебера. С приближением французов турки оставили Газу. 25 февраля армия Бонапарта вошла в город, здесь ей пришлось пережить четырехдневный проливной дождь, которого солдаты не видели почти год. 1 марта французы двинулись дальше, оставив в Газе госпиталь с заболевшими и ранеными.

Перейдя Суэцкий перешеек, Бонапарт 3 марта осадил Яффу. Гарнизон был блокирован за стенами города. Дивизия Ланна составила левый фланг осадной армии, генерала Бона — правый, Клебер был выдвинут к северу для прикрытия. Траншеи для батарей были готовы к 6 марта. Перед штурмом в город послали парламентариев с предложением сдаться. Офицера и трубача турки приня-

ли, но четверть часа спустя французы увидели их головы, насаженные на пики, а трупы — сброшенными со стен.

В ответ Бонапарт приказал пленных не брать, впрочем, вся армия и так разделяла его мнение. Артиллерия открыла огонь и к 16 часам в одной из башен пробила брешь. Генерал Ланн с полком солдат бросился в нее и захватил цитадель. Ночью состоялся общий штурм: со стороны моря дивизией Бона и с суши — войсками Ланна. После упорного сопротивления город пал. Ворвавшиеся на его улицы солдаты принялись истреблять буквально всех, кто попадался на пути. Дома и лавки были отданы на разграбление.

Спустя некоторое время, когда грабежи и избиение уже подходили к концу, главнокомандующему доложили, что около 4000 уцелевших турецких солдат при полном вооружении заперлись в одном обширном, со всех сторон загороженном месте и что когда французские офицеры подъехали и потребовали сдаться, эти солдаты объявили, что выполняют приказ только в том случае, если им будет гарантирована жизнь, а иначе будут обороняться до последней капли крови. Французские офицеры обещали выполнить условие, турки вышли из своего укрепления и сдали оружие. Пленников французы заперли в сарае, среди них оказались и те, кто под честное слово были отпущены из Эль-Ариша.

Бонапарт был всем этим очень разгневан. Он считал, что совершенно незачем было обещать туркам жизнь. «Что мне теперь с ними делать? — кричал он. — Где у меня припасы, чтобы их кормить?» Не было ни судов, чтобы отправить их морем в Египет, ни достаточно свободных войск, чтоб конвоировать 4000 сильных солдат через все сирийские и египетские пустыни в Александрию или Каир. Командующий раздумывал три дня, однако на четвертый отдал приказ расстрелять всех турок. 4000 пленников были выведены на берег моря и здесь убиты все до единого. «Никому не желаю пережить то, что пережили мы, видевшие этот расстрел», — писал один из французских офицеров.

Вслед за Яффой пала и Хайфа. К середине марта в сражениях с турками была завоевана вся Палестина.

Осада Акры. 18 марта — 21 мая

Если бы Акка пала, мы бы быстро дошли до Евфрата, и я вступил бы в Индию и везде ввел новые порядки.

Наполеон

Чем дальше на восток продвигалась армия Бонапарта, тем становилось труднее. Население Сирии, на поддержку которого он надеялся, было так же враждебно к «неверным», как и арабы Египта. При взятии Яффы французы проявили крайнюю жестокость к побежденным. Но ни арабов, ни друзов, ни турок нельзя было ни запугать, ни привлечь на свою сторону. В Яффе обнаружили первые признаки заболевания чумой. Болезнь вызвала страх у солдат, но эпидемии пока надеялись избежать.

Бонапарт шел впереди армии — молчаливый, хмурый. Война складывалась несчастливо, все шло не так, как он ожидал, все оборачивалось против него. Судьба ему больше не благоприятствовала. Его угнетало еще и другое: в самом начале Сирийского похода у Эль-Ариша Жюно, неизвестно зачем, рассказал, что Жозефина ему неверна. Ярость Бонапарта была беспредельна, он осыпал имя жены солдатской бранью, это было едва ли не самое сильное потрясение последних месяцев. На время оно заслонило все остальное.

Чтобы не остаться в долгу перед Жозефиной, он сошелся с молоденькой женой одного из офицеров, прокравшейся в Тулоне на корабль в мужском платье. Полиция не устояла перед льстившими ей ухаживаниями главнокомандующего армией. Лейтенанту, ее мужу, во избежание осложнений было дано срочное поручение во Францию. Вскоре Бонапарт взял себя в руки. Он был солдат и командующий, и на нем одном лежала ответственность за этих людей, под палящим солнцемдвигающихся на восток.

18 марта армия вышла к стенам старинной крепости Сен-Жан д'Акр. Турки называли ее Акка. Надо было сломить сопротивление этой твердыни — «судьба заключена в этой скорлупе». За Акрой открывались дороги на Дамаск, на Алеппо, Бонапарт уже видел себя идущим вели-

кими путями Александра Македонского. Выйти только к Дамаску, а оттуда стремительным маршем к Евфрату, Багдаду — и путь в Индию открыт.

Крепость располагалась в северной части бухты. С двух сторон город Хайфа выходил к морю, с третьей, на Туронском плато стала лагерем французская армия. Между дивизией Ренье, имевшей приказ обложить Акру, и гарнизоном, который засел в старых развалинах впереди города, не желая укрываться за стенами, завязалась оживленная артиллерийская и ружейная перестрелка. К вечеру 19 марта Ренье загнал турок в крепость, блокировав гарнизон во главе с Джеззар-пашой. Началась правильная осада.

Дивизия Ренье составила левый фланг французских войск, Клебера — правый, Ланна и Бона — центр. Кроме того, Бонапарт выделил четыре небольших наблюдательных отряда — всего около 2000 человек — под командованием Мюрата, Ламбера, Жюно и Виалья для патрулирования окрестностей и прикрытия осадной армии.

На следующий день инженеры генерала Кафарелли произвели рекогносцировку. Крепость, с двух сторон окруженную морем, со стороны суши огораживали две стены. Восточная с шестью башнями, протяженностью около 600 метров, и северная, длиной 1000 метров, имевшая семь башен. Эти две стены образовывали почти прямой угол, в его вершине находилась большая старая башня, которая господствовала над ними и над городом. Вид стен позволял надеяться на скорое падение крепости, французы решили, что 12-фунтовых орудий окажется вполне достаточно, чтобы пробить брешь, и что взять город будет также несложно, как и Яффу. Инженеры предложили атаковать восточную сторону как более легкодоступную, пробить брешь в большой башне и произвести штурм.

К 21 марта в 300 метрах от стены была заложена траншея и установлены восемь батарей. Вся артиллерия осаждавших состояла к этому времени из тридцати шести 12-фунтовых полевых орудий и четырех 6-дюймовых мортир. 12 орудий были выделены для нужд наблюдательных отрядов. Кроме того, имелись две взятые в Хайфе крупнокалиберные карронады, но к ним не было ни лафетов, ни ядер соответствующего калибра. Бонапарт

ожидал прибытия морем осадных орудий. Однако 22 марта, на глазах французов, английские корабли перехватили в бухте французский конвой, что привело позднее к печальным последствиям. С этого момента английский флот, постоянно наращивая свои силы, осуществлял прикрытие крепости с моря.

23 марта французы начали артиллерийскую атаку. Сутки орудия вели непрерывный огонь и на следующий день пробили-таки брешь в основании большой башни. Казалось, что Акра будет взята уже к вечеру. Но посланные на разведку саперы наткнулись на возведенный турками контрэскарп. Он парализовал все усилия осаждавших в течение четырех дней. Все эти дни саперы вели подземную галерею под препятствие, а артиллеристы пытались привести в боеспособное состояние трофейные карронады — 32- и 24-фунтовую. Лафеты изготовили сами. А 32- и 24-фунтовые ядра, выпущенные из крепости и с британских кораблей, собирали солдаты и сдавали в артиллерийский парк по пять су за ядро. Со временем это превратилось у французов в своеобразный вид спорта. Пехотинцы развивали бурную деятельность на берегу под дулами английских пушек: рыли траншеи, таскали орудия, изображали строительство батарей — лишь бы вызвать огонь противника. И тут собирали ядра.

28 марта минеры взорвали часть контрэскарпа, и французы предприняли штурм. Часть передового отряда прорвалась в башню, но не поддержанная подкреплениями полностью погибла. Французы откатились от стен, потеряв 114 человек убитыми и ранеными.

1 апреля минеры Каффарелли взорвали еще одну мину, которая обрушила контрэскарп. Но к этому времени осажденные сделали брешь непригодной для приступа: они заполнили ее бомбами, заряженными гранатами, железными шипами вперемежку с мусором. Французы все же сделали попытку ворваться в крепость, но снова неудачно. Оставалось надеяться на подземную войну. Каффарелли повел минную галерею подо рвом к большой башне.

Драгоценное время уходило, для Бонапарта обстановка ухудшалась с каждым потерянным днем. 5 апреля поняв, что город держится и турки полны решимости со-

противляться, в Акре высадились англичане. Коммодор Сидней Смит дал дополнительно гарнизону сотню своих офицеров и опытных канониров. Он же доставил в крепость захваченную у французов артиллерию. Опытный инженер Филиппо, соученик Бонапарта по Бриеннской школе, стал советником Джебззар-паши по ведению обороны. Уже 7 апреля осмелевшие турки в количестве 1500 человек предприняли вылазку с целью уничтожить минную галерею. После жестокого штыкового боя они были отброшены в крепость, потеряв 800 солдат.

В это время паша Дамаска сумел собрать 30-тысячное войско. К нему также присоединился Ибрагим-бей со своими мамлюками. Дамасской армии было приказано перейти Иордан, как только в Акре высадится Родосская армия. Но угроза штурма крепости побудила Джебззар-пашу как сераскера послать дамасскому паше приказ не мешкая перейти Иордан и перерезать коммуникации французов с Египтом.

Сирийская армия двинулась из Дамаска на юг двумя колоннами. Сам паша с 25 000 солдат стал лагерем на левом берегу Иордана. На правый берег он выслал авангард, чтобы занять Лубийские высоты перед бродами. Его сын с отрядом в 8000 человек занял мост Якова и направил авангард для осады форта Сафад.

Положение французов становилось затруднительным. Из 13 000 человек, вступивших в Сирию, тысяча солдат были убиты или ранены в боях и осадах, около тысячи больных находились в госпиталях Назарета, Яффы и Газы. 5000 солдат были необходимы для ведения осады. Оставались только 4000 человек для борьбы с 40-тысячной Дамасской армией. Первой на север пошла дивизия Клебера. 15 апреля ему на помощь отправился Бонапарт с дивизией Бона и всей кавалерией.

В это время французские наблюдательные отряды, выигрывая время, нанесли противнику ряд чувствительных ударов. Мюрат с 1000 человек разбил малую колонну турок. Генерал Жюно занимал Назарет. Как только он узнал, что авангард Ахмед-паши в 3000 солдат перешел Иордан, то двинулся ему навстречу и остановил, хотя имел всего 400 человек. 11 апреля к Жюно присоединилась дивизия Клебера. В распоряжении последнего те-

перь было 2500 солдат, он двинулся на высоты Лубии, разбил турецкий авангард, но на следующий день, опасаясь быть отрезанным от Акры, вернулся на позицию на высотах Назарета. Тогда Ахмед-паша уже всей армией переправился через Иордан и двинулся к Акре.

Генерал Клебер решил, следуя за турками, выйти им в тыл и перерезать их сообщения с Дамаском. Его ошибка заключалась в том, что противнику в данном случае это было безразлично — он налаживал коммуникацию с Акрой, а у французов было слишком мало сил. Поэтому войска Клебера попали в очень тяжелое положение. В 7 часов утра 16 апреля они атаковали с тыла турецкий лагерь и через короткое время были окружены 30-тысячной армией.

В 9 часов, следуя на север, Бонапарт в бинокль увидел у подножия горы Табор два небольших каре, со всех сторон охваченных и атакованных очень большой армией. Главнокомандующий построил свои войска в три колонны и скрытно приблизился к месту сражения. Подобравшись незамеченными, три французских каре с короткой дистанции ударили в тыл неприятелю картечью и штыками. Турки были разбиты при соотношении сил 10:1 в свою пользу. Потери французов составили 300 человек. Добрую службу сослужили долго носимые пехотинцами колья, выставленные в 5–6 рядов перед фронтом каре. Мнение Бонапарта о качестве турецких войск еще более укрепилось: «50 или 60 тысяч турецких солдат образуют толпу, но не заслуживают названия армии. Она не способна выдержать удар французской дивизии численностью в 6000 человек».

*Генерал Жан Батист Клебер
(1753–1815).*

Вечером после боя главнокомандующий со штабом расположился в христианском монастыре, где монахи исполнили в честь новоявленного крестоносца на органе «Марсельезу» и другие революционные песни. Весь день 17 апреля Клебер преследовал остатки турецкой армии. У Бонапарта на миг возникла мысль пойти следом и взять Дамаск, но он понимал, что сил для этого у него явно недостаточно.

19 апреля он вернулся к Акре. Здесь его ждала еще одна приятная новость: контр-адмирал Перрэ, проскользнув через английские дозоры, сумел на небольшом судне перебросить к Акре морем шесть орудий крупного калибра. Начался второй период осады.

25 апреля французы взорвали мину под большой башней. Передняя ее часть обрушилась, словно отрезанная бритвой. Находившиеся в башне защитники, орудия и боеприпасы посыпались в ров. Вследствие ошибки в расчетах минная галерея ушла в сторону, и вторая половина башни устояла. Но это уже не было проблемой. Остатки башни были снесены огнем 24-фунтовых орудий, и французские солдаты мгновенно овладели развалинами. Но радость их продолжалась недолго. За время осады противник успел соорудить за башней ретраншемент; вход в крепость был снова закрыт.

На развалинах башни французы устроили позицию для батареи, обстреливавшей ретраншемент и дворец Джемал-паши. Одновременно другая батарея стала пробивать брешь во второй башне с восточной стороны. Стены крепости постепенно разрушались. Но зато рос ее гарнизон, который к тому же не испытывал недостатка в припасах. Турки вели оборону все более активно, постоянно контратаковали, уничтожая фашины и туры батарей. Более половины турецких солдат, как правило, гибли в этих вылазках, но их не страшила смерть и большие потери. Гарнизон Акры уже на треть превосходил силы осаждающих. Конечно, в открытом поле для Бонапарта это не имело бы большого значения. Но в условиях траншейной и минной войны, где солдаты сталкивались грудь в грудь, французы не имели преимуществ правильного строя, все решала индивидуальная подготовка бойцов. Причем потери Бонапарта в этих схватках оста-

вались невосполнимы, а превосходство турок в численности непрерывно росло.

4 мая была пробита брешь во второй башне. К этому времени под нее также была подведена минная галерея. 5-го числа планировался генеральный штурм. Ночью турки провели свою галерею, перерезали всех французских саперов и обезвредили мину. Бонапарт перенес штурм ориентировочно на 9 мая. Но обстановка резко изменилась.

Ранним утром 7 мая осаждавшие увидели на горизонте массу судов — это с Родоса шла деблокадная армия, которую с таким нетерпением ждали в Акре. Бонапарт приказал немедленно поднять армию в ружье и бросил на приступ дивизию Ланна. Французы построились в три колонны. Первая, под командованием генерала Рамбо, вошла в крепость через брешь с восточной стороны; вторая, под руководством Ласкаля, прорывалась через большую башню. Ланн возглавил резерв. Колонне Рамбо удалось форсировать брешь, она ворвалась в город, но застряла в уличных боях до наступления темноты. Ночью подошедшие турецкие корабли высадили на берег свежие подкрепления, которые в жестокой контратаке выбили французов из города. Генерал Рамбо был убит. Турки тут же предприняли вылазку, овладели частью батарей и траншей, но вскоре были отбиты и загнаны в крепость. Вновь восстановилось шаткое равновесие.

Осада длилась уже два месяца: потери французов убитыми, ранеными, заболевшими чумой возрастали. Погибли генералы Кафарелли, Бона, Рамбо, Ланн, Дюрок, многие офицеры получили ранения. Французской армии грозила опасность быть уничтоженной под стенами крепости Сен-Жан д'Акр. Бонапарта это страшило. Он все более убеждался, что его тающим войскам не хватает сил, чтобы овладеть этой ветхой крепостью, ставшей непреодолимым препятствием на пути его грандиозных замыслов. Не хватало снарядов, не доставало патронов, а подвоз их был невозможен. Все попытки штурмовых атак потерпели неудачу. Длительное сражение под стенами Акры было им проиграно. Через самое короткое время это станет очевидным для всех. К тому же 13 мая Бонапарт узнал от английских офицеров, что в Европе со-

здана вторая антифранцузская коалиция и разгорается новая война. Директории было не до затерявшейся в песках экспедиции, и главнокомандующий посчитал нужным уйти.

Решение снять осаду было замаскировано удвоением силы обстрела. Вся французская артиллерия была сведена в батареи и непрерывно вела огонь по турецким укреплениям в течение шести дней. В это время раненые, больные и обозы направлялись в Яффу, госпитали эвакуировались в Каир. 20 мая покинула траншеи дивизия Ренье. Ранним утром 21 мая вся остальная французская армия бесшумно снялась с позиций и двинулась вдоль побережья в обратный путь. Большинство осадных орудий были заклепаны и сброшены в море.

Обратный путь был еще тяжелее, чем наступление, потому что был уже конец мая и приближался июнь, когда страшная жара в этих местах усиливалась до невыносимой степени. Солдаты с трудом волочили ноги по горячим пескам, их постоянно мучила жажда. Рядом шумело бескрайнее море, но питьевой воды не было. Отступление осложнялось нехваткой лошадей, сворачиванием госпиталей. Раненых и больных не чумой брали с собой. Полсотни чумных, которых врач признал безнадежными, главнокомандующий приказал оставить и дать им сильные дозы опиума. Позже Бонапарт вспоминал: «В таких обстоятельствах я приказал бы отравить собственного сына».

Он велел всем спешиться, а лошадей, все повозки и экипажи отдать госпиталям. Когда после этого распоряжения конюх спросил Бонапарта, какую лошадь оставить ему, то тот пришел в ярость, ударил вопрошавшего хлыстом по лицу и закричал: «Всем идти пешком! Я первый пойду! Что, вы не знаете приказа? Вон!» И Наполеон шел впереди растянувшейся длинной цепочкой колонны, не испытывая, казалось, ни жажды, ни усталости. Командующий армией шел молча. Он знал, что проиграно не просто сражение под Сен-Жан д'Акр — проиграна кампания, проиграна война, все проиграно.

Но не об этом надо было думать. Важно было довести тех, кто остался в живых, до Каира. И после короткого отдыха звук горна снова поднимал измученных солдат, и

генерал Бонапарт снова шел на запад впереди колонны, загребая сапогами горячий песок, не замечая палящей жары. Двадцать пять суток длился этот невыносимый, губительный поход отступавшей армии из Сирии. 14 июня на рассвете армия увидела вдалеке минареты Каира.

По официальным данным французские потери в Сирийском походе составили 1200 убитых, 600 человек, умерших от чумы, 1800 раненых. Врач Ален Жерар приводил общую цифру потерь в 4945 человек.

Абукир. 25 июля

Эта битва — одна из прекраснейших, какие я только видел: от всей высадившейся неприятельской армии не спасся ни один человек.

Генерал Бонапарт

Не успел Бонапарт отдохнуть в Каире, как близ Абукира, там, где за год до этого Нельсон уничтожил французские корабли, высадилась турецкая армия, присланная освободить Египет от нашествия «неверных». 14 июля под прикрытием орудий 13 линейных кораблей, 9 фрегатов и многочисленных канонерок с 90 транспортов на Абукирском рейде сошло на берег 25-тысячное войско визиря Мустафы. Советником и союзником при нем был все тот же Сидней Смит. Турки заняли полуостров и обложили форт Абукир. Одновременно с этой высадкой активизировались и мамлюки.

Получив известие о неприятельском десанте 15 июля, Бонапарт немедленно приступил к сосредоточению своих войск. Дезе было приказано направиться в Каир. Ренье, находившийся в Бельбейсе, должен был идти форсированным маршем по кратчайшему пути на Рахманию. Клебер следовал туда же из Дамьетте. Дивизия Ланна и конница, размещавшиеся в Каире, в час ночи также выступили на Рахманию. Генерал Дюгуа с несколькими батальонами остался комендантом Каира.

Таким образом, вся французская армия должна была сосредоточиться в одном лагере у Рахмании. Ее численность должна была составить 20 000 человек пехоты, 3000 кавалерии и 60 орудий. «Эти войска были лучшими в мире, и они могли сделать все, что только в силах человека». 19 июля штаб главнокомандующего также прибыл в Рахманию, проделав за три дня 150 километров.

В Рахмании Бонапарт узнал, что 16 июля Мустафа овладел фортом Абукир. Это было весьма неприятное известие. Французский командующий полагал, что форт продержится минимум две недели и усложнит положение турок на полуострове.

Абукирский полуостров, заключенный между морем и озером Мадия, имел форму треугольника, вершиной которого и являлся форт Абукир. Между деревней и фортом для прикрытия последнего на холме Везирь был возведен земляной редут. Мустафа-паша после высадки стал лагерем на холмах Колодезь и Шейх и атаковал редут, который обороняли 300 французов при 5 орудиях во главе с комендантом форта. В самом форте был оставлен капитан Винами с 60 солдатами. Редут успешно отражал атаки противника весь день 15 июля, но на следующее утро был окружен и взят турками, а его гарнизон изрублен. В полдень 17 июля форт капитулировал. С этого момента Мустафа-паша не трогался с места, его войска занимали позиции на холмах Колодезь и Шейх, не предпринимая активных действий.

В это время авангард французской армии разместился в Бирке, где предполагалось устроить лагерь для сбора всех войск. Отсюда французы имели возможность ударить по левому флангу турецкой армии, если она двинется к Александрии, или по правому флангу, если она пойдет к Нилу. Одновременно велись работы по укреплению Александрии.

Наконец, собрав все свои силы, при полной бездеятельности неприятеля, 25 июля до рассвета Бонапарт двинул свои войска к Абукиру. Генерал Мюрат командовал авангардом, состоявшим из кавалерии, пехотной бригады Дэстена, 4 орудий — всего 2300 человек. Ланн командовал правым флангом численностью 2700 человек при 6 пушках. В распоряжении Ланюсса был резерв в

2400 бойцов с 6 пушками. Генерал Даву во главе 300 всадников получил приказ охранять коммуникации между французской армией и Александрией.

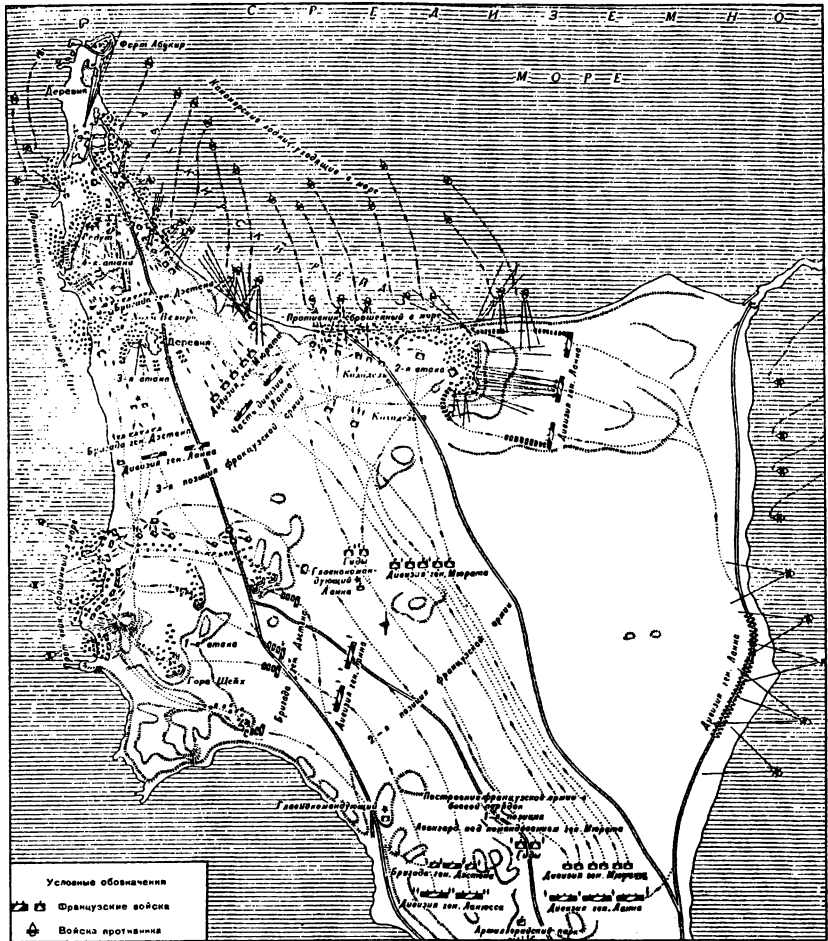
Турки ввели в озеро Мадия 12 канонерских лодок, которые обстреливали на марше правый фланг французской армии. В ответ французы поставили на берегу 8-орудийную батарею, которая ввязалась в перестрелку. В 9 часов утра генерал Мену установил орудия на выходе из озера, и канонерки, опасаясь быть запертыми, ушли.

К полудню армии стали на виду друг у друга. Турки были расположены следующим образом: 1-я линия в 9000 человек была разделена на три отряда — правый занимал холм Шейх, левый — холм Колодезь, третий примыкал к домам предместья. Вторая линия численностью 8000 человек, оседлавшая холм Везирь, правым и левым флангами примыкала к морю. Резерв в 5000 человек занимал деревню Абукир и форт; там находились обоз, парк и лагерь Мустафы-паши. Между первой и второй линиями турок были расположены 30 полевых орудий. Несколько канонерских лодок стояли на якоре, поддерживая правый фланг турецких линий; другие находились на внутреннем рейде, прикрывая левый фланг.

Французские артиллеристы генерала Сонжиса выдвинули вперед батареи тяжелой артиллерии и завязали дуэль с канонерскими лодками, вынудив их отойти. После этого наполеоновские дивизии развернулись в боевой порядок. Кавалерия, построившись в три линии, находилась в центре, бригада Дэстена — слева, дивизия Ланна — справа. Дивизия Ланюсса стала во второй линии.

На холмах Шейх и Колодезь видны были следы земляных работ. Паша находился на холме Везирь, при нем были несколько английских офицеров, в том числе и Сидней Смит. «Англия заставляет нас совершать подвиги, и мы их совершим», — обратился Бонапарт к своим солдатам.

В течение двух часов оба войска стояли в ожидании, как перед бурей. Наконец началась артиллерийская дуэль между турецкими батареями, расположенными на холмах, и полевыми орудиями Ланна и Дэстена. Генерал Мюрат выслал вперед две кавалерийские колонны, по 4 эскадрона и 3 легких орудия в каждой. Первая колонна

Абукирское сухопутное сражение.

направилась в промежуток между холмами Колодезь и Везирь, вторая — в обход холма Шейх. Одновременно в атаку на турецкие позиции пошла пехота. Турки держались стойко, стрелковый огонь был очень силен с обеих сторон. Но когда гранаты и ядра легких орудий, сопровождавших кавалерийские колонны, стали поражать турецкие позиции сзади, турки встревожились за свои пути отступления и потеряли выдержку. Заметив это, Ланн и Дэстен со своими войсками беглым шагом взобрались

на обе высоты. Турецкая пехота скатилась вниз в долину, где их ждала кавалерия Мюрата. Не имея возможности отступить, турки были прижаты к морю — одни на берегу внутреннего рейда, другие на берегу открытого моря. Преследуемые картечью, ружейным огнем и кавалерией, эти беглецы бросались в волны, пытаясь вплавь достичь своих судов. Большая часть их утонула.

Центр первой турецкой линии двинулся вперед, чтобы прийти на помощь флангам. Но этот маневр был запоздавшим и, по определению Наполеона, «неосторожным». Мгновенно эскадроны Мюрата охватили турок с обоих флангов, выходя им в тыл, а пехота Ланюсса атаковала с фронта батальонными колоннами. Через короткий промежуток времени центр турецкой армии был окружен, смят и разгромлен. Турки снова, не имея путей к отходу, разбежались вправо и влево по обе стороны полуострова, и вскоре тысячи тюрбанов закачались на волнах. Первая линия турецкой обороны была практически полностью уничтожена. Наполеон с гордостью вспоминал об этом успехе: «Что может сделать пехота без порядка, без дисциплины, без тактики! Сражение продолжалось всего час, а 8000 человек уже погибли; 5400 утонули, 1400 были убиты и ранены, 1200 сдались в плен; в руки победителей попали 18 пушек, 50 знамен».

После этого Бонапарт произвел рекогносцировку второй линии турецкой армии: она занимала отличную позицию. Ее фланги примыкали к морю и прикрывались фланкирующим огнем 17 полевых орудий и канонерских лодок. В центре находился редут холма Везирь. Позиция казалась неприступной, и французский командующий уже почти решил в этот день остановиться на достигнутом.

Однако, осмотрев берег, он обнаружил небольшой мыс на Абукирском рейде и у него возник план новой операции. На мысу была установлена артиллерийская батарея, которая могла обстреливать с тыла весь правый фланг противника. Ее огонь вынудил турок сосредоточиться между деревней и редутом и отвести назад свой левый фланг. Между ним и морем образовался коридор примерно в 400 метров шириной. В этот промежуток бросился Мюрат с 600 всадниками. Между тем Ланюсс и

Дэстен вели сильный огонь по центру и правому флангу неприятеля, вынуждая его пятиться назад. Затем французская пехота в жестоком штурме заняла редут, а кавалерия ударила во фланг второй турецкой линии и прижала ее к морю.

Ланн со своей дивизией двинулся на деревню Абукир, закрепился в ней и, не задерживаясь, атаковал лагерь паши, где находился его резерв. На узкой полоске суши началось столпотворение и резня. Мустафа-паша с телохранителями совершал чудеса храбрости; он был тяжело ранен Мюратом, которого в свою очередь ранил в голову из пистолета. Наконец, паша сдался в плен с тысячей своих воинов. Остальные бросились в море. Сидней Смит, едва избежав плена, с трудом добрался до своей шлюпки. Три бунчука (знак власти) паши, 100 знамен, 32 полевых орудия, все обозы достались французам. Победа была полной и сокрушительной. После битвы восхищенный Мюрат обнял Бонапарта и признался: «Генерал, вы велики, как мир, но мир слишком мал для вас!»

Около 4000 турецких солдат во главе с сыном паши заперлись в форте, и все попытки выбить их оттуда не имели успеха. На следующее утро паша написал сыну письмо и приказал сдаться, но осажденные отказались. Бонапарт приказал Ланну провести правильную осаду, а сам уехал в Александрию.

Потери французов в Абукирском сражении составили 200 человек убитыми и 550 ранеными. Турки потеряли почти всю свою армию: 2000 убитыми, 3000 пленными, несколько тысяч утонувшими. 2 августа, не выдержав осады, страдая от ран и жажды, сдался гарнизон форта. Весь его внутренний двор оказался завален трупами и телами умирающих. Для французов такое количество турецких раненых было обременительно и их решили вернуть на корабли, что послужило поводом к переговорам между двумя штабами.

Мустафа-паша уже сообщил Бонапарту, что полгода в Европе идет война и что французские армии всюду были разбиты. Теперь британский коммодор передал пачку английских и немецких газет, которые сообщали о крупных неудачах Французской республики. Вторая коалиция оказалась победоносной: армии Австрии и России

разбили генерала Журдана на Дунае, Шерера на реке Адидже, Моро — на Адде. Цизальпинская республика была уничтожена, Мантуя — осаждена союзниками. Массена с трудом удерживался в горах Швейцарии.

Получив эти известия, французский главнокомандующий понял, что он слишком засиделся в Египте. На острове Святой Елены он так вспоминал об этом моменте: «Наполеон понял, что при виде его (во Франции. — В. Б.) все переменится... ему будет легко стать во главе республики; он был полон решимости, по прибытии в Париж, придать ей новую форму и удовлетворить общественное мнение нации». Неизвестно, каким образом он собирался «удовлетворить» французскую нацию, но решимость оставить Египет и свою армию у Бонапарта созрела окончательно. Это сильно походило на желание дезертировать ради того, чтобы в данное бурное время находиться в Париже, в центре событий. Но, конечно, в оправдание своих действий Наполеон приводил самые благовидные причины — он должен был спасти Францию. Это была лишь часть правды, причем небольшая.

Конечно, Бонапарта привели в ярость сообщения из Европы, не исключено, что он в создавшейся ситуации видел для себя возможность прийти к власти. Все это так. Но несомненно и то, что полученные новости дали Бонапарту лишь необходимый благовидный предлог для давно принятого решения. Он искал лишь подходящий повод, чтобы выбраться из Египта. А делал он это потому, что еще раньше понял — дальнейшее пребывание в Египте неотвратимо вело его к гибели. С тех пор как французская армия оказалась отрезанной от метрополии, когда флот был уничтожен, а затем сирийский поход окончился полной неудачей, Наполеон отчетливо сознавал, что египетская кампания проиграна.

Конечно, главнокомандующий не мог сказать об этом своим солдатам. Напротив, он старался поднять их дух. Но себя самого обмануть не мог. Он мог одерживать блистательные победы над противником, слать в Париж реляции об успехах, но все это не меняло сути дела. Ни одна из одержанных им побед в сложившихся условиях не могла привести к выигрышу. Армия таяла — от сражений, от чумы, от болезней, от климата. В завоеванных землях

Бонапарт не нашел поддержки ни у одной из социальных групп местного населения. Он мог рассчитывать только на силу оружия. Но, несмотря на жестокие репрессии, восстания арабов разгорались все сильнее. В бесконечных стычках с мятежниками французская армия несла урон, ее численный состав неуклонно сокращался.

Возглавляемая Бонапартом армия приближалась к катастрофе, которую можно было ценой жертв и усилий отсрочить, но нельзя было избежать. И какие бы варианты Наполеон не прикидывал, итог оставался одним и тем же: кампания проиграна, армия идет к гибели, Египет придется покинуть.

Спасти проигранную кампанию было невозможно, но спасти самого себя, бежать от унижения, хотя и с риском, было реально. И Бонапарт без разрешения правительства оставил свою армию, назначив новым главнокомандующим генерала Клебера. Причем последний узнал о своем назначении из письменного приказа, после отъезда Бонапарта из главной квартиры. Получив инструкции, Клебер все понял и пришел в бешенство, он также видел безнадежность сложившейся ситуации.

Дальнейшие события в Египте подтвердили прогноз. Через пять месяцев 21 января 1800 года в Эль-Арише Клебер был вынужден подписать соглашение о перемирии, предусматривавшее эвакуацию французских войск. Но его противникам этого уже оказалось недостаточно. Английское правительство отказалось утвердить соглашение и потребовало безоговорочной сдачи французской армии. Клебер, попав в безвыходное положение, бросился на противника и 20 марта в сражении при Гелиополисе разгромил турок и выгнал их из Египта. Но это не улучшило положения французов, Клебер вскоре был убит; турки и высадившиеся англичане вновь начали наступление, обладая огромным численным превосходством, и новый командующий генерал Мену, потерпев ряд поражений и сдав Каир, осенью 1801 года вынужден был сложить оружие...

Бонапарт покинул Египет 23 августа на борту фрегата «Мюирон», названного так в честь адъютанта, спасшего Наполеона от смерти на Аркольском мосту. Вместе с ним

уезжали Бертье, Богарне, Бессьер, Дюрок, Ланн, Лавалетт, Мармон. Позднее из Египта были отозваны Жюно и Дезе. То был цвет Египетской армии, самые выдающиеся ее офицеры, и этим фактом Бонапарт также невольно выдавал себя: Египетский поход в его сознании был окончен, страница перевернута. Он выразил это довольно откровенно: «В дальнейшем его присутствие являлось столь же бесполезным на Востоке, сколь оно было необходимо на Западе: все говорило, что момент, назначенный судьбой, настал!» (В воспоминаниях Наполеон всегда писал о себе в третьем лице, это возьмет на вооружение товарищ Сталин.)

Через сорок семь дней полного опасностей путешествия, проскользнув незамеченным мимо английских сторожевых судов, Бонапарт и его спутники ступили на землю Франции. Империю на Востоке создать не удалось, зато появились шансы в Париже.

Вторая итальянская кампания. 1800 год

Если кажется, что я всегда ко всему подготовлен, то это объясняется тем, что раньше чем что-либо предпринять, я долго размышлял уже прежде; я предвидел то, что может произойти. Вовсе не гений внезапно и таинственно открывает мне, что именно мне должно говорить и делать при обстоятельствах, кажущихся неожиданными для других, — но мне открывает это мое размышление. Я работаю всегда, работаю во время обеда, работаю, когда я в театре; я просыпаюсь ночью, чтобы работать.

Наполеон

Мир, заключенный в Кампо-Формио, оказался непрочным. Австрия не хотела примириться с мыслью о потере Италии. Англию тревожило усиление революционной Франции. Император Павел I, смертельно боявшийся распространения революционных идей в России, стремился к восстановлению власти Бурбонов.

В 1798 году против Франции создается вторая коалиция в составе Австрии, Англии и России, к которым присоединяются некоторые германские и итальянские государства. Пока генерал Бонапарт с экспедиционными войсками пребывал в Египте, Франция была втянута в новую войну, в которой потерпела ряд поражений. Победы Суворова в Италии в 1799 году свели к нулю плоды бонапартовских завоеваний.

Вероломная политика Австрии и Пруссии заставила Павла I отозвать свои войска, и австрийцы вынуждены были продолжать боевые действия в Италии самостоятельно. Против 120-тысячной французской армии гене-

рала Моро на германском театре военных действий австрийцы сосредоточили 150-тысячную армию Края, против 40 000 солдат Массена в Италии действовала 100-тысячная австрийская армия под командованием Меласа.

К апрелю 1800 года на итальянском театре военных действий французы оказались в тяжелом положении. Массена с 18 000 человек был заблокирован в Генуе 24-тысячным отрядом генерала Отта, а 12 000 солдат Сюше, отступивших за реку Вар, имели перед собой 15 000 австрийцев генерала Эльсница. Остальные австрийские войска частично были разбросаны для наблюдения за горными проходами от Сен-Готарда до Ниццы и частично составляли гарнизоны крепостей в Пьемонте и Ломбардии. Финансовое положение Французской республики было плачевным, сторонники восстановления королевской власти активизировались по всей стране, в Вандее приверженцы Людовика XVIII поднимали восстание с оружием в руках. Французские войска были практически изгнаны из Италии, с острова Корфу и Мальты, французская армия потерпела поражение в Египте.

Но лично Бонапарт в этот период одержал огромную победу — победу в борьбе за власть. 18 брюмера (9 ноября) 1799 года Директория была свергнута. Власть перешла в руки трех консулов, первым из которых стал Наполеон Бонапарт. Реально же именно он являлся полновластным правителем страны.

25 декабря, едва лишь вступив в должность первого консула, Бонапарт обратился к Англии и Австрии с мирными предложениями. Это был верно рассчитанный ход. За недолгое время своего пребывания в Париже Бонапарт убедился в том, как жаждет весь народ, вся страна мира. К миру стремилась вся Европа. Взяв на себя инициативу мирных предложений, Бонапарт выигрывал не только в общественном мнении своей страны, но и в глазах передовых людей за пределами Франции. Он перекладывал ответственность за все последствия на других. Он сделал все что мог — первым протянул руку примирения.

Как и можно было предвидеть, в ситуации, сложившейся к началу 1800 года, участники коалиции не склонны были идти на мировую. Недавние успехи в войне про-

тив Франции настраивали их воинственно. И Англия, и Австрия отвергли французские предложения — в чем первый консул был уверен с самого начала. Еще до того, как были направлены послания в Лондон и Вену, он стал готовиться к большой войне.

Официально стало известно, что на восточных границах Франции собирается крупная армия под командованием генерала Моро. Эта армия, именуемая, как и раньше, Рейнской, была предназначена для вторжения в Германию и затем для марша на Вену. О Рейнской армии много говорили, много писали, она была предметом всеобщего внимания. Одновременно с начала декабря втайне от всех в Дижоне, недалеко от швейцарской границы, стала формироваться другая армия. О ней было мало что известно: наиболее осведомленные военные знали лишь, что эта армия называется «Резервной» и что она, по-видимому, призвана в предстоящей кампании играть вспомогательную роль. Командующим Резервной армией был назначен Александр Бертье.

Именно потому, что Резервная армия формировалась в условиях строжайшей секретности, она привлекала к себе самое пристальное внимание агентуры Лондона, Вены, Берлина и всей Европы. Бонапарт на этом и строил свои расчеты. Армия в Дижоне была камуфляжем: строгая секретность, полное отсутствие какой-либо официальной информации должны были убедить иностранных наблюдателей, что именно в Дижоне формируются главные силы. И действительно, их внимание с января 1800 года было приковано к штабу Резервной армии.

Между тем Бонапарт замышлял нечто иное. Составленный им дерзкий план требовал абсолютной секретности. Успех был целиком рассчитан на внезапность, следовательно, он был возможен лишь при условии, что противник будет дезинформирован и застигнут врасплох. План кампании был предельно смел и прост. У Французской республики не было денег на длительную войну, да и внутривосточное положение и престиж первого консула не допускали затяжной войны. После катастрофы в Египте Бонапарту нужна была быстрая, полновесная, триумфальная победа — смелая операция

вторжения, генеральное сражение, навязанное врагу и уничтожающее его армию, и сразу же — перемирие с опрокинутым навзничь противником. Удар против Австрии должен был быть нанесен на итальянском театре военных действий, который Бонапарт прекрасно знал, и осуществить его должна была снова Итальянская армия. Но где же находилась эта армия и ее штаб? Над ее созданием и трудился Бонапарт со своими помощниками. В кратчайшие сроки они подготовили армию, оставшуюся нераскрытой противником, и двинули ее против австрийцев.

Дижонский камуфляж себя блестяще оправдал. В Дижоне были сосредоточены многочисленный штаб и примерно семь-восемь тысяч солдат, в своем большинстве новобранцев и инвалидов. Английские и австрийские агенты проникли-таки в Дижон и составили об этой армии вполне определенное представление: Резервная армия вскоре стала мишенью для карикатуристов, а незадачливый первый консул — объектом для насмешек. В ставке фельдмаршала Меласа хвастались, что тайна Бонапарта разгадана. «Резервная армия, которой нас столько пугают, — говорили в штабе Меласа, — это банда из семи или восьми тысяч новобранцев и инвалидов, с помощью которых нас хотят обмануть, чтобы прекратить осаду Генуи». Так Бонапарту удалось скрыть направление главного удара, показывая на него пальцем.

В то время как в австрийских штабах развлекались остроумными над французскими инвалидами на деревянных ногах, к юго-восточным границам Франции по разным дорогам быстро и бесшумно продвигались войска. Это и была Итальянская армия. Она не собиралась в одно место, а состояла из самостоятельных разрозненных частей, которые в одно время должны были соединиться у швейцарской границы.

6 мая 1800 года Бонапарт покинул Париж и направился, как все и ожидали, к Дижону. Он произвел смотр находившемуся там гарнизону, пробыл в городе два дня, и дальше след его потерялся. 8 мая Бонапарт оказался в Женеве. Здесь соединилась значительная часть армии: переброшенный с Рейна 20-тысячный корпус Монсея и правое крыло под командованием генерала Тюро. В Ло-

занне находился авангард его армии под командованием Ланна, он был сформирован из отборных частей ветеранов походов Бонапарта. Таким образом, незаметно для всех первый консул сконцентрировал группировку в 62 000 человек при 48 орудиях.

14 мая Бонапарт отдал приказ наступать. Дальнейший план кампании был рискован и труден. Предполагалось преодолеть горный массив в Альпах, достигающий местами свыше 3000 метров, перейти через Сен-Готардский и Сен-Бернарский перевалы, спуститься в Ломбардию и ударить в тыл армии Меласа, отрезав ей путь к отступлению. С 17 по 22 мая французская армия двигалась в горах, преодолевая огромные трудности в период таяния снегов. Каждый солдат перед выступлением получил на руки восьмидневный запас продовольствия и 40 патронов. Кроме того, походные колонны были обременены обозами. Пушки отделялись от лафетов и перевозились на деревянных волокушах или перетаскивались вручную. 20 мая Бонапарт закончил переправу через Большой Сен-Бернар. 24 мая авангардная дивизия Ланна захватила Иврею, опрокинув 9-тысячный австрийский заслон генерала Гаддика. Французская армия, лавиной скатываясь с горных высот, вторглась в Ломбардию.

Маренго. 14 июня

Если вы сражались под Маренго... вам больше нет нужды испытывать свое мужество.

Наполеон

Французы врезались в тыл австрийцев. В то время как Отт осаждал Геную, Мелас ожидал дижонских инвалидов и пребывал в счастливом неведении, что Бонапарт уже идет на Милан. Первый консул не бросился на помощь Массена. Он ставил себе более широкую задачу, направленную на достижение иной цели — глубокого охвата Меласа и уничтожения всей австрийской армии.

Битва у Маренго. 1800 год.

Итак, обеспечив себя выдвижением нескольких отрядов на линию Кивассо—Павия, Бонапарт двигался из Ивреи в столицу Ломбардии, где было назначено сосредоточение французских войск. 2 июня он вошел в Милан, а 6-го сюда через Сен-Готард прибыл Монсей со своим корпусом. В Милане Бонапарт, встреченный жителями также восторженно, как и четыре года назад, организовал свою базу для дальнейших действий в Италии.

4 июня Массена, отбивавшийся в Генуе от осаждавших его австрийцев, исчерпав все резервы, пошел на почетную капитуляцию. Гарнизон был отпущен под честное слово с обязательством не принимать участия в дальнейших действиях. Тем не менее это была победа австрийцев, и Мелас в восторженных выражениях спешил донести о ней в Вену. На самом деле Мелас практически уже находился в «мешке», теперь Бонапарту необходимо было генеральное сражение.

Рассредоточение французской армии, позволившее обеспечить скрытность передвижения войск и внезапность их появления в тылу австрийцев, давало французам не только преимущества. Достоинства постепенно превращались в свою противоположность. Пытаясь перекрыть возможные пути отступления австрийцев, Бонапарт совершил ошибку: он разбросал свои силы, уменьшив численность армии. Корпус Монсея отставал от главных сил. Большая часть артиллерии все еще находилась в горах. Продвигаясь вперед по разным дорогам, армия Бонапарта дробила свои силы. Ланн и Мюрат контролировали линию реки По, Монсей — линию реки Тичино, Дюшен — дороги вдоль реки Адда. Это было необходимо, чтобы сковать инициативу Меласа. Обходя австрийцев с востока, необходимо было воспрепятствовать их прорыву на север через реку По и выходу на французские сообщения через Сен-Готард, или их уходу на юг в оставленную Массена Геную. При такой разбросанности сил Бонапарт лишался преимущества, которое всегда стремился сохранять — сосредоточение сил в ударный кулак.

Мелас же, напротив, наталкиваясь повсеместно на французские аванпосты, сжимая свои части, стягивая их к Александрии, накапливал мощную ударную группу. Как

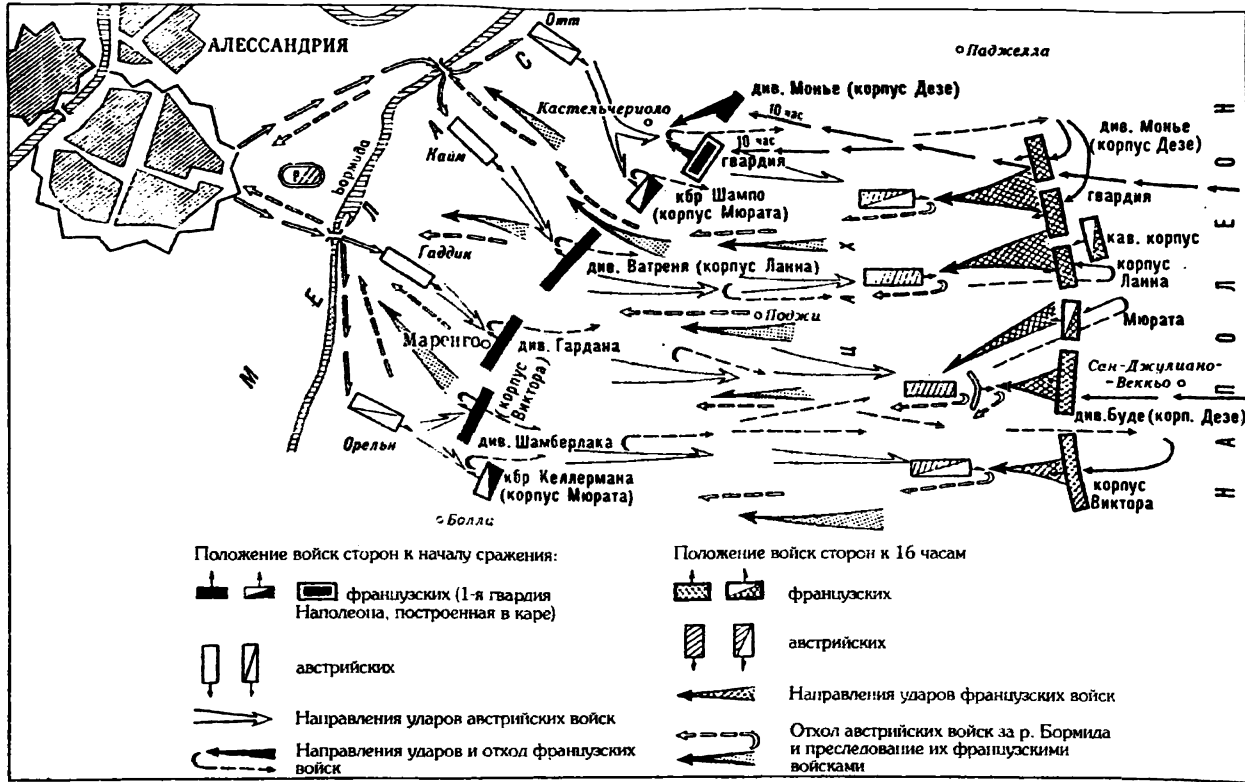
это было не парадоксально, но выгоды, приобретенные первоначально французами, становились достоянием австрийцев. Это сказалось уже в сражении 10 июня при Монтебелло, где Ланн с 8000 человек должен был противостоять 20-тысячному корпусу Отта, двигавшемуся от Генуи. Сражение закончилось победой французского оружия, но благодаря лишь блестящему военному таланту Ланна и бездарности Отта. К тому же стремление к быстроте и внезапности в продвижении французских войск влекло за собой также и недостаточную осведомленность французской ставки о расположении сил противника. Вплоть до 14 июня Бонапарт не имел точных сведений о расположении главных сил австрийцев и даже полагал, что армия Меласа двинулась к Генуе. Поэтому всего за несколько часов до генерального сражения Бонапарт послал дивизию генерала Дезе по дороге к Нови — отрезать путь Меласу, если он вздумает туда пойти, а сам уехал в Тортону, чтобы там получить сведения от других отрядов. Одновременно был отдан приказ корпусу Лапуапа следовать к Валенце. Так накануне сражения французский главнокомандующий, вследствие просчетов в оценке сил и намерений противника, еще более ослабил свои силы. Под рукой у него было лишь 23 000 человек.

Мелас же, решив прорываться на восток на свои сообщения с Венной, утром 14 июня с 45-тысячной армией четырьмя колоннами переправился через реку Бромида и атаковал французский авангард — выдвинутый к Маренго корпус Виктора.

Завязалось упорное сражение. Его исход определило, прежде всего, огромное превосходство австрийской артиллерии. Убийственный огонь нанес огромный урон соединениям Виктора и Ланна. «Люди падали градом», — писал один из участников битвы. Дивизия Шамберлака была почти полностью уничтожена. Боевой порядок французов состоял всего из одной линии, прикрытой на флангах кавалерией. Несмотря на упорное сопротивление, к 10 часам они оказались охваченными с обоих флангов превосходящими силами австрийцев и начали отступление. Могло показаться, что сражение полностью проиграно.

Бонапарт накануне, не доехав до Тортоны, заночевал в ставке армии в Торре-де-Гарофли. В восемь часов утра он узнал о начавшемся по инициативе противника сражении и сразу распорядился послать гонцов к Дезе и Лапуапу с приказом спешно возвращаться. С дивизией Монье и консульской гвардией Бонапарт поспешил на поле битвы. Прискакав туда, он увидел свою армию в тяжелом положении. Французы занимали позицию у ручья Фантаноне, которую яростно штурмовали австрийцы. Корпус генерала Виктора отбивал атаки противника, пытавшегося перебраться через ручей. Огонь артиллерии уносил жизни сотен солдат. 2000 австрийских всадников во главе с генералом Пилати прорвались через ручей и бросились на французов, однако были остановлены. Три конных полка генерала Келлермана врезались в австрийские эскадроны, часть их изрубили, а остальные прогнали за ручей. В этот момент генерал Отт предпринял попытку обойти французов с фланга. Его солдаты под картечным огнем навели мосты и перешли ручей. 44-я полубригада французов была вынуждена отступить, и австрийцы ворвались в Маренго.

В это время подоспевший Бонапарт ввел в бой резервы. Выйдя на правый фланг и построившись в каре, гвардия отражала непрерывные атаки многочисленной австрийской конницы. Вслед за гвардией подошла дивизия Монье, Бонапарт ее также отправил на правый фланг, стремясь во что бы то ни стало удержать выгодную позицию у Кастельчериоло, чтобы затем, опираясь на нее, нанести удар противнику во фланг и попытаться изменить ход сражения в свою пользу. Подход свежих сил позволил французам на некоторое время задержать наступление врага, но переломить ситуацию они не смогли. По прошествии часа австрийцы убедились, что резервы, введенные в бой французами, уже исчерпаны. В сражение снова вступила артиллерия, да и австрийская пехота, предвкушая близкую победу, резко усилила натиск. Превосходство австрийцев в орудиях и штыках становилось неотразимым. Левое крыло и центр стали отступать под прикрытием корпуса Ланна и гвардии. За три часа Ланн, отступая, прошел четыре километра. Неоднократно он останавливался и под картечным огнем

Сражение при Маренго. 14 июня 1800 года.

бросал своих солдат в штыки. 24 австрийских орудия почти в упор палили в гвардию. Ядра пробивали в плотных каре целые коридоры, куда устремлялись австрийские кавалеристы и гренадеры. Но французские гвардейцы еще теснее сжимали свои ряды и отражали атаки.

Однако мужество и героизм французов не могли спасти положение, армия откатывалась под ударами неприятеля. К 15 часам битва, по существу, была проиграна французами, поле боя, устланное телами, оставалось за австрийцами. Канонада начала стихать. Целые австрийские части стали располагаться на обед, разжигать костры. Мелас послал в Вену курьера с известием о грандиозной победе. То, что не удавалось ни Альвинци, ни Вурмзеру, ни эрцгерцогу Карлу, сделал он, Мелас. Сам, будучи легко раненым, 70-летний Мелас, признав себя победителем, отправился в Александрию, отдав приказ о преследовании и сдав командование своему начальнику штаба генералу Заху. Австрийцы следовали за отступающей французской армией двумя длинными колоннами.

В этот последний момент, когда казалось, что ничего уже не поправить, в начале четвертого к Сан-Джулио-Веккьо стремительным маршем подоспела дивизия Дезе в 6000 солдат. Весь день спешивший на помощь своим войскам Дезе, оглядев печальную картину проигранной битвы и вынув из кармана часы, хладнокровно сказал: «Первое сражение проиграно. Но еще есть время выиграть второе».

Второе сражение закипело сразу же по всему фронту. С ходу развернув дивизию в боевой порядок, Дезе стремительно атаковал австрийский авангард. Бонапарт перегруппировал силы, восстановил непрерывность своей линии, и вся французская армия перешла в контрнаступление. Кавалеристы Келлермана вихрем налетели на австрийских драгун, опрокинули их и врубались в ряды пехоты. Мармон, объединив оставшиеся 12 пушек, ударил картечью. Ланн атаковал австрийский центр, смял и отбросил его. Австрийцы, менее всего ожидавшие возобновления боя, после недолгого сопротивления поддались панике и обратились в бегство. К пяти часам вся не-

приятельская армия отступила к реке Бромиды, преследуемая французами. Проигранная первоначально Бонапартом битва превратилась в полную, сокрушительную победу. Австрийская армия была разгромлена, поле боя перешло в руки французов. В битве при Маренго австрийцы потеряли около 12 000 человек, в том числе 4000 пленными вместе с генералом Захом и 30 орудий. Французы лишились 7000 человек. В самом начале своей бесмертной атаки погиб генерал Дезе, один из самых талантливых командиров Французской республики. Он шел впереди атакующей колонны, когда вражеская пуля попала ему в сердце. Падая, он успел лишь произнести: «Это — смерть».

Ошеломленный неожиданным поворотом судьбы, вырвавшей из его рук, казалось, уже несомненную победу, Мелас был неспособен продолжать борьбу. Оркуженный со всех сторон, прижатый к Альпам австрийский командующий оказался в безвыходном положении. Он мог вырваться из него только посредством полной победы, но на это надежды уже не было. На следующий день Мелас послал парламентариев в штаб Бонапарта с просьбой о перемирии. Было достигнуто соглашение, по которому австрийцы должны были покинуть Северную Италию, а Бонапарт пропустить их в Австрию с условием не принимать в дальнейшем никакого участия в войне.

Таким образом, в месячный срок после выступления французов из Лозанны кампания была успешно закончена. План Бонапарта полностью осуществился. Созданная незаметно для австрийцев армия вторжения и внезапное появление ее на путях сообщения австрийцев поставило застигнутого врасплох Меласа в тяжелое положение, из которого он не сумел выйти без поражения. Первый консул возвратился в Париж, приказав генералу Гийому Брюну наступать на Мантую и закрепить достигнутую победу.

Сражение при Маренго сыграло колоссальную роль в международной обстановке и в исторической карьере Наполеона. Он снова вернулся в Париж в ореоле славы.

3 декабря 1800 года Рейнская армия генерала Моро разгромила у Гогенлиндена Дунайскую армию эрцгерцога Иоанна и двинулась на Вену. Поражение при Маренго

и Гогенлиндене заставили Австрию выйти из войны. 9 февраля 1801 года был заключен Люневильский мирный договор, по которому к Франции отошли Пьемонт, Ломбардия и вся Италия до реки Минчино. Как неизбежное последствие этих побед 25 марта 1802 года между Англией и Францией был заключен Амьенский мир — десятилетие войн революции завершилось.

В конечном итоге победа, одержанная Бонапартом, принесла ему вскоре титул императора. Всю свою жизнь Наполеон хранил синий плащ, бывший на нем в день битвы при Маренго.

Война с третьей коалицией. 1805 год

Храбрые солдаты! Вы не отправитесь в Англию! Золото англичан соблазнило императора Австрии, и он объявил войну Франции. Его армия нарушила те пределы, которые должна была соблюдать. Бавария захвачена! Солдаты! Новые лавры ждут вас на Рейне. Отправимся же разбить врагов, которых мы уже били.

Наполеон. Обращение к армии

Организованные руководителем английской внешней политики Вильямом Питтом две коалиции против Франции потерпели неудачу. Англия была вынуждена заключить с Наполеоном Амьенский мир, но это не остановило подготовку британцев к новой войне.

Уже в мае 1803 года Амьенский мир был разорван, что положило начало целой цепи войн, которые окончились только на поле Ватерлоо. В течение двух лет между Англией и Францией шла «война без войны». Англичане захватывали французские суда на море, французы запрещали провоз английских товаров на континент. Бонапарт захватил Ганновер, владение английских королей на континенте. Но подобное положение вещей не могло продолжаться долго.

Первый консул, а с декабря 1804 года французский император Наполеон I, готовил новую победоносную войну, которая должна была разрешить все противоречия между двумя государствами. В 1804—1805 годах Наполеон планировал вторжение на Британские острова и завершение войны в Лондоне. В Булони была сосредоточена огромная армия, изготовившаяся для броска через Ла-Манш. Титаническая организационная работа, упорная подготовка армии, грандиозные материальные уси-

лия, которые император вкладывал в проекты по устройству портов, стапелей, постройке судов, подготовке личного состава гребной флотилии и обеспечению деятельности флота — все это, безусловно, говорило о серьезности намерения высадиться в Англии и разрешить молниеносным ударом соперничество, длившееся много столетий. К лету 1805 года армия была готова, требовались лишь подходящая погода и прикрытие французского флота.

26 июля 1805 года Наполеон писал адмиралу Вильневу: «Если Вы сделаете меня три дня хозяином Па-де-Кале... то с Божьей помощью я положу конец судьбам и существованию Англии». Вильнев к тому времени уже покинул Ферроль, где он располагался с главными силами флотилии, и двинулся на север. 22 июля у мыса Фенистер французская эскадра столкнулась с английской под командой Кольдера. И хотя французы имели количественное превосходство — 20 кораблей против 15 — они отступили.

Уже слыша грохот сапог и лязг оружия, доносящиеся с востока, Наполеон все еще надеялся на последний шанс десанта. 22 августа он сообщил адмиралу Гантому, командующему эскадрой в Бресте: «Отправляйтесь и двигайтесь сюда. Мы должны отплатить за шесть веков позора». Спустя несколько часов — Вильневу: «Отправляйтесь, не теряйте ни мгновения и с моими соединенными эскадрами войдите в Ла-Манш. Англия наша. Мы готовы, все стоят по местам. Покажитесь только, двадцать четыре часа и все будет кончено...» Но нерешительный Вильнев так и не пришел. В конце августа император узнал о том, что эскадра Вильнева основательно заперта в бухте Кадиса английским флотом. Впереди теперь был совсем другой противник, совсем другая борьба...

Едва только прогремели первые выстрелы англо-французской войны, как английские министры бросились искать на континенте желающих таскать каштаны из огня для почтенных британских джентльменов. Видя нешуточные приготовления Наполеона, английское правительство было в панике, премьер Питт предпринимал отчаянные усилия для сколачивания любой ценой новой антифранцузской коалиции. Правда, поиски британ-

ской дипломатии не были слишком долгими. Вице-канцлер Австрии Кобенцель уверенно толкал свое правительство к войне, при этом отдавая себе отчет в том, что Франция не собирается обнажать шпагу. В письме Стадиону от 10 августа 1804 года он отмечал: «Все заставляет думать, что уверения Бонапарта искренни в данный момент, и есть только один случай, когда он серьезно задумается о континентальной войне, это тот случай, когда он будет вынужден опасаться возможного нападения двух императорских дворов».

Английские субсидии и жажда реванша заглушили голос рассудка в австрийском правительстве. Те, кто не желал войны, были уволены со своих постов. Так, 21 марта 1805 года эрцгерцог Карл, известнейший полководец и сторонник трезвой внешней политики, был заменен воинственно настроенным генералом Ла Туром на посту председателя гофкригсрата. Подобная история произошла и с вице-президентом этого органа высшего командования вооруженными силами Австрии. В армии полным ходом развернулась подготовка к выступлению.

В то же время тучи сгущались и на севере. 11 апреля 1805 года в Петербурге была подписана англо-русская конвенция. Формально ее целью было посредничество России в англо-французском споре, но фактически это был военный союз, тайные статьи которого не допускали ни малейшей двусмысленности. Статья 4 фиксировала силы, которые должны были выставить континентальные державы для борьбы с Наполеоном: 250 000 солдат — Австрия, 115 000 — Россия. Александр I имел причины лично ненавидеть французского императора, к тому же Россия была заинтересована в дружбе с Англией, куда сбывалась большая часть русского сельскохозяйственного сырья и хлеба.

Австрийцам было предложено пять миллионов фунтов стерлингов и как окончательная плата за участие в войне присоединение к владениям габсбургского дома Бельгии, Франш-Конте и даже Эльзаса. Кроме того, Питт обещал всем участникам сколачиваемой коалиции полное денежное финансирование. Англия бралась выплачивать за каждые 100 000 солдат 1 250 000 фунтов стерлингов ежегодно. Таким образом, разделение труда

было строго регламентировано: Англия поставляла золото, Австрия и Россия — пушечное мясо. Хотя англичане не скупались и на обещания чисто военной помощи: высадка английских войск в Голландии, в Италии и даже в самой Франции. Перед столь соблазнительными перспективами Франц II и его генералы не устояли, ну а тех, кто упорствовал — приструнили; генерал-квартирмейстер Дука, сторонник умеренной политики и человек из «клана» эрцгерцога Карла, был отправлен в отставку. На его пост был назначен генерал Макк. 9 августа 1805 года Австрия присоединилась к англо-русскому союзу, а еще через некоторое время к нему примкнуло Неаполитанское королевство. Третья антифранцузская коалиция была создана.

Формально ее целями было ограничение французской экспансии на континенте, но фактическая задача, определенная тайными статьями договоров, была очевидна: свержение французского правительства, уничтожение социальных завоеваний Великой французской революции, реставрация монархии Бурбонов и как плата за это благодеяние — отторжение ее старых земель. А что касается вассально зависящих от Франции государств, таких как Батавская республика и других, то они должны были быть поделены «по-братски» участниками коалиции. Вооружившись такими «миролюбивыми» намерениями, союзники торопились. Они спешили использовать занятость французских сухопутных сил в Булонском лагере для успешного наступления.

16 июня новый генерал-квартирмейстер австрийской армии Макк и вице-президент гофкригсрата Шварценберг составили план кампании против Франции, согласно которому предполагалось стремительно вторгнуться в Баварию и заставить ее принять сторону союзников, одновременно начать наступление крупными силами в Италии. Эти операции предполагалось осуществить еще до подхода русской армии а с ее прибытием перенести боевые действия на территорию Франции. Исходя из австрийских интересов главным считался североитальянский театр военных действий. Для этой цели сосредотачивалась 95-тысячная армия эрцгерцога Карла, которая должна была выбить французов из Ломбардии и начать

завоевания Южной Франции. В центре Европы, против союзной Франции Баварии, должна была действовать 80-тысячная Дунайская армия генерала Макка, из которой 60 000 солдат находились в первом эшелоне под формальным командованием эрцгерцога Фердинанда. Вслед за первой волной вторжения двигалась русская армия М.И. Кутузова в 50 000 человек. Она должна была соединиться с Дунайской армией и вместе с ней из Баварии через Рейн двигаться во Францию.

Для обеспечения связи между действиями двух основных групп на земле Тироль сосредотачивалась 30-тысячная армия под командованием эрцгерцога Иоанна. Планировалась также высадка русских (корпус генерала П.А. Толстого), английских и шведских войск в Померанию с целью занятия Ганновера и разгрома французских войск в Голландии. Около 20 000 русских (экспедиционный корпус с острова Корфу) и английских войск должны были высадиться в Южной Италии, чтобы поддержать 40-тысячную армию неаполитанского короля. Кроме того, для усиления армии Кутузова готовилась к походу в Австрию Волынская армия под командованием генерала Буксгевдена в 30 000 человек, а в районе Гродно разворачивалась 40-тысячная Северная армия генерала Беннигсена. Английский флот обеспечивал тесную блокаду французских берегов. Всего, со всеми вспомогательными контингентами, отдельными отрядами и корпусами, сухопутные войска союзников насчитывали около полумиллиона солдат.

Австрийский план войны содержал крупные просчеты, что в значительной степени предопределило поражение союзников в войне. Стремление решить одновременно несколько крупных задач привело к распылению сил. Не существовало и общего командования всеми армиями союзников. Известен также план, предложенный Кутузовым, который рекомендовал воздержаться от военных действий до соединения всех русских и австрийских сил, не дробить их на малые части. Однако Александр I не внял этим советам и предложил руководствоваться австрийским планом.

К лету 1805 года австрийские войска сконцентрировались на границе с Баварией и Италией. Бряцание оружи-

ем стало уже слишком явным и не осталось не замеченным Наполеоном, который, ожидая подхода своих флотов в Булони, с тревогой следил за границей по Рейну. В тот момент, когда судьбы Англии и всей Европы могли решиться на берегах Па-де-Кале, император был совершенно не заинтересован в войне на континенте. Он предпринял ряд дипломатических демаршей, чтобы образумить австрийцев.

Наконец, получив все сведения о подготовке Австрии к войне, Наполеон заявил ее послу в Париже Кобенцелю: «Император не столь безумен, чтобы дать русским время прийти к вам на помощь... если Ваш властелин желает войны, что ж!.. скажите, что он не будет праздновать Рождество в Вене».

Как известно, австрийцы не испугались. 8 сентября 1805 года австрийские войска форсировали реку Инн и вторглись в Баварию. Война началась.

Ульмская операция. 26 сентября — 17 октября

Я выиграл сражение одними маршами.

Наполеон

При общей численности французской армии, вместе с итальянскими и голландскими контингентами составлявшей около 450 000 человек, Наполеон мог использовать для похода не более 250 000 и 340 орудий. Остальные войска были задействованы в обороне побережья, по гарнизонам и т. п. Тем самым полевые армии Франции значительно уступали силам коалиции, но были сконцентрированы в одну группировку и подчинены одной воле — воле императора. И у него был план, гениальный по замыслу и мастерски исполненный, ставший классическим примером для изучения во всех учебниках по военному искусству.

Нетрудно догадаться, что Наполеон строил свой план, опираясь именно на данные выгоды своего положения. Абстрагируясь от многих частных задач, импера-

тор выбрал главную: первым ударом вывести из игры максимальное количество неприятельских войск, чтобы сразу же завладеть стратегической инициативой. Наиболее подходящим для этого объектом оказалась Дунайская армия в Баварии. Что же касалось других направлений — ганноверского или неаполитанского, то император относился к этим театрам военных действий как к вспомогательным, справедливо полагая, что успехи на основных направлениях компенсируют временные потери. В Италии оперировал 50-тысячный корпус Массена.

С целью рекогносцировки театра будущих военных действий Наполеон еще 25 августа отправил Мюрата и Бертрана с разведывательной миссией в Баварию к австрийским границам. 28 августа вслед за ними, также инкогнито, но другим маршрутом, двинулся Савари.

В конце августа «Армия Берегов Океана», получившая ставшим через несколько месяцев легендарным имя «Великой армии», начала движение к Рейну и Дунаю. Дивизия за дивизией, напутствуемые Наполеоном, покидали булонский лагерь и устремлялись на восток. Войска двигались широко разомкнувшись вглубь и по фронту. Пехота шла по обочинам дорог, оставляя проезжую часть для артиллерии и обозов. Каждая дивизия, численностью 6—7 тысяч человек, растягивалась на 3—4 километра в глубину. Средний темп марша составлял около 30 километров в день. Хорошо отработанная система снабжения позволила фактически без остановок преодолеть расстояние в 500—600 километров, которые отделяли булонский лагерь от театра предстоящих действий. Император обрушил на неприятеля «семь потоков», то есть семь армейских корпусов, впервые созданных как постоянные соединения со специфической структурой.

1-м корпусом «Великой армии» стала бывшая Ганноверская армия маршала Бернадота — 17 000 человек. Корпус должен был пройти через Гессен и Фульду, а затем выйти к Вюцбургу, где ему полагалось принять на себя отступавших перед лицом неприятеля баварцев.

2-й корпус, бывшее правое крыло «Армии Берегов Океана», под командованием генерала Мармона — 20 000 человек, выступил из Алькмаара и Утрехта и поднимался

вверх по Рейну. Он должен был пройти Кельн, Коблену и форсировать реку у Майнца.

3-й корпус, бывший лагерь в Амблетезе, под командованием маршала Даву — 25 000 человек, должен был перейти через Моне, Намюр, Люксембург и форсировать Рейн у Мангейма.

4-й корпус под командованием маршала Сульта — 40 000 человек, и

5-й корпус во главе с маршалом Ланном — 18 000 человек, бывшие основными лагерями в Булони, должны были двигаться через Мезьер, Верден и форсировать Рейн у Шпейера и в Страсбурге.

6-й корпус под командованием маршала Нея — 19 000 человек, должен был следовать через Аррас, Нанси и Саверн.

Наконец 7-й корпус маршала Ожеро — дислоцировавшиеся в Британии войска как левое крыло «Армии Берегов Океана» — около 14 000 человек, следовал позади как общий резерв.

Эти огромные массы пехоты, артиллерии и легкой конницы сопровождали крупные соединения резервной кавалерии, которая двигалась впереди на правом фланге основной группировки. Это были почти 5500 кирасиров и карабинеров в дивизиях д'Опуля и Нансути, а также четыре драгунские дивизии общей численностью более 10 000 человек, сопровождаемые дивизией пеших драгун Бараге д'Илье — 6000 человек.

Вслед за основной армией из Парижа выступила Императорская гвардия, элитный корпус под командованием маршала Бессьера — 6000 отборных солдат. Вместе с баварскими, баденскими и вюртембергскими контингентами общая численность войск Наполеона составила 220 000 человек при 340 орудиях. Реально же для исполнения задуманных планов император мог использовать около 170 000 солдат, не считая Ожеро, который двигался с большим отрывом от основных сил.

Пока корпуса шли по дорогам Пикардии, Наполеон внимательно следил из Парижа за действиями противника. Маршал Мюрат со своим штабом расположился в Страсбурге, откуда постоянно информировал о действиях австрийцев. А что австрийцы? Как уже говорилось,

Схема движения Великой Армии с 22 сентября по 6 октября 1805 г.

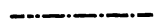
Французская армия: маршруты корпусов;

фронт на 26.09:

на 02.10;

на 06.10;

выдвижение кавалерии для прикрытия фланга;

Австрийская армия, выдвижение и места сосредоточения;

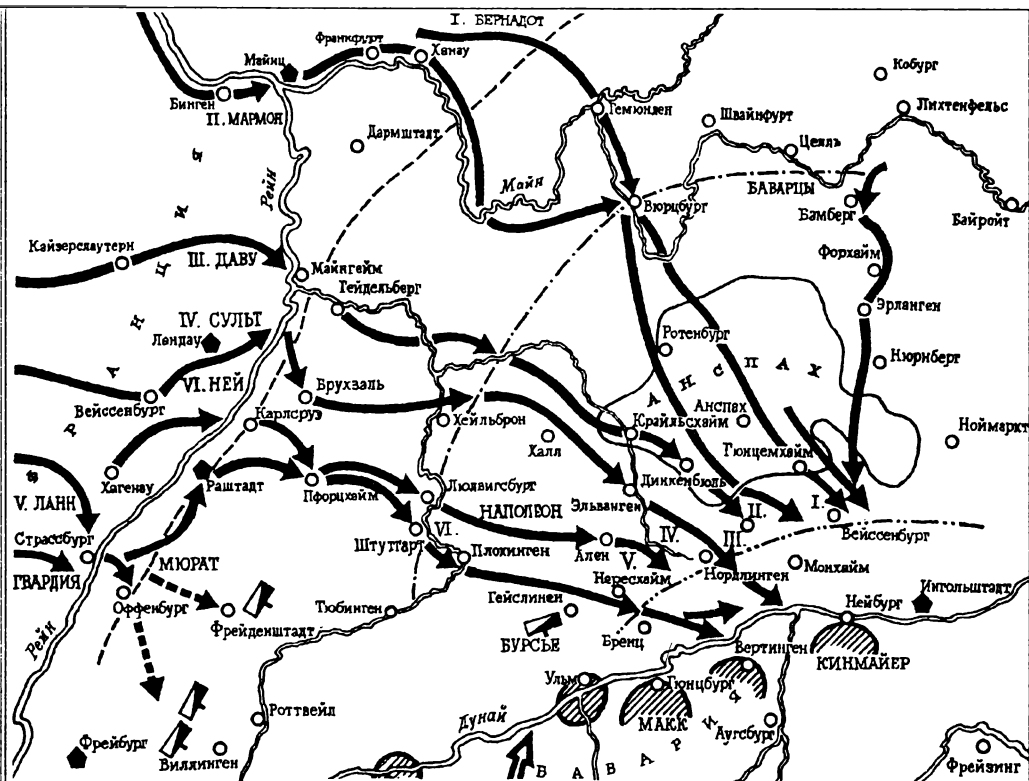

Схема движения «Великой армии» с 22 сентября по 6 октября 1805 года.

они перешли пограничную реку Инн и через несколько дней заняли столицу Баварии Мюнхен. Однако цель, которую ставило перед собой австрийское правительство, не была достигнута. Баварский электор покинул столицу, вслед за ним спешно уходили на север его полки. Удар, главной целью которого было заставить баварцев выступить на стороне коалиции, не получился. Но генерал-квартирмейстер австрийской армии Макк продолжал со странным упорством гнать войска вперед на запад; подчеркнем, что это было не преследование баварских полков, так как последние ушли на север, в сторону Вюрцбурга.

Оставим на мгновение австрийскую пехоту на раскинутых полях Баварии, чтобы сказать несколько слов о фактическом командующем австрийскими войсками на германском театре военных действий.

53-летний генерал Макк был выходцем из дворянской семьи. Обладая определенными способностями и, без сомнения, храбростью и упорством, он за 24 года службы прошел путь от солдата до генерала. Особо блестящих военных операций за ним не числилось, и тот единственный случай, когда он самостоятельно командовал крупными силами (в 1798 году в Неаполе), был весьма неудачным экспериментом. Неаполитанские части были на голову разбиты генералом Шампийоне, а сам Макк оказался в плену. Впрочем, из этого опыта никто не делал никаких выводов, так как низкие боевые качества неаполитанских войск в ту пору были общеизвестны. Зато Макк приглянулся Кобенцелю, так как, держась особняком от родовитых генералов, не стал сторонником эрцгерцога Карла и разделял воинственные взгляды вице-канцлера. Благодаря этому, Макк сделал головокружительную карьеру, заняв место генерал-квартирмейстера при формальном главнокомандующем молодом эрцгерцоге Фердинанде. Впрочем, вначале эрцгерцог еще обладал определенными полномочиями, пока его мнение не столкнулось с доводами Макка. В споре брата императора с безродным генералом, как ни странно, победителем вышел последний. С 21 по 23 сентября Макк и эрцгерцог Фердинанд находились в Лансберге, обсуждая с прибывшим Францем II дальнейшие планы. Император в устной

форме дал эрцгерцогу инструкции следовать указаниям Макка.

Армия, ведомая Макком, развивала малопонятное беспорядочное наступление. 21 сентября передовые части австрийцев достигли Бургау, Гюнцбурга и Ульма, и после получения первых сведений о приближении французов к Рейну было решено подтянуть остальные части на произвольно выбранный передовой рубеж — линию реки Иппер. Все это происходило весьма сумбурно и с огромным напряжением сил. Артиллерийские лошади, изнуренные форсированными маршами по разбитым дорогам, едва тащили пушки, кавалерия выбивалась из сил. Дело дошло до того, что для ускорения марша пехоты часть ее перебрасывали на специально нанятых подводах. Правда, половина Баварии была оккупирована. Но стоило ли это таких титанических усилий?

К 22 сентября Дунайская армия четырьмя отрядами — Ауфенберга, Вернека, Риша и Шварценберга расположилась по берегам Дуная и Иппера на участке Гюнцбург, Кемптен. Правый фланг обеспечивался 20-тысячным корпусом Кинмайера, разбросанным от Амберга до Нейбурга с отрядами на переправах через Дунай. Кутузов в это время был в 600 километрах от Дунайской армии. Русские войска частично перебрасывались на подводах, однако прибыть своевременно на помощь австрийцам им не удалось.

Между тем через 28 дней после выхода из булонского лагеря, к 24 сентября Наполеон развернул свои корпуса по рекам Рейн и Майн. Четыре корпуса, гвардия и конница Мюрата стояли на Рейне у пунктов, намеченных для переправы; два корпуса располагались в районе Вюрцбурга. К Бамбергу прибыл баварский корпус.

Макку уже было известно о выступлении французов из Булони, однако группировка их по Рейну и Майну оставалась для него тайной. 24 сентября началась переправа французов через Рейн, а на следующий день рейнская группа Наполеона была на правом берегу реки. Корпуса Бернадота, Мармона и баварский были двинуты с исходного положения 1 октября. Наполеон решил направить корпуса самостоятельными колоннами и, постепенно сужая фронт наступления, переправиться через Дунай

между Донаувертом и Регенсбургом, обойти правый фланг противника. Глубокий охват предполагал выход «Великой армии» на операционную линию неприятеля, что неминуемо приводило последнего к сокрушительному разгрому.

30 сентября император обратился к армии с воззванием: «Солдаты! Война с третьей коалицией начата. Австрийская армия перешла Инн, попрала договоры и вторглась в столицу наших союзников. Солдаты, ваш Император среди вас. Вы — авангард великого народа, и, если надо, он поднимется по моему призыву, чтобы разгромить эту новую лигу, сплетенную из ненависти и золота Англии». Эти слова придали еще больше уверенности и без того могучей армии. «Это армия, — отмечал Мармон, — была могущественна не столько по числу своих солдат, сколько по их натуре: почти все уже воевали и одерживали победы. Еще осталось вдохновение революционных войн, но оно вошло в направленное русло; начиная от главнокомандующего, от командиров корпусов и дивизий до простых солдат и офицеров, все были закалены в битвах. 18 месяцев, проведенных в лагерях, придали ей дополнительную обученность, невиданную доселе спайку и безграничную уверенность в своих солдатах».

1 октября баденский электор встретил Наполеона и поспешил подписать военный союз, обязуясь выставить контингент в 3000 человек. На следующий день в Луисбурге Наполеон подписал оборонительно-наступательный союз с электором вюртембергским. Конечно, эти почти игрушечные армии не могли сколько-нибудь серьезно повлиять на ход операции, тем не менее обеспечивали Наполеону действия на огромной операционной линии.

Словно гигантский часовой механизм, точно и неумолимо армада французских войск двинулась по дорогам Германии. Непрерывность движения корпусов была обеспечена соответствующей организацией тыла. Основной коммуникацией служила дорога Шпейер, Гейльброн, Эльванген, Донауверт, на которой предполагалось эшелонирование запасов продовольственного и вещевого снабжения. Кроме того, каждый солдат получил на руки четырехдневный запас хлеба, а в дивизионных обозах

содержался четырехдневный неприкосновенный запас сухарей. По главному коммуникационному пути должен был циркулировать обоз, сформированный из местного транспорта, который доставлял предметы снабжения в войска.

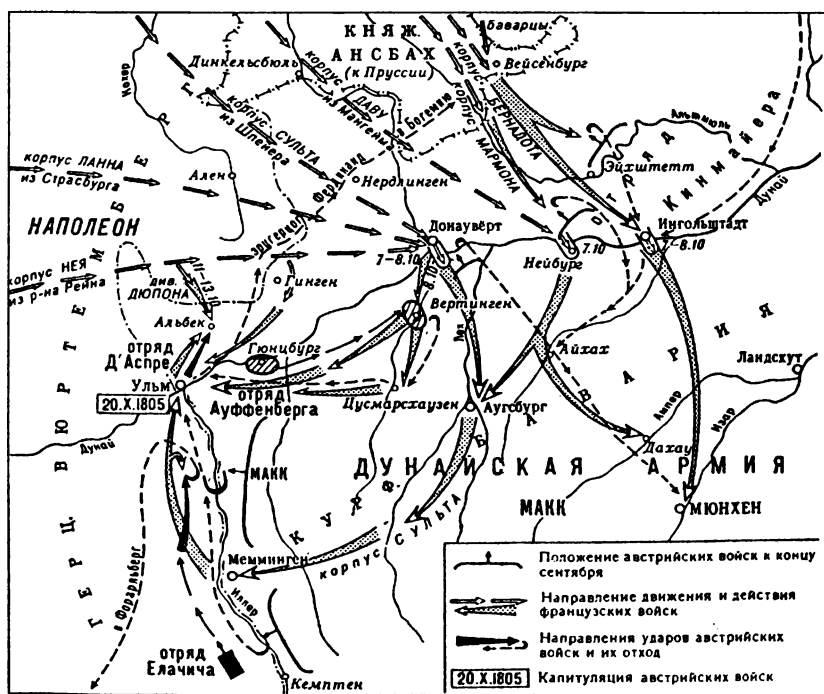
Стремясь скрыть свой маневр, Наполеон приказал Мюрату и Ланну произвести демонстрацию в направлении долины реки Кинцига к Шварцвальским проходами, создавая впечатление движения главных сил французов со стороны Шварцвальда. Эта операция имела успех: Макк решил, что французская армия наступает с запада.

В ожидании противника Макк оставался на месте. Разведку он не организовал и был далек от фактического понимания обстановки. Появившуюся со стороны Эттенгейма и Фрейбурга конницу Мюрата он принял за левофланговую группировку французов. Об угрожающем обходе Макк не догадывался, а известие о появлении противника у Вюрцбурга привело его к выводу, что французы выставили здесь заслон против Пруссии. В результате движение французских корпусов осуществлялось скрытно от австрийцев. Корпуса прикрывались кавалерийской завесой силами всей корпусной конницы. Только Ней в центре открыто шел на Штудгарт с целью дезориентировать Макка. В процессе движения общий фронт французских корпусов, составлявший на Рейне 250 километров, постепенно сужался. Если бы Макк попытался перейти в наступление в любом из направлений, то по расчетам Наполеона, уже через несколько часов австрийцы имели бы перед собой превосходящие силы. Но Макк оставался на месте в ожидании скорого прибытия русских войск.

Только 5 октября, когда французы вышли на линию Гмюнд—Эллинген, австрийцы обнаружили обходное движение противника, но Макк продолжал оставаться на месте, не допуская мысли, что обход совершается главными силами Наполеона. «Располагая неопределенными, противоречиво и неправдоподобно звучащими сведениями о неприятельском передвижении, Макк не хотел отказаться от заранее мудро разработанного плана, не желая оставить позицию и тем самым открыть фланг армий находящихся в Тироле и Италии» (Шлиффен).

Ему казалось, что Наполеон хочет заставить австрийскую армию покинуть сильную позицию, создавая угрозу их флангу и тылу незначительными силами. Тогда как в действительности Наполеон опасался, что Макк отступит и тем самым цель его маневра не будет достигнута. Стараясь удержать Макка на месте, Наполеон распустил слух о том, что в Париже началось восстание и французские войска готовятся к возвращению во Францию. И здесь император достиг своей цели — Макк не предпринимал никаких движений.

Точно выполняя все предназначения императора, «Великая армия» вышла 6 октября к берегам Дуная позади правого фланга основных сил австрийцев. Грандиозный стратегический охват удался. «Маленький капрал, кажется, избрал новый способ ведения войны, — шутили солдаты, — он воюет нашими ногами, а не штыками».

Окружение австрийской армии под Ульмом. Октябрь 1805 года.

Вечером 7 октября конница Мюрата и дивизия Вандама из корпуса Сульта, переправившись у Донауверта, уже были на правом берегу Дуная, отбросив оставленные здесь Кинмайером слабые части австрийцев, и двинулись к Райну. Остальные корпуса Наполеона и баварцы подходили к Дунаю, готовясь к переправе. Только корпус Нея должен был остаться на левом берегу реки против Ульма, преграждая пути отступления австрийцев в Богемию.

На тот момент Наполеон не имел точных данных о положении всех сил противника, но обстановка представлялась французскому полководцу следующей. «Великая армия» мощным клином врезалась в расположение правого фланга австрийской армии. Отряд Кинмайера, попавший под удар, не принимая боя, уходил в восточном направлении к Мюнхену. Но остальные?.. Что будет делать основная часть неприятельских войск, которая расположена западнее французского прорыва? Для императора этот вопрос почти очевиден, ибо он всегда представлял себя на месте неприятеля. Но это часто не соответствовало истине, так как мало у кого хватало решимости действовать как Наполеон. Итак, французский полководец, представив себя на месте Макка, был уверен, что австрийский генерал выяснил обстановку, оценит силу обходного маневра и, поняв тяжесть своего положения, решится на отважный шаг: сконцентрирует войска и ринется на прорыв в восточном направлении, сминая отдельные французские колонны, пытаясь возместить недостаток сил за счет сплоченности и энергии. Наполеон не исключал и другой вариант, менее отважный — отступление австрийцев в южном направлении, на Тироль.

В шесть утра Бертье докладывал Нею по поручению императора: «Вероятно, переход через Лех и занятие Аугсбурга, которое произойдет сегодня, отрезвит неприятеля... Невозможно, чтобы противник, узнав о переходе Дуная и Леха... не решит отступать». Наполеон почти исключал отход австрийцев по левому берегу Дуная в северо-восточном направлении, так как при этом они подвергались опасности окружения. «Его Величество не думает, что неприятель будет столь безумен, чтобы

перейти на левый берег Дуная», — снова через несколько часов сообщал Бертье Нею.

Самое интересное, что австрийский главнокомандующий, получив 7-го числа сведения о переходе французами Дуная в Донауверте, не осознал всю меру опасности, нависшую над его армией, хотя уже тогда понял, какую цель преследуют французы. В тот день он писал: «Кажется, сейчас ясно, что неприятель возобновляет свой маневр Маренго, то есть он пытается отрезать нас от наследственных владений...» Но дело в том, что австрийский генерал, отлично представляя себе задачу противника и направление его движения, не отдавал себе отчета в его силах. Макку казалось, что он имеет дело с почти равной ему по силам армией, то есть не более 60—100 тысяч человек. В результате у Макка появилась идея повторить то, что за несколько лет до него сделал генерал Край на этой же позиции против войск Моро. Держа мощный опорный пункт Ульм, стоящий «верхом» на Дунае, он предполагал угрожать французам на левом и на правом берегу в зависимости от того, где они окажутся слабее. Позже, если армия Наполеона вся переправится на правый берег, «достаточно будет маневрировать по левому берегу, спускаясь вниз по реке, чтобы, если не разбить врага, то сделать его судьбу ужасающей».

А пока Макк решил «раздавить» авангарды французов, переправившихся на южный берег Дуная. Для этого австрийский генерал отрядил небольшой отряд генерала Ауффенберга в 4800 человек, направив его через Вертинген на Донауверт.

8 октября на рассвете французский император стоял у Донаувертского моста. Его войска уже наводнили правый берег Дуная. Мюрат перевел на другую сторону реки почти все свои дивизии, корпус Сульта перешел водную преграду в Донауверте, части корпуса Ланна переправлялись через Дунай у Мюнстера. Даву форсировал реку у Нейбурга, за ним продвигались Мармон и Бернадот.

Сульт, имея в голове колонны 2-ю драгунскую дивизию Вальтера, устремился на Аугсбург. Ведомые Мюратом, 1-я драгунская дивизия Клейна, 3-я Бомона вместе с кирасирами Нансути и гусарами из дивизии Трейяра ринулись на Цусмарсхаузен. Генерал Ауффенберг, которому

была поручена почетная миссия «раздавить» все вышеозначенные войска, не торопясь приближался к городку Вертинген, расположенному на дороге из Цусмарсхаузе-на в Донауверт. Его разъезды не заметили стремительно приближающиеся с северо-востока полки Мюрата, зато генералу донесли, что со стороны Мюнстера замечена неприятельская пехота. Это были гренадеры Удино, шедшие в голове корпуса Ланна. Ауффенберг выслал в этом направлении небольшой авангард под командой генерала Динерсберга и, расположив свои войска на случай атаки, преспокойно собрался обедать, тем более, что время было вполне обеденное — около двух часов дня.

Но в этот момент с востока к городу приближались дивизии Мюрата. Увидеть и атаковать неприятеля было для легендарного командира резервной кавалерии делом одного мгновения. Пока драгунские дивизии разворачивались в боевые линии на равнине перед Вертингеном, 60 драгунов из дивизии Клейна, ведомые адъютантом Мюрата Экзельмансом, спешили, атаковали передовые австрийские посты в деревушке Готтмансхофен и в считанные минуты выбили их оттуда.

Поскольку основная масса австрийцев была отделена от Мюрата речкой Цузам, текущей с севера на юг, то для того, чтобы обрушиться на них, необходимо было овладеть городком Вертинген и находившемся в нем мостом. Эта задача была возложена на дивизию Бомона. 9-й драгунский полк, ведомый полковником Мопети, галопом ворвался в предместье, взял мост и ринулся в самый город, рубя направо и налево ошеломленных внезапной атакой австрийцев. Впрочем, после первого шока австрийская пехота пришла в себя, и скоро из всех окон и дверей загрохотали ружейные выстрелы. Драгуны смешались под свинцовым дождем, но не растерялись. Половина полка тут же спешила, в дело пошли уже не сабли, а штыки и приклады. Австрийцы подались под напором пеших драгун. Дорога для всадников была проложена. Пока спешенные кавалеристы успешно теснили пехоту, вторая половина полка в конном строю вырвалась из города и сходу развернулась, чтобы атаковать австрийские батальоны.

В момент, когда драгуны Бомона стремительным натиском брали городок, дивизия Клейна, поднявшись чуть выше по реке, нашла маленький мост. Драгуны и шедший с ними 10-й гусарский полк тотчас же воспользовались случаем и, переправившись на противоположный берег, с ходу обрушились на кирасир в белых колетах. Нужно отметить, что австрийская кавалерия была одной из лучших в Европе. Особенно славились полки кирасир, как слаженностью действий, так и качеством конского состава. Поэтому здесь завязался упорный бой с переменным успехом. Но к французам через переправу подходили все новые и новые эскадроны. В результате австрийские кирасиры были охвачены со всех сторон и с большими потерями отброшены. Таким образом, тыл и правый фланг австрийской пехоты был открыт. С севера на поле боя появились меховые шапки гренадер Удино. Батальоны австрийских гренадер построились в большие каре и стали отступать. Маршал Ланн, едва слышав начавшуюся канонаду, ускорил движение своей пехоты и, смяв авангард Динерсберга, вовремя пришел на помощь Мюрату.

Появление элитных французских частей с севера и атака драгун Клейна с юга парализовали волю к сопротивлению австрийской пехоты. Их батальоны дрогнули и побежали в лес, стремясь спастись от палашей нападающих французских драгун и сабель конных егерей, пришедших с Ланном.

Отряд Ауффенберга был полностью разгромлен. Австрийцы потеряли 101 человека убитыми, 233 ранеными, 1469 пленными, а также 3 знамени и 6 орудий. Сам генерал Ауффенберг попал в плен.

Полная бездеятельность австрийцев на левом берегу Дуная против Нея и усиленные передвижения на правом утвердили Наполеона в мысли о том, что Макк будет прорываться напрямую через Аугсбург, оставив Ульм. Следовательно, необходимо было собрать как можно быстрее все силы вокруг города и перекрыть дорогу на восток.

Эту задачу должны были выполнить 4-й корпус Сульта, 5-й корпус Ланна, гвардия и резервная кавалерия Мюрата. На помощь перечисленным войскам должен был быть направлен и 2-й корпус Мармона. Даву и Бернадоту

отводилась роль заслона против возможного появления русских сил с востока. С другой стороны, невозможно было бросить без дела более чем 20-тысячный корпус Нея, вместе с которым шла дивизия драгун Барагэ д'Илье в 5500 человек. Император решил, что эти части направятся во фланг и тыл отступающего неприятеля. Для этого им было нужно овладеть переправами через Дунай на фланге вероятного расположения австрийцев. Наиболее удачными местами для нанесения флангового удара и форсирования реки б-м корпусом император и маршал Ней считали переправы у Гюнцбурга: здесь находились четыре моста. К вечеру 8 октября путь отступления австрийцев на Вену был уже в руках французов.

В то время, как корпуса «Великой армии» концентрировались для боя с решительным и целеустремленным неприятелем, Макк никак не мог остановиться на каком-либо окончательном решении.

8 октября он собирался было двинуться на Аугсбург, но, узнав о поражении Ауффенберга и о появлении крупных сил французов на правом берегу, отказался от этого проекта и вернулся к идее движения по левому берегу. Курьезность ситуации заключалась в том, что сам Макк считал эти возможные передвижения не отступлением, а стратегическими маневрами, контрударами с целью нанести поражение французской армии. К утру 9 октября генерал Макк решил-таки переправиться на левый берег Дуная. Он приказал сосредоточить свои рассеянные на большом пространстве корпуса к Гюнцбургу, восстановить ранее раз-

Мишель Ней (1769–1815), маршал Франции, герцог Эльхингенский, князь Московский.

рушенные по его указанию мосты, а сам со штабом расположился в вышеозначенном городе. Макк год спустя написал о своем решении следующее: «...я решил атаковать неприятеля в тыл, обрушиться на его коммуникации, сломить тем самым его превосходство и удалить его от русских...»

Маршал Ней не знал, что в нескольких километрах от его штаб-квартиры на другом берегу Дуная находится генерал Макк со своим штабом и что лежащие перед ним мосты должны служить переправой для наступающих главных сил австрийцев. Поэтому он направил на Гюнцбург только одну 3-ю дивизию генерала Малера, 1-ю и 2-ю дивизии послал в сторону Ульма и Лангенау, а остальные войска оставил на своих местах. Выполняя приказ маршала, дивизия Малера утром 9 октября двинулась по направлению к Гюнцбургу. На подходе к городу Малер разделил свои войска на три колонны, каждой из которых поручалось захватить один из мостов. Около Гюнцбурга по левому берегу французская пехота вынуждена была двигаться по узким дорогам, идущим через низину, болота, кустарники и несметное количество ручьев.

В результате 1-я колонна, которая должна была атаковать мост выше основной переправы, сбилась с дороги и, проплутав среди болот, повернула назад. 2-я колонна во второй половине дня вышла к центральному мосту у города, атаковала охранявших его тирольцев, но, встретив сильное огневое противодействие, отошла. Зато 3-я колонна бригадного генерала Лабоссе, как и первая, тоже сбилась с дороги и вышла к Дунаю совсем не там, где предполагалось. С удивлением французы увидели неизвестный им мост, который лихорадочно восстанавливали австрийские саперы. Дождавшись, когда противник частично наладил переправу, французские гренадеры внезапной атакой захватили мост и заняли позицию на правом берегу, где до самой темноты отбивали контратаки австрийцев.

Невероятно, но это произошло. Одна дивизия, а вернее, один полк отобрал переправу под носом у главных сил австрийской армии, причем их главнокомандующий находился в самом Гюнцбурге. Более того, на следующий

день растерявшийся Макк отвел значительную часть своих войск к Ульму, притянув туда и корпус Иелачича.

В результате всех этих «маневров» Наполеон никак не мог нащупать противника и понять его намерения. Дело в том, что император, как уже говорилось, судил о противоборствующей стороне на основании строгой логики, вполне применимой к действиям умелого и храброго полководца. Поэтому он предполагал, что поставленные в опасное положение обходом превосходящих сил австрийцы будут выходить из него только тремя возможными способами: прорываться назад, на восток, напрямую через Аугсбург; уходить из-под удара на юг, в Тироль; прорываться на северо-восток по левому берегу Дуная. Сам Наполеон предпочел бы первый путь, и поэтому он прежде всего готовился к противодействию подобным движениям противника. Второй, куда более безопасный для армии Макка, был крайне невыгоден стратегически, так как он уводил в сторону от театра военных действий, надолго исключая возможность участия в войне. Наконец, третий путь Наполеон считал слишком дерзким и потому не особенно его опасался.

10 и 11 октября никаких новостей о движении австрийцев на прорыв не поступило. Равным образом спокойствие у Нея на левом берегу и тем более достаточно легкое овладение мостами под Гюнцбургом подтверждали, что неприятель безразличен как к левому берегу Дуная, так и к переправам, за которые он до последнего должен был бы стоять в случае принятия им третьего варианта. Отсюда с очевидностью вытекало, что противник решил осуществить второй, самый осторожный вариант и что он уходит в Тироль. Значит, он выскользнул из-под удара. Что ж, нужно было использовать ту ситуацию, которая сложилась... Приказы, отданные императором 10—11 октября, можно резюмировать следующим образом. «Великая армия» делилась на три группы корпусов. Первая, из корпуса Бернадота и баварцев, должна была преследовать Кинмайера и освободить столицу Баварии — Мюнхен. Вторая, из корпусов Ланна, Нея и части резервной кавалерии под общим командованием Мюрата — «держат шпагу в спину» отступающего Макка. Третья, самая большая, из корпусов Сульта, Даву, Мармо-

на, двух дивизий пешей кавалерии и гвардии, должна была занимать центральное положение до дальнейшего выяснения обстановки. Австрийцы оставили там гарнизон, а сами ушли на юг, считал Наполеон.

Известный русский военный историк Леер очень верно заметил, говоря о Макке: «Если на войне трудно разгадать противника толкового, то еще труднее относительно бестолкового...» Наполеону и в голову не могло прийти, что австрийцы не предпринимают экстренных мер в катастрофической для них ситуации. Макк, который именно в эти дни получил от своего государя подтверждение своих фактических полномочий главнокомандующего, вместо стремительных маршей топтался на месте. 10 октября его войска сконцентрировались в Ульме, а в ночь с 11-го он решил их вновь перегруппировать и начать новый маневр, на этот раз опять по левому берегу. 11 октября из Ульма выступил авангард генерала Кленау, а за ним последовали остальные войска, кроме Иелачича, который должен был прорваться в Форарльберг.

Утром того же дня французский генерал Дюпон получил от маршала Нея приказ двигаться своей дивизией (6400 человек и 14 орудий) на Ульм и занять город, в то время как весь остальной корпус Нея собирался переправиться на правый берег. Не подозревая, что его единственная дивизия идет прямо на всю австрийскую армию, Дюпон к полудню приблизился к Хаслау, небольшой деревушке, лежащей в 6 километрах севернее Ульма, и здесь столкнулся с авангардом Кленау. Генерал Дюпон мужественно вступил в бой с австрийцами, которые значительно превосходили его в силах. В результате сражения он вынужден был отступить на Альбек, потеряв 2000 человек убитыми и ранеными, но и сам захватил множество пленных.

Дезориентированный этими событиями Макк решил, что за Дюпоном как раз и следуют главные французские силы, и поспешно отдал приказание войскам вернуться обратно в ульмский укрепленный лагерь, приняв решение — на другой день начать отступление в Богемию. Этот маневр Макк решил прикрыть демонстрацией отряда Шварценберга по правому берегу, а войсками Иелачича — вдоль левого берега реки Иллер. Однако, когда

корпус Иелачича в течение 13 октября уже отошел на переход от Ульма, Макк, под влиянием «подтвердившихся» ложных слухов о высадке английского десанта на берега Франции и начавшимся в связи с революцией в Париже отходом французов к Рейну, приказал своим войскам вновь сосредоточиться в ульмском укрепленном районе.

Теперь Наполеон полностью владел обстановкой и был уверен в успехе. Из Мюнхена он писал Мюрату: «Дело идет не о том, чтобы бить врага, но необходимо, чтобы враг не ускользнул от него... Этот день должен быть в десять раз более знаменит, чем день Маренго».

14 октября, имея под Ульмом 120 000 человек, император начал окружение противника. На отдельных участках произошел ряд стычек, которые закончились для австрийцев потерей нескольких тысяч человек и сжатием кольца к 16-му числу. Генерального сражения, в сущности, так и не было. После начавшегося артиллерийского обстрела Ульма Макк 17 октября лично отправился к Наполеону и заявил о своем решении капитулировать.

Французам было сдано 23 000 человек и 59 орудий. Отряд генерала Вернеска, преследуемый Мюратом и окруженный им под Трахтельфильгеном, также вынужден был капитулировать, сдались в плен 8000 человек. Только Иелачич с 5000 солдат прорвался к югу, а эрцгерцог Фердинанд и генерал Шварценберг с 2000 конницы сумели ночью ускользнуть из Ульма на север. Общие потери австрийцев составили около 50 000 человек, Наполеон потерял только 6000. Так закончилась Ульмская операция. Оставшаяся лицом к лицу перед превосходящими силами французов Дунайская армия французов перестала существовать.

В этой операции Наполеон дал пример искусно организованного марш-маневра, который заканчивается окружением противника. С одной стороны, помимо подавляющего превосходства в силах, мы видим ясность и определенность поставленной цели — уничтожение живой силы врага. Эта цель достигается решительным и энергичным проведением широкого маневра с внезапным появлением на фланге и в тылу австрийцев. С другой — неопределенность цели, непонимание сложившейся обстановки, ряд непродуманных решений, не доведенных

до конца, и отсутствие стремления выйти из тяжелого положения энергичным проведением хотя бы одного из принятых решений.

Причина поражения Дунайской армии заключалась не только в слабости Макка, известного как теоретика, придававшего преувеличенное значение местности, и сторонника замысловатых планов, часто не вытекающих из обстановки. Главное крылось в том, что союзники не сумели определить решающий театр военных действий и не противопоставили Наполеону превосходство в силах, а между тем численная слабость Дунайской армии и нерешительность ее руководства позволили Наполеону закончить операцию и фактически уничтожить армию Макка без крупного сражения.

Аустерлиц. 2—3 декабря

Если король сам берется командовать, солдат не чувствует над собой командира. Армия приветствует его точно так же, как приветствует проезжающую мимо королеву. Если король — не генерал, он должен предоставить командование генералам.

Наполеон. Письмо Жозефу Бонапарту

Аустерлиц представляет чудо стратегии, он не будет забыт до тех пор, пока существуют войны.

Ф. Энгельс

Пленением остатков Дунайской армии под Ульмом еще не закончилась война Наполеона с третьей коалицией.

Армия Кутузова в это время, изнуренная форсированным маршем, к 11 октября сосредоточилась в Браунау и оказалась одна против главных сил французского императора. В столь невыгодной обстановке, имея всего 46 000 войска, Кутузов принял решение отступать на соединение с корпусом Буксгевдена и австрийскими войсками. Наполеон, в свою очередь, стремился помешать

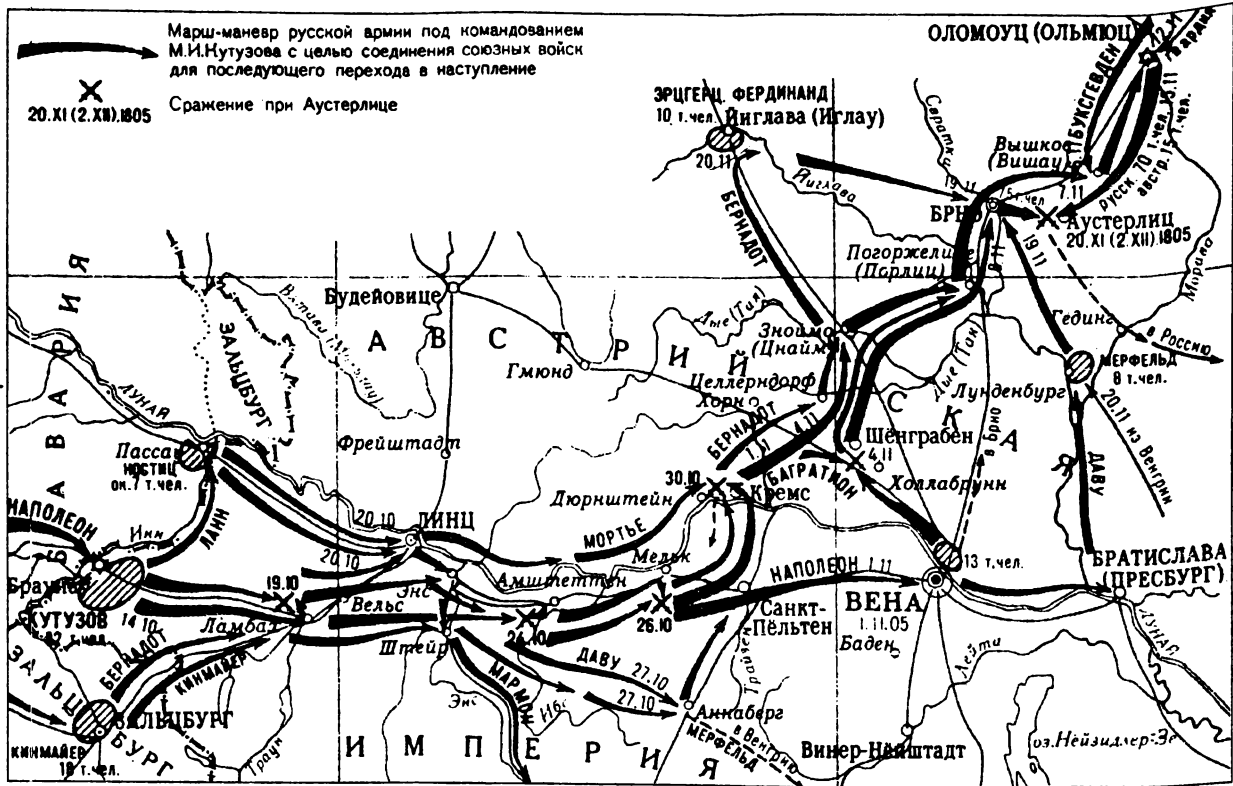
этому, прижать русскую армию к Дунаю и уничтожить. Однако она умело уходила вдоль правого берега Дуная из-под охватывающих ударов противника под прикрытием арьергарда генерала Багратиона, который успешно отбивал атаки. С флангов его прикрывали австрийские отряды Кинмайера и Ностица.

Для усиления арьергарда Багратиона в полупереходе между ним и главными силами русских войск следовал отдельный отряд генерала Милорадовича. Русская армия, поспешно отходя, достигла реки Траун. Уничтожение переправ через Инн задержало французов ненадолго.

В городе Вельс был созван военный совет для обсуждения дальнейшего плана действий. Кутузов предлагал частью сил задержать французов на реке Энс, а главную армию переправить через Дунай, отходя в Богемию; Вену не защищать и в случае необходимости сдать Наполеону. Австрийцы добивались от Кутузова решения защищать переправу у Кремса, «чего бы это ни стоило», надеясь, что за это время успеют подойти австрийские войска из Северной Италии. Но русского командующего, к тому же имевшего сведения о тайных переговорах союзников с французами о сепаратном заключении мира, мало интересовали австрийские пожелания. Русская армия с арьергардными боями продолжала отход через Энс к плато у города Санкт-Пельтен.

Такое движение было расценено Наполеоном как желание Кутузова защищать Вену на более удобной позиции. В правильности этого предположения императора убеждало приближение к Ольмюцу Волынской армии Буксгевдена и стягивание австрийцев к столице. Считая, что Кутузов будет стремиться удержать позицию, Наполеон решил окружить его в районе Сен-Пельтена. С этой целью император направил корпус Даву в обход противника с юга, чтобы встать между ним и Веной; а корпус Мортье был переправлен у Линца на левый берег Дуная с задачей, продвигаясь на восток, захватить переправы у Кремса и отрезать русским пути отхода. Главные силы Наполеона должны были раздавить небольшую армию Кутузова.

Кутузов, ведя непрерывную разведку, разгадал замысел противника. Узнав о переправе корпуса Мортье, рус-

Шестидесят фражений Наполеона

Стратегический марш-маневр русской армии под командованием М.И. Кутузова. 1805 год.

ская армия 28 октября под прикрытием арьергарда снялась с позиции. Кутузов решил не защищать Вену, а спасти свое войско. 29 октября русские переправились через Дунай у Кремса, упредив Мортье, 30-го разгромили его корпус. Французы были прижаты к Дунаю и потеряли 4000 человек убитыми и ранеными. Русские захватили свыше 1500 пленных и 5 орудий. Этот быстрый маневр и первая победа, казалось, создавали благоприятные условия для выполнения стратегического плана Кутузова. Однако, прибыв в Эберсбрюн, Кутузов узнал, что 1 ноября австрийцы сдали Вену.

В этой так удачно начавшейся для французов войне все продолжало им благоприятствовать. Венский мост охранял арьергард австрийской армии под командованием князя Ауэрсперга, австрийский генерал имел жесткую директиву — при отступлении мост взорвать. Французам, видимо, предстояли бы тяжелые бои за овладение мостом. Но три французских генерала — Ланн, Мюрат и Бельяр — отважились на неправдоподобно дерзкую авантюру. Они отправились без свиты, без охраны к князю Ауэрспергу и представились ему как парламентареры. Заверив австрийского командующего, будто подписано перемирие, расточая ему комплименты и любезности, они настолько увлекли его беседой, что князь Ауэрсперг забыл о своем прямом воинском долге. Пока продолжался поглощавший все его внимание разговор с тремя любезными французскими генералами, наполеоновские солдаты бесшумно и беспрепятственно переходили через мост. Когда же князь понял, что его обманули, было уже поздно.

Наполеон вступил в Вену, а Кутузов вновь оказался перед необходимостью спасти армию от окружения и разгрома. «Неприятель перешел при цесарских войсках Дунай близ Вены безо всякого сопротивления и, не касаясь отнюдь цесарских войск, объявил им, что идет искать меня. Сии неожиданные для меня большие силы по сторону Дуная приводят армию... в большую опасность», — доносил Кутузов Александру I.

Русские форсированным маршем двинулись по левому берегу реки к Брюнну через Вену, наперерез им бросились войска Мюрата. Когда авангардные части францу-

зов настигли русскую армию, то Мюрат, дабы задержать Кутузова до подхода главных сил, решил обмануть русского полководца, как он удачно обманул французов. Мюрат предложил Кутузову заключить перемирие, русский генерал решил использовать время, для того чтобы вывести свои силы из-под удара, и согласился. Во французский лагерь были посланы представители, которые подписали акт о перемирии. Оставалось только ратифицировать его обоим полководцам. В этот момент Кутузов, прикрываясь заслоном в 6000 человек под командованием Багратиона, форсировал отход армии. Наполеон, узнав о действиях своего незадачливого дипломата, пришел в ярость и приказал Мюрату немедленно атаковать Кутузова, но было уже поздно. Армия русских ушла, а прикрывавший ее отход отряд Багратиона провел блестящий бой под Шенграбеном с многократно превосходящими силами противника и, выполнив свою задачу, присоединился к главным силам у Погорлицы. Действия Багратиона позволили русским оторваться от неприятеля на два перехода. 10 ноября в районе Ольмюца войска Кутузова соединились с корпусом Буксгевдена, а затем пополнились за счет прибывшей гвардии и 15-тысячного австрийского отряда.

Таким образом, умело спланированный и блестяще организованный 400-километровый маневр Кутузова позволил ему сохранить свои войска и создал выгодные условия для действия союзников.

Теперь у Кутузова было 86 000 солдат. Кроме того, ожидался подход русского корпуса генерала Эссена 1-го числа, а к середине декабря могла быть подтянута 40-тысячная армия Беннигсена и 150-тысячная австрийская армия эрцгерцога Карла и Иоанна из Италии. Войска союзников располагались на сильной позиции у города Ольшаны, обстановка начинала изменяться в благоприятную для них сторону. Пруссия была близка к решению вступить в коалицию. Поэтому прибывший в штаб армии император Александр I, также как и австрийский император Франц, отнюдь не считал дело проигранным. Напротив, частые победы, которые были одержаны союзниками, например успех русских при Шенграбене, подняли настроение в штабе союзных войск.

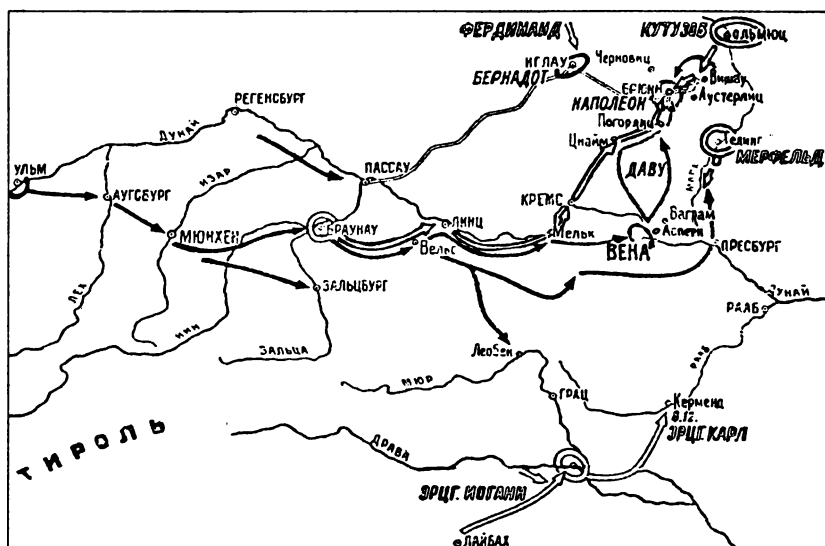
Важное значение для хода всей кампании имели события, развернувшиеся далеко от театра военных действий в Европе. 21 октября 1805 года у мыса Трафальгар английский флот под командованием Нельсона в ожесточенном морском сражении уничтожил объединенный франко-испанский флот. Нельсон погиб в этой битве, но одержанная им победа имела огромное значение для всей последующей, растянувшейся на многие годы войны. В морской пучине под Трафальгаром были не просто похоронены французские корабли, была уничтожена французская идея вторжения в Англию. Отныне и на ближайшие годы Англия стала неуязвима для Франции; пролив, отделявший Британские острова от континента, стал непреодолим.

Сражение было расценено как крупнейшее событие военной кампании; победа Нельсона заслонила поражение Макка, Трафальгар затмил Ульм. По мнению европейских газет тех дней, после Трафальгара военное счастье перешло к союзникам.

Наполеон отчетливо понимал, что поражение французского флота уронило в глазах всего мира императорское знамя с орлами. Все достигнутые преимущества — Ульм, вступление в Вену — были уничтожены в один день. Ему снова нужна была победа, не обыкновенная, не рядовая, а оглушительная победа, которая заставила бы признать его военную мощь, его превосходство над силами неприятеля. Его замысел заключался в том, чтобы заманить в западную русско-австрийскую армию и навязать ей генеральное сражение до того, как подойдут дополнительные силы австрийцев и русских. Кутузов своим тонким чутьем разгадал замысел Наполеона.

Русский генерал предложил царю продолжить отход к Карпатам для соединения с Беннингсеном и Эссенем. Кроме того, это привело бы к еще большему растягиванию французских коммуникаций, к еще большему обессилению Наполеона, тем более, что он не имел возможности в ближайшее время получить подкрепление. Однако Кутузов уже ничего не решал в главной квартире, присутствие Александра I лишало генерала реальной власти главнокомандующего. В это время в императорской штаб-квартире преобладали придворные генералы,

толкавшие царя на «решительные действия». Они сравнивали Александра с Петром I и прочили ему триумф победителя. Генерал-квартирмейстер австрийской армии Вейротер также был сторонником «решительных действий», хотя отличался полным непониманием стратегии и тактики французской армии.

Обстановка перед Аустерлицкой операцией 1805 года.

Вынужденный разбросать свои войска с целью обеспечения тыла и оккупации захваченных территорий, Наполеон к 20 ноября остановился в районе крепости Брюнн в 70 милях от Вены. У него было только 53 000 человек. Ближайшие силы, корпуса Даву и Бернадота, находились в 2–3 переходах от Брюнна; после соединения с ними Наполеон мог иметь 75 000 солдат. Отдав приказ Даву и Бернадоту идти к нему, французский полководец повел дипломатическую игру, всеми силами демонстрируя нерешительность перед лицом союзников.

Обстановка для него и вправду начала складываться неблагоприятно. Армия французов, утомленная тяжелыми переходами, находилась далеко от Франции, во враждебной стране. К тому же Наполеон знал, что к нему в ставку едет граф Гаугвиц с ультиматумом от Пруссии,

требования которой были заранее неприемлемы для императора. Пруссия могла в любой момент вступить в войну и выдвинуть у Наполеона в тылу 180-тысячную армию. Поэтому для него было крайне важно, чтобы союзники не начали вновь отступать и не затянули бы войну. Он желал сражения и делал все, чтобы оно состоялось, но свои намерения мастерски маскировал.

Заняв оборонительное положение к востоку от Брюнна, Наполеон послал к находившимся в Ольмюце русскому и австрийскому монархам своего представителя с предложением начать мирные переговоры. Александр отказался от прямых переговоров, но направил в штаб Наполеона своего генерал-адъютанта князя П.П. Долгорукова. Наполеон принял князя и беседовал с ним намеренно осмотрительно, скромно, миролюбиво. Превосходный актер, он играл роль человека, озабоченного возрастающими трудностями и ищущего путь к миру. Он был сдержан с князем и делал вид, что не замечает его развязности. Позже Наполеон отмечал: «Этот молодой хвастунишка разговаривал со мной как с русским боярином, ссылаемым в Сибирь». Наполеон спес этот высокомерный тон и эту заносчивость.

Разговор закончился ничем, но Долгоруков, вернувшись в ставку, доложил царю, что больше всего Наполеон боится сражения, он ищет мира и не рассчитывает на свои войска. Раз Наполеон боится — надо его атаковать. Александр, усмотрев в мирных предложениях французского императора признак его слабости, и под влиянием окружавших его советников стал настаивать на немедленном наступлении.

Вопреки желанию Кутузова, который был фактически отстранен от руководства войсками, на военном совете был принят уже заранее одобренный Александром и Францем план действий, составленный Вейротером. Последний исходил из нелепого предположения, что Наполеон будет пассивен, займет оборону, предоставит полную инициативу союзникам и, таким образом, беспрепятственно даст себя разбить. В который раз знатоки кордонной стратегии собирались наступить на те же самые грабли. План Вейротера состоял в том, чтобы фланговым маршем отрезать Наполеона от Вены, где по пред-

положению союзного штаба проходила главная коммуникация французов, разбить его у Брюнна и отбросить к Богемским горам.

Всем единомышленникам Александра в главной квартире казалось, что дела идут блестяще. Один из свидетелей событий писал: «Слабая рекогносцировка, произведенная Мюратом и прекращенная после первых выстрелов, усиление авангардов и построение укреплений по дорогам, ведущим к Брюнну, наконец, предложение Наполеона вступить в личные переговоры с императором Александром, для чего он, противу своего обыкновения, сам выезжал на аванпост, навстречу русскому парламенту, — все это уверяло союзников, что горделивый покоритель Ульма и Вены находится на краю гибели, что занимает их только пустою демонстрацией для прикрытия своего отступления и что им надлежало скорее воспользоваться его отчаянным положением для нанесения ему решительного удара».

Конкретная суть принятой союзниками диспозиции заключалась в том, чтобы усиленным левым крылом из трех колонн прорвать правое крыло французов между деревнями Тельниц и Сокольниц, с последующим поворотом на север; четвертая колонна должна была наступать через Праценские высоты на Кобельниц; пятая колонна имела задачу сковать противника и обеспечить обходной маневр главных сил. Русская гвардия под командованием великого князя Константина Павловича составляла резерв. В этой диспозиции все было педантично учтено и перечислено: движение левого крыла, движение правого крыла, выступление колонн — первой, второй, третьей — с точным обозначением географических пунктов, какие им надлежало занимать. Все было предусмотрено, все предвидено, кроме одного — возможных действий неприятеля.

27 ноября союзная армия оставила Ольшанскую позицию и пятью колоннами двинулась по дороге на Брюнн. В это время французские войска занимали позицию на Праценских высотах, господствовавших над долиной к западу от деревни Аустерлиц. К 28 ноября союзники прошли 30 километров и достигли Вишау. Здесь авангард Багратиона атаковал бригаду Трольера и выбил ее из горо-

да. 29-го числа войска сошли с большой Ольмюцкой дороги и, увязая в осенней грязи, двинулись в обход Брюнна через Аустерлиц. За три дня — до 1 декабря — они прошли 26 километров, разбредаясь на остановках в поисках пищи и топлива. Желая еще больше убедить противника в своих колебаниях, Наполеон отдал приказ маршалу Сульту с деланной поспешностью оставить Праценские высоты. 1 декабря союзная армия, совершив за четыре дня 60-километровый марш, заняла позиции на линии Праценские высоты — Коваловиц. Французский император, наблюдая это передвижение, заплодировал и воскликнул: «Они попались в ловушку! Они обречены! Завтра к концу дня эта армия будет уничтожена!»

Наполеон, прекрасно осведомленный шпионами в русско-английском штабе о планах союзников, занял позицию восточнее Брюнна за ручьями Гольдбах и Бозеницкий. Он решил нанести свой главный удар по центру противника на Праценских высотах, который с уходом левого крыла союзников будет ослаблен. Этим маневром Наполеон намеревался разрезать неприятельскую армию надвое, выйти во фланг и тыл ударной группировке союзников и уничтожить их порознь. Для удержания противника на участке Тельниц—Сокольниц, то есть места главного удара трех русских колонн, Наполеон выставил только одну бригаду из дивизии Леграна, а для обеспечения левого фланга на высоте Сантон была установлена 18-орудийная батарея, фланкирующая подступы к Бозеницкому ручью.

Таким образом, в противовес плану Вейротера, построенному без учета фактической обстановки, на основе «высокой науки», французский полководец выдвинул активный план действий перед превосходящим его численностью противником. Сам Наполеон позднее говорил, что он не занял Праценские высоты только потому, что не хотел ограничиваться лишь отражением атак. Ему нужен был разгром живой силы противника.

В отличие от кабинетных «стратегов», воюющих исключительно по картам, Наполеон двое суток накануне сражения то на коне, то пешком, то издали, то вблизи, то ложась на землю, то осматривая местность с какой-либо высоты, исследовал поле будущей битвы. Он так дос-

конально изучил его, так свободно в нем ориентировался, что, по словам Савари, предполье Аустерлица стало для Наполеона столь же знакомым, как окрестности Парижа. Вечерние часы главнокомандующий проводил среди солдат: присаживался у костров, обменивался шутками, узнавал старых друзей-ветеранов; всюду, где появлялся император, рождалось радостное оживление, бодрость, уверенность в победе. 1 декабря Наполеон собрал командующих корпусами и объяснил свой замысел. Вечером войскам читали воззвание императора, в котором говорилось: «...в то время как они будут обходить меня справа, они подставят мне фланг...».

Перед боем противники расположились следующим образом.

Левое крыло союзных войск состояло из трех колонн под общим командованием генерала Буксгевдена. Русско-австрийские войска под началом Кутузова служили центром, правым крылом командовал Багратион.

Центр французских войск находился под началом маршала Сульты, левым крылом руководили маршалы Ланн и Бернадот, правый фланг, несколько оттянутый назад, — в подчинении маршала Даву.

Союзники имели в строю 82 000 человек и 350 орудий, французы — 73 000 человек при 250 орудиях. Союзное командование предполагало, что Наполеон имеет не более 50 000 войск. Кажущаяся его пассивность вселяла полную уверенность в победе.

Кутузов вновь предложил воздержаться от боя и выяснить обстановку, так как достоверной информации о силах и расположении наполеоновской армии русско-австрийское командование не имело. Но это предложение снова было отвергнуто Александром и толпой его безответственных советчиков. Русскому царю хотелось лавров полководца. Бездарный план Вейротера вступал в действие. Когда Вейротер в ночь на 2 декабря прочитал приказ созданным в ставку начальникам колонн, то на вопрос одного из них о мероприятиях на случай, если Наполеон атакует союзные войска на Праценских высотах, генерал-квартирмейстер ответил: «Этот случай не предвидится».

Союзники стали на биваках, заняв Праценские высоты. Это было в основном открытое место, над которым господствовали высоты, круто спускающиеся к ручью Гольдбах, восточные берега которого были неудобны для переправы. Наиболее подходящие места для форсирования ручья находились у селений Беланец, Сокольниц и Тельниц, лежащих в глубоких балках. Южнее их находились озера Мениц и Зачан, уже покрытые слабым льдом. На рассвете войска построились. Французы избрали глубокий боевой порядок, союзники по приказу штаба применили линейный боевой порядок.

2 декабря 1805 года западнее Аустерлица началась самая известная битва наполеоновских войн, «битва трех императоров». На рассвете, в начале 8-го часа, союзные войска развернули наступление на правый фланг французов, обходящими колоннами генералов Дохтурова, Ланжерона и Пржибышевского, построенными в две линии каждая. Четвертая колонна Коловрата-Милорадовича стояла на Праценских высотах. Пятая колонна Лихтенштейна — австрийская кавалерия — и авангард союзной армии под командованием Багратиона прикрывали правый фланг армии союзников. Русская гвардия располагалась за высотами. Пути наступления ударных колонн проходили мимо незначительных высот, среди которых возвышалась группа Праценских, позволявших обозревать все поле сражения. Левый фланг наступающих войск союзников упирался в группу озер.

Боевые действия начались на левом фланге русско-австрийских войск, где авангард Кинмайера вступил в борьбу за деревни Сокольниц и Тельниц, которые неоднократно переходили из рук в руки по мере усиления Кинмайера частями колонны Дохтурова, а французской бригады — подходящими частями корпуса Даву. В этом бою против главной силы союзников французы были в явном меньшинстве, но им удавалось держаться, так как сдавленная масса наступавших не имела достаточного пространства, чтобы развернуться, и тем самым ее превосходство было сведено на нет.

После 9 часов Тельниц оказался в руках русских, к 11 часам колонне Ланжерона удалось захватить Сокольниц, а колонна Пржибышевского овладела Замком. Даву был

Аустерлицкое сражение. 20 ноября (2 декабря) 1805 года.

вынужден несколько отойти, но зато он «приковал» к себе 42 000 человек Буксгевдена, что в огромной степени способствовало выполнению задуманного Наполеоном маневра.

На Праценских высотах оставалась только четвертая колонна Коловрата. «Если русские покинут Праценские высоты для обхода справа, они погибнут безвозвратно...» — говорил во время боя Наполеон своим маршалам. Это предвидел и Кутузов, удерживая высоты вопреки требованиям штаба. Недовольный Кутузовым, Александр прискакал на Праценские высоты, приказал оставить их и идти на соединение с Буксгевденом. Наполеон в это время стоял на высоте северо-западнее деревни Шляпаниц, наблюдал за действиями русских ждал, когда они освободят высоты. Император должен был подать знак трем корпусам — Мюрата, Сульта и Бернадота. Маршалы нервничали и торопили Наполеона. Но он сознавал, что решающий момент еще не наступил, и совершенный промах еще мог быть исправлен: «Господа, когда неприятель делает ложное движение, мы никоим образом не должны прерывать его. Подождем еще 20 минут». Раньше, чем истекло это время, четвертая колонна Коловрата двинулась вниз, освобождая высоты. По приказу Александра она двигалась к главным силам для усиления флангового удара.

Этим просчетом воспользовался Наполеон и перешел от обороны к наступлению. Корпус Сульта атаковал оставленные противником высоты и фланг колонны Коловрата. Удар по центральной позиции союзников был ошеломляющим. Французы вынырнули из тумана и под треск барабанов бросились к Працену. Союзники были застигнуты врасплох. Вскоре французы оказались у подножия высот, поднялись по склону и оказались на вершине. Вскарabкавшись наверх и оказавшись в пределах досягаемости неприятеля, они дали залп и бросились в штыки. Центр союзников рассыпался мгновенно, войска смешались, кавалеристы наезжали на пехоту, давили ее и она под натиском французов откатывалась назад.

Опомнившись, Коловрат, поддержанный справа конницей Лихтеншейна и слева тремя полками из колонны Ланжерона, попытался остановить натиск и вернуть ос-

тавленные высоты. Русские части двинулись в атаку и открыли огонь. Однако из-за большого расстояния их пули не долетали до французов. Тем временем последние без единого выстрела, что было необычно и страшно, приблизились к русским на расстояние 100 шагов и открыли беглый огонь, разивший наповал. Постоянно подводя резервы, французы строились в цепи и усиливали натиск. Против 15 000 человек союзного центра действовали две трети наполеоновской армии, около 50 000 человек.

Одновременно Наполеон направил в стык центра и правого фланга дивизии Ланна и конницу Мюрата. Завязалась схватка с войсками Багратиона. Бой ожесточился, потери с обеих сторон неуклонно росли, французы особенно страдали от меткого огня русской артиллерии. Наконец бешенный натиск французской кавалерии заставил русских отступить. Не выдержав непрерывных атак корпусов Бернадота, Мюрата и Ланна, начали отходить войска правого фланга союзников, увеличивая этим разрыв со своим левым крылом.

Около 13 часов в центре были посланы в бой 3000 русских гвардейцев. Густые колонны неприятеля окружили их со всех сторон, но гвардия не дрогнула и билась отчаянно, неоднократно бросаясь в штыки. В конце концов она прорвала передовые французские цепи, но была вскоре остановлена огнем вражеских резервов. Тогда на французов были направлены два эскадрона конногвардейцев, а перестроившаяся гвардейская пехота присоединилась к атаке. Русские отбросили наполеоновскую кавалерию, налетели на батальон 4-го линейного полка и отняли знак его боевого отличия — орла. Французские солдаты побежали, но это был лишь частичный успех. На Аустерлицком поле русская гвардия покрыла себя славой, но уже не могла решить исход сражения. «Это была та блестящая атака кавалергардов, которой удивлялись сами французы... страшно было слышать потом, что из всей этой массы огромных людей, из всех этих блестящих, на тысячах лошадях, богачей, юношей, офицеров и юнкеров... после атаки осталось только осемнадцать человек» (Л. Толстой. «Война и мир»).

Полководческий гений Наполеона и мужество его солдат сделали свое дело. Наполеон приказал бросить в бой пять эскадронов мамлюков. С воем и визгом те налетели на русских, завязалась рукопашная схватка. В конечном счете остатки русской гвардии отступили. Центр союзников был полностью разбит.

В 14 часов императорская гвардия и гренадеры маршала Удино получили приказ двигаться к деревне Тельниц, чтобы нанести окончательное поражение войскам Буксгевдена. Одновременно Даву повел атаку с запада.

Признав положение отчаянным в связи с прорывом фронта, Кутузов послал приказ Буксгевдену отступить, но последний, не разобравшись в обстановке и наблюдая перед собой на правом берегу Гольдбаха слабые силы противника, приказу не подчинился. Он топтался на месте, не продвигаясь вперед и не пытаясь нанести удар корпусу Сульта, действовавшему со стороны Праценских высот. Между тем, покончив с колонной Коловрата-Милорадовича, Султ установил на высотах 42 орудия и при поддержке артиллерийского огня начал атаку группы Буксгевдена во фланг и тыл.

Французские дивизии Сент-Иллера и Леграна, которым было указано направление на Сокольниц, поставили правую колонну Пржибышевского в отчаянное положение. Спешно выдвинутые против угрожающей фланговой атаки несколько русских батальонов были немедленно уничтожены превосходящим противником. Остальные пытались отойти на запад через Гольдбах, но попали под перекрестный огонь артиллерии Даву и Сент-Иллера. Вся колонна была частично уничтожена, частью взята в плен. Но этот бой дал время Ланжерону спастись через Тельниц.

Только теперь, оказавшись отрезанным от главных сил, Буксгевден понял свою ошибку и дал приказ к отступлению. Обходные колонны русских, втянутые в бои западнее района Тельниц, Скольниц, вынуждены были отступать, пробиваясь через вышедшие им в тыл французские войска. Остававшиеся восточнее ручья девять батальонов Дохтурова и Кинмайера отходили на Ауезд, но к этой деревне уже вышла дивизия Вандама и отбросила русских к замерзшему озеру Зачан. Французы насе-

дали, не беря в плен раненых и добывая их. Под тяжестью тысяч обезумевших людей мост через озеро рухнул, и русские пытались прорваться по льду и по дамбе между Зачанским и Мёницким озерами. Генерал Дохтуров неоднократно водил горстку своих солдат в рукопашную, стараясь прикрыть ретираду.

Наконец Наполеон приказал выдвинуть батарею и открыть огонь ядрами по льду. От тяжести отступавших войск и неприятельского огня лед треснул, люди и лошади проваливались в ледяную воду, находя там свою смерть. Начинало смеркаться. Битва затихала по всему фронту. В 16 часов 30 минут Багратион вывел из сражения свои войска, французы прекратили атаки и стали расходиться по местам стоянок. Слабое преследование французской конницы дало возможность союзникам собраться у Гединга.

Битва была проиграна русско-австрийской армией, попытка разгромить Наполеона закончилась катастрофой. Под Аустерлицем союзники потеряли 27 000 человек, из них 10 000 убитыми и 17 000 пленными, 155 орудий, 30 знамен. Потери французов составили 12 000 убитыми и ранеными, главным образом в борьбе за Праценские высоты.

Побежденные до такой степени были потрясены, что 4 декабря император Франц сам явился в лагерь Наполеона и просил перемирия. Аустерлицкой победы и без преследования противника оказалось достаточно, чтобы неприятель исчез с театра военных действий, и исчезла не только союзная русско-австрийская армия, но также и приближавшийся эрцгерцог Карл, русские подкрепления и прусская армия. 7 декабря в ставке Наполеона, украшенный орденом Почетного легиона появился граф Гаугвиц и, ни словом не обмолвившись о своем поручении, поздравил с победой при Аустерлице. «Это комплимент, — ответил Наполеон сухо, — адрес которого переменился благодаря судьбе».

Третья коалиция распалась. Австрия вышла из войны и подписала 26 декабря Пресбургский мир, а остатки войск Александра I отступили в Россию. Предусмотренные планом коалиции военные операции так и не состоялись. Высаженный в Неаполе в ноябре 1805 года англо-

Битва при Аустерлице. 1805 год.

русский десант был возвращен на Мальту и Корфу. Корпус генерала Толстого, десантировавшийся в Тральзунде, возвратился в Россию.

Аустерлицкое сражение являет собой один из примеров битвы, когда одна из сторон терпит сокрушительное поражение. Под Аустерлицем вновь была вскрыта порочность фридриховской военной системы, которой следовали в Австрии и усердно насаждали в России. Так называемая «маневренная стратегия» и линейная тактика показали свою полную несостоятельность перед новой стратегией и тактикой Наполеона. Эта тактика по-новому решала вопросы использования родов войск и управления ими. В организационном отношении союзники также уступали французам: в отличие от французских корпусов и дивизий, союзники составили «колонны» из не связанных между собою частей.

Успех Наполеона определялся ясностью поставленной цели и энергичными мероприятиями для ее достижения. План французского полководца был построен на отчетливом понимании обстановки в результате тщательной разведки, личного наблюдения за противником, самостоятельного изучения поля боя и знакомства с намерениями противника, в то время как союзники, по выражению Бюлова, «атаковали армию, которую они не видели; предполагали ее на позиции, которую она не занимала, и рассчитывали на то, что она останется неподвижной, как пограничные столбы».

В противовес твердому и непрерывному руководству боевыми действиями со стороны Наполеона, у союзников колонны были предоставлены сами себе. В сущности, с началом сражения общее руководство русско-австрийскими войсками было потеряно. Кутузов, следуя с колонной Коловрата и не чувствуя за собой власти, фактически являлся лишь неполноправным руководителем этой колонны. Буксгевден, подчиняясь Александру, не выполнил приказания Кутузова об отходе. Что же касается ставки двух монархов, то при первой же неудаче она перестала существовать: Александр и Франц со своими свитами в беспорядке бежали с поля сражения, опасаясь плена. Если Франц I давно уже осознал свое невежество в военном деле и не пытался брать на себя руководство

войсками, то Александр I только в своем бегстве с Аустерлицкого поля окончательно убедился, что у него «не хватало хладнокровия и глазомера», необходимого полководцу. Но Кутузову он этот урок не простил. Лишь жестокое поражение заставило русских и австрийцев задуматься над необходимостью реорганизации своих армий в соответствии с французской системой.

Операция под Аустерлицем подчеркнула разнообразие наполеоновского военного творчества: в Итальянском походе он действовал по внутренним операционным направлениям; под Ульмом — окружал противника, обходя его фланг сосредоточенной массой своих войск; под Аустерлицем — применял фронтальный период с тактическим прорывом центра. Большое искусство Наполеона заключалось в том, что не имея превосходства в силах над противником на поле сражения, он, однако, на всех решающих направлениях умел создавать перевес в силах и тем самым обеспечивать себе успех. Вообще, в этот период Наполеон не давал того, что сам называл «ординарным сражением». Он буквально творил каждую свою битву.

Наполеон особенно гордился Аустерлицем, потому что все сражение, от начала до конца, было детищем его стратегии. Он привел свою армию по размытым дорогам Моравии, не давая передышки солдатам, он маневрировал, заставляя их то наступать, то отступать, заманивая в западню противника, пытаясь заставить его дать генеральное сражение до того, как подойдут к нему резервы. И он в этом преуспел. Это сражение не было похоже ни на Риволи, ни на Маренго; с раннего утра Наполеон как опытный гроссмейстер «вел» эту битву. Не противник, а он определял развитие событий; он опережал неприятеля в каждом ходе, в быстроте, в атаке, в искусстве маневра, в трудной науке победы.

Аустерлиц — это триумф дипломатического и военного гения Наполеона. Одной этой победой он выиграл целую кампанию, подчинил своему влиянию всю Центральную Европу. Еще более возросла слава его империи и непобедимой «Великой армии».

Русско-пруско-французская война. 1806—1807 годы

Война с четвертой коалицией

Они хотят, чтобы мы при одном виде их армии очистили Германию. Безумцы! Только через триумфальную арку мы можем вернуться во Францию.

Наполеон. Обращение к «Великой армии»

Пока Европа приходила в себя после страшного поражения при Аустерлице, Наполеон в течение полугода перекроил карту Центральной Европы по-своему. Согласно Пресбургскому мирному договору император Франции отнял у Австрии Венецию, Истрию, Далмацию, Каттаро и Фриуль. С потерей этих территорий Австрия лишилась шестой части всего населения империи. Летом 1806 года Наполеон объединил 16 германских княжеств в так называемый Рейнский союз и стал его протектором. Этим актом была ликвидирована «Священная Римская империя». Ее император Франц II принял титул императора Австрии — Франца I. Весной 1806 года Наполеон I лишил власти Бурбонов в Неаполе, где был провозглашен королем его брат Жозеф.

Одним из ближайших последствий аустерлицкой победы стало изменение позиции Пруссии, от которой Наполеон потребовал заключения оборонительного союза, подписанного в декабре 1805 года. В плату за это Наполеон пообещал отдать Пруссии Ганновер — занятое французами владение английской короны. Тем самым Пруссия превращалась из потенциального союзника Англии в ее врага. В мае 1806 года Англия объявила Пруссии войну, а Швеция установила морскую блокаду прусских балтийских портов.

К началу 1806 года только Россия продолжала бороться с Наполеоном и не заключала с ним мира. Но ее силы были невелики. Россия нуждалась в передышке и поэтому искала пути соглашения с французским императором. Наполеон, чувствуя это, дал понять Санкт-Петербургу и Лондону, что Франция готова пойти на мирные переговоры. Уже в феврале министр иностранных дел Франции Талейран завязал тайные переговоры о мире с Англией, а Россия послала в Париж дипломата Убри для зондирования почвы. Однако в дальнейшем ситуация изменилась. Переговоры между Англией и Францией зашли в тупик, а русскому посланцу был навязан чрезвычайно невыгодный для России договор, который Александр I не пожелал ратифицировать.

К осени 1806 года международная обстановка в Европе резко обострилась. Пруссия была недовольна захватнической политикой Наполеона в Германии. Для прусского короля было ясно, что император не замедлит распространить свое влияние и на Пруссию. Это предположение подтверждалось расквартированием французских войск на территории Рейнского союза, главным образом в Баварии. Тем не менее Пруссия воздерживалась от восстановления союзных связей с Россией до тех пор, пока Наполеон не объявил английскому представителю о своем решении вернуть Англии Ганновер, если она согласится наконец подписать мир. Английская дипломатия тотчас поставила в известность прусского короля о «вероломстве» Наполеона. Это вызвало в Пруссии взрыв негодования, патриоты потребовали войны с Францией. Королевская дипломатия начала энергичную работу по поиску союзников. В июле 1806 года прусский король подписал секретную декларацию, подтверждающую союзный договор с Россией 1800 года. В августе русский царь утвердил манифест «О предстоящей войне с Францией».

Используя ситуацию, Лондон кинулся сколачивать четвертую коалицию, которая окончательно сформировалась к сентябрю 1806 года. В нее вошли Англия, Пруссия, Россия и Швеция. Англия, как всегда, взяла на себя обязательства субсидировать войну, а остальные участ-

ники — дать свои войска. Независимо от этого Пруссия заключила союз с Саксонией.

До последнего момента Наполеон, видимо, не думал, что новая война все же вспыхнет. Он очень надеялся на ратификацию Александром I русско-французского договора. Однако, узнав об отказе царя утвердить его, император задержал отданный Бертье приказ о возвращении армии во Францию и изготовился к войне.

В это время в правящих кругах Пруссии царил настоящий военный психоз. Пруссия, уверенная в том, что ее армия — истинная хранительница заветов победоносного Фридриха Великого, торопилась начать войну первой, чтобы ни с кем не делить лавры победителей Бонапарта.

1 октября Берлин предъявил Наполеону ультиматум с требованием в десятидневный срок вывести французские войска из германских земель за Рейн. Срок ответа назначался на 8 октября. Сомнений в победе не было. Высшее дворянство, генералитет и офицерство изо всех сил похвалялись, что проучат корсиканского выскочку. В ожидании ответа на ультиматум пруссаки щеголяли парадными с победными криками и насмешками в адрес французского императора. Прусские офицеры приходили к отелю, где располагался французский посланник и «смело» точили свои сабли о ступени парадной лестницы. Некоторые из генералов заявляли, что война закончится в считанные дни, одним ударом (и это они предугадали довольно точно) и сожалели, что прусская армия берет с собой на войну ружья и сабли, — чтобы прогнать французов было бы достаточно только дубин. Боялись только одного, чтобы Фридрих Вильгельм III не заключил мира. Чтобы вдохновить солдат на героические подвиги, их водили в театр на «Валленштейна» и «Орлеанскую деву» Шиллера.

Перед высшим генералитетом было два варианта возможных действий. Первый заключался в том, чтобы придерживаться оборонительной тактики и при приближении противника медленно отойти за Эльбу, а затем за Одер, соединиться с русскими и резервными прусскими войсками и, в конечном итоге, объединенными силами дать генеральное сражение. Однако прусские ге-

нералы считали отступление для себя позорным, и поэтому этот план был решительным образом отвергнут. Второй план, на котором и остановились, был следующим: предполагалось вторгнуться в союзную Франции Баварию, обрушиться на французов на их квартирах, разбить неприятельские корпуса поодиночке и этим принудить Наполеона к отступлению за Рейн. Для предстоящих битв Пруссия могла выделить около 180 000 человек. Всего за несколько дней до начала войны в прусской армии была введена дивизионная и корпусная организация. Она была сведена в 4 корпуса (14 дивизий).

Так называемый главный корпус, имевший в своем составе до 60 000 солдат, согласно выработанной диспозиции от 7 октября, располагался между Мерзебургом и Дорнбургом. Им руководил непосредственно главнокомандующий прусской армией Карл Вильгельм Фердинанд герцог Брауншвейгский. Участник еще Семилетней войны, герцог являлся большим приверженцем фридриховской школы.

2-й корпус составили 43 000 пруссаков и 20 000 саксонцев. Он располагался в районе Хемница, и возглавлял его потерявший свое княжество при создании Рейнского союза князь Фридрих Людовик Гогенлоэ. На главный и 2-й корпуса возлагалась задача атаковать французов во время их марша в Саксонию.

3-й корпус, под командованием «не привыкшего размышлять» генерала Рюхеля, в количестве 27 000 человек располагался в районе Эйзенаха, Готы и Эрфурта. Он должен был прикрывать направление на Гессенское курфюршество, оставаясь на месте.

4-й корпус принца Евгения Вюртембергского — около 25 000 человек — был разбросан в Восточной Пруссии, Польше и Силезии.

Между тем Наполеон, сосредоточив свои войска на реке Майн, планировал перейти Франконский и Тюрингский леса, обойти левый фланг прусско-саксонского расположения и заставить немцев принять бой с перевернутым фронтом. Для предстоящего маневра император разделил свои войска по трем колоннам, которые должны были двигаться в виде гигантского батальона каре. Правую колонну составили корпуса Сульта, Нея и ба-

варская дивизия Вреде; центр — корпуса Бернадота, Даву, императорская гвардия, кавалерия Мюрата; левую колонну — корпуса Ланна и Ожеро. Здесь собралась практически «вся королевская рать». Против Пруссии император выставил около 200 000 человек. Так начиналась эта удивительная война.

Заальфельд. 10 октября

...дела идут здесь точь-в-точь, как я рассчитывал два месяца тому назад в Париже: движение за движением, событие за событием; я ни в чем не обманулся.

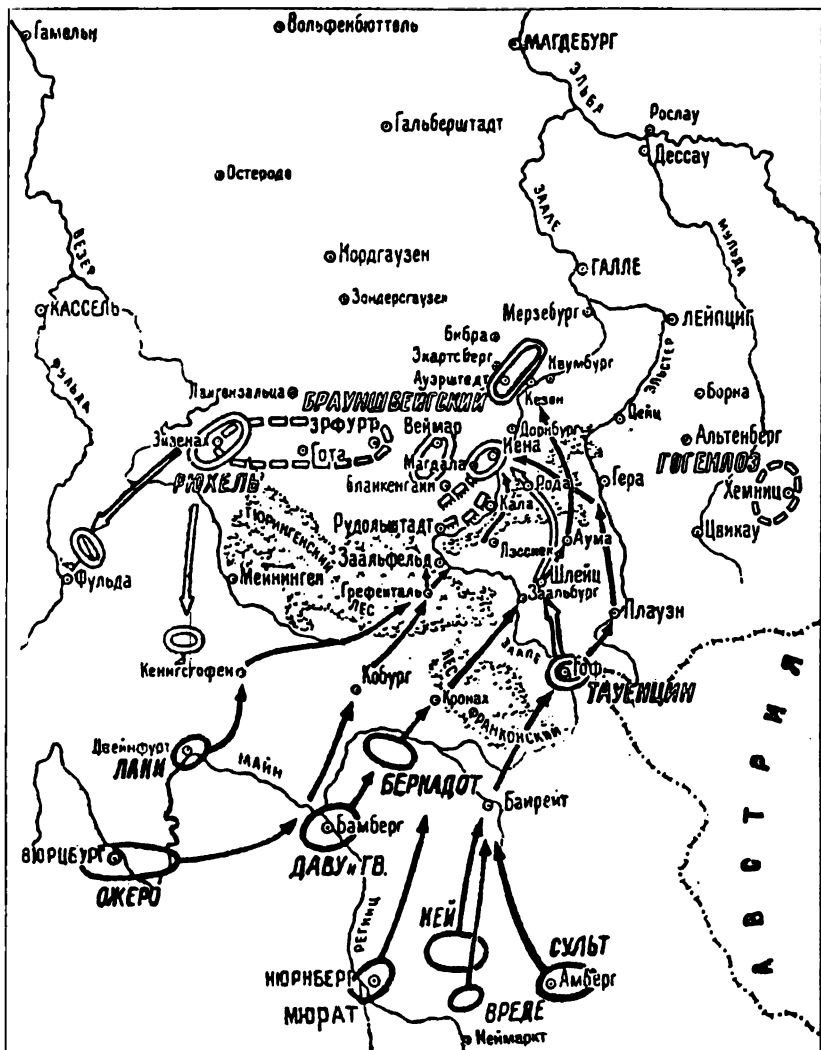
Наполеон. Письмо Талейрану

Наполеон не стал ждать, когда хвастливое воинство перейдет в наступление, он даже не дождался истечения срока ультиматума. 6 октября 1806 года в сообщении сенату и приказу по армии он объявил, что Франция вступает в войну с Пруссией. Не теряя времени, Наполеон двинулся навстречу врагу. 8 октября был отдан приказ о вторжении в союзную Пруссии Саксонию, и «Великая армия», сосредоточенная в Баварии, тремя колоннами стала переходить границу.

Пройдя через леса, наполеоновская армия вышла к Эльбе, направляясь, согласно плану, в тыл пруссакам.

Едва лишь прусской армии пришло время выступать в поход, как хвастливые возгласы смолкли. На деле эта армия привыкла отбивать шаг на плац-парадах, но была совершенно не подготовлена к современной войне. Это был насквозь проржавевший механизм, к которому не только не привилось ничего нового со времен Фридриха, но еще и в значительной степени деградировавший. Огромное внимание уделялось содержанию в уставном порядке кос и буклей солдатских париков, за неправильную длину кос пороли нещадно. Зато, когда достали из арсеналов ружья, многие из них оказались без мушек. У оружия, имевшегося в войсках, от регулярной чистки кирпичом настолько истончились стенки стволов, что

оно не выдерживало стрельбы боевыми патронами и массово разрывалось в руках. У солдат не было ни шинелей, ни жилетов, ни кальсон, летом — даже суконных брюк. Процветало дезертирство. Бравый прусский воин получал паек из 2 фунтов плохо пропеченного хлеба ежедневно и 1 фунта мяса в неделю. Противоположность

Йенский марш-маневр. 1806 год.

этому представлял огромный обоз господ офицеров. Все, что было привычным для них в мирное время, они возили с собой: 70-летний главнокомандующий — молодую француженку, другой генерал — выводок индюшек, один лейтенант — фортепиано. Бесконечный обоз, разрешенный им уставом, офицеры еще увеличивали телегами и экипажами, в которых часто возили в поход жен и детей. Громоздкая, неповоротливая, обремененная бесконечными обозами, прусская армия передвигалась с медлительностью, которая представилась бы удивительной даже для XVII столетия. Как постановила Высшая военная коллегия: «...лучше несколько больше обременять себя на марше, чтобы с большей уверенностью победить врага, чем идти налегке и затем потерпеть поражение».

Поэтому едва военная машина Пруссии пришла в движение, она начала трещать по всем швам, и выяснилась полная невозможность ее исправления. Даже в день битвы при Заальфельде, войска получили приказ делать букли ровнее. Как говаривал незабвенный Козьма Прутков:

*Если ты голоден и наг,
Будь тебе утехой учебный шаг.*

Со своим старым линейным построением и прусским чванством это воинство представляло собой далекое прошлое, давно перевернутую страницу военной истории. Это показали первые же столкновения.

9 октября произошел бой при Шлейце. Французский авангард — Мюрат и Бернадот — приблизились к прусскому отряду и атаковали его. Сражение было небольшое. Пруссаки — отброшены и потеряли 700 человек.

На следующий день произошел новый бой, более серьезный. Маршал Ланн подошел к городу Заальфельду, где стоял принц Людвиг, глава придворной военной партии, с 9-тысячным войском. Бой, завязавшийся немедленно, завершился снова победой французов. Прусская конница была наголову изрублена французской, целые батареи были брошены канонирами, «одного артиллерийского унтер-офицера, командовавшего двумя орудиями, нельзя было ни увещеваниями, ни угрозами побудить открыть огонь» по вражеской кавалерии. Пруссаки бе-

жали, потеряв около 1500 человек и все свои 44 орудия. В рукопашной схватке погиб и принц Людвиг. Оба сражения немедленно обнаружили действительное положение вещей. Результаты битвы при Заальфельде произвели гнетущее впечатление. Наполеон теперь был ближе к Берлину, чем прусская армия. В главной квартире пруссаков распространился панический ужас.

Было принято решение в срочном порядке начать отступление и сосредоточить прусско-саксонскую армию у городов Веймар и Йена. Отступление сильно походило на бегство: солдаты бросали оружие, прятались у местных жителей, грабили обозы, все дороги были усеяны брошенными ружьями, сумками, штыками, в канавах торчали опрокинутые, оставленные прислугой орудия: «Скучившись, как стадо дрожащих овец, стояла прусско-саксонская армия вокруг Веймара и Йены. Еще была возможность перейти через Заалу и ударить во фланг врагу, но на это не было ни сил, ни мужества, ни охоты» (Ф. Меринг).

Йена. 14 октября

Когда в 1806 году прусские генералы... бросились в косом боевом порядке Фридриха Великого в открытую пасть гибели, то тут сказалась не одна пережившая манера, но и полнейшее скудоумие, до которого когда-то доходил методизм. И они погубили армию Гогенлоэ так, как никогда еще ни одна армия не бывала погублена на самом поле боя.

К. Клаузевиц. О войне

Утром 12 октября Наполеон решил с главными силами двигаться кратчайшими путями к Йене, предполагая, что здесь сосредоточена основная масса прусских войск. При этом корпуса Даву и Бернадота — всего около 60 000 человек — он направил в обход к Наумбургу, чтобы отрезать пути отступления на Берлин, прежде всего, захватом Кезенского моста.

Поняв опасность сложившейся ситуации, герцог Брауншвейгский приказал своим войскам отступить к Мерзебургу, чтобы принять решительную битву между реками Заале и Эльба. Туда же планировалось собрать корпус принца Вюртембергского. Главные силы прусских войск (свыше 53 000 человек) начали отход на Ауэрштедт, оставив у Йены корпус князя Гогенлоэ в 38 000 человек и у Веймара — 15-тысячный корпус генерала Рюхеля. Войска Гогенлоэ должны были прикрыть отступление главных сил, а затем также отойти, избегая столкновений с французами.

13 октября Даву уже занял Наумбург. Вечером того же дня главные силы Наполеона вошли в Йену, которая еще 11-го числа была очищена немцами в результате анекдотичного события. Несколько выздоравливающих солдат, находившихся на излечении в городском госпитале, решили совершить загородную прогулку. Их больничные колпаки издали кому-то напомнили французские кивера. Мгновенно в городе распространился слух о появлении французов. Побросав оружие, прусские полки начали разбегаться, покинув свою артиллерию и обозы.

На плоскогорье за Йеной Наполеон, наконец, увидел бивачные огни армии Гогенлоэ и решил утром атаковать ее. Князь также знал, что французы вошли в Йену, но он был уверен, что перед ним лишь второстепенные части и ночь перед битвой провел вполне беззаботно. Он решил принять бой, но, уверенный в своих силах, никак к нему не подготовился и даже не составил диспозицию на следующий день, не ожидая ничего серьезного.

Напротив, Наполеон думал, что перед ним вся прусская армия, и поэтому тщательно обследовал местность, потратив половину ночи на укрепление своих позиций. В темноте, незаметно для неприятеля, французские солдаты заняли гору Ландграфенберг, которая главенствовала над окрестностями Йены. В полном мраке 30 000 французов вскарабкались наверх по тропам и втащили пушки, заняв тем самым выгодную исходную позицию для атаки. Левым флангом французской армии командовал маршал Ожеро. В центре французских позиций сто-

ял корпус маршала Ланна, несколько позади него находилась императорская гвардия. На правом фланге располагался корпус маршала Сульта.

Наконец рассвело. Все участники исторического дня отмечали, что утром стоял с густой туман. Сражение началось в 6 часов 14 октября. Первым в бой двинулся корпус Ланна, который за три часа отбросил 8-тысячный авангард пруссаков под командованием Тауенцина и занял ряд позиций под Каспедой, Лютцероде и Клозвицем, ранее удерживаемые неприятелем. Во время этих событий князь Гогенлоэ оставался совершенно спокоен, и лишь бегущие войска авангарда дали ему понять, что опасность близка. Туман окончательно рассеялся, и Гогенлоэ к своему величайшему изумлению обнаружил, что на его позиции и с высот Ландграфенберг, и с флангов, и против центра — со всех сторон идут атакующие французские полки. Это изумление командующего армией, проглядевшего начало наступления противника, стало своего рода «классикой».

Сражение при Йене. 14 октября 1806 года.

В 8 часов Гогенлоэ срочно запросил помощи из Веймара от генерала Рюхеля. Сам же попытался собрать свои войска в единый кулак из разбросанных на большом расстоянии друг от друга биваков. Подняв свой лагерь и собрав около 25 000 человек, он двинул их навстречу французам к деревне Фирценхейлинген. Пруссаки устремились вперед по всем правилам линейной тактики, открыв массированный огонь без прицеливания.

В это же время вслед за Ланном вступили в бой войска Сульта и Ожеро. Первый поднимался от долины реки Заале к Клозевицу, второй прошел по Мюхтальскому ущелью на Каспеду. Двигаясь к Клозвицу, Султ столкнулся с отдельно стоявшим в лесу отрядом генерала Гольцендорфа на левом фланге прусских позиций. В течение двух часов французы пытались овладеть лесом, стремясь сбить пруссаков с позиций. Наконец им это удалось, и противник, потеряв 5000 убитыми и ранеными, отступил.

Пока происходили эти события, маршал Нея заметил движение пруссаков к Фирценхейлингену. Тогда он с 3000 солдат укрепился в этой деревне и в течение часа выдерживал натиск основных сил Гогенлоэ. Линейная тактика оказалась совершенно непригодной по отношению к врагу, который довел свою стрельбу в рассыпном строю до совершенства. Из построек, из-за заборов французы падали по стоявшим невдалеке от них прусским линиям, как по мишеням. Прусско-саксонские войска понесли жестокие потери в бесплодных атаках, но выбить французов из деревни не смогли. Тем не менее пруссаки дрались упорно. Видя сложное положение Нея, Наполеон отдал приказ Ланну поддержать его.

В 13 часов императору сообщили, что резервные линии французской кавалерии развертываются на исходных позициях, а следом за ними выстраиваются в боевой порядок две свежие дивизии из корпуса Нея. Когда же наконец обходные колонны Сульта и Ожеро, завершив маневр, дружно ударили по противнику с флангов, Наполеон отдал приказ к решительной атаке всеми силами, включая резервы. Гогенлоэ еще мог спасти свою армию

от полного уничтожения, сыграв своевременное отступление. Но он был не способен ни на какое решение: с бессмысленной тупостью он ждал Рюхеля, а тот все не приходил. В генеральном наступлении французские войска опрокинули прусско-саксонские линии и обратили их в бегство, которое стало всеобщим и паническим. Один лишь саксонский гренадерский батальон держался стойко. Он окружил главнокомандующего и медленно совершал правильное отступление.

В 14 часов, когда битва при Йене была безвозвратно проиграна, на поле боя появился генерал Рюхель. Однако он уже не смог исправить положение. Вместо того чтобы прикрыть отступление разбитой армии, Рюхель, построив войска в две развернутые линии с конницей на флангах, ринулся на французов. Последние встретили атакующих сильным ружейным и артиллерийским огнем, а затем превосходящими силами контратаковали с фронта и с флангов. Уже через полчаса корпус Рюхеля был опрокинут и разбит, а сам генерал получил тяжелое ранение.

Бегущих пруссаков и саксонцев преследовала кавалерия Мюрата. Часть армии Гогенлоэ бросилась к Веймару, надеясь найти спасение за его стенами. Но всадники Мюрата на плечах отступавших ворвались на городские улицы и, разгоряченные преследованием, рубили всех, кто попадал под руку, не слушая криков о пощаде и не беря в плен. Сотни обезумевших людей гибли под клинками французов, давили друг друга, были растоптаны лошадьми. Прусская армия была наголову разгромлена. Часть беглецов во главе с Гогенлоэ устремилась к Наумбургу, надеясь соединиться с армией герцога Брауншвейгского. Но неожиданно к ним присоединились толпы других беглецов, кричащих, что армия герцога тоже разбита...

Ауэрштедт. 14 октября

Наполеон дунул на Пруссию, и она перестала существовать.

Г. Гейне

Под Йеной сражалось прусско-саксонское войско... против почти двойного количества французов, и феодально-княжеский болван против гениального мастера войны... Под Ауэрштедтом 50 000 пруссаков, предводительствуемые прусским королем и герцогом Брауншвейгским, были побеждены 27 000 французов, которыми командовал обыкновенный маршал.

Ф. Меринг

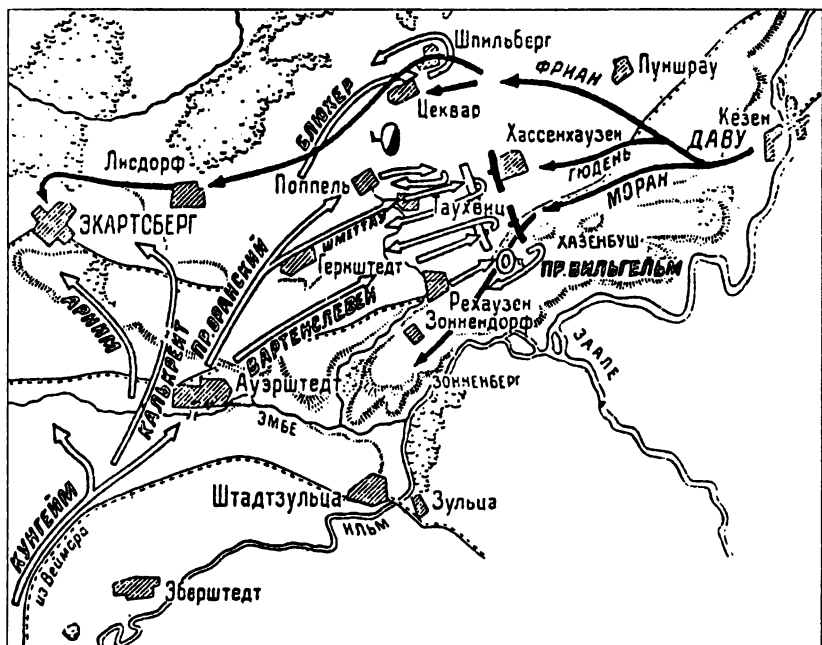
Действительно, в тот же день произошло еще одно сражение, опередившее по результатам первое.

Уже вечером 13 октября отступавшие главные силы прусской армии находились в полном беспорядке. Среди солдат царило смятение. Находясь в безвыходном положении, не имея продовольствия, дров и соломы, они разграбили Ауэрштедт, где находились король и герцог. Не было никаких осмысленных распоряжений, о рекогносцировке окрестностей никто и не думал.

И поэтому, когда 14 октября в 6 часов утра прусские войска двинулись дальше на север, то в густом тумане совершенно неожиданно наткнулись на корпус маршала Даву, который по приказу Наполеона вышел из Наумбурга, чтобы зайти в тыл врагу. Французы успели по Кезенской переправе перейти реку Заале и выйти к деревне Хассенхаузен. К ней же вышел и авангард прусских войск под командованием Блюхера. После короткого встречного боя французы заняли Хассенхаузен, оседлав дорогу к мостам.

Блюхер получил в подкрепление конницу дивизии генерала Вартенслебена и снова атаковал противника. Французы, построившись в батальонные каре, устояли против яростной атаки прусской конницы. Понеся значительные потери, пруссаки начали отход, а после

контратаки французских конных егерей, пустились в бегство. Присутствовавший при этом король пытался остановить свою кавалерию, но сам был увлечен стихийным потоком бегущих и даже сбит с лошади.

Сражение при Ауэрштедте. 14 октября 1806 года.

Между тем подошла прусская пехота (инфантерия). Бездействовавшая перед Хассенхаузен дивизия генерала Шметтау после подхода пехоты Вартенслебена по приказу герцога атаковала французов в деревне. И снова длинная линия прусского боевого порядка оказалась совершенно неспособной сделать что-нибудь против стрелковой тактики французов. Встреченная артиллерийским и ружейным огнем, прусская пехота остановилась, находясь в открытом поле в развернутом строю и неся большие потери от французских стрелков. Повторная атака деревни также была неудачной. Во время сражения герцог Брауншвейгский и генерал Шметтау получили смертельные ранения. 82-летний фельдмаршал Меллендорф, заменивший герцога, также был ранен. В

командование вступил король Фридрих Вильгельм III. Но управление было нарушено. Распоряжения короля не носили целесообразного характера. Фактически распоряжались штабные офицеры главной квартиры, каждый по своему усмотрению. Приказами или бездействием других генералов многие прусские части удерживались на далеком расстоянии от поля боя. В результате всего две пятых главных сил вообще не приняли никакого участия в сражении.

Отразив в течение шести часов все атаки противника, корпус Даву перешел в контрнаступление по всему фронту. Одновременно две его дивизии начали охват прусских флангов. Обходное движение французских дивизий прусским войскам остановить не удалось. В конце концов король, даже не использовав резервы, дал приказ об отступлении, но войска уже сами в полном беспорядке покидали поле боя. Даже свита короля в панике бросилась бежать, бросив обожаемого монарха.

Таким образом, Даву смело ввязался в бой с более чем вдвое превосходящим его противником. 70-тысячной армии он мог противопоставить лишь 26 000 французов. Покинутый Бернадотом, поведение которого, по признанию Наполеона, заслуживало предания военному суду, Даву не только устоял против огромных сил противника, но и, превзойдя в военном искусстве, разгромил его наголову. Остатки разбитой прусской армии он отбросил на дорогу, по которой бежали разгромленные под Йеной полки Гогенлоэ. Смешение этих двух разбитых армий довершило катастрофу.

В сражениях при Йене и Ауэрштедте пруссаки потеряли более 20 000 человек убитыми и ранеными и 18 000 пленными. В руках французов оказалось 200 пушек. 20 генералов погибли, были ранены или взяты в плен. Франция потеряла 7000 человек в обеих битвах. 14 октября 1806 года стал поистине черным днем для Пруссии. Ее армия, на которую возлагали столько надежд и которая должна была «шапками закидать» французов, перестала существовать. Разгром был полный и совершенный, в один день была решена участь всей кампании. Уже 15 октября прусский король прислал своего представителя к Наполеону с просьбой о мире, но получил ответ, что мир будет подписан только в Берлине.

Во всей Пруссии совершилось коренное изменение настроений: от бахвальства и ура-патриотизма — к растерянности и покорности. Все государственные институты были парализованы паникой и собственной некомпетентностью. Прогнившая феодальная конструкция рассыпалась после одного хорошего толчка.

17 октября Бернадотом был разбит корпус принца Вюртембергского, двигавшийся к Галле для прикрытия отступления уже несуществующей армии. Остатки прусских войск, бросая оружие, артиллерию и обозы, разбегались по стране. 27 октября Наполеон в сопровождении четырех маршалов, конных гренадер и гвардейских егерей торжественно въехал в Берлин.

7 ноября в Любеке капитулировал Блюхер. Через два дня Нею сдалась первоклассная крепость Магдебург с 24-тысячным гарнизоном. Когда Клейст, комендант крепости, сдавал Нею свою армию, тот сказал озабоченно своему адъютанту: «Скорее отбирайте у пленных ружья; их в два раза больше, чем нас». В руки французов только в Магдебурге попали 700 пушек, миллион пудов пороха, 80 000 снаряженных бомб, понтонные парки и др. Крепость Штеттин, имевшая 5-тысячный гарнизон и 281 орудие, капитулировала, когда перед ее воротами появился полк французской кавалерии — 800 гусаров с двумя пушками. Подобным же образом сдавались многие другие крепости и гарнизоны. И вскоре Мюрат уверенно доложил императору: «Государь, сражение закончено ввиду отсутствия сражающихся». Это было верно: Пруссия больше не воевала, она подняла руки вверх.

Напоследок еще раз отметим, что в сражениях этой кампании наиболее ярко выявилось преимущество новых боевых принципов армии Франции над устаревшими принципами военного искусства эпохи феодализма. Французские войска во главе с Наполеоном стремительно атаковали противника, добиваясь уничтожения его живой силы, смело осуществляли маневр с целью обхода или охвата неприятеля, сочетая его с фронтальным ударом. Успех сражения они старались закрепить сокрушающим преследованием. Прусские генералы, отягощенные шаблонами и устаревшими схемами, действовали нерешительно, не имели твердого плана и в сложной об-

Вступление Наполеона в Берлин. 27 октября 1806 года.

становке проявляли растерянность. Сомкнутые линии косых боевых порядков, применяемые в соответствии с принципами линейной тактики, несли тяжелые потери от огня французских стрелков. Под ударами колонн прусско-саксонские войска неорганизованно отступали и обращались в бегство.

Это пример того, к каким тяжелым последствиям может привести подражание старым образцам и пренебрежение новым опытом. Эта кампания стала наглядным уроком и послужила толчком для реорганизации всех европейских армий. Они еще научатся побеждать своих учителей-французов, а нация «толстых Михелей» еще превратится в нацию образцовых солдат, спаянную «железом и кровью».

Армия Пруссии

Если армия Наполеона являлась детищем нового социально-экономического уклада, порожденного буржуазной революцией, то армии его противников отражали феодально-абсолютистский строй со слаборазвитой промышленностью и крепостническими отношениями в сельском хозяйстве. Прусский солдат — это крепостной крестьянин, отданный всецело во власть дворянско-помещичьему офицерству.

В то время как французский солдат шел в бой, полагая, что он защищает завоевания революции, завербованный солдат феодальной монархии шел в бой в силу принуждения. Только к концу наполеоновских войн соотношение условий изменилось: разочарованные в захватнических войнах Наполеона солдатские массы французской армии, надолго оторванные от семейного очага, утратили свою коллективную волю к победе, в то время как в странах Средней Европы назревал национально-освободительный подъем.

Армии противников Наполеона были организованы по прусскому образцу, построенному на опыте Семилетней войны с ее линейной тактикой и жестокой палочной дисциплиной. Солдат и офицер прусской армии — это

антиподы, взаимоотношения между которыми были основаны на подчинении крепостного своему господину. Прусский солдат состоял на службе до тех пор, пока не становился инвалидом. Только после этого он подлежал мобилизации, причем вместо пенсии ему выдавалось особое свидетельство на право нищенства. Ничего похожего на ту спайку, которая существовала между солдатом и офицером наполеоновской армии, здесь не было. Прусские генералы — представители землевладельческой аристократии — были не в состоянии понять, что социально-экономические и политические сдвиги, совершенные французской революцией, навсегда отбросили фридриховскую систему в глубь истории.

Правительство Пруссии во главе с королем Фридрихом Вильгельмом III, пожиная лавры «славного прошлого» фридриховской эпохи и сохраняя порядки, «освященные» традициями Фридриха II, не допускало никаких реформ. Командный состав в прусской армии засиживался на занимаемых должностях до весьма зрелого возраста. В 1806 году из 66 полковников прусской пехоты почти половина была старше шестидесяти лет, а из 281 майора не было никого, моложе пятидесяти. В этой среде, конечно, трудно было найти полководца, способного противостоять Наполеону.

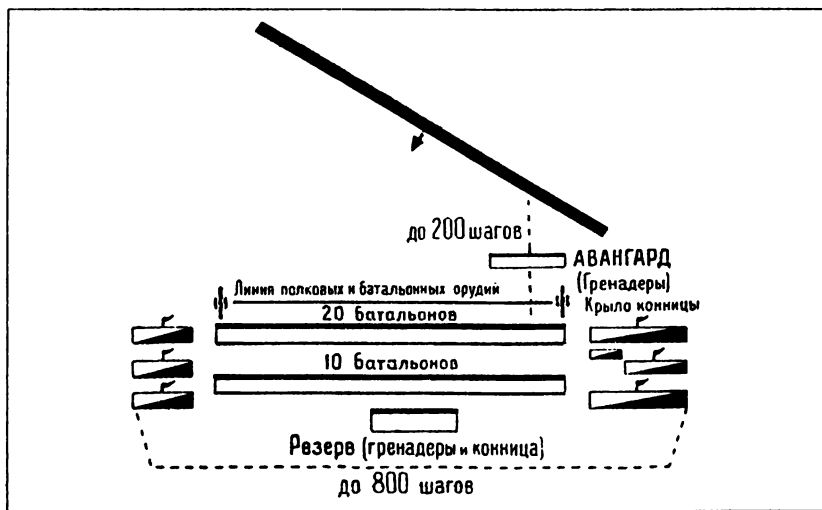
Военная теория испытывала сильное влияние теоретика Ллойда, который придавал исключительное значение местности, культивируя «науку о выборе позиций». Отсюда — тщательное изучение географии в поисках на местности таких позиций, которые были бы недоступны неприятелю и в то же время обеспечивали бы пути подвоза для своей армии. Удобным и выгодным позициям придавали особое значение, называя их «ключами позиций» и даже «ключами страны».

На основе опыта войны за баварское наследство 1778—1779 годов, закончившейся без сражения после длительного топтания противников на картофельных полях, теория Ллойда допускала возможность ведения войны одним маневрированием, избегая решительной битвы. Зависимость противника от пятипереходной системы снабжения давала возможность постоянной угрозой его сообщениям вынуждать его к отступлению.

В начале XIX столетия еще большее распространение в армиях Европы получила теория Бюлова, который «усовершенствовал» Ллойда. Если Наполеон объектом операции считал живую силу неприятеля, то Бюлов — только неприятельские магазины и обозы. Победа при помощи оружия, по мнению Бюлова, не обещала серьезных результатов, но выход на сообщения противника и лишение огромного человеческого коллектива средств питания должны были приводить к полному разгрому врага. Развивая теорию маневренной стратегии, Бюлов предлагал действовать двумя группами, из которых одна притягивает на себя противника, а другая в это время действует на его сообщениях. Эта теория нашла свое отражение и в оперативном плане русского командования в 1812 году.

Теория Бюлова—Ллойда была вполне приемлема для абсолютистских монархий: решительный бой считался слишком опасен по своим последствиям при наличии наемных и вербованных армий, трудно пополняемых и не заинтересованных проливать свою кровь.

До йенского разгрома 1806 года прусская армия сохраняла основы фридриховской тактики — маневрирование в открытом поле с безупречным выполнением сложных

Косой боевой порядок Фридриха.

перестроений в линейных боевых порядках. Колонна не имела места в боевом порядке прусской армии, а рассыпной строй был рискован: устроившись в укрытии, настолько завербованный солдат мог дезертировать. Батальон, вооруженный гладкоствольными ружьями образца 1782 года, выстраивался в три развернутых шеренги для стрельбы залпами. Косой боевой порядок Фридриха — выдвижение путем маневрирования на поле сражения ряда уступов против одного из флангов противника — применялся как раз и навсегда установленный шаблон.

Обычный боевой порядок, принятый почти всеми армиями после Фридриха I, составлял две линии развернутых батальонов с артиллерией на флангах или перед фронтом. За обоими флангами выстраивалась конница, развернув эскадроны в 2—3 шеренги на дистанции 4—5 шагов. Крупные соединения конницы выстраивались в три линии эскадронов. Конница, составляя элемент общего боевого порядка, была прикована к пехоте. Система довольствия — только магазины.

Только полный разгром под Йеной и Ауэрштедтом заставил Пруссию перестроиться. Эти изменения связаны с фамилией Шарнхорста — в ту пору чуть ли не единственного офицера прусской армии, который понимал устарелость фридриховской системы. Еще до войны 1806 года Шарнхорст представил королю докладную записку, намечавшую реорганизацию армии, но король и его одряхлевшие советники отклонили все предложения.

Только после разгрома феодально-крепостнической Пруссии был взят курс на проведение ряда социальных реформ. Национальный подъем, охвативший широкие круги населения, способствовал созданию массовой армии, значение которой, наконец, было осознано. Правящая верхушка Пруссии вынуждена была пойти на такой шаг, как частичная отмена крепостничества, и отказаться от применения телесных наказаний в армии.

Тильзитским трактатом вооруженные силы Пруссии были сокращены до 42 000 человек, однако Шарнхорст, ставший военным министром, в преддверии неизбежной войны с Наполеоном сумел обойти французский контроль и создать из части населения военно-обученный резерв путем обучения молодых людей, привлекае-

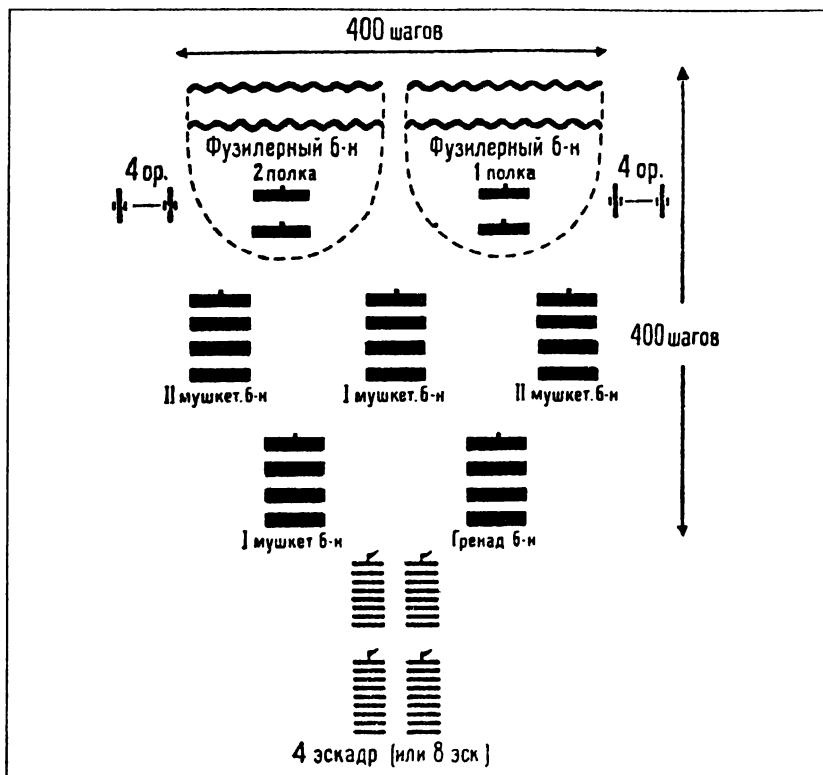
мых по требованию французского императора для строительства укреплений на берегу Северного моря против Англии, а также путем досрочного увольнения части солдат действительной службы и замены их новобранцами.

Гибель наполеоновской армии в России и возросший в Средней Европе национальный подъем, побудили прусское правительство установить всеобщую воинскую повинность и создать ландвер (ополчение, выставлявшееся округами в Пруссии) и ландштурм (ополчение, призываемое в случае крайней необходимости), которые обучались по воскресным и праздничным дням. В ряды офицерства начали допускаться представители буржуазии.

Реформы в значительной степени укрепили прусскую армию, и к моменту решающих боев с Наполеоном в 1813 году прусская регулярная армия насчитывала в своих рядах 240 000 человек, помимо 120 000 ландвера, предназначенного для действий наравне с регулярными войсками, и ландштурма, в который привлекались все мужчины, способные носить оружие, но не вошедшие ни в ландвер, ни в регулярную армию. Ландштурм предназначался, главным образом, для несения тыловой службы, но использовался также для партизанской борьбы в оккупированных неприятелем областях.

Перед началом войны в 1806 году пруссаки приняли корпусную и дивизионную организацию. Корпусам придавалась резервная кавалерия и артиллерия. Пехотный полк состоял из трех батальонов четырехротного состава. Кавалерийский полк состоял из 4 эскадронов, артиллерия — из пеших батарей, имевших на вооружении в основном 12-фунтовые пушки и 10-фунтовые гаубицы, и конных батарей, имевших 6-фунтовые пушки и 7-фунтовые гаубицы. Пехотные полки располагали своей артиллерией — 6-фунтовыми орудиями.

После 1806 года прусское командование на основе устава 1811 года, составленного при участии Клаузевица с учетом опыта наполеоновских войн, начало частично использовать французский боевой порядок — сочетание стрелковых линий с колонной. Боевой порядок бригады занимал по фронту и в глубину расстояние в 400 шагов.

Боевой порядок прусской бригады по уставу 1811 года.

Прейсиш-Эйлау. 8 февраля 1807 года

Земля покрыта мертвыми и окровавленными людьми, это оборотная сторона войны, душе моей больно видеть такое множество жертв.

Наполеон. Письмо Жозефине

Что за бойня, и без всякой пользы!

Маршал Ней

После разгрома Наполеоном прусских войск в сражениях при Йене и Ауэрштедте противником Франции ос-

тавалась только Россия. Решительность Петербурга в продолжении войны теперь обуславливалась более вескими причинами, чем, скажем, в 1805 году. Продвижение Наполеона на восток от Берлина довольно явственно грозило русским границам. Кроме того, к французскому императору явилась делегация поляков с просьбой восстановить независимость Польши. Это уже прямым образом затрагивало интересы России. Наконец, Александр I прекрасно понимал, что после объявления континентальной блокады Англии Наполеон не остановится, пока не заставит русских примкнуть к ней. А это грозило экономическим интересам Российской империи, которая была связана крепкими торговыми узами с Великобританией, куда поставлялось большинство русской сельскохозяйственной продукции.

На этот раз в России готовились к войне гораздо серьезнее, чем в предыдущую кампанию. 3 ноября 1806 года на помощь уже, по сути дела, разгромленной Пруссии был отправлен 60-тысячный корпус Беннигсена, а чуть позже — еще один корпус, насчитывавший 40 000 человек во главе с генералом Буксгевденом. Согласно коалиционному договору русские войска должны были действовать на территории Германии и снабжаться за счет Пруссии. Разгром пруссаков в корне изменил обстановку: теперь борьбу предстояло вести на территории Восточной Пруссии. В создавшихся условиях перед русской армией была поставлена задача не допустить вторжения французов в пределы Российской империи.

После перехода русских войск через границу выявилась необходимость установить единое командование, в силу того что из резерва прибыл к театру предстоящих действий корпус генерала Эссена-первого. С его прибытием все военные силы, образовавшие так называемую Заграничную армию, составляли 159 000 человек при 624 орудиях. Русские войска под общим командованием фельдмаршала Каменского сосредоточились к концу ноября в районе Пултуск, Остроленка, Брест-Литовск, имея передовые отряды на Висле.

30 ноября Наполеон двинул свои войска к Висле, имея 150 000 человек и 600 орудий. Разделившись на две колонны, французская армия пошла в направлении Варша-

вы, Плоцка и Торна. У Торна разместились корпуса Нея, Бернадота и часть гвардии Бессьера; у Плоцка — корпуса Сульта и Ожеро; у Варшавы — корпуса Ланна, гвардия и кавалерия Мюрата; у Модлина — корпус Даву. Наполеон планировал разгромить русскую армию до соединения ее с прусским корпусом генерала Лестока, который прикрывал Восточную Пруссию. Активные действия начались 7 декабря. Левому крылу французской армии была поставлена задача выступить к Страсбургу, чтобы отрезать Лестока от русской армии, а затем действовать против русского правого фланга и тыла. Центр ударом на Сакочин должен был отбросить русские войска на восток, к реке Нарев. Правое крыло должно было выступать из Варшавы к Черновой, обойти левый фланг русских и завершить их окружение.

Русско-пруско-французская война. 1806–1807 годы.

Русская армия, ведя упорные арьергардные бои, отходила к реке Нарев. В результате множества мелких стычек и маневров большая ее часть сосредоточилась у Пултуска, где Каменский решил дать генеральное сражение французам. В это время Наполеон, рассчитывая окружить и уничтожить русских в районе Голымина, северозападнее Пултуска, где по ошибочным данным французской разведки находились главные силы противника, с основной группировкой своих войск двинулся к этому пункту, а корпус Ланна направил к Пултуску с задачей выйти в тыл русским и отрезать их от переправ через Нарев.

В ночь 26 декабря Каменский внезапно отказался от принятого решения и приказал войскам отступать в Россию. Сам же, сняв с себя командование, выехал в тыл. Его поступок историки объясняют только следствием душевного расстройствa, у фельдмаршала попросту «поехала крыша». Последний его приказ об отступлении не дошел до всех частей, внес невероятную путаницу и едва не привел русскую армию к катастрофе.

Отъезд фельдмаршала означал безначалие. Никто из генералов, командовавших корпусами, не желал подчиняться друг другу. Особенно сильной была вражда между Беннигсеном и Буксгевденом, что, естественно, отрицательно влияло на ход боевых действий. Получив приказ об отходе к русским границам, Беннигсен решил не подчиняться старшему по чину Буксгевдену, мотивируя это необходимостью собрать все силы и все же дать бой. В составе корпуса Беннигсена было около 45 000 человек и 200 орудий. Корпус Эссена повернул на Россию, а Буксгевден нерешительно топтался на месте, не желая соединиться с Беннигсеном.

Утром 26 декабря под Пултуском произошло кровопролитное сражение, длившееся весь день. Весь корпус Беннигсена расположился впереди города, упираясь в него левым флангом. Пехота встала в две линии, впереди нее развернулись шесть полков регулярной кавалерии и казаки. Третью линию составлял резерв.

Подойдя к Пултуску, Ланн, имея 20 000 человек и 120 орудий, решил атаковать Беннигсена, рассчитывая на помощь Наполеона. Битва была яростной и французы

вынуждены были отступить, потеряв около 6000 убитыми и ранеными. Русские потери составили более 3000 человек. Несмотря на полный успех, Беннигсен решил отойти к Остроленке. Он вынужден был это сделать, исходя из общего неблагоприятного положения дел и вследствие непосредственной угрозы со стороны главных сил Наполеона.

Одновременно произошло кровопролитное сражение у Голымина между дивизиями Дохтурова, Голицына и 12 кавалерийскими корпусами Беннигсена, с одной стороны, и корпусами Ожеро, Даву и Сульта — с другой. Невзирая на тройное преимущество неприятеля, русский войска под командованием Голицына сдерживали атаки главных сил французов в течение дня и только к вечеру начали отход. Русские полки отошли в полном порядке. Французы их не преследовали.

Декабрьские сражения показали наполеоновским солдатам, что им придется иметь дело не с упавшими духом пруссаками, а со свежими и стойкими полками русских. Уже на первом этапе войны достаточно ясно выявились преимущества новой организации русских войск. С переходом в 1806 году к дивизионной системе в руках командира дивизии находилось 15—20 тысяч человек, дивизия могла в течение 1—2 суток вести самостоятельный бой до подхода главных сил. Это было неожиданностью для Наполеона. Задуманный им план окружения и разгрома русской армии у Пултуска провалился. Перспектива затяжной войны не устраивала Наполеона, поэтому он сделал попытку приступить к мирным переговорам, но неудачно.

Противники разошлись на зимние квартиры, при этом, как писал Меринг: «Обе стороны были охвачены неприятным ощущением того, что здесь столкнулись противники, непобедимые друг для друга. Французские войска еще никогда не сражались в такой суровой и негостеприимной местности; искусство их стрелков, умевших сбивать своим метким огнем тонкие и длинные линии наемного войска, было бессильно против крепких, стоявших друг за другом бесконечных рядов русской пехотной массы, привычной ко всем невзгодам северного климата; Наполеон был принужден... возвратиться к старому, отвергнутому им методу войны, расположив свои

войска на зимних квартирах и начав брать крепости, находившиеся у него в тылу».

После сражения у Пултуска Наполеон, не решившись преследовать русскую армию, принял решение утвердиться на Висле, подтянуть подкрепления из Франции и подготовиться для дальнейшего ведения войны. К началу 1807 года французская армия насчитывала до 200 000 человек, а русские увеличили свои силы до 105 000 человек. Боевые действия были перенесены с польского театра военных действий в Восточную Пруссию, там у пруссаков сохранилась последняя военная база в Кёнигсберге. Наполеон рассчитывал пробить в Варшаве до весны, где у него бурно развивался роман с Валевской, но уже в начале января он узнал, что русские начали движение, и спешно уехал в армию.

Русская армия под командованием генерала Беннигсена, базировавшаяся на Кёнигсберг, развернула в начале января наступление от Бялы на запад, с целью разгромить по частям выдвинутые вперед корпуса Нея и Бернадота. Русским удалось заставить отступить Нея, но из-за перешителности Беннигсена поставленная задача выполнена не была.

20 января Наполеон, собрав свои войска с зимних квартир — около 70 000 человек при 450 орудиях — двинул их от Алленштейна на север с целью отрезать русскую армию от сообщений с Россией, окружить и уничтожить ее. Беннигсен, узнав об этом, отвел войска к Прейсиш-Эйлау. 7 февраля на подступах к городу арьергард Багратиона сдержал превосходящие силы противника, обеспечив главным силам русской армии занятие позиций на высотах севернее города.

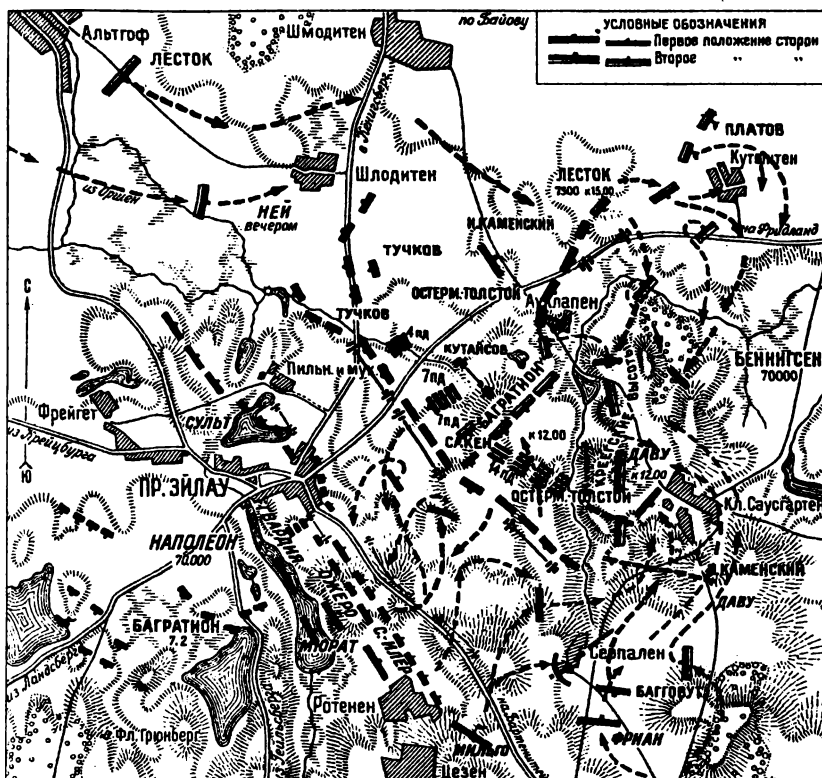
Задача русских заключалась в том, чтобы в оборонительном бою нанести противнику решительный удар и не допустить его прорыва к Кёнигсбергу. В связи с этим их войска расположились северо-восточнее Прейсиш-Эйлау, упираясь своим правым крылом в деревню Шлодигтен, а левым к мызе Клейн-Саусгартен. Таки образом, русские войска занимали позицию, которая одновременно прикрывала две дороги — одну на Кёнигсберг, а другую на Фридланд, ведущую к русской границе. Две линии фронта сходились под тупым углом в одной версте от Эй-

лау. В вершине этого угла была сооружена мощная батарея, вооруженная 70 орудиями. У деревни Шлодитен была возведена батарея на 60 орудий, у Заусгартена находилась батарея в 40 орудий. Русская армия построилась по дивизиям, имея в первой линии развернутые батальоны с действующими впереди в рассыпном строю стрелками, во второй — батальонные колонны, в третьей — общий резерв. Две легкие артиллерийские роты были поставлены рядом с шлодитенской батареей, а остальные — в интервалах между полками. Центральная батарея была прикрыта с фронта Московским и Шлиссельбургским полками. Наполеону не удалось своевременно обнаружить эту батарею, и данное обстоятельство стало роковым для корпуса Ожеро. Начальником всей русской артиллерии был назначен генерал Резвый. Конницу разделили на три группы, которые располагались за правым флангом, центром и левым флангом, находясь под общим командованием генерала Голицына.

Правым крылом русской армии командовал генерал Тучков, центром — Сакен, левым крылом — генерал Остерман-Толстой. Общая численность войск составляла около 68 000 человек при 400 орудиях. Кроме того, ожидался на подходе прусский корпус Лестока в 8000 человек. В общем все расположение русской армии вытекало из стремления обеспечить активную оборону.

Наполеон сосредоточил у Прейсиш-Эйлау более 70 000 человек и 450 орудий. Главный удар французский император предполагал нанести по левому крылу русских, чтобы отрезать им сообщения с Россией. В общий же план сражения входила задача окружить армию противника и уничтожить ее. Для этого, удерживая русские войска с фронта, Наполеон поставил задачу Нею и Даву обойти оба фланга русской позиции. Кроме того, Ней имел приказ не допустить соединения с Беннигсеном корпуса Лестока. Три дивизии Сульта занимали позиции левее дороги на Кёнигсберг, составляя левое крыло французских войск. Остальные силы образовывали центр и правое крыло и должны были при подходе 25-тысячного корпуса Даву атаковать левое крыло русских и, опрокинув их, выйти им в тыл. Совместно с Даву, наступавшим через Зерпален на Заусгартен, должны были

действовать дивизия Сент-Иллера, корпус Ожеро и вся кавалерия. Против русского левого фланга Наполеон, таким образом, сосредоточил три четверти своих сил.

Сражение при Прейсиш-Эйлау 8 февраля 1807 года.

На рассвете 8 февраля русские заметили передвижение неприятельских войск и открыли артиллерийскую канонаду. Французы также ответили огнем и двинули в атаку свое левое крыло. Дивизии Сульта, поддержанные огнем 150 орудий, нанесли отвлекающий удар против войск Тучкова. Сульту было приказано овладеть несколькими опорными пунктами на правом фланге русских с целью отвлечь их внимание от движения корпуса Даву. Русские отбили атаки Сульта с помощью правофланговой батареи и сами перешли в контратаку, бросив на французов драгун.

К 10 часам утра корпус Даву появился в поле зрения неприятеля, поэтому Наполеон приказал Ожеро боевыми колоннами ударить по центру русских, не давая им возможности сосредоточить силы для отпора Даву. В это время началась сильная метель, и войска Ожеро очутились прямо перед орудиями нераскрытой центральной батареи. Как только Московский и Шлиссельбургский полки расступились, вся центральная батарея открыла в упор уничтожающий картечный огонь. Неожиданно начавшаяся метель и внезапный огневой удар ошеломили французов. Воспользовавшись замешательством неприятеля, русская пехота перешла в контрнаступление. Разгорелся встречный штыковой бой. В течение некоторого времени покрытые мглой снегопада 20 000 русских и французов истребляли друг друга в рукопашной. В конце концов корпус Ожеро был практически разгромлен и, понеся жестокие потери, стал отступать. Преследуя его, русские развивали атаку.

Ставка Наполеона в этот день находилась на кладбище в Преysiш-Эйлау. С командного пункта император видел, как полки русских гренадер сплошной лавиной пошли вперед, опрокидывая французов. Русская кавалерия почти прорвалась к его ставке, гоня перед собой кавалеристов Сент-Иллера и пехоту неприятеля. Вокруг Наполеона сплошным дождем ложились ядра и гранаты. Глядя на атаку русских, император произнес: «Какая отвага!» Наполеон всегда считал, что главнокомандующий не должен рисковать своей жизнью без самой крайней необходимости. Но тут, под Эйлау, он видел, что снова, как под Лоди или под Арколе, наступила именно эта крайняя необходимость. Но там нужно было первому броситься на мост, чтобы этим порывом увлечь замаявшихся гренадер за собой, под Эйлау же требовалось заставить свою пехоту стоять терпеливо часами под русскими ядрами и не бежать от огня.

Наполеон и окружавшие его видели, что только личное присутствие императора удерживает пехоту в этом тяжелом положении. Император оставался неподвижно на месте, отдавая приказания через тех редких адъютантов, которым удавалось уцелеть при приближении к тому страшному месту, где стоял окруженный несколькими

ротами пехоты Наполеон. У его ног лежало несколько трупов солдат и офицеров. Пехотные роты, вначале окружавшие императора, постепенно истреблялись русским огнем и заменялись подходившими егерями, гренадерами гвардии и кирасирами. Наполеон продолжал хладнокровно отдавать приказания, хотя русская конница была уже близко, и сам император мог быть убит или захвачен в плен.

Но в этот миг 90 эскадронов маршала Мюрата во весь опор двинулись на поле битвы. Кавалерия Мюрата, поддержанная гвардейской конницей Бессьера, обошла неудачно действовавшие войска Сент-Иллера и обрушилась на конницу противника. Разрезав русские линии надвое, французская кавалерия столкнулась с русской. Началось настоящее побоище, в котором никто не хотел уступать; протекая с переменным успехом, в конце концов оно закончилось с большими потерями для обеих сторон. Тем не менее блестящая атака Мюрата спасла положение французской армии. Противоборствующие стороны отвели свои силы на исходные позиции, продолжая лишь артиллерийскую дуэль.

В полдень корпус Даву наконец вступил в сражение. Он атаковал передовой русский отряд у Зерпаллена, но сходу не смог добиться решительного успеха. Сопrotивление отряда Багговута на этом участке вынудило Наполеона ввести в дело значительные силы против центра русской позиции и усилить свой правый фланг. Слева к корпусу Даву примкнула дивизия Сент-Иллера, а сзади подошли две драгунские дивизии из корпуса Ожеро. Все эти силы стали развивать наступление против левого фланга русских. Отряд Багговута, атакованный одновременно с трех сторон превосходящими силами противника, стал отступать к Клейн-Саусгартену. Ввод в бой резервных соединений русских не исправил положения. Левый фланг Беннигсена медленно отходил, оставляя в руках противника опорные пункты своей обороны: Клейн-Саусгартен, Ауклапен и Кучитен. Подполковник Ермолов в своих воспоминаниях так описывал этот момент: «Нападение на левый фланг было успешное. Не остановили его ни благоразумные распоряжения генерала барона Сакена, ни сопротивление неустрашимого гене-

рал-майора графа Остермана-Толстого. Левый фланг отошел назад и составил почти прямой угол с линией армии».

Луи Никола Даву (1770–1823), маршал Франции, герцог Ауэрштедтский, князь Экмюльский.

В этот тяжелый момент начальник артиллерии правого крыла русских генерал Кутайсов направил со своего фланга к Ауклапену три конно-артиллерийские роты под командованием Ермолова. Прибыв на место, Ермолов обнаружил русские войска истекающими кровью и держащимися из последних сил. Огнем 36 орудий подоспевшая батарея отбросила французскую пехоту и стала громить французские пушки. Приободрившиеся русские вновь овладели Ауклапеном и утвердились в нем. Ожесточение битвы нарастало. Ее участник Денис Давыдов писал в своем очерке: «Черт знает, какие тучи ядер пролетали, сыпались, прыгали вокруг меня, рыли по всем направлениям сомкнутые громады войск наших, и какие тучи гранат лопались над головой моею и под ногами моими! То был широкий ураган смерти, вдребезги ломавший и стиравший с лица земли все, что ни попадало под его сокрушительное дыхание».

В 17 часов на поле боя показали передовые части корпуса Лестока. Подойдя на помощь войскам Остермана-Толстого, пруссаки перешли в атаку. На всех пунктах русского левого фланга французы были отброшены; они удержались с трудом лишь у Клейн-Саусгартена, откуда их не удалось выбить. На этом сражение при Прейсиш-Эйлау фактически закончилось. До 21 часа продолжалась канонада с обеих сторон, но обессиленные армии уже не помышляли о возобновлении схватки. Быстро темнело, было около двадцати шести градусов мороза. Наполеон ждал Нея, но его корпус подоспел лишь к десяти часам вечера. Французы отошли на исходный рубеж.

Узнав о подходе корпуса Нея, Беннигсен, опасаясь окружения, приказал отступить к Кёнигсбергу. В полночь русские войска начали сниматься с позиций.

Схватка при Прейсиш-Эйлау, одно из самых кровопролитных сражений XIX века, превосходящее в этом отношении почти все битвы, данные прежде Наполеоном, закончилась вничью. Потери с обеих сторон составили около 50 000 человек. На снегу остались лежать до 25 000 русских и 22 000 французов. Свидетель этого страшного дня оставил следующее воспоминание: «Никогда прежде такое множество трупов не усеивало столь малое пространство. Все было залито кровью. Выпавший и продол-

жавший падать снег скрывал мало по малу тела от удрученного взгляда людей... Перейдя через одно поле, мы тут же оказались на другом, также усеянном трупами».

Наполеон непосредственно руководил сражением; он тщательно обдумал и разработал план битвы, доказывавший, что его полководческий дар так же силен, как и раньше; с ним находились его лучшие маршалы — Даву, Сульт, Мюрат, Ожеро. И все же, несмотря на все усилия, старание маршалов, отвагу солдат, сражение не было выиграно французами.

В битве при Прейсиш-Эйлау русская армия нанесла первый крупный удар по непобедимой армии Наполеона. Беннигсен также не выиграл битву, как он поспешил доложить в Петербург. Но уже то, что и французский полководец не вышел безоговорочным победителем, давало русским ощущение крупного успеха. На победную репликацию Беннигсена Александру I царь ответил: «На Вашу долю выпала слава победить того, кто еще никогда не был побежден», и вместе с письмом послал «победителю непобедимого» рескрипт о награждении его орденом Андрея Первозванного и пожизненной пенсией в 12 000 рублей. В честь битвы была учреждена офицерская медаль. Все общественное мнение сходилось в одном: сражение при Прейсиш-Эйлау доказало, что Наполеон не всегда может одерживать победы. Он еще не был побежден, но он уже перестал быть непобедимым полководцем. Шлиффен, анализируя стратегическое искусство императора, писал: «День сражения у Прейсиш-Эйлау означает поворот в полководческой жизни Наполеона. Ряд успешных сражений на уничтожение, которыми были Маренго, Ульм, Аустерлиц, Йена, более не повторялся».

Французский император в своих бюллетенях тоже говорил о победе. Но он, конечно, понимал, что хотя Беннигсен и потерял в сражении почти треть своей армии, он сохранил еще грозное, боеспособное войско и готов к новым схваткам.

Наполеон стоял под Прейсиш-Эйлау восемь дней, а потом отошел. По его указанию французская дипломатия повторила предложение о мирном договоре, но Беннигсен заявил генералу Бертрону, что он отказывается начать переговоры, так как «поставлен государем вести

войну». Царь согласился с заявлением Беннигсена, и благоприятная возможность была упущена. В значительной степени позиция России объяснялась обещанием Швеции активизировать свои действия в Померании и Англии — высадить 20-тысячный десант между Эльбой и Одером.

Гейльсберг. 10 июня

Я не снимал ни разу сапог в течение пятнадцати дней... Мы — среди снега и грязи, без вина, без водки, без хлеба, едим картошку и мясо, делаем долгие марши и контрмарши, бьемся обыкновенно штыковым боем или картечью... Мы ведем войну изо всех сил во всем ее ужасе.

Наполеон. Письмо Жозефу Бонапарту

После зимних боев наступило трехмесячное затишье, вызванное необходимостью перевести дух и плохой погодой.

Для Наполеона эти месяцы были временем самой кипучей деятельности. Он готовился к решающей схватке. Неудача или даже новая нерешительная битва могла стать началом всеевропейского восстания против завоевателя. Он собирал войска, вникая во все мелочи организации предстоящей кампании. Жил то в амбаре, то в крестьянской избе и там читал бумаги и диктовал приказы и резолюции. Новые солдаты, новая артиллерия, боеприпасы распределялись по корпусам им лично. Он уже был фактически хозяином Европы, его армия пополнялась немцами, итальянцами, голландцами.

Наступившее затишье дало возможность поставить в качестве ближайшей задачи овладение крепостью Данциг, где находились склады с большими запасами продовольствия и боевого имущества, а сама крепость имела крупное стратегическое значение. Для ее осады Наполеон сформировал специальный корпус под командованием маршала Лефевра. После двухмесячной осады гарнизон 27 апреля сдал Данциг. Прусский корпус генерала

Калькрейта с приданным ему русским отрядом генерала Щербатова, согласно условиям капитуляции направился морем к Пилау, а оттуда на Кёнигсберг.

К маю 1807 года у Наполеона было в распоряжении 8 маршалов, в корпусах которых числилось 228 000 человек, еще 170 000 солдат стояли в оккупированной Пруссии, пока не привлеченные к начинающейся кампании. Французские войска располагались на западном берегу реки Пассарга. План Наполеона состоял в том, чтобы, перейдя в наступление вверх по реке Алле, отрезать Беннигсена от Кёнигсберга, овладеть городом и отбросить русскую армию за Неман.

Беннигсену за это время также удалось восстановить силы своей армии. Численность ее достигла 105 000 человек, но, правда, снабжалась она неизмеримо хуже французской. Русский главнокомандующий тоже планировал наступление. Он спешил закрепить за собой лавры «победителя Наполеона» и убедил Александра, что 8 февраля французскому императору нанесен страшный удар и что теперь, когда зима кончилась и дороги стали проходимы, не следует терять время.

Наступление русских началось 5 июня и первоначально развивалось успешно. Дивизии Дохтурова 6-го числа отбросили части Сульта и заняли Питененскую переправу, отрезав этим Нея от Сульта. Багратион напал на корпус Нея, выдвинутый впереди всех по направлению к русскому расположению, а казачий атаман Платов перешел реку Алле. Ней, боясь окружения, с боем стал отходить перед превосходящими силами.

Видя решительные действия неприятеля, Наполеон спешно отдал приказ о сосредоточении своих сил между Деппеном и Эльдиттенем. Прибыв 9 июня в Деппен, император решил сам перейти в наступление с тем, чтобы обойти левый фланг русских, отрезать их от Кёнигсберга и отбросить к рекам Алле и Прегель.

Беннигсен, получив донесения о сосредоточении французской армии, приказал своим войскам остановиться на укрепленных позициях в окрестностях Гейльсберга и здесь принять бой. У русских было около 80 000 человек. На позиции войска стали в две линии, разделенные на полковые участки. Причем 1-е и 3-и батальо-

ны стояли развернутым фронтом в первой линии, а 2-е — во второй линии. За каждым участком размещались резервы силой в четыре батальона. Беннигсен рассчитывал, что Наполеон, как и прежде, будет обходить его левый фланг.

Однако французский полководец не любил повторяться. Желая отрезать русских от Кёнигсберга, он, вопреки ожиданиям Беннигсена, предпринял обход его правого фланга, двинув свою армию по левому берегу Алле. В общей численности она к концу боя достигла 115 000 человек, французы превосходили русских, но их войска подтягивались и бросались в бой по частям, и ударная группировка наращивалась постепенно. Все попытки Наполеона прорвать центр и сломить правый фланг русских не привели к успеху.

В то же время удачные фланговые атаки конницы Уварова и казаков Платова окончательно расстроили неприятеля. Французы отошли. Ожесточенный бой длился несколько часов, затем перешел в сильнейшую артиллерийскую канонаду, продолжавшуюся до десяти часов вечера. Правда, около 20 часов, после прибытия корпуса Нея, Наполеон сделал еще одну попытку прорвать центр русских позиций, но и она потерпела неудачу. Потери противников приблизились к цифре 20 000 человек, но решающего успеха никто не добился. Беннигсен был ранен в этом бою.

Потерпев неудачу в первый день, Наполеон решил прибегнуть к обходному маневру, чтобы заставить русских покинуть укрепленные позиции. С этой целью утром 11 июня он выдвинул корпуса Мюрата, Сульта и Даву на Кёнигсбергскую дорогу к Ландсбергу.

Беннигсен ожидал, что французы возобновят атаки. Поэтому он усилил боевые линии резервом, в который поставил гвардию, переведенную с правого берега. Получив сведения о движении значительных сил противника к Ландсбергу, русский командующий поспешил на спасение столицы Восточной Пруссии. В ночь 12 июня русская армия перешла на правый берег Алле и 13-го вышла к Фридланду, выбив из города французский кавалерийский отряд из корпуса Ланна, занимавшего позицию напротив Фридланда между дорогами на Кёнигсберг и Домнау.

Фридланд. 14 июня

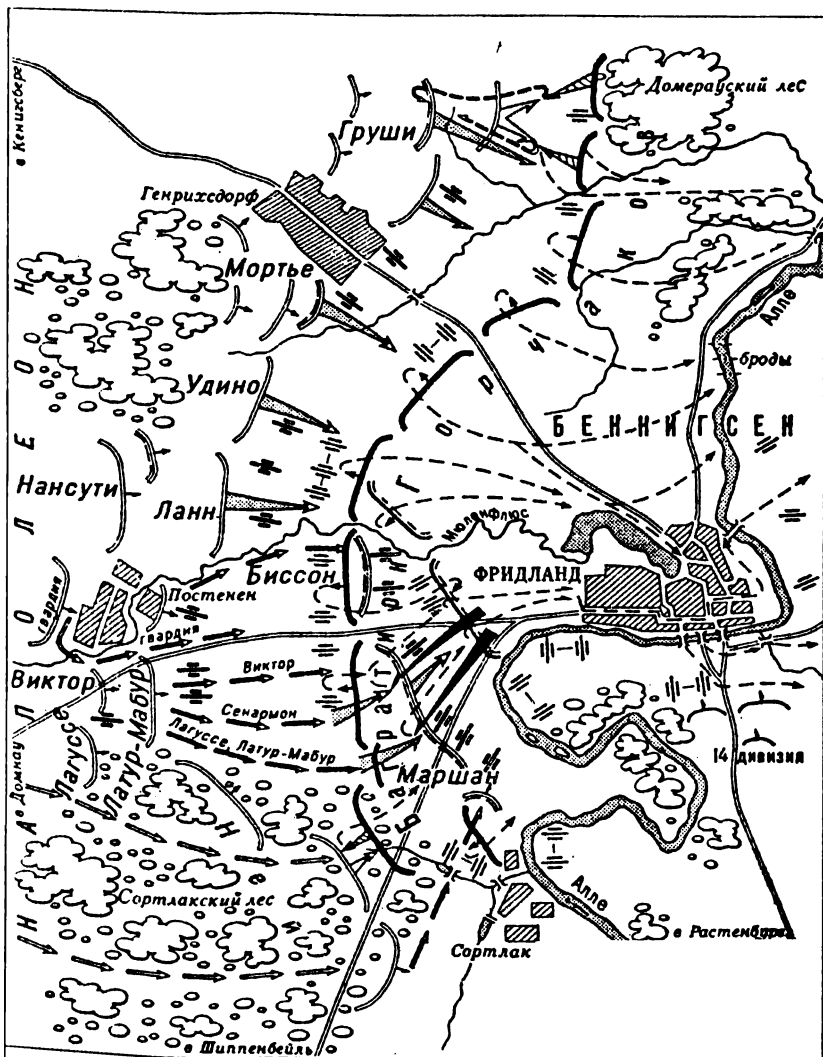
Полководец должен несколько раз в день спрашивать себя: если неприятельская армия покажется у меня с фронта, справа или слева, что я сделаю? Если он окажется в затруднительном положении или на плохой позиции, если он допустил ошибку, он должен ее исправить.

Наполеон

Вечером 13 июня маршал Ланн заметил, что русские, накануне взявшие Фридланд, собираются двинуться к Кёнигсбергу. Ланн послал донесение Наполеону о присутствии против него всей русской армии, а сам решил демонстрациями постараться выиграть время до подхода главных сил.

В 3 часа утра 14 июня французы открыли огонь подвигающимся русским частям с целью задержать их на невыгодных позициях. Ланн умело расположил свой корпус численностью в 12 000 человек таким образом, что холмы, леса и густая рожь скрывали от Беннигсена действительные силы французов. Это создало видимость, что у Фридланда расположилась вся наполеоновская армия. Приняв видимое за действительное, русский главнокомандующий перевел на левый берег всю армию — около 60 000 человек — и приготовился атаковать неприятеля. Его силы сосредоточились на открытой местности и были видны как на ладони. Занятая русскими позиция была для них крайне невыгодной: в центре ее находился глубокий овраг и озеро Мюленфлис, в тылу — река Алле.

Справа от озера расположились три пехотные и две кавалерийские, а слева — две пехотные и одна кавалерийская дивизия с шестью батальонами. Общий резерв составили 1,5 дивизии. Левую группу войск возглавил князь Багратион, правую генерал Горчаков-второй. Ошибка Беннигсена заключалась в том, что он сбил свое войско в кучу в узкой излучине реки Алле таким образом, что в случае неудачи мог спастись только через Фридландский мост, находящийся у него за спиной.

Положение и действие войск с 9 до 17 часов

← (русских) → (французских)

Положение и действие войск с 17 до 20 часов

← (русских) → (французских)

Фридландское сражение. 14 июня 1807 года.

Итак, с 3 часов утра началась артиллерийская дуэль. Примерно до 7 часов русские войска прибывали на плацдарм, а когда выходили к полю боя, то занимались бесплодной перестрелкой с неприятелем. Из-за нерешительности и неосведомленности Беннигсена в этот период была упущена возможность нанести французам удар превосходящими силами до подхода помощи. Тем временем силы французов постепенно увеличились до 33 000 человек. Дело в том, что Наполеон, получив донесение Ланна, отдал приказ всем своим войскам идти к Фридланду и туда же помчался сам. В скором времени авангард русских был атакован кавалерией и пехотой, вышедшей из Сортлакского леса. Русская конница была опрокинута стремительной атакой и укрылась за линиями пехоты. В 7 часов утра несколько русских пехотных батальонов и Александрийский гусарский полк атаковали Сортлакский лес и загнали французов в глубь его. На правом фланге произошло несколько кавалерийских стычек с переменным успехом.

К 9 часам силы сторон почти уравнились, и все же Ланну приходилось туго, так как русские стали усиливать свои атаки.

В 12 часов на поле битвы прибыл император и сразу же оценил всю опасность занятой противником позиции. Осмотрев поле сражения, Наполеон принял решение после прибытия корпусов Нея, Виктора и гвардии окружить и уничтожить армию Беннигсена. Ожидаемые корпуса подошли к 17 часам. Маршалы пытались уговорить Наполеона перенести начало атаки на следующий день. Но император, учитывая явно неудачное расположение русской армии, ответил: «Нет, нет, дважды неприятель не ловится на такой ошибке», — и приказал немедленно начинать наступление.

Стоявший на левом фланге французов маршал Мортье и командовавший центром Ланн получили приказ сдерживать атаки Горчакова. Эта задача облегчалась тем, что Мортье занимал укрепленные позиции в деревне Генрихсдорф, а Ланн еще с ночи укрепился на возвышенности Постенен. Главный удар по русским должен был нанести Ней на правом фланге. В его задачу входило, не

считаясь с потерями, опрокинуть части Багратиона, выйти к мостам через Алле, блокировать их и отрезать русской армии пути отступления на восточный берег. Сразу же после выполнения этой задачи силами Мортье и Ланна предписывалось переходить в атаку.

Таким образом, в результате нерешительности Беннигсен потерял превосходство и инициативу. Он не сумел до подхода Наполеона разбить Ланна и Удино. Наполеон же, воспользовавшись этим, к концу дня сосредоточил 85 000 человек и к решающему моменту боя уже имел численный перевес.

В 17 часов Ней из Сортлакского леса перешел в наступление и овладел деревней Сортлак, выйдя к реке. Однако успех Нея был сведен на нет контратакой кавалергардов генерала Кологривова и огнем русской артиллерии. Но и действия русских были парализованы контрударами дивизии Дюпона и гвардии. Войска Багратиона стали отходить. Только теперь, поняв всю невыгодность своего положения, Беннигсен отдал приказ на отступление всей армии.

Все это время Наполеон лично руководил боем под огнем противника. Когда над его головой пролетела бомба, и стоявший рядом солдат пригнулся, то император ему сказал: «Если бы эта бомба была предназначена для тебя, то даже если бы ты спрятался на 100 футов под землей, она нашла бы тебя».

Тем временем Багратион, получив приказ главнокомандующего, стал свертывать свои войска в колонны для переправы. Началось отступление к мостам. Чтобы обеспечить его, Багратион снова послал в атаку против неприятельской пехоты конницу Кологривова. Одновременно по наступающим французам вели огонь русские батареи, переправленные на противоположный берег Алле. Тогда французский генерал Сенармон, соединив 36 орудий в одну батарею, выдвинул ее на позиции перед своей пехотой и обстрелял сосредоточенным огнем русские пункты переправы; затем командир этой батареи придвинул орудия на дистанцию картечного выстрела и начал вести огонь с расстояния в 300, а затем в 150 шагов по отходившим русским частям. Участник сражения Ер-

молов так описывал этот момент: «Все войска начали отступать к мостам; к главному из них дорога идет через город; и в улицах от стеснения происходил величайший беспорядок, который умножал действие неприятельской артиллерии, обращенной на город».

Сдерживая напор французов, Багратион с трудом провел свои войска к мостам. Лейб-гвардии Измайловский и Павловский полки, прикрывая отступление, неоднократно ходили в штыки под огнем превосходящих сил противника. К 20 часам Ней вошел в город, захватил замок Фридланд, но овладеть переправами не успел, так как русские, отступая, подожгли их.

Положение русских войск на правом фланге оказалось еще тяжелее. Около 6 часов вечера Ланн и Мортье по замешательству войск Горчакова поняли, что Ней выполнил поставленную перед ним задачу. Правофланговая группировка русских, отделенная от частей Багратиона озером Мюленфлис, оказалась отрезанной. Также получив приказ к отступлению, Горчаков приказал отходить через Фридланд к мостам. Однако город был уже в руках французов. Теснимые с тыла Ланном и Мортье, русские штыками пробили себе дорогу к реке, но мостов уже не было. Наконец были найдены броды севернее города, и войска под огнем противника стали переправляться через них. Героическими контратаками пехоты и конницы русским иногда удавалось остановить неприятеля, но войска Мортье и Ланна, постоянно получая подкрепления, усиливали натиск.

В конце концов около 21 часа французы сбросили остатки сил Горчакова в Алле. Часть русских войск утонула в реке, часть, отступая вдоль реки и зажата с двух сторон французами, либо погибла, либо сдалась в плен. Почти вся артиллерия попала в руки Наполеона.

В 23 часа грохот орудий умолк, битва закончилась. Русская армия была разгромлена, она потеряла около 15 000 человек убитыми, ранеными и пленными и 80 орудий. Потери французов составили 12 000 человек.

Наполеон был горд своей фридландской победой, одержанной в годовщину битвы при Маренго. В этот

день он «своей победой завоевал русский союз», к которому давно стремился.

Сейчас же после битвы маршал Сульт вошел в Кёнигсберг, где захватил огромные запасы снаряжения, продовольствия, обмундирования — все это как раз только что было доставлено морем англичанами, не предвидевшими столь близкой катастрофы. Успех кампании был предрешен за десять дней. 19 июня армия Наполеона подошла к Неману, остатки русских войск успели переправиться через реку. Теперь император стоял на самой границе Российской империи у Тильзита.

Россия, которая одновременно воевала с Турцией, решила прекратить борьбу. Почти треть русской гвардии была истреблена под Фридландом. Войска сражались героически, но были деморализованы поражением, утомлены и не желали воевать. Как признавал сам Александр I, в результате этой бойни русская армия потеряла огромное количество офицеров и солдат; все генералы, и в особенности лучшие, ранены или больны в результате изнурительной войны вообще и битвы при Фридланде в частности. Беннигсен, ранее такой агрессивный и решительный, теперь требовал немедленного перемирия. Он вообще потерял голову и не знал, что делать дальше.

Выход был только один. 22 июня Александр I послал к Наполеону своего представителя с предложением заключить перемирие. Наполеон, также желавший прекращения этой кровопролитной войны, утвердил перемирие в тот же день.

9 июля 1807 года между Россией и Францией был подписан Тильзитский мир. По его условиям вся Восточная Пруссия от Везера до Немана оказалась в руках Наполеона. Четвертая коалиция перестала существовать. Россия согласилась с созданием Великого герцогства Варшавского, вассального государства в системе наполеоновской империи. Кроме того, царю пришлось подписать секретный трактат об оборонительном и наступательном союзе России и Франции. Обе страны обязались вести совместные действия во всякой войне против любой европейской державы и не заключать при этом сепаратного мира. Фактически Россия, в ущерб своим интере-

сам, становилась союзником Наполеона в борьбе с Англией — других врагов у французского императора уже не было.

Тильзит — это вершина невероятной карьеры Наполеона. Он чувствовал свою власть упроченно; она стала могущественней, чем когда-либо. Казалось, император французов достиг всего, чего ему не доставало. Он выразил это простыми словами: «В согласии с Россией нам нечего бояться». Когда на острове Святой Елены Наполеона спросили, какое время он считает самым счастливым, он ответил — Тильзит. И в это можно было поверить.

Пиренейская кампания. 1807—1808 годы

Миллион жизней — это пустяк для такого человека, как я!

Наполеон

В 1807 году Наполеон обещал своим солдатам, что польская кампания будет «последней войной». Тилизитский мир давал ему необходимые гарантии, и в дни расцвета франко-русского союза летом и осенью 1807 года большинство французов поверило, что время войн — слава богу и императору! — осталось позади.

Между тем многие знали, что едва вернувшись из Тильзита Наполеон начал готовить армию для похода на Португалию. Хотя, опять же многие решительно не понимали, зачем император это делает. Но в этом он был как раз до конца последователен. Англия оставалась его главным и самым непримиримым врагом, она в одиночестве продолжала противостоять наполеоновской империи. Побережье Англии охранялось победоносным Королевским флотом, который осуществлял также строжайшую морскую блокаду европейского побережья. Применяя экономическое давление, британцы надеялись, что напряжение на континенте приведет в конечном счете к созданию новой коалиции, которая бросит вызов французской гегемонии.

В ответ 21 ноября 1806 года Наполеон объявил континентальную блокаду с целью пресечь британскую торговлю. Он заставил присоединиться к ней все побежденные и вассальные государства; это была его идея фикс. После подписания Тильзитского мира, когда Россия вынуждена была присоединиться к континентальной блокаде, нейтральная Португалия оставалась единственным путем для всей британской торговли на континенте. Имен-

но поэтому теперь Наполеон сосредоточил все свое внимание на Пиренейском полуострове.

В Тильзите было условлено, что Португалии должно быть предписано закрыть свои порты для врагов Франции. По возвращении в Париж Наполеон обратился к Лиссабону с соответствующей нотой. Но он не мог доверять ни династии Браганса в Португалии, ни династии Бурбонов в Испании, не мог поверить, что оба короля станут исправно и сознательно разорять свои страны, запрещая крестьянам и помещикам продавать англичанам шерсть и преследуя ввоз дешевых английских фабрикатов. Было件нятно, что они, беспрекословно приняв Берлинский декрет о блокаде, будут тайно нарушать его и сквозь пальцы смотреть на процветающую в этих странах контрабанду. При колоссальной береговой линии Пиренейского полуострова, при попустительстве властей, при полном владычестве британского флота на море было件 ясно, что ни о каком фактическом проведении блокады не может быть и речи. Для Наполеона этот вопрос был решен бесповоротно: все берега Европы должны быть под непосредственным французским таможенным контролем. Того, кто этого не желает, нужно убрать с дороги. Хотя и испанские Бурбоны, и португальские Браганса всячески заискивали перед всеильным французским императором, на блокаду они все-таки старались смотреть сквозь пальцы.

Император дал приказ Жюно отправиться в Байонну и там стать во главе армии, предназначенной для вторжения в Португалию. 15 октября 1807 года на большом дипломатическом приеме в Фонтенбло Наполеон обратился с резкими словами к португальскому послу. Перепуганный регент из дома Браганса немедленно объявил войну Англии и выслал английского посла. Конечно, это была инсценировка, но она уже и не имела никакого значения. Чтобы не предприняло португальское правительство, ничто бы не удовлетворило Наполеона. Судьба Португалии была решена.

Наполеон предложил королю Испании Карлу IV завоевать Португалию общими силами и поделить между собой. 27 октября был подписан франко-испанский договор о ее разделе. Мадридский двор должен был выста-

вить вспомогательный корпус и обеспечить проход французских войск по своей территории. Недальновидный, мягко говоря, испанский монарх согласился на все условия, особенно его подкупала возможность вскоре называть себя императором. Таким образом, португальская экспедиция, помимо основной своей цели, давала Наполеону возможность наводнить своими войсками и Испанию.

Тотчас после подписания договора 27-тысячная армия Жюно начала марш на Лиссабон. За ней почти вслед была отправлена и другая, в 24 000 человек под начальством генерала Дюпона. Ни французское общество, ни сам император в тот момент не понимали, что этим было положено начало новой войне, одной из самых жестоких в наполеоновской истории. В представлении императора это была лишь будничная мера по осуществлению континентальной блокады. Как мало он придавал значения португальскому делу видно из того, что, пока солдаты Жюно медленно продвигались по каменистым дорогам Испании, император выехал в Италию. Здесь у него были более важные дела.

29 ноября корпус Жюно добрал наконец до стен Лиссабона. По единодушным свидетельствам, французские войска дошли до португальской столицы в крайне жалком состоянии. Шестинедельный поход по плохо устроенным пустынным дорогам, без достаточных запасов провианта не только изнурил неопытных новобранцев, но и полностью деморализовал. В испанских селениях они грабили все, что попадалось под руку; крестьяне в ответ мстили как могли и убивали отставших. Тем не менее, когда орда оборванных солдат появилась перед Лиссабоном, все члены королевского дома Браганса, бросив свои богатства и страну на произвол завоевателей, сели на английский корабль и бежали в Бразилию. Португалия стала добычей французской армии без единого выстрела.

17 декабря в Милане Наполеон издал новый декрет, согласно которому торговля с Британией была запрещена по всей Европе. Соответственно еще больший размах приобретала контрабанда, особенно через испанские порты.

Наступила очередь Испании. Теперь, когда французское знамя развевалось над Лиссабоном, у Наполеона возникли сомнения: а стоит ли выполнять обязательства по договору в Фонтебло и зачем делить Португалию с кем-то? Продолжив рассуждения дальше, император пришел к выводу: не проще ли так же поступить и с самой Испанией? Это была логика безнаказанного завоевателя, не встречавшего сопротивления на своем пути. Теперь замысел французского императора был другой — он решил низвергнуть испанскую династию и посадить на престол кого-нибудь из своих братьев или маршалов.

В течение зимы и весной 1808 года новые и новые войска Наполеона переходили Пиренеи. Уже в марте в Испании было сосредоточено до 100 000 человек. Уверенный в своей силе, император решил действовать. Он очень ловко воспользовался обострением раздоров в испанской королевской семье между королем с королевой и наследником престола Фердинандом. Маршал Мюрат с армией в 80 000 человек пошел на Мадрид. Карл IV решил бежать из столицы, но был задержан возмущившимся народом и принужден отказаться от престола в пользу Фердинанда. Это произошло 17 марта, а уже через шесть дней Мюрат вошел в испанскую столицу. Он посоветовал Карлу обратиться за справедливостью к французскому императору. Наполеон, в свою очередь, не признал Фердинанда и вытребовал как нового, так и старого короля и всю семью испанских Бурбонов к себе в Байонну. Он взял на себя роль верховного судьи, который рассудит и решит, кто прав. К 30 апреля король испанский Карл IV, его жена и новый король Фердинанд VII собрались в Байонне. Но Наполеон потребовал, чтобы все принцы королевского дома так же явились к нему. Мадрид возмутился: замысел французского императора становился ясен — заманив в Байонну всю династию, объявить ее низложенной, арестовать, а Испанию под тем или иным предлогом присоединить к Франции.

2 мая в Мадриде вспыхнуло восстание против занявших город французских войск. Народ уже давно был раздражен присутствием союзников-оккупантов, в Толедо и Бургасе произошли волнения. 1 мая Мюрат был освистан в Прадо. Утром 2-го в Мадриде распространился

слух, что французы хотят силой увезти брата короля инфанта дон Франсиско, последнего принца королевской фамилии, который еще оставался в Испании. Народ начал собираться толпами, раздались крики: «Смерть французам!» Под руководством офицеров-патриотов Даонсо и Веларде население Мадрида, вооруженное ружьями, ножами и камнями выступило против 25-тысячного французского гарнизона. Ожесточенные бои на площади Пуэрта-дель-Соль, в расположении артиллерийского парка, продолжались почти сутки. Маршал Мюрат утопил восстание в крови, пустив в ход картечь, но, восстановив порядок в столице, ошибочно заключил, что «мятеж ликвидирован». Мадридское восстание всколыхнуло всю страну, в ближайшие дни народными выступлениями были охвачены Севилья, Гранда, Сарагоса, Валенсия.

В Байонне о мадридских событиях узнали 5 мая. Это дало Наполеону повод разыграть одну из тех театральных сцен, на которые он был большой мастер. Неуступчивый Фердинанд был приглашен к императору вместе с Карлом IV и королевой. Наполеон объявил Фердинанда виновником кровопролития, осыпал гневными укорами и грозил смертью, если он не подчинится немедленно. Император поставил условие, чтобы как Карл IV, так и Фердинанд VII отказались от испанского престола и формально предоставили ему право распорядиться Испанией по своему усмотрению. Все его требования были исполнены. После этого Наполеон объявил своим «гостям», что радея об их личном спокойствии, он их уже не отпустит обратно в Испанию, а отошлет короля и королеву в Фонтенбло, а Фердинанда и других принцев Бурбонского дома — в Валансэ, замок князя Талейрана.

10 мая 1808 года император велел своему брату Жозефу, королю неаполитанскому, переехать в Мадрид и быть отныне королем испанским. Маршалу же Мюрату было приказано прибыть в Неаполь и также стать его королем.

Французский император был доволен сверх меры: так все прошло ловко и гладко, так наивно испанские Бурбоны сами полезли в ловушку, так безболезненно удалось приобрести весь Пиренейский полуостров. Он гордился тем, что это было достигнуто в течение нескольких меся-

цев без кровопролития, без грохота пушек и практически без жертв. Все это еще будет, ибо бесплатных пирожных не бывает.

На самом деле Байонна, представлявшаяся Наполеону замечательной победой, своего рода политическим Аустерлицем, была крупнейшим просчетом в его стратегических замыслах. Байонна, повторяя известное выражение Фуше, «была хуже, чем преступление; это была ошибка». Она бросила в лагерь врагов Франции все сохранившиеся на европейских тронах монархии. Похищение престола у испанских Бурбонов в пользу брата французского императора заставило всех уцелевших монархов старых династий примерить ситуацию на себя и заподозрить, что следующим станет кто-нибудь из них. Английская дипломатия умело использовала панический страх перед событиями в Байонне в европейских столицах. С наибольшим вниманием британские обольщения воспринимались в Вене. Габсбурги считали, что к ним опасность приблизилась вплотную. Таким образом, в Байонне были брошены семена новой войны с Австрией; она ускорила формирование пятой антифранцузской коалиции.

Но возмездие пришло еще быстрее и с той стороны, откуда Наполеон менее всего ожидал. При первом же известии о байоннских событиях Испания поняла, что Бонапарт просто дурачил испанскую королевскую семью и издевался над ней. Возмущенное чувство национальной чести не хотело мириться с совершившимся фактом. Испанская корона сдалась, но народ не пожелал подчиниться и в едином порыве поднялся против узурпатора. Совершенно неожиданно не только для французского императора, но и для всей Европы, безмолвно следившей за новыми насилиями завоевателя, в Испании вспыхнул пожар лютой, непримиримой крестьянской партизанской войны. В Валенсии, Кадисе, Бадахосе, Тортозе начались народные восстания. В течение нескольких недель Испания вооружила 150 000 человек, разделенных на астурийскую, галисийскую, кастильскую, эстремадурскую, валенсийскую, мурсийскую и арагонскую армии. Правда, они представляли собой ни что иное, как нестройные полчища восставших крестьян и

ремесленников, наряду с несколькими отрядами милиции и немногочисленными полками регулярной армии. Но все они были воодушевлены одним чувством, и командовали ими энергичные вожди, такие как Куэста, Кастьенос, Палефокс. По всей стране создавались местные хунты, ставшие органами сопротивления. Провинциальные хунты налаживали связь с англичанами и получали от них оружие, снаряжение и финансовую поддержку. 6 июля хунта Севильи, ставшей временной столицей страны, объявила от имени всей Испании войну французам. Впервые Наполеон встретился с врагом особого рода, с которым он до сих пор дела не имел. «Оборванцы!» — презрительно сказал о них император. Но ни он сам и никто в мире не мог тогда предположить, что именно эти «оборванцы» начнут первыми рыть ту пропасть, в которую суждено будет рухнуть великой наполеоновской империи.

Известия из Испании поначалу неприятно удивили Наполеона, но не обеспокоили. С тех пор как он стал императором и строил свою политику как цепь разных комбинаций с монархами, к народу он относился пренебрежительно. Ему ни разу не приходила мысль о возможности национального сопротивления; он ожидал здесь не более, чем проявления мелких вспышек недовольства и некоторого волнения в городах. Наполеон приказал генералу Дюпону, военное дарование которого высоко ценил, двигаться к Севилье. Одновременно корпус генерала Монся был направлен к Валенсии, корпус маршала Бессьера прокладывал путь Жозефу в Мадрид. 14 июля в сражении при Медине-де-Риосеко Бессьер одержал крупную победу над двумя объединенными испанскими армиями. Через неделю, 20 июля, Жозеф торжественно вступил в Мадрид. Пока все шло, как будто бы, гладко.

Правда, уже докладывали императору о некоторых мелких неприятностях и о том, какой все более странный и страшный характер приобретает эта война. Например о том, что испанские крестьяне осмеливаются партиями по несколько человек подкрадываться к французским бивакам и стрелять, и когда их ловят и расстреливают, то перед казнью они только молчат или презрительно ругаются. Докладывали и о том, что когда 2 мая в

Мадриде маршал Мюрат в упор расстреливал толпу, то она не рассеялась: люди, убегая, скрывались в домах и из окон продолжали стрелять по французам; когда же французы вбегали в дома, то испанцы, выпустив все патроны, кололи ножами, кусались и дрались до тех пор, пока держались на ногах, и оккупанты выбрасывали их из окон на мостовую, на штыки своих товарищей лишь после самой отчаянной борьбы. Французы с первых же шагов в Испании натолкнулись на бесчисленные проявления самой неистовой фанатичной ненависти к завоевателям. Предельная беспощадность в боевых действиях стала постоянным явлением, и уже никто ничему в испанской войне не изумлялся.

Все эти странности пока не смущали Наполеона. По мнению императора, испанская «глава» шла к счастливому завершению. Вполне довольный ходом событий, он выехал из Байонны в Париж и здесь получил известие, потрясшее его.

19 июля 20-тысячный французский корпус генерала Дюпона был окружен примерно 32 000 испанцев под командованием генерала Кастеньоса в районе Байлена. Пьер Дюпон, считавшийся первым и наиболее заслуженным претендентом на маршальский жезл, после неудачных и неуверенных маневров, не исчерпав всех возможностей к сопротивлению, капитулировал в чистом поле 22 июля. Испанцы взяли в плен около 18 000 французов. Гарантии безопасного перехода во Францию были ими незамедлительно нарушены: безоружные французы, которые не были зарублены на месте, оказались в тюрьме, где большинство из них погибло. Только генералы и старшие офицеры получили право вернуться на родину.

Байленская катастрофа стала не только позором империи. «Он опозорил наши знамена, опозорил армию», — повторял много раз Наполеон, требуя предать Дюпона суду. Но главное значение этих событий состояло в другом: весть о Байлене разнеслась по всей Европе. Особенно сильно она отозвалась опять-таки в Австрии, где с лихорадочной энергией форсировали начатые раньше преобразования своих вооруженных сил. Император Франц издал один за другим указы о формировании резерва действующей армии, об организации ланд-

вера, о всеобщей мобилизации. Известия из Испании внушали австрийцам мысль воспользоваться затруднительным положением Франции и самим перейти в наступление. Австрия увидела, что у Наполеона неожиданно оказался не один фронт, а два, и что этот новый испанский фронт будет отныне очень ослаблять его на Дунае. Французский император тоже понял, что теперь поднимут голову все враждебные ему силы.

Байлен доказал, что наполеоновская армия перестала быть непобедимой. Она сдается в плен храбрым. Этот факт удесятерил силы испанского национально-освободительного движения. Вскоре французские гарнизоны стали островками в море ведшейся с исключительной жестокостью войны. Жозеф бежал из Мадрида, оккупационная армия была отброшена за реку Эбро. Войска Жюно в Португалии оказались отрезанными от главных сил.

Известие о Байлене вдохнуло мужество и в португальцев. Через две недели после капитуляции Дюпона вся Португалия была охвачена восстанием. 6 августа севернее Лиссабона высадился 17-тысячный английский экспедиционный корпус под командованием сэра Артура Уэлсли, будущего герцога Веллингтона. Жюно со своей небольшой (у него осталось 14 000 человек) и полуразложившейся, как и ее шеф, армией был бессилен преодолеть возраставшие опасности. «Я не узнаю человека, прошедшего выучку в моей школе», — отозвался о действиях своего старого друга Наполеон.

21 августа Жюно дал неудачное сражение под Вимейром, и уже ничего не могло его спасти. 30 августа он подписал акт о капитуляции в Синтре на условиях, что французы на британских транспортах будут эвакуированы морем на родину.

Синтра дополнила Байлен. Две капитуляции императорской армии за два месяца — можно ли было сомневаться в значении этих событий? Вся Германия пришла в движение. Трех лет французской оккупации в союзных и завоеванных германских государствах было более чем достаточно, чтобы повсеместно пробудить ненависть к иностранным пришельцам. В самой Испании в сентябре 1808 года для руководства страной и военными действи-

ями была создана Центральная хунта. В Португалии генерал Уэлсли за то, что он отпустил французов, был отозван в Лондон и на его место назначен прибывший с подкреплениями генерал Джон Мур. В сентябре его 35-тысячная армия двинулась на Мадрид. На реке Эбро французов теснила 125-тысячная испанская армия.

Положение на Пиренеях становилось критическим. Наполеон в раздражении заметил по этому поводу, что его армией командуют, очевидно, почтовые инспектора. Он высылал в Испанию все новые подкрепления и готовился лично отправиться туда, чтобы принять командование.

Но сначала, чтобы удержать от войны Австрию, нужно было дать ей понять, что Александр I, связанный с Францией союзными обязательствами, вторгнется в австрийские владения с востока, пока Наполеон будет с запада идти на Вену. Для этого была затеяна эрфуртская демонстрация дружбы обоих императоров. Встреча в Эрфурте разочаровала Наполеона, русский царь был неуступчив и, хотя формально франко-русский союз оставался в силе, Наполеон знал, что вассальные короли не верят в его крепость и что Австрия тоже не верит. Нужно было покончить с испанскими делами как можно скорее.

19 октября французский император вернулся в Париж. К этому времени французы владели в Испании только севером страны до Эбро, а Португалия стала английской базой. Из Германии и Италии спешно перебрасывались войска на испанскую границу. Французское правительство объявило дополнительный набор новобранцев. В короткий срок за Пиренеями была сосредоточена 150-тысячная армия, включавшая императорскую гвардию и лучшие, отборные части. А польская дивизия, вместо того чтобы сражаться за свободу Польши, была направлена на юг — душить свободу Испании.

Французские газеты заявили, что «его императорское величество быстро приведет к разуму дикую испанскую чернь» и что эта война ведется ради безопасности Франции. Она призвана освободить Испанию от ига «тиранов моря... врагов мира» — Англии. «Английское золото, интриги агентов инквизиции... влияние монахов» объявля-

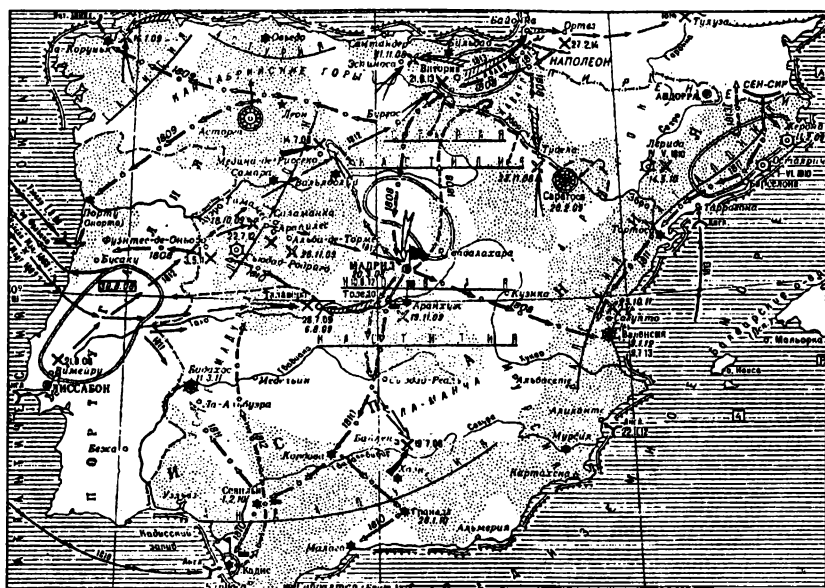
лись главными источниками смуты. Но в разговорах с глазу на глаз, без посторонних, Наполеон выражал свои мысли гораздо более откровенно: «Надо, чтобы Испания стала французской... Это ради Франции я завоевываю Испанию».

29 октября император покинул столицу; он сам стал во главе армии, двинувшейся в Испанию, чтобы смыть позор Байлена и Синтры. В начале ноября, имея под своим командованием 200 000 человек, Наполеон начал наступление против четырех испанских армий, развернутых на рубеже Эбро. С ним были лучшие солдаты империи: ветераны Маренго, Аустерлица, Йены — его гвардия. Самые прославленные полководцы — Ланн, Ней, Сульт, Бессьер, Сен-Сир — шли под командой императора. Наполеон бросил против Испании все лучшее, что он имел, и уже одно это доказывает, какое огромное значение французский император придавал сокрушению противника, которого вчера еще называл «испанской чернью».

Такой армии ничто не могло противостоять: ни регулярные части, ни партизанские отряды. 10 ноября при Бургосе Наполеон нанес испанцам страшное поражение; в ближайшие дни произошли еще два сражения, и испанская армия была, казалось, совсем уничтожена. Ее остатки откатывались под ударами железных полков. Правда, при переходе через горные хребты Сьерра-де-Гвадаррама французская армия натолкнулась на яростное сопротивление. Сражение при Сомоснерра 30 ноября, в котором особенно отличились польские полки, было выиграно ценой огромного напряжения. Дорога на Мадрид была открыта.

4 декабря Наполеон вступил в столицу Испании и сейчас же объявил в стране военное положение и ввел военно-полевые суды. Одновременно за своей подписью император издал ряд декретов, отменявших феодальные права, суды инквизиции, сословные привилегии. Эти декреты имели ярко выраженное антифеодальное содержание, и их прогрессивный характер не вызывал ни малейших сомнений. Недостаток этих декретов был не в их характере, а в способе, которым они навязывались ис-

Испано-французская война. 1808–1814 годы.

- Восстание в Аранхуэсе 17–18 марта 1808 г.
- Вступление французских войск в Мадрид 20 марта 1808 г.
- Антифранцузское восстание 2 мая 1808 г.
- Районы сосредоточения французских оккупационных войск к маю 1808 г.
- **ЛЕОН**
Области, в которых вспыхнули освободительные восстания в мае 1808 г.
- Действия войск сторон в июле–августе 1808 г.:**
 - испанских, английских португальских
 - французских
 - Отход французских войск в конце июля–августа 1808 г.
 - Рубеж развертывания испанских армий в ноябре 1808 г.
 - Вторжение французских войск с ноября 1808 г.
- Действия войск сторон с ноября 1808 г.**
 - испанских, английских португальских
 - французских
 - Важнейшие районы национально-освободительного движения против французских захватчиков 1808–1813 гг.
 - Оборона испанцами наиболее крупных городов
 - Города, где особенно активно действовали кунты
 - Отход французских войск в 1812–1813 гг.
 - Места работы Центральной кунты
 - Места и даты работы Учредительных кортесов, провозгласивших конституцию 1812 г.
 - Вступление англо-испанских войск во Францию 1814 г.
 - Континентальная блокада с 1806 г.

панскому народу. Мадридские декреты не сыграли той роли, на которую рассчитывал Наполеон. Испанцы отменили их с порога: они не принимали их не потому, что они были недостаточно хороши, а потому, что это были декреты завоевателей.

Не задерживаясь в столице, французская армия двинулась на северо-запад. Император получил известия, что сэр Джон пытается выступить на Мадрид в обход французских войск. Наполеон пошел наперерез, стремясь отсечь британские экспедиционные силы от их опорной базы в Португалии.

Генерал Мур, находясь в Саламанке, узнал от испанцев о приближении противника и с арьергардными боями начал отступление к новой базе, устроенной в Ла-Корунье, на побережье Бискайского залива.

Французская армия во главе с императором стремительным маршем шла следом, отбрасывая все на своем пути. Но Наполеон уже не обманывался: Испания не была ни завоевана, ни побеждена. В двух километрах от дорог, по которым победно шла императорская армия, начиналась непобежденная Испания. Вся страна была охвачена герильей — ни на час не прекращавшейся «малой» партизанской войной. Но эта «малая» война была страшнее сражений в открытом поле. Испанцы дрались с отвагой, ожесточением, готовностью идти на смерть. Весь мир поразила мужеством и героизмом оборонявшихся осада Сарагосы. Чтобы сломить сопротивление города, туда был отправлен лучший из наполеоновских маршалов — Ланн.

И он оправдал надежды. 27 января 1809 года Ланн взял внешние укрепления и ворвался в город. Но тут произошло нечто такое, чего не было ни при какой осаде: каждый дом превратился в крепость. Каждый сарай, погреб, чердак нужно было брать с боем. Целых три недели шла жестокая резня в уже захваченном, но продолжавшем сопротивляться городе. Солдаты Ланна уничтожали без разбора всех, даже женщин и детей, которые убивали французских солдат при малейшей оплошности последних. Французы вырезали до 20 000 гарнизона и более 32 000 городского населения. Когда победители

смогли наконец поднять над крепостью трехцветное знамя, им не над кем было устанавливать власть: в Сарагосе остались только мертвые.

Маршал Ланн, побывавший в самых разных войнах и битвах, был подавлен видом этих бесчисленных трупов, плававших в лужах крови: «Какая бойня! Быть вынужденным убивать столько храбрых людей или пусть даже сумасшедших людей! Эта победа доставляет только грусть!» Победа, купленная такой ценой, была страшнее поражения. На Европу осада и гибель Сарагосы произвели потрясающее впечатление, и больше всего — на Австрию, Пруссию и другие германские государства. Волновала и стыдила покорность немцев в сравнении с мужеством испанцев.

В это же время, не давая передышки своей армии, Наполеон гнал и гнал солдат за английскими дивизиями генерала Мура. Зима выдалась в Испании особенно суровой. Шли непрерывные леденящие дожди, их сменял густой снег. По плохим дорогам, увязая в снегу, французская армия вскарабкивалась по горным уступам. Император приказал всем идти пешком. Как обычно в таких случаях, он шел впереди и, казалось, не испытывал ни холода, ни усталости. Армия поднималась все выше и выше по горной гряде. На подступах к Асторге ее нагнал курьер из Парижа. Наполеон прочитал бумаги и некоторое время находился в раздумье. Англичане были почти окружены; еще несколько дней, небольшое усилие — и испанский поход увенчается великолепной победой. И все-таки, после недолгих колебаний, император передал командование Сульту, без промедления сел в карету и приказал гнать в Париж, куда прибыл уже 23 января.

Из ряда источников к Наполеону поступили сведения о том, что Австрия собирает на границах с Баварией и Италией крупные силы и что не сегодня-завтра следует ожидать новой войны. Развитие событий в Париже и Центральной Европе требовало пристального внимания императора.

Маршал Сульт, оставленный в Испании, не сумел исполнить замысел императора. К середине января, искусно маневрируя, Джон Мур с 15 000 солдат успешно доб-

рался до побережья. 16 января в ходе кровопролитного сражения у Ла-Коруньи англичане успешно отразили атаку войск Сульта. Смертельно раненый генерал Мур умер на поле боя и был погребен под оборонительным валом Ла-Коруньи. Британский экспедиционный корпус, потеряв в сражении 1000 человек, эвакуировался морем.

Казалось, Испания покорена, и контроль над нею восстановлен, а Жозеф Бонапарт прочно сидит на престоле. Но раздавленная только что учиненным военным погромом страна вскоре снова вспыхнула огнем крестьянских и городских восстаний. Отряды герильерос наносили неожиданные удары по французским гарнизонам, устраивали засады, постоянно тревожили врага. Не считая многочисленных мелких групп, в конце 1809 года на территории, занятой французами, действовали не менее 20, а в конце 1810 года — 30 крупных партизанских отрядов, которые причиняли французским войскам значительный урон. Один только отряд под командованием бывшего студента Франсиско Мины провел 143 боя, занял 13 крепостей, захватил 14 000 пленных. Летом 1809 года численность испанских войск достигла 200 000 человек.

В марте 1809 года в Португалии вновь высадился английский экспедиционный корпус под командованием Уэлсли.

Неустршимый испанский народ продолжал удерживать в стране половину «Великой армии», 300 000 человек лучшего наполеоновского войска. Народная война продолжалась, и лучшие имперские маршалы не могли ее подавить. Наполеон собирался сам вернуться в Испанию, но сделать это ему уже не удалось. Рок толкнул французского императора в Россию, а его звезду — к закату.

«Испанская язва» явилась одним из факторов, приведших императора к падению. Она отвлекала огромные ресурсы, необходимые для ведения военных действий на других театрах военных действий. Характеризовавшаяся чрезвычайно свирепым и безжалостным поведением обеих сторон, она стала первым примером партизанской войны — почти стихийного отклика населения на вторжение, поставившего перед захватчиками огромные проблемы.

За период с 1808 по 1813 год, когда французы были окончательно изгнаны, наполеоновская армия потеряла в Испании более полумиллиона человек, из которых около 300 000 были убиты и ранены.

Еще будучи в Мадриде, Наполеон признался Винсенту, своему соратнику по первым походам: «Это самая большая глупость моей жизни!» Но он не умел поворачивать назад и больше всего боялся показаться смешным: «Я – узурпатор. Чтобы дойти сюда, я должен был иметь лучшую голову и лучший меч в Европе... Почитание этой головы и этого меча не должно снижаться. Я не могу встать перед всем миром и сказать: я серьезно ошибся и ухожу отсюда вместе со своей разбитой армией...»

Поэтому император до конца держался за Испанию. Хотя и видел всю бесполезность и гибельность этой войны.

Австрийская армия

Армия Австрии комплектовалась рекрутскими наборами и частично вербовкой, главным образом из среды разнонационального крепостного крестьянства. При системе конскрипции (система комплектования армии на основе воинской повинности с допущением замены призываемого и денежного выкупа от призыва) вся тяжесть пожизненной военной службы ложилась на плечи бедноты, лишенной возможности откупиться или видевшей в военной службе источник существования. Только в 1802 году был установлен 14-летний срок службы. При тяжелом палочном режиме в австрийских войсках вся эта масса отдавалась во власть дворянско-помещичьего офицерства.

По своему устройству и тактике австрийская армия до 1807 года ничем не отличалась от прусской дореформенного периода – та же фридриховская система с ее линейной тактикой, с той лишь разницей, что в австрийской армии оборонительные тенденции нашли гораздо более яркое выражение. Теории Ллойда и Бюлова нашли в Ав-

стрии своих верных последователей в лице Макка, Вейротера и эрцгерцога Карла, которые придавали преувеличенное значение позициям, а опасение потерять сообщения приводило их к растягиванию фронта, в то время когда Наполеон действовал сосредоточенными силами.

Позиционное мышление послужило благодатной почвой для построения теории кордонной системы, идеологом которой стал австрийский фельдмаршал Ласси. Кордонная система выражалась в развертывании войск небольшими отрядами на широком фронте. Выгодность такого расположения, по мнению Ласси, заключалась в том, что широкий фронт с закрепившимися на позициях отрядами является надежным оплотом против вторжения неприятеля и вместе с тем в полной мере обеспечивал магазинную систему снабжения. С переходом в наступление кордонный фронт давал возможность действовать на фланги более сосредоточенного противника и угрожать его сообщениям.

Сосредоточение войск в начале войны Ласси признавал невыгодным. Рассредоточение же их вынудит разбросаться противника, а это обстоятельство необходимо использовать для нанесения ударов на отдельных участках. Кордонная система получила распространение и в других европейских армиях. Развертывание русских войск на пространстве протяженностью в 500 километров в начале войны 1812 года — один из таких примеров.

Ряд поражений в войнах с французами заставил австрийское командование реорганизовать свою армию. Назначенный после Аустерлицкого поражения в 1805 году на пост военного министра эрцгерцог Карл проделал большую работу по переустройству австрийской армии по типу французской. Отказавшись от всеобщей воинской повинности, Карл, готовясь к новой войне с Наполеоном, создал ландвер, увеличив численность войск. Вместо «колонн», состоявших из трех родов войск, была введена корпусная и дивизионная организация, облегчившая управление войсками. Полк состоял из трех батальонов по 6 фузилерных рот. Каждый полк имел, помимо того, по две гренадерских роты. Четыре гренадерских роты двух полков соединялись в особые батальоны.

Вооружение пехоты состояло из гладкоствольного ружья 8-линейного калибра с дальностью прицельного выстрела 300 шагов. Помимо трехгранного штыка фузилеры имели короткие сабли. Артиллерию составляли 3-, 6-, 12- и 18-фунтовые пушки и гаубицы. Существовала и полковая артиллерия.

Уставом 1809 года была введен французский боевой порядок, который австрийцы пытались применить в войне с Наполеоном в этом же году. Впрочем, к началу австро-французской войны реорганизация полностью еще не была воспринята войсками и, несмотря на частичные успехи, австрийская армия потерпела поражение.

Австро-французская война. 1809 год

Через два месяца я заставлю Австрию разоружиться и тогда, если будет нужно, совершу снова путешествие в Испанию.

Наполеон

Неудачи Наполеона в Испании укрепили позиции его противников в Западной Европе. В Пруссии стал поднимать голову немецкий национализм, а в Вене все отчетливей зазвучал голос военной партии.

Начиная с 1808 года Австрия тайно вооружилась, готовясь к войне. Пресбургский мир тяжелым грузом лежал на стране. Габсбургская монархия не желала играть роль праздного свидетеля растущего могущества Наполеона, и поэтому военный конфликт между двумя державами был неизбежен. Австрия мечтала о реванше и, после событий в Испании, эти мечты стали приобретать все более реальные очертания. Благодаря усилиям эрцгерцога Карла, австрийская армия претерпела значительные изменения. К 1809 году он довел численность регулярных войск до 283 000 солдат и 790 орудий, составивших 11 корпусов. Кроме того, еще в 1808 году был создан ландвер численностью около 300 000 человек — род народной милиции, который предполагалось использовать для решения второстепенных задач и для пополнения убыли в действующей армии. Таким образом, Австрия могла выставить более полумиллиона солдат (бойцов). Армия была реорганизована по типу французской; введена корпусная организация, облегчавшая управление и маневрирование; написан новый устав, предусматривавший французский боевой порядок.

В феврале 1809 года партия войны одержала верх в Вене. Австрийского монарха убедили в необходимости

незамедлительно воспользоваться субсидиями, которые предлагала Англия на тот случай, если Австрия начнет войну. И Австрия решилась. Были сформированы три армии — немецкая, итальянская и галицийская, на что ушли все наличные силы государства. Австрийский двор, аристократия, дворянство были как никогда единодушны. Даже венгерское дворянство, всегда недоброжелательное к Габсбургам, теперь выступало вместе с ними заодно. Предстоящая война была намного популярнее в народе, чем предыдущие войны с Наполеоном.

На стороне Австрии на этот раз была только Англия, дававшая золото и обещавшая военную поддержку в виде диверсий на Пиренейском полуострове, — так образовалась пятая коалиция.

В конце февраля 1809 года главные силы австрийской армии располагались в трех группировках:

— восемь корпусов эрцгерцога Карла численностью до 180 000 человек и 518 орудий сосредоточились в Богемии, имея два корпуса у Вельса, на правом берегу Дуная;

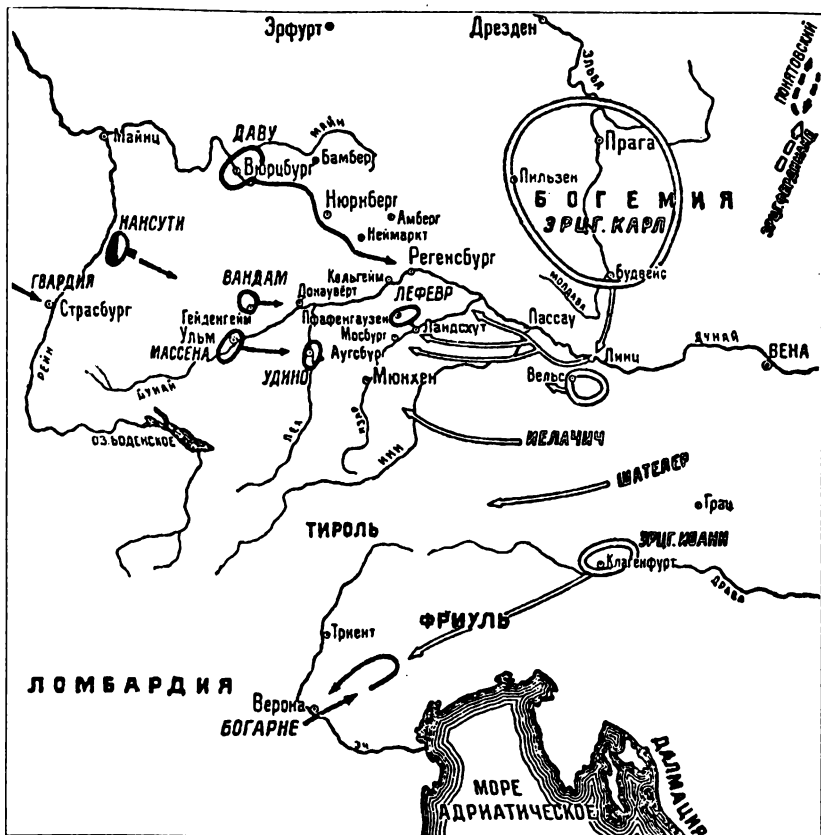
— 7-й корпус эрцгерцога Фердинанда — 35 000 человек и 94 орудия — был расквартирован в Галиции;

— два корпуса эрцгерцога Иоанна — около 47 000 человек и 148 орудий — составили итальянскую армию и располагались в районе Клагенфурта в преддверии вторжения в Северную Италию.

Общее командование всеми этими силами осуществлял эрцгерцог Карл — опытный и талантливый военачальник. За его плечами были громкие победы над лучшими генералами французской армии — Журданом, Моро, Массена. Галицийской и итальянской армиями командовали братья эрцгерцога.

Оперативный план австрийцев, заранее занявших сосредоточенное положение, предусматривал начало боевых действий разгромом Даву, стоявшего в районе Вюрцбурга. После этого намечалось разбивать прибывающие на театр военных действий французские войска по частям.

Однако опасение за участь малозащищенной Вены заставили Карла изменить свой план (он вообще часто их менял). Теперь он решил начать наступление главными

Начало военных действий в 1809 году.

силами по правому берегу Дуная, оставив на левом берегу два корпуса — генералов Бельгарда и Коловрата общей численностью до 50 000 человек. Переправившись через Дунай у Линца, остальные шесть корпусов Карла должны были двигаться в общем направлении на Кельгейм, вторгнуться в Баварию и поднять ее население на борьбу против Франции. Далее Карл предполагал соединиться с группой Бельгарда, занять внутреннее положение по отношению к разбросанным частям противника и попытаться разбить их поодиночке.

Корпус эрцгерцога Фердинанда должен был вторгнуться в Польшу и, приблизившись к прусской границе, привлечь Пруссию к выступлению против Наполеона.

Армия эрцгерцога Иоанна должна была начать наступление в Ломбардию против Евгения Богарне. Дивизия Шателера направлялась в Тироль, где австрийцы надеялись привлечь на свою сторону горцев, а дивизия Иелачича, обеспечивая левый фланг Карла, двигалась на Мюнхен.

Наполеон был своевременно осведомлен о планах австрийцев, и также усиленно готовился к войне. Еще будучи в Испании, он поручил своему начальнику штаба Бертье руководство сосредоточением своих войск на предполагаемом театре военных действий. В январе 1809 года император вернулся в Париж и немедленно развил бурную деятельность. Учитывая, что около 300 000 отборных солдат «Великой армии» оставались на Пиренейском полуострове, Наполеон приказал провести во Франции досрочный набор, дававший ему 100 000 человек. Еще 100 000 солдат выставили подчиненные ему государства Германии. Таким образом, к весне 1809 года у Наполеона было под рукой более 300 000 солдат, которых он мог бросить против Австрии. Из них 170 000 человек и около 400 орудий находились между Рейном и Эльбой. В общем, материальные силы противника были равны, но как отметил русский военный историк Н.П. Михневич: «...на стороне Франции был гений Наполеона».

В Ломбардии находились 45 000 солдат Богарне, а в Варшаве — 16-тысячный корпус Понятовского.

Эта война совершенно не была нужна Наполеону, но к весне император с тремя лучшими маршалами — Даву, Массена и Ланном — был в полной боевой готовности. И если Наполеон медлил и не начинал опережающих противника действий, то только потому, что политически для своего союзника России, которой пришлось бы выступить на его стороне, и для общественного мнения своей страны ему было важно, чтобы инициатива развязывания войны исходила от Австрии. Именно она должна была напасть первой. Весь мир замер в ожидании...

Абенсберг. 19 апреля

Одной войной больше — это значит, одним триумфом больше для меня.

Наполеон

Переправа Карла на правый берег Дуная потребовала трех недель, а между тем Бертье использовал это время на сосредоточение и развертывание войск по указанному Наполеоном плану. Он был незатейливым — собрать армию на верхнем Дунае не ниже Регенсбурга и далее действовать по обстановке. В этой партии австрийцы играли белыми.

10 апреля 1809 года австрийцы вторглись в Баварию. Их наступление началось переправой 120-тысячного войска эрцгерцога Карла через реку Инн и движением его тремя колоннами к реке Изар. В то же время Бельгард из Богемии двинулся к Регенсбургу. Одновременно корпус Фердинанда начал поход в Польшу, отбросив корпус Понятовского. А эрцгерцог Иоанн перешел через Юлийские Альпы и заставил Богарне с большими потерями отступить к Вероне.

16 апреля Карл, оттеснив баварскую дивизию Лефевра, прикрывавшую Ландсхутский мост, занял город и переправился через реку Изар. Весьма осторожный, эрцгерцог, слабо осведомленный о противнике и перегруженный подвижными магазинами и понтонным парком, продвигался медленно, совершая суточные переходы по 10–12 километров. В это время французы со своими союзниками — войсками Рейнского союза — начали сосредоточение. Войска Массена и Удино (около 50 000 человек) расположились на реке Лех, 30-тысячный корпус Лефевра отошел к Пфэффенхаузену, Даву с 56 000 солдат двигался к Регенсбургу.

С пропагандистским эффектом Вена просчиталась. Поднять баварцев на борьбу с «узурпатором» не удалось. Бавария осталась верна Наполеону, а ее войска отошли в полном порядке. Под влиянием разноречивых сведений о противнике Карл не мог решить, что ему делать дальше, несколько раз меняя свои планы. Наконец, он двинулся с тремя корпусами к Регенсбургу, чтобы разбить

Даву при содействии группы Бельгарда. Против баварцев Лефевра оставались 5-й корпус эрцгерцога Людовика (24 000 человек) и 2-й резервный корпус Кинмайера (8000 человек), которые могли быть поддержаны 6-м корпусом Гиллера.

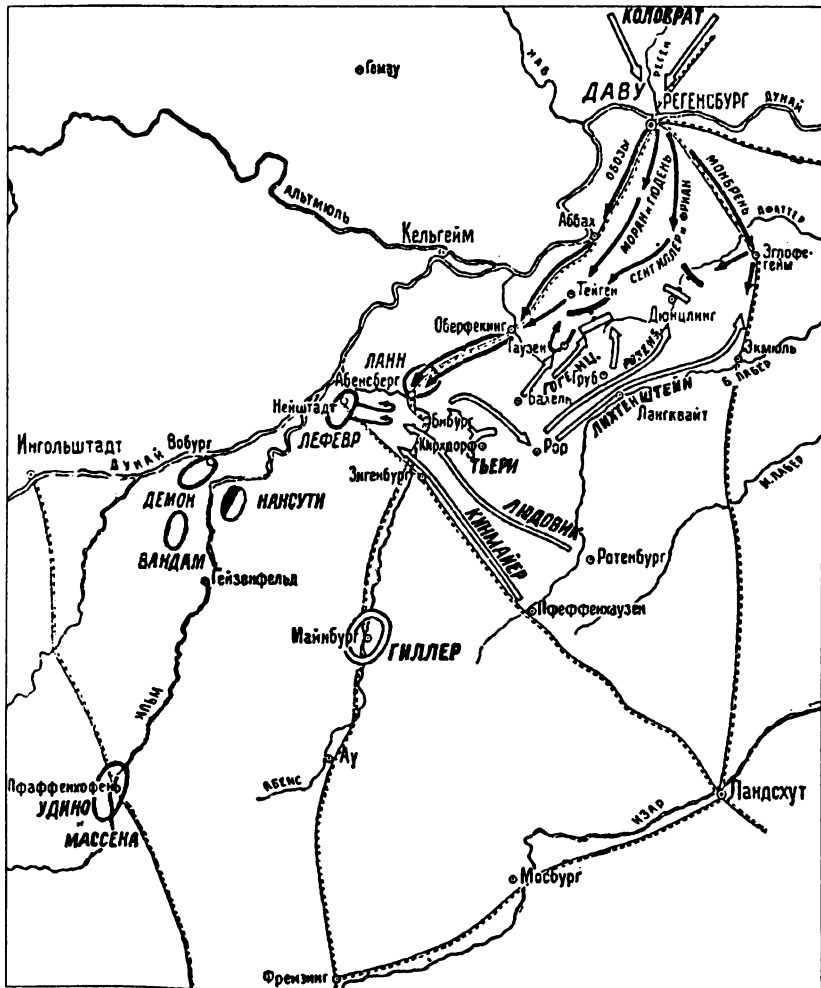
12 апреля вечером, находясь в опере, Наполеон получил известие, что австрийская армия переправилась через Инн и что ее передовые части вступают в Мюнхен. Что ж, война была начата, выбора не было, и Наполеон написав еще несколько писем во все концы света, в три часа ночи сел в походную коляску, лошади помчали его на восток. 18 апреля он был в Ингольштадте, где принял на себя непосредственное руководство операциями. Наполеон сразу же, исходя из обстановки, стал сосредотачивать свои войска в ударный кулак. Он приказал Даву двигаться вдоль правого берега Дуная к Абенсбергу, оставив в Регенсбурге только один полк для удержания переправы через реку. Этот маневр Даву должен был привести к усилению центральной группировки и, помимо того, привлечь на себя внимание австрийцев, угрожавших изолированному корпусу Лефевра. Массена было приказано перейти в наступление во фланг и тыл австрийцев через Фрейзинг, а корпусу Удино — двигаться к Абенсбергу. Таким образом, не имея еще ясных сведений о противнике, Наполеон решил объединенными силами Даву и Лефевра нанести Карлу фронтальный удар с охватом его левого фланга и выходом на его коммуникации корпусом Массена.

В течение 18 апреля центральная группа Наполеона усилилась за счет подошедшей резервной конницы Нансути, дивизии Демона и вюртембергской дивизии Вандама. Даву, части которого втянулись в перестрелку с передовыми частями Коловрата, к вечеру этого дня сосредоточился в Регенсбурге.

Между тем утром 19 апреля эрцгерцог Карл во главе 65 000 солдат двинулся тремя корпусными колоннами к Регенсбургу против Даву. 1-й резервный корпус (16 000 человек) под командованием Лихтенштейна взял направление на Эглофсхейм. 4-й корпус (29 000 человек) Розенберга двигался на Дюнцлинг. 3-й корпус (21 000 человек) Гюгенцоллерна — на Тейгн.

6-тысячная бригада Тьери из состава 3-го корпуса была выдвинута к Кирхдорфу для связи с австрийской группировкой, оставшейся против неприятельского центра.

В это время Даву, оставив в Регенсбурге всего один полк для удержания на мостах двух левобережных австрийских корпусов (в ночь на 19 апреля), начал движение на Абенсберг. Даву организовал свой марш четырьмя ко-

Фланговый марш корпуса Даву.

лоннами, из которых правая состояла из обозов и парков, а левая колонна — два батальона и конница Монбре-ня — составляла боковой авангард. Следуя уступами сперва по гористой местности, отчасти покрытой лесом, и имея от своей конной разведки сведения о приближении противника, Даву торопил марш двух средних колонн, состоявших из четырех дивизий.

В 9 часов утра 19 апреля, когда колонна обозов и следовавшая параллельно с нею колонна (дивизии Морана и Гюдены) уже приблизились к Абенсбергу, третья колонна (дивизия Сент-Иллера и Фриана) наткнулась на авангард корпуса Гогенцоллерна. В это же время боковой авангард французов столкнулся с частями 4-го корпуса Розенберга. Дивизии Сент-Иллера и Фриана, развернувшись на покрытых перелесками высотах, пролегающих между Тейгном и Гаузенем, начали бой с корпусом Гогенцоллерна, тогда как французский боевой авангард, сдерживая войска Розенберга, медленно отходил к левому флангу дивизии Фриана. Бой продолжался почти до вечера и закончился оттеснением австрийцем к Дюнцлингу. С наступлением темноты бой прекратился, и противники остались друг перед другом. Несмотря на наличие в этом районе массы австрийских войск, в столкновении против 2000 французов действовали только 25 000 австрийцев. Так, Гогенцоллерн весь день бросал свои войска в бой по частям, а Лихтенштейн почему-то приостановил движение своего корпуса и вообще не принял никакого участия в событиях.

Эрцгерцог, находившийся во время боя в Грубе, ничего не предпринял для достижения успеха в бою с изолированным французским корпусом. С другой стороны, прорвавшиеся к Абенсбергу дивизии Морана и Гюдены, поддержанные частями Лефевра, также не нанесли удар в тыл Гогенцоллерна, имея перед собой только бригаду Тьери. Правда, Тьери, пытаясь обеспечить бой своего корпуса, атаковал Абенсберг, но в результате был отброшен на Рор. В общей сложности в этот день австрийцы потеряли около 4000 человек.

К концу дня 19 апреля войска Наполеона приняли значительно более сосредоточенное положение. Корпуса

Массена и Удино, располагаясь в районе Пфaffenхофена, составляли правый фланг 30-километрового фронта. В район Нейштадта подошли дивизии Вандама и Демона — всего 16 000 человек. Здесь же стоял корпус Лефевра, отошедший под давлением войск эрцгерцога Людовика и Кинмайера. В районе Абенсберга располагался корпус, сформированный из двух прорвавшихся дивизий Даву. Во главе его был поставлен только что прибывший из Испании маршал Ланн — в корпусе насчитывалось 25 000 человек. Левый фланг составлял корпус Даву — две дивизии и конница Монбрена (тоже около 25 000), оставшиеся на высотах между Тейгеном и Гаузенем. Ожидалось также прибытие императорской гвардии.

В то же время фронт австрийцев на правом берегу Дуная получил большую растяжку и представлял собой две разделенные пространством в 20 километров группировки: три корпуса в районе Эглофсхейм, Дюнцлинг, Гаузен с бригадой Тьери у Рора, и три корпуса в районе Зигенбург, Майнбург. Последний пункт был занят подошедшим сюда корпусом Гиллера (около 22 000 человек). Такое разделение сил при наличии активного противника, всемерно стремившегося к созданию превосходства на важнейших направлениях, было чревато разгромом по частям.

Оторванный от своей базы на реке Инн и не уяснивший себе обстановки, Карл решил на следующий день овладеть Регенсбургом, соединиться-таки с корпусами Бельгарда и Коловрата и перенести свои сообщения в Богемию. Для усиления правофланговой группировки эрцгерцог Карл приказал эрцгерцогу Людовику отойти на Лангквйт, а 6-му корпусу Гиллера занять Пфеффенхаузен.

Для Наполеона обстановка оставалась также неясной. Ему казалось, что главные силы австрийцев группируются в районе Зигенбург, Рор, а в районе Фрейзинг, Ау их силы не превышают 15 000 человек. Он решил нанести удар в направлении Ландсхута и перекрыть пути отступления австрийцев корпусом Массена. Тем не менее австрийский центр был уже фактически прорван.

Ландсхут. 20—21 апреля

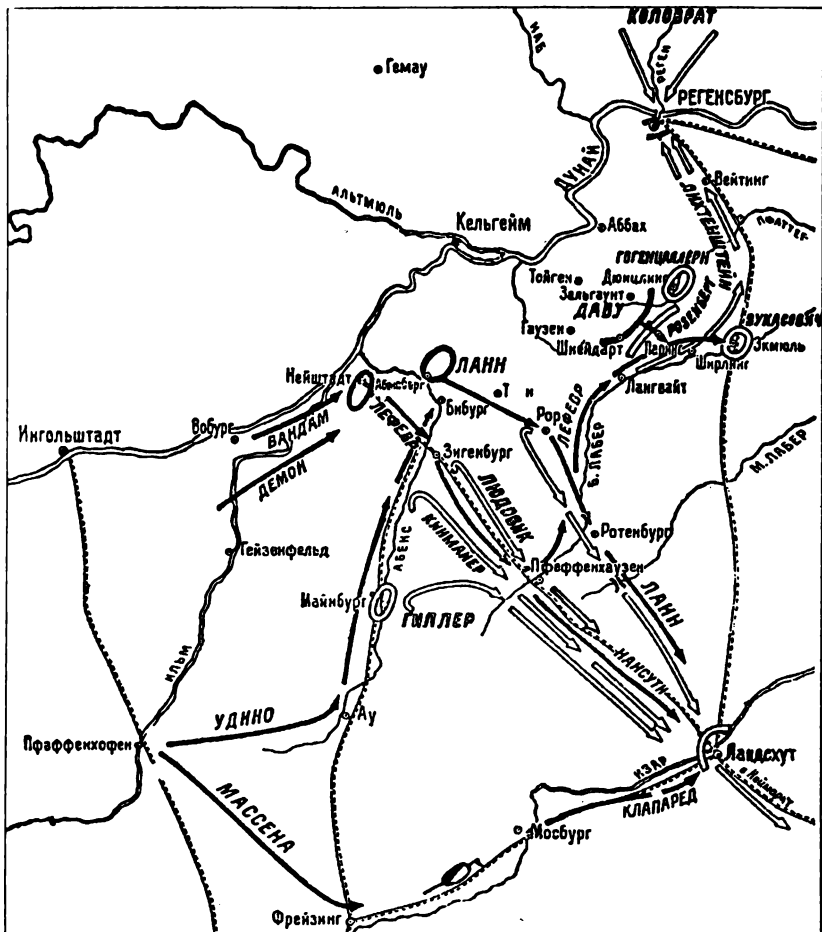
Чтобы победить, надо заручиться превосходством в данный момент на данном пункте. Вот все.

Наполеон

Изучив предварительно местность с высоты Абенсберг, Наполеон с утра 20 апреля перешел в наступление. Корпус Лефевра (без дивизии Вреде), усиленный дивизиями Вандама и Демона и частью конницы Нансути — всего 40 000 человек — двинулся в направлении Пфэффенхаузена. Корпус Ланна и дивизия Вреде — до 35 000 человек — начали наступление на Рор. Даву удерживался на занимаемых позициях, а Массена начал обходной марш на Ландсхут через Фрейзинг и Мосбург. Удино двигался через Ау к Абенсбергу. Таким образом, 75-тысячная масса войск во главе с Наполеоном наносила фронтальный удар, а 50 000 человек Массена и корпус Удино создавали угрозу флангу трех австрийских корпусов общей численностью до 55 000 человек. В то же время Даву с 25 000 солдат оставался против более чем 60 000 эрцгерцога Карла.

Между тем эрцгерцог Людовик, хотя и получил накануне приказание об отводе 5-го корпуса, выполнять его не стал. Претендуя на то, что он лучше разбирается в обстановке, и опираясь на право корпусного командира принимать самостоятельные решения, эрцгерцог на захотел покинуть свою позицию на реке Абенс. Вопреки приказу он не выступил ни ночью, ни следующим днем. Когда же перед полуднем он понял всю сомнительность своего положения и решился на отступление, то против 24 000 его австрийцев, вытянутых кордоном вдоль реки Абенс, уже наступали все 75 000 наполеоновского центра. Несколько мелких австрийских отрядов были сразу отрезаны и уничтожены. Под натиском группы Лефевра 5-й корпус Людовика начал отступление к Ландсхуту, увлекая за собой и резервный корпус Кинмайера. Подошедший Гиллер пытался организовать контрудар, но также был отброшен и начал отступление. Ланн, смяв мужественно сопротивлявшуюся бригаду Тьери, занял Рор и

двинулся на Ротенбург. При этом он не забыл отправить одну свою бригаду для угрозы тылам 3-го и 4-го корпусов Карла, сковавших на фронте корпуса Даву, который был принят Карлом за главные силы французов.

Ландсхутский маневр Наполеона. 20-21 апреля 1809 года.

Поэтому у австрийского главнокомандующего, до которого доносились звуки артиллерийской пальбы с ландсхутского направления, даже не возникла мысль оставить против Даву небольшой заслон и с остальными силами броситься с севера на центральную группировку

Наполеона. Карл считал, что главное сражение ведет именно он.

Наполеон, впрочем, тоже все еще предполагал, что главные силы австрийцев, мимо левого крыла которых он на самом деле только что прошел, отходят на Ландсхут и что он сбил арьергард, прикрывавший это отступление. Он надеялся, что на следующий день при активном преследовании, удастся всю неприятельскую армию заставить остановиться у Ландсхутского моста. Массена должен был выйти на правый берег реки Изар и завершить уничтожение. Вечером 20-го Наполеон остановил Лефевра и Ланна на линии Пфэффенхаузен—Ротенбург, а Массена достиг Фрейзинга, выслав конницу к Мосбургу.

В этот же день австрийцы ценой больших усилий наконец взяли Регенсбург, который защищали 2000 французов. Коловрат с утра 20 апреля начал атаку города с севера, а 1-й резервный корпус Лихтенштейна — со стороны Вейтинга. Австрийцы действовали весьма осторожно, не имея никакого представления о силах Регенсбургского гарнизона. Французский полк держался против двух австрийских корпусов почти до вечера, и только недостаток боеприпасов заставил его капитулировать. В общей сложности, в течение 20 апреля австрийцы потеряли 7000 человек.

К концу дня главные силы Наполеона приобрели еще более сосредоточенное положение и полностью изолировали австрийские группировки друг от друга. Зато эрцгерцог Карл восстановил связь с левым берегом, очистив путь к соединению с двумя левобережными корпусами. Казалось, следовало бы ожидать, что Бельгард (старший в группе) перейдет через реку и с 50 000 человек ударит Даву и Лефевра с левого фланга, а эрцгерцог с 60 000 — с фронта. Но неожиданным образом на месте оказался только 2-й корпус Коловрата, 1-й же был еще далеко на марше. Но и находившийся на месте корпус не перешел через реку, а двинулся на Гемау. Считая, что на Гаузенских высотах находится основная масса французских войск и не имея понятия о том, где проходят их коммуникации, Карл направил корпус Коловрата по левому берегу для создания угрозы тылам наполеоновских войск.

Обстановка для обеих сторон продолжала оставаться неясной, но Карл терял темп и все более дробил свои силы. Систематическая разведка не была организована ни французами, ни австрийцами. Наполеон по-прежнему был уверен, что в ландсхутском направлении отступила вся действовавшая на правом берегу Дуная армия эрцгерцога Карла, кроме трех полков, оставшихся против Даву. Не зная, что Регенсбург находится в руках австрийцев, император приказал Даву отбросить корпуса Бельгарда и Коловрата в Богемию. Кроме того, в помощь Даву он направил корпус Лефевра. Для обеспечения тыла в Абенсберге остался корпус Удино, а у Рора — баварская дивизия Вреде.

Утром 21 апреля центральная группа наполеоновских войск двинулась на Ландсхут. Конница Нансути, имея в своей колонне Наполеона, выступила из Пфедфенхаузена, а Ланн с дивизией Вандама и кавалерией Бессьера начал наступление из Ротенбурга. Лефевр двинулся на север вдоль долины реки Гросс-Лабер.

Теснившиеся на двух дорогах, 6-й, 5-й и 2-й австрийские корпуса еще ночью начали отступление на Ландсхут. Все дороги и подступы к городу были забиты обозами, что сильно задерживало их движение. Французская кавалерия подошла прежде, чем дорога была очищена, австрийские войска еще не успели пройти через город. Северо-западнее и внутри Ландсхута завязался упорный бой. В то же время с запада на правом берегу реки Изар появилась головная дивизия корпуса Массена. Казалось, вот прекрасная возможность полностью уничтожить живую силу противника! Но командир дивизии Клапаред, после утомительных переходов в предшествующие дни не нанес удара по переправлявшемуся противнику. К тому же он «не получил от Массена приказа для атаки». Поэтому, когда сам Массена подошел к Ландсхуту, прикрывшись арьергардом, австрийцы уже переправились через Изар, разрушив за собой мосты, и начали планомерное отступление к реке Инн. В результате три австрийских корпуса избежали катастрофы, хотя и потеряли более 5000 человек и 25 орудий.

Между тем эрцгерцог Карл, имея два корпуса в районе Дюнцлинг, Паринг, Экмюль и корпус Лихтенштейна в

Регенсбурге, решил атаковать стоявшие перед ним «главные силы Наполеона», повернув при этом свой фронт на юг, чтобы обеспечить себе отступление на Регенсбург. Однако противник снова опередил его. Французы перешли в наступление прежде, чем австрийские войска получили приказ. Лефевр начал теснить передовые войска австрийцев с запада, а Даву со стороны Паринга. Но главные силы эрцгерцога после длительной перестрелки отстояли в этот день свои позиции. Во время боя передовых частей Карл, для придания большей устойчивости своему правому флангу, успел перебросить 3-й корпус к Дюнцлингу, оставив в Экмюле только 6-тысячный отряд Вукасовича.

В конечном итоге 21 апреля Наполеон не достиг серьезного успеха на общем фронте: группа Гиллера ускользнула от решающего удара, а группа Карла, обеспечив себе сообщение с Регенсбургом, получила возможность соединиться с корпусами Коловрата и Бельгарда.

Экмюль. 22—23 апреля

На войне предупредить — значит победить, а опоздать — быть разбитым.

Наполеон

Только в ночь на 22 апреля Наполеону стало известно из донесения Даву, что против последнего стоят крупные силы австрийцев и что Регенсбург потерян. Несмотря на создавшуюся возможность движения к австрийской столице, Наполеон остался верным своей стратегии — теперь он направил свои усилия против группировки эрцгерцога Карла, считая необходимым в первую очередь уничтожить живую силу противника. Имея под Ландсухтом около 100 000 солдат, император выделил лишь 15 000 пехоты и 3000 конницы под общим командованием Бессьера для преследования Гиллера и одну из дивизий Массена оставил у Ландсухта для обеспечения своих сообщений с Мюнхеном. С остальными войсками Наполеон на рассвете 22 апреля двинулся двумя колон-

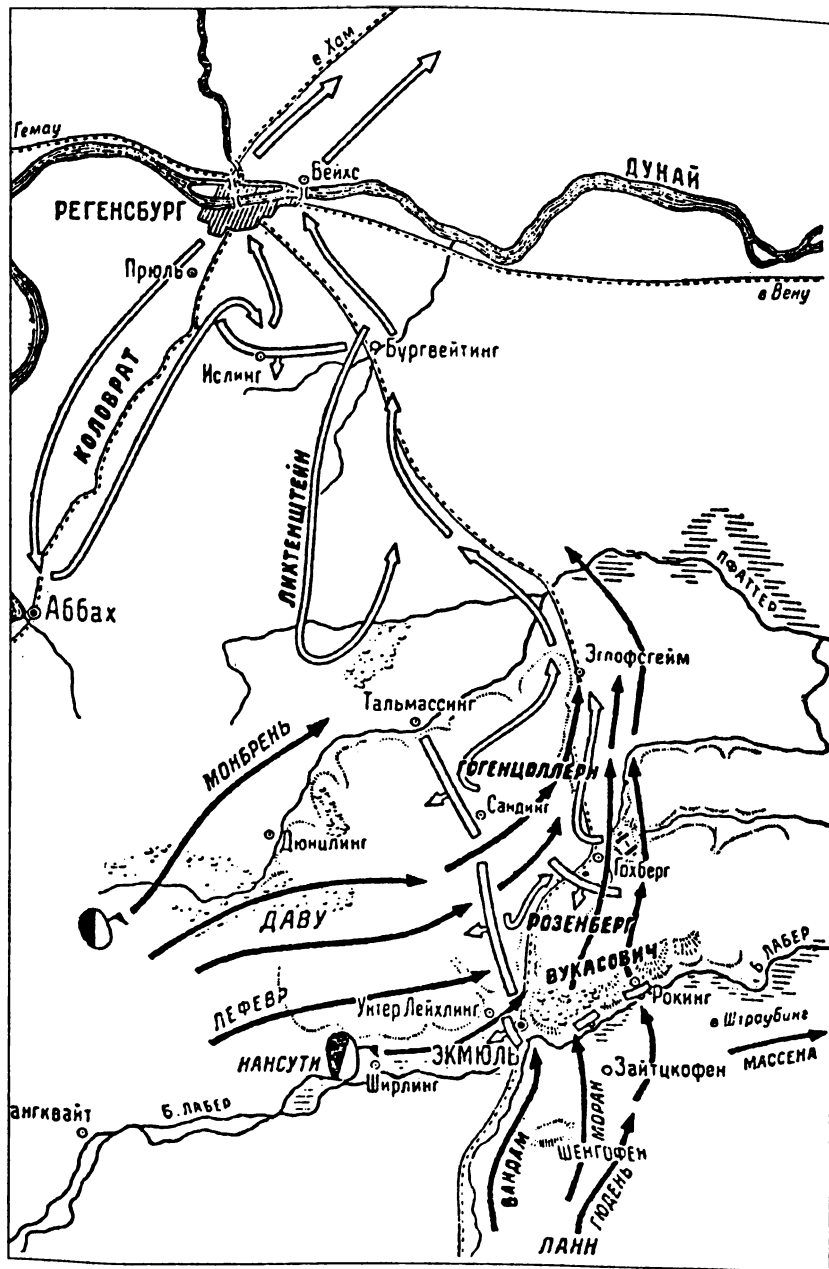
нами на север по Экмюльскому шоссе и параллельной ему восточной дороге. Теперь на Карла готовились обрушиться все силы французов — лишь 130 000 человек Наполеона, Даву и Лефевра, помимо корпуса Удино и подходившей к Нейштадту гвардии.

Австрийский главнокомандующий, так и не разобравшийся в ситуации, утром 22 апреля тоже решил перейти в наступление. Он рассчитывал и на поддержку группы Гиллера, судьба которой ему была неизвестна. Удерживая левый фланг на месте, Карл отдал приказ о переходе в наступление корпусов Коловрата, Лихтенштейна и Гогенцоллерна, пытаясь нанести удар французскому левому флангу. Успех был возможен, если бы намеченные передвижения действительно были начаты с утра. Однако необходимость предоставить хоть какой-то отдых только что возвратившемуся от Гемау корпусу Коловрата заставила австрийского главнокомандующего начать наступление только после полудня. Он опять проигрывал в темпе...

Бой завязался перестрелкой на участке корпуса Гогенцоллерна, а в 13 часов у Экмюля показали войска Наполеона, что послужило сигналом для перехода в наступление Лефевра и Даву. После непродолжительной артиллерийской подготовки они начали атаку на фронте Розенберга, развернувшего свои войска между Сандингом и Унтер-Лейхлингом. Боевой порядок Розенберга составляли две линии батальонов, между которыми на высоте Гохберг была поставлена 60-орудийная батарея. Гористый район расположения двух левофланговых австрийских корпусов способствовал обороне. Перелески, покрывавшие высоты, повышающиеся по мере протяжения их к северу, давали возможность скрытого передвижения войск. Заняв командные высоты, австрийцы имели большие преимущества в использовании своей артиллерии. Левый их фланг упирался в болотистую долину реки Гросс-Лабер.

Выйдя на высоту Шенгофен и разобравшись в обстановке, Наполеон решил охватить левый фланг австрийцев, упорно отражавших атаки Даву и Лефевра.

Дивизия Вандама была направлена для атаки Экмюля, а дивизия Гюдена должна была перейти реку Гросс-Лабер у Рокинга. Для захвата Экмюльской рощи, откуда

Сражение под Экмюлем. 22 апреля 1809 года.

противник своим огнем задерживал продвижение Вандама, была направлена дивизия Морана.

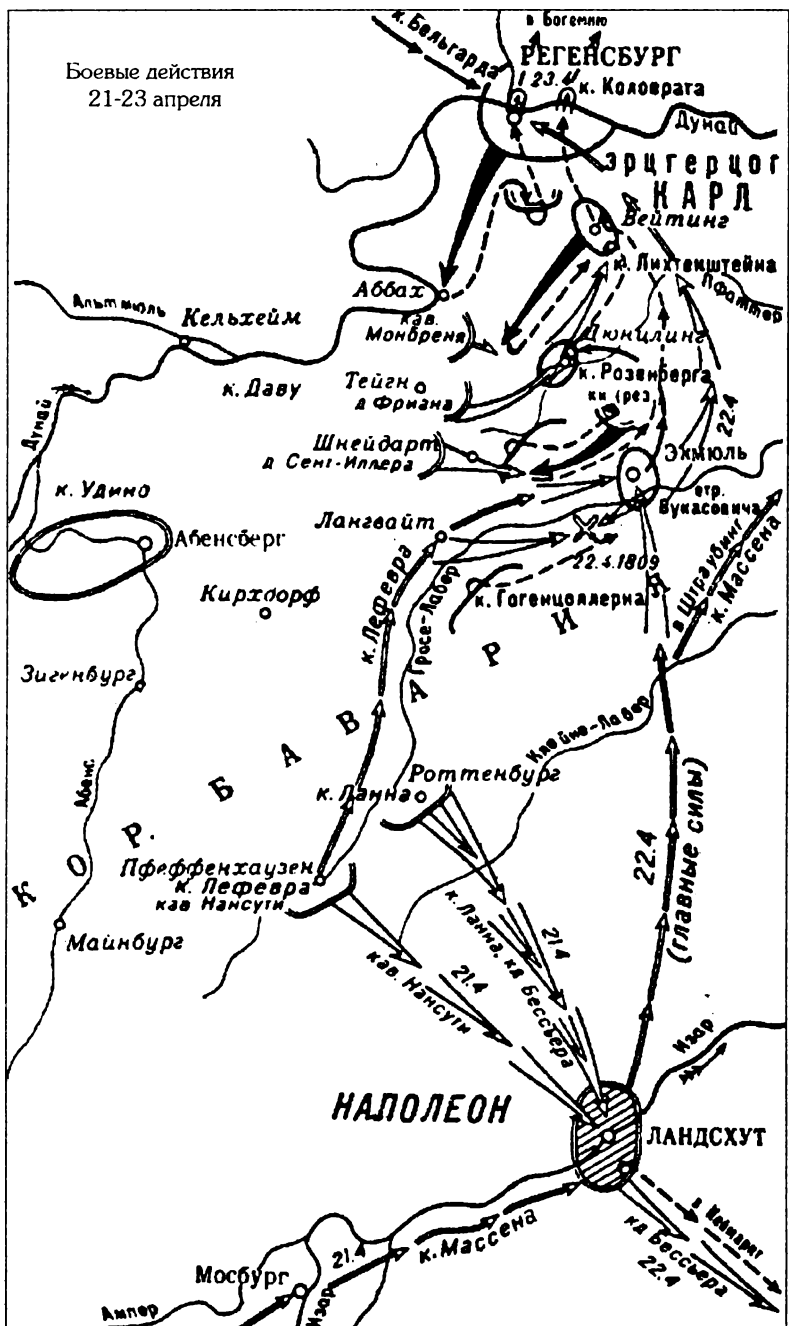
Мощная батарея австрийцев подавляла французскую артиллерию со стороны Гохберга, задерживая продвижение охватывающих дивизий Наполеона. И только тогда 10-тысячная французская конница, бесплодно топтавшаяся в болотистой долине реки у Ширлинга, была направлена императором для атаки батареи противника и рассеяла ее, Розенберг, охваченный французами, начал отходить после упорной трехчасовой обороны, одновременно войска Даву приблизились к Регенсбургскому шоссе. Хотя конница Гюгенцоллерна оказала Розенбергу поддержку со стороны Сандинга, он тем не менее не мог удержаться и продолжал отступать, преследуемый пехотой Даву.

Наконец последовал приказ эрцгерцога о переходе к обороне, причем оборонительная позиция намечалась к югу от реки Пфаттер. Однако энергичное преследование Наполеона заставило австрийцев отойти за линию Прюль—Ислинг—Бургвейтинг. Попытка австрийской конницы лихой атакой задержать французов у Эглофсгейма оказалась для нее роковой: прижатый превосходящими силами к берегам реки Пфаттер 2-тысячный кавалерийский отряд австрийцев был отчасти перебит, отчасти взят в плен.

К вечеру главные силы Наполеона достигли реки Пфаттер. Наступление темноты и запоздание Массена к полю сражения заставили Наполеона прекратить преследование и, в результате, австрийская армия, прижатая к излучине Дуная, избежала катастрофы. Между прочим в течение всего дня стратег Карл так и не сумел использовать войска Коловрата и Лихтенштейна для удара в тыл Даву, и на протяжении сражения эти два корпуса бездействовали.

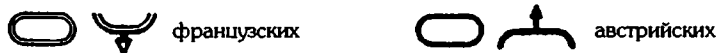
Потеряв свои сообщения с рекой Инн и лишившись значительной части обоза, что привело к почти полному истощению запасов продовольствия и боеприпасов, эрцгерцог решил отойти в Богемию, присоединив к себе 1-й корпус Бельгарда. В ночь на 23 апреля началось отступление на левый берег Дуная. Отход не был закончен, когда, завершая маневр, к Регенсбургу вышел корпус Ланна. И здесь австрийский арьергард встал насмерть. Наполе-

Боевые действия
21-23 апреля

Условные обозначения к предыдущей схеме:

Положение войск сторон к исходу 20 апреля:

Направления ударов войск сторон 21-23 апреля:

Положение войск сторон 21-22 апреля:

Сокращения на карте: кав. - кавалерия, к. - корпус

он, руководивший штурмом города, в разгар боя был ранен в ногу. Императору сделали наскоро перевязку, и он сейчас же велел посадить себя на лошадь и строго воспретил говорить о своей ране, чтобы не смутить солдат. Регенсбург был взят, но главные силы австрийцев в полном порядке успели переправиться через Дунай, затем арьергард уничтожил за собой мост.

В дальнейшем оба противника двинулись по направлению к Вене: Наполеон по правому берегу, Карл — по левому.

В пятидневной Регенсбургской операции Наполеон остался победителем, проложив себе путь к Вене. Однако решающего успеха эта операция ему не принесла, второго Ульма не получилось. Австрийская армия понесла большие потери — около 45 000 человек и 100 орудий, тогда как французы — только 16 000. Тем не менее группировки Карла и Гиллера избежали полного разгрома. Основная масса австрийской армии сохранилась и вскоре вновь вступила в борьбу.

Конечно, «нанести неприятельской армии потери в размере одной трети ее состава и расколоть ее на две части — это являлось бы для всякого другого генерала завидным результатом. Но для Наполеона, который имел полную возможность уничтожить эту армию... такой результат был недостаточен. Видя, что его планы наталки-

ваются на препятствия, получая ложные донесения, Наполеон был вынужден каждый день принимать новые решения. Эрцгерцог поступал таким же образом. В этом соперничестве Наполеон, в конце концов, одержал верх. Это было неудивительно. За ним было значительное численное превосходство. Его войска имели совершенно исключительную подвижность и превосходили все другие в бою. Маршалы вкладывали все свои силы в выполнение приказаний императора, а у австрийских корпусных командиров недоставало подготовки и дисциплины для осуществления решительного наступления. И, что важнее всего, Наполеон быстро принимал решения, безразлично, удачные или нет, и приводил их в исполнение с быстротой, решительностью и силой. Эрцгерцог же выжидал выяснения обстановки, медлил и события предрепреждали его. И лишь в значительной степени благодаря ошибкам Наполеона, который не только слишком поздно запер выход у Ландсхута, но и открыл новый у Регенсбурга, эрцгерцогу удалось спастись от гибели, хотя и со значительными потерями» (Шлиффен. Канны. М., 1938. С. 51).

Эсслинген. 21—22 мая

В этом сражении пали генералы — герцог Монтебельский и Сент-Иллер, — оба герои и лучшие друзья Наполеона. Смерть их исторгла слезы из глаз его...

Наполеон. Эсслинген

13 мая 1809 года Наполеон вступил в Вену. Казалось, кампания шла к быстрому завершению. Однако заняв столицу, император не достиг мира. Все еще сильная армия эрцгерцога Карла, с присоединившейся к нему группой Гиллера, к 16 мая сосредоточилась напротив Вены. У Карла теперь было 105 000 солдат при 288 орудиях. Главные его силы располагались на левом берегу Дуная — Бизамбергских высотах с наблюдательными постами, разбросанными вдоль течения реки от Кремса до Пресбурга.

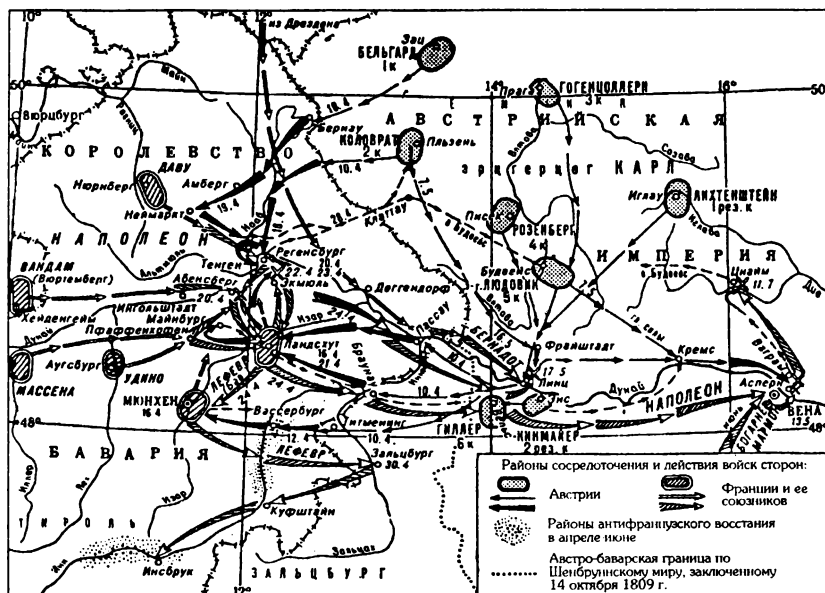
Карл не торопился с началом наступательных действий. Необходимо было организовать войска после неудачных сражений. Корпус Кинмайера влился в 1-й резервный корпус. Кавалерия была объединена под командованием Лихтенштейна. Батальоны пополнились за счет ландвера до полного состава. Проводились усиленные занятия в духе нового устава. Новым, непохожим на прежние войны было и боевое настроение, и воля к борьбе австрийской армии. Все сильнее проступало стремление австрийцев сохранить и отстоять свою национальную и государственную самостоятельность. Народы Австрийской империи не хотели жить под пятой завоевателя. Наполеону пришлось в этом убедиться вскоре после падения Вены. Хотя бургомистр и преподнес ему ключи от города, но это не было воспринято австрийцами как конец войны, никто не спешил с предложениями мира. Напротив, неудачи еще более ожесточили народ и армию, сознание опасности умножило их силы. Наполеон недооценивал совершившиеся изменения, он судил об австрийской армии по старинке. Но он не мог ждать, войну необходимо было заканчивать и побыстрее.

В течение нескольких дней противники находились в непосредственной близости друг от друга, отделенные изрезанными рукавами и островами участков нижнего Дуная. Главные силы Наполеона были сосредоточены в Вене и вокруг города, ожидая подхода корпусов Вандама и Бернадота. Наконец, опасаясь дальнейшего усиления Карла, Наполеон решил снова начать наступательные действия (так и не дождавшись предложений о мире). Противники имели почти равные силы, между тем французский император рассчитывал на неустойчивость австрийских частей в связи с неудачами под Регенсбургом и нерешительностью эрцгерцога. Поэтому Наполеон решил переправиться через Дунай, разбить противника и закончить войну с Австрией, после чего поторопиться с возвращением в Испанию, где англичане высадили новый десант.

Сначала Наполеон предполагал переправиться у Кремса, но опасение потерять Вену заставило его искать переправу непосредственно возле австрийской столицы, хо-

тя течение реки здесь пересекалось множеством рукавов и островов, что требовало больших усилий для наведения понтонных переправ перед лицом противника. В результате всего пунктом переправы был избран остров Лобау. Рукав, охватывавший его с востока, представлял наиболее удобный для переправы участок, не требуя мостов большой ширины. Имея 15 километров в окружности и частично покрытый лесом, Лобау был удобен для размещения на нем крупных сил. Низменная равнина, примыкавшая к острову со стороны неприятельского берега, могла обстреливаться с Лобау перекрестным огнем, а лежащие у левого берега Дуная селения Энцерсдорф, Эсслинген и Асперн с рядом каменных строений, могли служить естественными опорными пунктами. Наметив переправу у острова Лобау, Наполеон приказал в то же время строить мост у Нурсдорфа, желая ввести австрийцев в заблуждение. (Это строительство у Нурсдорфа встретило отпор со стороны австрийцев, зато внимание от Лобау было отвлечено.)

За четыре дня на остров были проведены временные мосты из собранных на реке судов, перекрытых доска-

Выход к Вене.

ми, и войскам было предписано сосредоточиться у пунктов переправ.

Вечером 18 мая на Лобау высадился отряд французской кавалерии, отбросивший передовые посты австрийцев, а в течение 19 и 20 мая были наведены мосты через восточный рукав Дуная у деревни Гросс-Энцерсдорф. Кстати, готовясь к операции, Наполеон был недостаточно осведомлен о силах австрийцев и склонен к их преуменьшению. Между тем вся австрийская армия стояла фактически напротив наводимых переправ, растянувшись дугой от Биземберга до Маркграфа Нейзиделя.

В ночь на 21 мая французские части под командованием Ланна и Массена переправились на левый берег Дуная, захватили Эсслинген и Асперн, разместив в промежутке между этими селениями конницу. Только к 15 часам, когда французы имели на левом берегу уже 35 000 человек и 50 орудий, эрцгерцог Карл перешел в наступление пятью колоннами в попытке сбросить французов в реку. В то же время к Шпицу был направлен австрийский отряд для спуска вниз по течению реки брандеров.

На правом фланге австрийцев корпуса Гиллера и Бельгарда начали наступление на Асперн, имея в своем тылу корпус Рейса, который остался у Бизамберга. Несколько раз селение, занятое войсками Массена, переходило из рук в руки. Корпус Гогенцоллерна, поддержанный конницей Лихтенштейна, вступил в центре в бой с кавалерией Бессьера, который бросился на противника, развернув в одну линию все свои 16 эскадронов. Войска Розенберга наступали на Эсслинген, энергично защищаемый войсками Ланна. Карл бросил в бой сразу около 80 000 бойцов. До 20 часов продолжался упорный бой, в результате которого французы, несмотря на двойное превосходство австрийцев, удержали за собой Эсслинген и восточную часть Асперна. На фронте корпуса Гогенцоллерна французы сумели уже продвинуться несколько вперед. После 20 часов Карл прекратил атаку и лишь продолжал артиллерийский обстрел противника до темноты.

В ночь на 22 мая Наполеон усилил свою левобережную группу до 70 000 человек и 144 орудий, решив с утра перейти в наступление с целью прорыва фронта авст-

рийцев и охвата их левого фланга. Охват возлагался на войска Ланна, за которыми во второй линии была поставлена гардия.

На рассвете, отбросив австрийцев, начавших атаку селений, французы перешли в наступление, частично прорвав фронт на участке Гогенцоллерна. Так же удачно начал наступление Ланн, однако австрийцы проявили большое упорство, постоянно пытаясь контратаковать. Около 16 часов австрийцы прекратили атаки и даже готовы были отступить. Но тут случилось непредвиденное...

Постоянно поднимавшиеся в последние дни воды Дуная смыли временные мосты. Дальнейшее усиление французской левобережной группы оказалось невозможным. Подготовившийся к переправе у Эберсдорфа корпус Даву застрял на правом берегу. А главное — слух о гибели моста через главный рукав Дуная произвел смятение в рядах наполеоновских войск. Толпы солдат бросились к переправам, неся огромные потери от огня неприятеля. Отрезанные от главных сил, израсходовав боеприпасы, Ланн и Массена стали отступать. Французские ряды, скученные на небольшом пространстве, буквально выкашивались австрийской артиллерией. Во время этого боя был смертельно ранен маршал Ланн. Неприятельское ядро раздробило и почти оторвало ему обе ноги, он умер на руках у Наполеона неделю спустя.

К наступлению темноты французы продолжали удерживать небольшой участок левого берега, но в ночь на 23 мая Наполеон решил отступить на остров Лобау. В то же время эрцгерцог Карл отвел свои войска, обстреливаемые с острова французской артиллерией, к Бизамбергским высотам и высотам по ручью Руссбах, оставив в Эслингене и Энцерсдорфе свой 6-й корпус.

Двухдневные бои под Эслингеном—Асперном стоили Наполеону больших потерь — около 37 000 человек, в том числе 24 генерала, потери австрийцев — около 27 000 (13 генералов). Наполеона постигла полная неудача. Излишняя вера в успех и недооценка возросших боевых качеств австрийской армии толкнули императора на недостаточно обеспеченную операцию. Против францу-

зов стоял новый солдат, уже не склонный бежать с поля сражения.

А главное, весть о неудаче в сражении у Эсслингена мгновенно облетела всю Европу, поколебала веру в непобедимость прославленного полководца. Все считали, что французская армия оказалась в очень тяжелом положении. Даже Ланн, умирая, шептал: «Спасите армию...» Однако Наполеон не пал духом. Он вообще никогда не отчаивался, и чем сложнее была ситуация, тем хладнокровнее он становился. Император решил остаться на острове и готовиться к новой переправе..

Кстати, сам Наполеон до конца своей жизни и не признал, что потерпел поражение. Предоставим ему слово: «Было ли Эсслингенское сражение проиграно потому, что атаковали центр неприятеля в колоннах? Или же мы проиграли его вследствие военной хитрости эрцгерцога Карла, который сорвал наши посты, напал на нас в этом критическом положении, имея 100 000 человек против 45 000?»

Но, во-первых, мы не проиграли Эсслингенского сражения, а выиграли его, потому что поле сражения от Асперна до Эсслингена осталось в нашей власти, во-вторых, герцог Монтебелльский (Ланн — В. Б.) атаковал не в колоннах, а в развернутом строю... он маневрировал искуснее всех других генералов армии, в-третьих, не эрцгерцог сорвал наши мосты, а Дунай, который за трое суток поднялся на 14 футов».

О событиях 21 мая: «В победе можно было не сомневаться, но после полуночи вода в Дунае стала ужасающе прибывать. Переправа войск по мосту снова была прекращена, и возобновить ее удалось только с рассветом».

О событиях 22 мая: «Молодая гвардия направилась уже к флангу неприятельского левого крыла, но тут продвижение победоносных войск пришлось задержать, мосты снова были сорваны силой потока, некоторые понтоны были унесены на два лье... Восстановить их можно было только через несколько дней. Все это было ужасно некстати, но оперативный план был таким мудрым и глубоко продуманным, что армия не могла подвергнуться никакой опасности и, в худшем случае, вновь

заняла бы свои позиции на острове Лобау, где она была недосыгаема...»

Узнав о гибели мостов «император послал князю Эсслингенскому (Массена — В. Б.) и герцогу Монтебельскому приказ остановиться и постепенно отступить в прежнее расположение. Первый примкнул свой левый фланг к середине деревни Асперн... второй стал между Асперном и Эсслингеном, примкнув правое крыло к последнему. Этот маневр был произведен, как на параде; неприятель, потерявший уже надежду и отступавший, с изумлением остановился, ничего не понимая в этом отступательном движении французов; но скоро он узнал, что мосты их снесены; центр его занял прежнюю позицию.

Было около 10 часов утра; с этого момента и до четырех часов пополудни, — следовательно в продолжении шести часов, — 100 000 австрийцев с 500 орудиями тщетно и безуспешно атаковали 50 000 французов, имевших на позициях не более 100 орудий и принужденных бегать снаряды вследствие недостатка в них.

Весь успех сражения зависел от захвата селения Эсслинген; эрцгерцог сделал все, что следовало, пять раз атаковал его свежими войсками; два раза овладевал им и пять раз был из него вытеснен. Наконец в три часа пополудни император приказал своим адъютантам, генералу Раппу и храброму графу Лобаускому, стать во главе Молодой гвардии и тремя колоннами бросаться в штыки на неприятельские резервы, готовившиеся к шестой атаке. Австрийцы были разбиты и победа обеспечена. Эрцгерцог не имел более свежих войск и отошел на позицию; ровно в 4 часа прекратился огонь, хотя в это время года можно сражаться до 10 часов вечера. Таким образом, мы в течение шести часов удерживали за собой поле сражения...»

Затем около 18 часов император «отправился на остров Лобау и объехал его... Дунай в течение трех суток поднялся на 28 футов. Низменные участки острова были затоплены. Он возвратился к малому мосту, приказал армии в полночь переправиться обратно... и расположиться на острове Лобау. Корпус князя Эсслингского переночевал на поле сражения и переправился только назавтра, в 7 часов утра. Таким было Эсслингенское сражение;

пока мы владели островом Лобау, мы имели все, чтобы обеспечить себе владение Веной, удерживать которую стало бы невозможно, если бы мы потеряли этот остров». (Наполеон. «Сражение при Эсслингене»).

Как видим, стороны расходятся не только в оценке результатов, но и ход сражения описывают совершенно по-разному. Хотя к воспоминаниям бывшего императора нужно несомненно относиться критически, но он все-таки был при Эсслингене, в отличие от многих историков.

Приведем мнение еще одного очевидца — генерала Ронья: «Мы проиграли сражение при Эсслингене, потому что атаковали в колоннах центр австрийских сил. Последний постепенно отступил, а между тем фланги австрийской армии, подаваясь вперед, приблизились к нашим крыльям. Вследствие такого искусного маневра мы очутились в центре полукруга, под перекрестным пушечным и ружейным огнем противника, истреблявшим наши несчастные колонны».

Как видим, взгляд на происходящие события зависит и от уровня, занимаемого мемуаристом: маршал и рядовой напишут совершенно по-разному. Ну как тут не вспомнить известный афоризм, что история — это только мнение людей, которые ее пишут.

Ваграм. 5—6 июля

При Ваграме была скорее не победа, а истощение обеих сторон, которое и привело к заключению мира.

Шиффен. Канны

Сражение выигрывают большие батальоны.

Наполеон

Бежавший из Вены двор и австрийское правительство ликовали и готовились к возвращению в столицу. Эсслинген был воспринят Европой как свидетельство кризиса империи. Поражение, притом первое, на этот раз потерпел не какой-нибудь генерал, а сам император. Он

непосредственно руководил сражением, и с ним были его лучшие маршалы — Ланн, Массена, Даву, и все они оказались бессильны против австрийцев. Престижу империи был нанесен огромный урон. Положение осложнялось еще и тем, что на Пиренейском полуострове после отъезда Наполеона дела пошли из рук вон плохо. В Испании разгоралась и герилья, в Тироле вспыхнуло национально-освободительное восстание под руководством Андреаса Гофера, на севере Германии объявились «гусары смерти» майора Шилле, разворачивались отряды немецких партизан. Наполеон отдавал себе отчет, что пока он сидит в Вене, враждебные ему силы поднимают голову. Но в час опасности он сохранил величайшее хладнокровие.

Его главные усилия были направлены на то, чтобы обеспечить решающий перелом в ходе войны. Противник оказался значительно сильнее, чем в прежних кампаниях. Значит, решил император, надо лучше подготовиться к предстоящему сражению. Хотя Лобау, по мнению многих, не был идеальным плацдармом для наступательных операций, Наполеон по политическим соображениям, которые никогда не отделял от чисто военных, не считал возможным его оставить. Остров был бы немедленно занят австрийцами, а там — Вена. Общественное мнение восприняло бы это как крупную победу Австрии. Следовательно, надо было сперва укрепиться на острове, построить несколько прочных мостов, наконец, накопить в достаточном количестве силы для наступления.

Переодетый в форму сержанта, дабы не быть узнаваемым, со свитой в солдатских мундирах Наполеон то в одном, то в другом конце острова наблюдал и проверял, как ведутся работы, каково настроение солдат. В несколько недель Лобау был превращен в мощный плацдарм для переправы. Каждый день здесь кипела работа, строились шоссе с прочными мостами, госпитали, магазины с продовольствием и т. п. Временная переправа из различного типа судов, перекрытых досками, на этот раз предназначалась только для пехоты. Рядом был построен крепкий и широкий мост на сваях. Его безопасность обеспечивалась прочной эстакадой, а также специально

созданной флотилией судов с орудиями. Меры, предпринятые французами, настолько сильно укрепили остров и подготовили его к предстоящей переправе, что Наполеон с полным основанием мог заявить перед началом операции: «Нет более Дуная!» В то же время в целях демонстрации наводился мост у Шпица, что заставило Карла подтянуть сюда 23-тысячный корпус Рейса.

Накануне наступления Наполеон в значительной мере усилился. Закончив борьбу на второстепенных театрах военных действий к главным силам императора присоединились войска Богарне и Мармона. Прибыли маршевые батальоны из Франции, подошли корпус Бернадотта и дивизия Вреде. Были обменены военнопленные. Закупался и реквизировался конский состав. Введена была полковая артиллерия — 2 орудия на полк. Корпус Массена продолжал оставаться на острове Лобау, наблюдая за противником, располагавшимся по-прежнему против него на левом берегу Дуная. К моменту второй переправы император имел уже 170 000 человек и 584 орудия.

Эрцгерцог Карл за это время не сумел собрать достаточно сил. Значительная часть австрийских войск оставалась на второстепенных театрах военных действий, а также использовалась для отвлечения тыла, за который опасался осторожный Карл. Прикрывая пути в Богемию, его войска располагались на Бизамбергских и Руссбахских высотах с передовыми частями по линии Асперн—Энцерсдорф, укрепленной редутами, люнетами и траншеями для стрелков. Подробнее: австрийцы занимали линию высот ручья Руссбах и холмов от деревни Маркграф Нейзидель до Бизамбергских высот. На правом фланге у подошвы Бизамбергских высот стоял корпус генерала Кленау (замена Гиллера). В центре австрийских позиций расположился корпус Лихтенштейна. Левый фланг занимали корпуса Бельгарда и Розенберга, расположившиеся за Руссбахом между Ваграмом и Нейзиделем. Общая протяженность австрийской позиции составляла 21 километр. Перед линией расположения войск Карл выставил авангард — 14 000 солдат Нордмана и сторожевые посты. Хотя эрцгерцог избрал оборонительную тактику, в австрийских войсках чувствовался подъем, после удачной битвы под Эслингеном. Перед

сражением в пункте решительного столкновения их силы насчитывали 110 000 человек и 452 орудия. К тому же он послал приказ своему брату Иоанну, находившемуся

Евгений Богарне (1781–1824), вице-король Италии.

уже неподалеку, двигаться к нему для соединения. Получается, что в предстоящей битве впервые в истории войны должны были участвовать более 1000 орудий(!!!).

Еще 2 июля, наблюдая за французами с высоты Бизамбергской обсерватории, австрийцы обнаружили скопление наполеоновских войск на правом берегу Дуная, а в последующие два дня отмечали движение крупных сил французов на острове Лобау. В конце дня 4 июля Карл приказал открыть сильный артиллерийский огонь по острову, однако при дальности стрельбы того времени и глубине острова обстрел оказался безрезультатным.

С наступлением темноты 4 июля Наполеон начал переправу через восточный участок рукава, ниже Энцерсдорфа, выдвигая войска правым флангом вперед в обход австрийских оборонительных сооружений на линии Асперн—Энцерсдорф. Переправа обеспечивалась частями корпуса Удино. Обнаружив движение противника на острове, австрийцы открыли артиллерийский огонь по северной части Лобау, где французы переправлялись в мае, а теперь только произвели удачную демонстрацию. Под проливным дождем и при весьма энергичной артиллерийской перестрелке Наполеон лично руководил переправой войск. К 23 часам корпус Удино вышел на противоположный берег и сбил передовые посты австрийцев, нацелив свой удар против Энцерсдорфа. Передовые французские части переправились на паромках, и как только они зацепились за берег, с Лобау были наведены семь переправ на понтонах, судах и плотках.

Заметив начало переправы, австрийцы открыли огонь, пытаясь не дать французам навести мосты и закрепиться на левом берегу. В дополнение ко всему началась гроза и пошел дождь. Удары грома слились с раскатами орудий. Вскоре запылал Энцерсдорф, и пламя, раздуваемое пронзительным ветром, осветило переправу многих тысяч людей.

К рассвету корпуса Удино, Даву и Массена развернулись в боевом порядке на Мархфельдской равнине, примыкая левым флангом к Дунаю, а правым заходя к северу. В 9 часов был взят Энцерсдорф. Передовые части авангарда Нордмана с боем стали отходить, преследуемые французской конницей. Карл, поздно узнавший о переправе противника, решил принять оборонительный бой, оставаясь на своих укрепленных позициях (части

Нордмана отступили к Бизамбергским высотам на правый фланг австрийской позиции).

С этого момента в руках Наполеона оказался плацдарм на левом берегу Дуная. Вся армия мощным потоком хлынула по мостам на противоположный берег. Поняв, что сбросить французов в Дунай не удастся, эрцгерцог принял решение обороняться на очень выгодной руссбахской позиции, которая в умелых руках могла стать неприступной...

К полудню армия Наполеона выстроилась в три линии перед австрийцами. Первую линию составляли войска Даву, Удино и Массена. Силы вице-короля Италии Богарне и генерала Мармона составляли вторую линию, гвардия и резервная кавалерия — третью. Корпуса Наполеона, стесненные полковой артиллерией, наступали медленно, и лишь к 18 часам вся французская армия приблизилась к ручью Руссбах и стала на боевые позиции. За это время Наполеону удалось ознакомиться с расположением неприятеля и сделать несколько важных выводов.

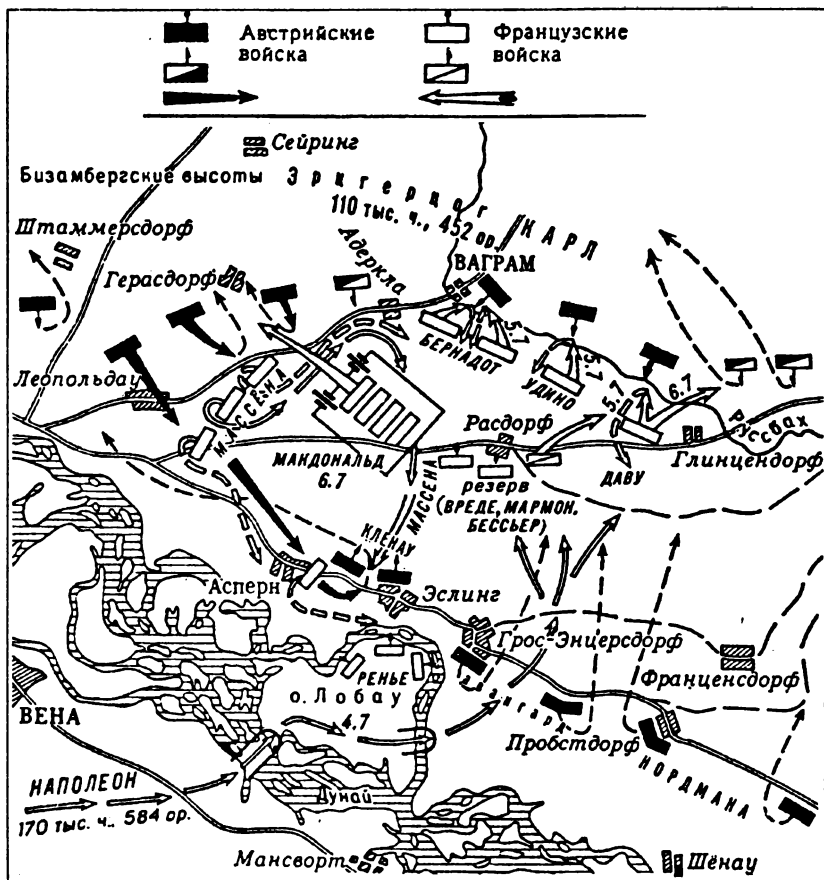
Во-первых, силы австрийцев были весьма растянуты, а значит, сосредоточив удар в одном направлении, можно было прорвать их линию обороны. Во-вторых, Наполеону донесли, что войска Иоанна находятся еще достаточно далеко и не успеют подойти к месту боя вовремя.

Руссбахская позиция, занимаемая австрийцами, представляла собой возвышенное плато над Мархфельдской долиной, отделенное от нее долиной ручья Руссбах. На участке плато, скатами обращенного к Дунаю, находились три селения: Ваграм, Баумерсдорф и Маркграф Нейзидель. Против этих пунктов и были направлены основные удары французов.

Пассивность австрийцев побудила Наполеона начать немедленную атаку их пятикилометровой позиции, занятой корпусами Бельгарда, Гогенцоллерна, Розенберга и Нордмана, общей плотностью боевого порядка около 15 000 человек на 1 километр. Оставив в резерве гвардию, резервную кавалерию и дивизию Вреде, Наполеон послал в атаку на Руссбахские высоты около 85 000 солдат. Даву с некоторым опозданием бросился на Маркграф Нейзидель, левее его Удино атаковал Баумерсдорф, войска Богарне двинулись в промежуток между Баумер-

сдорфом и Ваграмом, а Макдональд атаковал Ваграм при поддержке слева корпусом Бернадота.

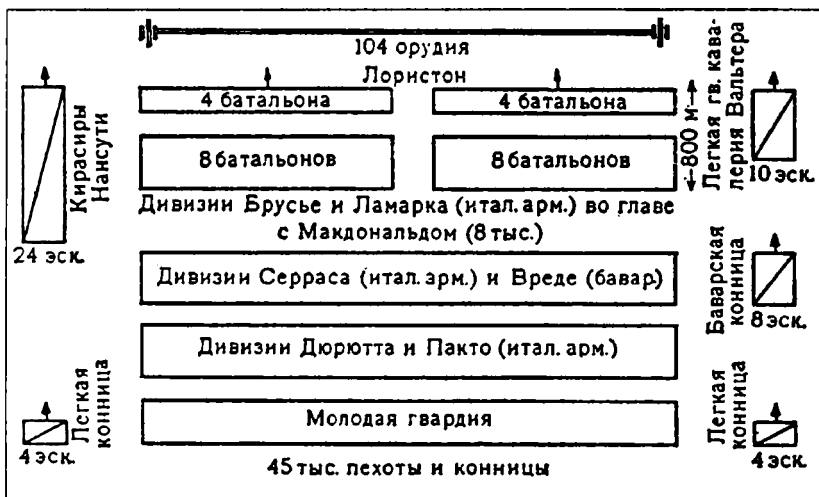
Австрийцы встретили нападающих плотным артиллерийским и ружейным огнем, а потом неоднократно ходили в контратаки. Несмотря на численный перевес, французам не удалось выполнить поставленных задач.

Сражение у Ваграма. 5-6 июля 1809 года.

Атака Даву, поддержанная справа перешедшей Руссбах конницей Груши и Монбрена, была отбита. Взобравшиеся на высоты войска Удино, после двух атак, вынуждены были отступить за Руссбах с серьезными потерями, поражаемые фланговым огнем из Баумерсдорфа.

С огромными потерями были отброшены густые колонны Богарне. Макдональду первоначально сопутствовал успех. Перейдя Руссбах, он опрокинул первую австрийскую линию Бельгарда, но не получив поддержки ни кавалерией, ни артиллерией, оставшимися за ручьем, не смог закрепить достигнутого. В чуть было не обозначившийся прорыв бросился лично эрцгерцог Карл с полком, его поддержали части корпуса Гюгенцоллерна. Совместной контратакой австрийцы вынудили Макдональда к отступлению. Отходившие уже в темноте части Макдональда смешались: так, итальянская дивизия приняла дивизию саксонцев (союзников Наполеона) — за австрийцев и открыла по ним огонь. Возникшую неразбериху усилила неприятельская конница. Войска бросились за Руссбах, спасаясь от смерти. Заметив это, австрийцы стали преследовать отступающие в беспорядке войска и обратили их в бегство. Да! Это были уже совсем другие австрийцы!!! Лишь своевременная контратака француз-

Построение колонны Макдональда 6 июля.

ской конницы спасла части итальянской армии от разгрома. В результате французы с большими потерями были отброшены по всей линии, а одна из дивизий Бернадота, оказавшаяся окруженной в Ваграме, была практически уничтожена. В наступившей темноте войска Напо-

леона в беспорядке начали отходить, а когда войска второй линии приняли отступавшие передовые части за противника, отступление превратилось в бегство.

В 23 часа канонада с обеих сторон стала стихать, войска разошлись по бивакам. Таким образом, первый день под Ваграмом оказался для Наполеона неудачным, французы были отбиты на всех участках. Фронтальная и неодновременная атака укрепленных позиций плотными массами без тщательной разведки и достаточного артиллерийского обеспечения привела к большим потерям французов и успеха не имела. (Причины — недостаточное знакомство с местностью, позднее время начала атаки.) Чрезмерная плотность боевого порядка наполеоновской армии при наступившей темноте препятствовала применению артиллерии, а также рассыпного строя стрелков.

Карл, в свою очередь, не использовал предоставившуюся возможность для нанесения удара правым крылом во фланг Наполеона. Почти неиспользованным оказался 18-тысячный резерв конницы Лихтенштейна.

Австрийцы потеряли в этот день около 4000 человек, Наполеон — примерно 8000. К ночи наступила тишина. Карл оставался на месте, не преследуя противника, а Наполеон собрал свои утомленные войска ближе к Лобау и всю ночь совещался с маршалами, что он делал только тогда, когда признавал обстановку тяжелой.

Ободренный Карл решил 6 июля удержать часть своих сил на левом фланге Руссбахской позиции, а с остальными войсками атаковать противника правым флангом и отрезать его от Дуная. Одновременно силам левого фланга необходимо было войти в сообщение с армией эрцгерцога Иоанна и совместно ударить по французам. Отданным приказом предусматривалось начало наступления корпусов Кленау, Коловрата и гренадер в 3 часа утра. Корпусу Бельгарда, при содействии кавалерии Лихтенштейна, предписывалось начать атаку Адеркла в 4 часа. Корпус Гюгенцоллерна должен был оставаться на месте, содействуя наступлению своих соседей только артиллерийским огнем. Розенберг получил приказ атаковать Даву совместно с 15-тысячным корпусом Иоанна, которому еще вечером 4 июля было приказано двигаться

из Пресбурга к полю сражения. Корпус Рейса получил задачу по наблюдению за берегом Дуная от Шпица и далее вверх по течению. Если в Регенбургской операции принятые австрийским уставом 1809 года новые боевые порядки почти не применялись, то в приказе о наступлении 6 июля Карл требовал от пехоты построения в батальонные колонны или каре со стрелковой линией впереди. В общем, австрийцы были настроены по-боевому, хотя план охвата с обеих флангов армии, численно превосходящей австрийскую и расположенной сосредоточенно, заключал в себе большую опасность. Расчеты на своевременное прибытие Иоанна могли оказаться ошибочными, а управлять разбросанной армией очень трудно. Принятая и разосланная эрцгерцогом ночью диспозиция распределила силы австрийцев равномерно на протяжении около 27 километров, не оставляя даже общего резерва.

План Наполеона заключался в том, чтобы прорвать фронт австрийцев в центре и захватить пути на Моравию, Богемию и Венгрию. На поле боя это должно было выразиться в стремлении овладеть с фронта участками Адеркла—Ваграм и Ваграм—Нейзидель, заставить австрийцев очистить Руссбахский фронт и отрезать Карла от отряда Иоанна. Соответственно этому в ночь перед сражением были отданы приказы: корпус Даву должен был охватить левый фланг австрийцев и при содействии артогня на фронте Удино и Богарне заставить Карла покинуть Руссбахские высоты. Массена было приказано оставить под Асперном одну дивизию, а остальные части корпуса сосредоточить к Адеркла. Крупный резерв Наполеона оставался в Расдорфе.

6 июля в 4 часа утра австрийские войска левого фланга тремя колоннами спустились с высот и под прикрытием тумана атаковали позиции маршала Даву. При содействии энергичного артиллерийского огня Розенберг двинул свои войска к Гроссгофену и Глинцендофу. Заслышав канонаду и решив, что это подошли в помощь австрийцам войска эрцгерцога Иоанна, Наполеон бросился с двумя кирасирскими дивизиями и конной артиллерией к своему правому флангу и вместе с перешедшими в контратаку солдатами Даву отбросил австрийцев. Генерал

Резенберг, не возобновляя наступления, остановился на Нейзидельских высотах.

В 7 часов утра австрийцы развернули свои войска между деревнями Адеркла и Ваграм и завязали артиллерийскую дуэль с французами. Одновременно с этим им удалось взять саму деревню Адеркла, так как стоявший здесь накануне маршал Бернадот самовольно оставил этот пункт. Пытаясь исправить ошибку, Бернадот двинул свой корпус в промежуток между Адеркла и Ваграмом, но, попав под перекрестный огонь противника, отступил с тяжелыми потерями. В тоже время на правом фланге австрийцев перешли в наступление Кленау, Коловрат, гренадеры и конница Лихтенштейна. В центре подоспевшие на помощь Бернадоту части Массена сумели отбить Адеркла. Но в результате дальнейшего боя на левом фланге Наполеона австрийцы занимали охватывающее положение по линии Асперн—Брентенли—Адеркла—Нейзидель.

Около 10 часов правый фланг австрийцев продолжал продвигаться вперед, чтобы отрезать французов от мостов на Дунае. Вставшая на их пути дивизия генерала Ж. Буде после упорного боя была вынуждена отступить. Наполеон оказался в тяжелом положении: противнику удалось создать непосредственную угрозу переправе, где уже слышалась стрельба. Поспешив к Адеркла и ознакомившись с обстановкой, Наполеон решил сдерживать австрийцев по всему фронту, а против их центра сосредоточить ударную группу войск с целью последующего прорыва. В связи с этим генерал Удино получил приказ ограничиться артиллерийской дуэлью против Баумерсдорфа и дожидаться, когда Даву на правом фланге поднимется на Нейзидельские высоты, чтобы затем начать атаку на Ваграм. Массена, подкрепленному двумя дивизиями конницы, он приказал двинуться на Асперн для удержания противника, подходившего к переправам. В оставленный Массена участок была выдвинута кавалерия Бессьера, а Макдональд с пятью дивизиями из состава Итальянской армии Богарне получил задачу нанести удар в направлении Зюссенбрунна. Поддержать его должны были остальные войска Богарне, корпус Мармона, дивизия Вреде и гвардия.

В самом центре Макдональд формировал ударную колонну в 45 000 человек и готовился к решительному удару. Перед его войском была устроена 104-орудийная батарея под командой генерала Друо и маршала Лористона, которая должна была в нужный момент проложить коридор в австрийских рядах. Однако для этого требовалось время. Тогда, чтобы удержать рвущихся австрийцев, Наполеон послал в бой конницу Бессьера. 40 эскадронов кирасир и гвардейской конницы вихрем налетели на австрийский гренадерский корпус и остановили его. Жестокая схватка французской конницы дала свои результаты. Время было выиграно, и Макдональд закончил построение своей колонны.

Пока ударная колонна формировалась, Массена совершал свой фланговый марш перед крупными силами противника, двигаясь тремя дивизиями в одной колонне, прикрытой справа конницей. Кленау, заняв Асперн отбросил дивизию Будэ к Лобау и создал угрозу Массена, захватив Эсслинген. Но Массена перешел в наступление, и Кленау отступил на Гирштетен.

Между тем к 12 часам войска Макдональда выстроились за 104-пушечной конной батареей. Их фланги прикрывали кирасиры Нансути и легкая гвардейская конница. Наполеон ждал лишь того момента, когда Даву взойдет на Нейзидельские высоты. И этот момент наступил. В 13 часов Даву после нескольких отбитых атак по трупам своих и чужих солдат все же взошел на высоты и взял штурмом опорный пункт австрийцев — Нейзидельскую башню. Увидев это, Удино активизировал свои действия. Постоянно наращивая натиск, он смял австрийцев и поставил их под перекрестный огонь. Поняв, что успех на правом фланге обеспечен, Наполеон отдал приказ Макдональду — в атаку.

104 орудия разом изрыгнули пламя, обрушив на австрийские позиции шквал огня и сметая все на своем пути. После этого удара вперед медленно двинулась 45-тысячная колонна. По всем расчетам ничто не должно было устоять перед этим тараном. Но австрийские солдаты 1809 года были уже не те, что в 1800 и 1805 годах. Жестоко побиваемые своими «учителями», они решили на этот раз показать, что кое-что все же запомнили из полученных

уроков. Макдональд был встречен плотным огнем. Через некоторое время он потерял половину своих людей и вынужден был остановиться. Тогда со всех сторон австрийцы пошли в штыковую атаку, желая во что бы то ни стало довершить начатое дело. Макдональд отбивался умело, его солдаты отразили все атаки, к Наполеону полетел гонец с просьбой о подкреплении.

Тем не менее исход битвы уже четко вырисовывался.

Несмотря на свою храбрость, австрийцы терпели поражение на всех пунктах, а французы одерживали верх. Ваграм и Нейзидель были в руках Наполеона. Атака австрийцев против левого фланга французов не удалась. Они были вынуждены ретироваться. На правом фланге Даву продолжал теснить корпус Розенберга, который после упорного сопротивления начал отступление на Бокфлис. Столь же упорно оборонялся корпус Гогенцоллерна, непрерывно атакованный войсками Удино, но отход Розенберга заставил его начать отступление к Зейрингу. Единственный пункт, который австрийцы еще удерживали в своих руках, — был Адеркла. Бернадот штурмовал его постоянно, но безуспешно. Однако это было лишь делом времени.

Удар колонны Макдональда был все же сокрушительным. Прибывший к Зюссенбрунну Карл, не имея возможности подкрепить свой центр ввиду отсутствия резерва, понял, что удержать позиции у Нейзиделя уже не удастся. Колонна Макдональда, подкреплённая новыми силами, опять двинулась вперед. Эрцгерцог приказал начать отступление на всем фронте, битва была проиграна.

Около 16 часов на поле боя неожиданно появился Иоанн, но, оценив ситуацию, не вступая в бой, повернул обратно. К 21 часу двухдневное сражение у Ваграма закончилось. Наполеон не преследовал противника, и австрийские войска отошли, сохранив боеспособность.

Потери обеих сторон в этой битве были огромны. Французы потеряли примерно 27 000 человек убитыми, пленными и ранеными, 18 генералов, 12 знамен, 11 орудий. Австрийские потери составили 32 000 человек, 9 орудий, 1 знамя.

С точки зрения военного искусства, сражение при Ваграме было подготовлено и проведено Наполеоном ар-

тистически. В ходе боя он применил новинку — удар тараном Макдональда. И все-таки Ваграм был совсем не похож ни на Аустерлиц, ни на Йену. Австрийская армия не была ни уничтожена, ни сокрушена. Она оступила в полном порядке и, вероятно, через некоторое время смогла бы снова ввязаться в битву такого же масштаба. А Наполеон уже чувствовал, что победа одержана ценой огромного напряжения сил и что ему было бы крайне тяжело идти еще на одно столь же ожесточенное сражение.

Император шумно праздновал победу. Бертье был пожалован титул князя Ваграма, Даву — князя Экмюля, Массена — князя Эсслингенского. Макдональд, Мармон и Удино получили звание маршала.

Наполеону повезло: эрцгерцог Карл, при выдающихся военных способностях не отличавшийся твердостью характера, был склонен также прекратить войну. К том у же и на второстепенных участках боевые действия не принесли успеха австрийцам. Не оправдались надежды на организованные антифранцузские восстания. Австрийцы были изгнаны из Великого герцогства Варшавского войсками Понятовского. Высадка британцев в Голландии и Бельгии была неудачной. Император Франц понял, что продолжение войны погубит Австрию и 10 июля запросил перемирия.

14 октября 1809 года Австрия и Франция заключили Шенбруннский мирный договор. Наполеоновское владычество в Европе было восстановлено. Австрия уступила 32 000 кв. миль с 3,54 миллионами жителей Франции и ее союзникам. Она согласилась присоединиться к континентальной блокаде. В Европе воцарился непрочный мир.

Эта война вновь показала преимущества военной организации, военного искусства Франции. Маневренными действиями Наполеону удалось нейтрализовать стратегические замыслы противника, навязать ему генеральное сражение, в котором он, как и раньше, сумел создать превосходство в силах на главном направлении. Однако выявились и слабости французской армии, главным образом невысокие морально-боевые качества солдатских масс, набранных из зависимых государств и не заинтересованных в борьбе за чужие интересы. В то же время ав-

стрийская армия, воодушевленная идеями борьбы за национальную независимость, оказала упорное сопротивление противнику.

В войне 1809 года Наполеон остался победителем и заключил выгодный мир. Несколько пошатнувшийся престиж французского полководца еще был высок, но ослабление наступательной энергии французов параллельно с повышением боевых качеств австрийцев лишило его крупных успехов. Теперь в наполеоновской армии насчитывалось множество солдат, не имевших опыта предшествующих войн. К тому же в его армии много частей были сформированы из солдат других европейских национальностей, чуждых духу наполеоновских войск. В то же время австрийская армия в борьбе за национальную независимость мужественно оборонялась, оказывая упорное сопротивление врагу. При этом при Ваграме австрийцы успешно применяли заимствованный у французов боевой порядок и лишали противника его прежних тактических преимуществ.

Австро-французская война 1809 года, закончившаяся в конечном счете успешно для Наполеона, стала переломной в его полководческой практике. С одной стороны, он — на вершине славы, он — хозяин Европы. Но с другой — он уже и враг всей Европы, ее поработитель. Французский император еще выиграет немало сражений, но эта выигранная им война станет последней.

Наполеон вышел победителем из войны, грозившей ему неисчислимыми опасностями. Империя еще раз продемонстрировала несокрушимую мощь, а император — военный гений. Стремясь завершить победоносный мир политическим браком, Наполеон женился на дочери австрийского императора. Он полагал, что породнившись с одним из царствующих домов великих держав Европы, он тем самым укрепит свою династию. Свадьба состоялась в апреле 1810 года.

Владения империи достигли небывалых размеров. Императорские орлы парили над огромными пространствами от Эбро до Эльбы. Над поверженными государствами Центральной и Западной Европы реял трехцветный французский флаг. От Балтийского до Средиземного морей властвовала Франция. «Наполеон на вершине

своей славы. Огромная безграничная власть, сосредоточенная в руках одного человека, простиравшаяся над необозримыми пространствами побежденных и завоеванных стран, страх, который внушало его имя, окруженное ореолом многочисленных побед, породили у него высокомерную самоуверенность: нет ничего невозможного, нет ничего непреодолимого. Но за внешней покорностью склоненных голов скрывался неуловимый, тайный дух мщения. Его нельзя было ни измерить, ни подсчитать. Но то была невидимая, неосязаемая могучая сила, перед которой пасовали чиновники, полиция, армия. Народы Европы готовились к великому часу освобождения» (Манфред. «Наполеон Бонапарт»).

Армия Франции

Наполеон получил в наследство армию, созданную в процессе революционных войн. Это была уже массовая буржуазная армия. Она комплектовалась по системе конскрипций, разработанной генералом Журданом в 1798 году. Сначала конскрипция имела характер всеобщей воинской повинности: военной службе подлежали все мужчины в возрасте от 20 до 25 лет. Но уже в 1800 году стала допускаться замена личной повинности путем откупа или замещения для лиц, «которые могут принести государству большую пользу, продолжая свои занятия и ученые труды». Обязательная личная повинность была фактически отменена. Тем не менее ежегодно во французскую армию призывалось значительное количество людей: в 1800 году — 30 000 человек, с 1801 по 1805 годы — в среднем до 60 000 ежегодно. Далее наборы с каждым годом возрастали.

Наполеон высоко оценивал систему конскрипции. Он говорил: «Превосходством своим над всеми войсками в свете французская армия обязана конскрипции». За первые двенадцать лет XIX века в армию было мобилизовано более 1 200 000 человек одного лишь французского населения.

Большое количество призванных позволяло Наполеону держать в мирное время армию в 300—350 тысяч. Численность ее была непостоянной и зависела от ставившихся военно-политических задач. В 1802 году количество войск составляло 450 000 человек. Во время войн 1805 и 1806—1807 годов численность только полевой армии была установлена в 480 000 человек.

В 1804 году была учреждена Национальная гвардия, в которой числились все подлежащие призывам французы в возрасте от 20 до 60 лет. В 1812 году император поставил под ружье 1 200 000 человек, из них 980 000 были французы. В своем абсолютном большинстве армия состояла из крестьян.

За время революционных войн во французских вооруженных силах сложилась особая организация, отличавшаяся от организации королевской армии. В пехоте основной единицей по-прежнему оставался батальон, но из шести батальонов, вместо полков, составлялись бригады, делившиеся на полубригады. В 1799 году во французской армии было 30 полубригад легкой пехоты и 110 полубригад линейной, 420 батальонов, насчитывавших 324 898 человек.

С 1796 года утвердилась дивизионная система. Наполеон был первым, кто раскрыл все ее потенциальные возможности и широко применил в ходе боевых действий, а также в тактике быстрого маневра. Приняв руководство вооруженными силами страны, он продолжил реорганизацию пехоты. Новая ее структура окончательно сформировалась к февралю 1808 года. Вместо полубригад были вновь введены полки, каждый имел пять батальонов — четыре действующих и один запасной, служивший для подготовки пополнения. В линейной пехоте каждый батальон имел четыре фузилерных, одну гренадерскую и одну вольтижерную роту. В легкой пехоте батальон состоял из четырех егерских, одной карабинерной и одной вольтижерной роты. Численность батальона была установлена в 840 человек, полка — 3970 человек, в том числе 108 офицеров.

На вооружении линейной пехоты состояли ружья образца 1777 года, усовершенствованные в 1798—1799 го-

дах, калибра 7 линий 9 точек. Ружье имело трехгранный штык и весило 4,6 кг. Наибольшая дальность выстрела — 500 шагов, прицельная — 120 шагов. Пехотинцу полагалось при себе иметь 60 патронов и столько же в обозе. Вольтижеры имели облегченные ружья, которые были короче линейных на четыре дюйма и весили 4 кг. Обмундирование пехоты составляли светло-синие шинели, такие же мундиры, белые камзолы, гетры и ботинки. Чис-

Французская пехота (слева направо): офицер линейной полубригады; рядовой линейной пехоты; рядовой легкой пехоты; барабанщик линейной полубригады.

ленность пехоты в «Великой армии» к 1812 году была установлена в 492 000 человек.

Самой боеспособной пехотной частью периода наполеоновских войн по праву считалась французская Старая гвардия, а точнее, 1-й и 2-й гренадерские полки. 1-й, 2-й, 3-й егерские полки условно причислялись к Средней гвардии. Сила этих частей была в том, что, в отличие от всех армий Европы, где гвардию набирали из молодых рекрутов по их внешним данным: росту, силе, цвету волос, французы формировали свои полки исключительно по боевым качествам. Кандидат должен был прослужить не менее пяти лет в строю и принять участие не менее, чем в двух кампаниях. Численность гвардии в 1809 году доходила до 10 000 человек. Впоследствии она значительно возросла: до 52 000 солдат к 1811 году, когда Наполеон отдельно выделил вновь создаваемую Молодую гвардию.

Французская кавалерия в 1799 году состояла из 2 карабинерных, 25 кавалерийских, 20 драгунских, 23 егерских и 13 гусарских полков. Всего было 83 полка (307 эскадронов), насчитывавших 51 053 человека. Наполеон не внес каких-либо изменений в организацию кавалерии. Как и прежде она подразделялась на тяжелую (карабинеры и кирасиры), среднюю (драгуны) и легкую (гусары). Для всей кавалерии была оставлена прежняя полковая организация. Кавалерийский полк с 1808 года насчитывал 961 человека. Он включал четыре эскадрона, два эскадрона составляли дивизион.

На вооружении тяжелой конницы были семилнейные пистолеты и палаши. Для защиты от ударов холодным оружием бойцы этой конницы носили кирасы (металлические латы, надевавшиеся на спину и грудь). Легкая кавалерия была вооружена облегченными ружьями или мушкетами калибра 7 линий 7 точек; ружье имело трехгранный штык и весило 3,6 кг.

Обмундирование карабинеров и кирасир было такого же образца, как и у пехоты, только вместо шинели им полагались белые плащи. Такое же обмундирование, но только зеленого цвета, имели и драгуны. Егеря и гусары были одеты в доломаны (гусарский мундир, расшитый

шнурами), чикчиры и зеленые плащи. Всей кавалерии полагалось носить сапоги. Численность кавалерии «Великой армии» в 1812 году была установлена в 96 000 человек.

Французская кавалерия (слева направо): гусар 7-го бис гусарского полка; рядовой полка драмадеров; офицер 20-го драгунского полка; рядовой 18-го драгунского полка.

Французская революционная армия сохранила отличную полевую артиллерию времен монархии. Она делилась на пешую и конную. В 1799 году насчитывалось восемь пеших полков и восемь конных. Каждый пеший полк состоял из 20 рот, конный — из шести. Все роты как пеших, так и конных полков имели по 6 орудий каждая. Численность артиллерии составляла 1248 орудий, которые обслуживали 22 471 человек.

На вооружении полевой артиллерии состояли в это время 4- и 8-фунтовые пушки. В 1803 году были приняты 6- и 12-фунтовые пушки, 6- и 7-фунтовые гаубицы для конной артиллерии и 4-фунтовые гаубицы для пешей; а также 24-фунтовые мортиры. В большом количестве на вооружении продолжали оставаться и старые орудия, кроме них было много трофейных.

Скорострельность французской артиллерии составляла: картечью — два выстрела снарядами — один выстрел в минуту. Средняя дистанция стрельбы — 400—900 метров для пушек и до 1500 метров для гаубиц. При стрельбе картечью — до 700 метров. Орудия обеспечивались боеприпасами на 160—219 выстрелов непосредственно при ротах. Каждое орудие имело прислугу в 8—15 человек. Запряжка орудий состояла из шести лошадей. До 1809 года орудийной прислуге полагалось иметь ружья и сабли; начиная с 1809 года — только сабли, а конной артиллерии — сабли и пистолеты кавалерийского образца. При определении числа орудий Наполеон исходил из расчета четыре орудия на каждую тысячу человек. Готовясь к походу в Россию, он увеличил эту норму до 5,5 орудий. В 1812 году император имел только в «Великой армии» 1242 полевых орудия и 130 осадных.

Наполеон сделал артиллерию главным инструментом в военных действиях. Одно из его знаменитых новшеств — ведение массированного огня с использованием больших батарей, обстреливавших позиции врага до тех пор, пока оборона его не будет сокрушена; только затем шла в бой пехота и кавалерия.

Инженерные войска состояли в 1799 году из 36 саперных рот и 6 минерных, насчитывавших 7406 человек. К 1809 году они были реорганизованы и получили батальонную организацию.

Понтонные батальоны вошли в состав артиллерии, а из саперных и минерных батальонов был создан особый инженерных корпус. В 1812 году общая численность артиллерии и инженерных войск «Великой армии» равнялась 21 500 человек.

Французская пехота и артиллерия (слева направо): рядовой пешей артиллерии; капрал линейной полубригады; бригадир конной артиллерии; рядовой легкой пехоты.

Высшими тактическими соединениями в наполеоновской армии являлись бригады, дивизии и корпуса. Бригады были установлены двухполкового состава в пехоте и кавалерии. Дивизии имели, как правило, по две бригады, но бывали и отклонения от установленной нормы.

Когда численность французской армии приблизилась к 200 000 человек, возникла необходимость объединить дивизии в армейские корпуса. Первый опыт был сделан в 1800 году, когда Моро включил 11 дивизий Рейнской армии в состав 4 корпусов. Однако только в 1802 году Наполеон создал армейские корпуса в качестве постоянных соединений. Пехотные корпуса состояли из двух пехотных дивизий, бригады кавалерии, батальона саперов, одного пешего и одного конного артиллерийского дивизиона. На практике корпуса могли иметь в своем составе до пяти дивизий. Конные корпуса обычно включали 2—3 кавалерийских дивизии и 1—2 дивизиона конной артиллерии.

Корпуса сводились в одну действующую армию, которой Наполеон всегда командовал непосредственно. В ходе войны каждый корпус выполнял отдельно поставленную задачу. Он мог вести самостоятельный бой в течение 1—2 суток до подхода главных сил, выполнять обходной маневр и др.

Управление войсками во французской армии осуществлялось через Генеральный штаб и штабы высших тактических соединений. Окончательный вид организация штаба приобрела в 1806 году. Генеральный штаб состоял из главной квартиры и главного штаба. Последнему были подчинены штабы войсковых соединений — корпусные, дивизионные и бригадные. Главная квартира находилась в непосредственном распоряжении Наполеона и состояла из офицеров для поручений при императоре и походного кабинета. К офицерам для поручений относились генералы, состоящие непосредственно при императоре и пользующиеся его личным доверием, генерал-адъютанты, адъютанты и ординарцы. Походный кабинет имел два отделения: кабинет-бюро и топографическое бюро.

Главный штаб армии, который с 1796 года бессменно возглавлял маршал Бертье, состоял из трех департамен-

Пехотный корпус

Пехотные дивизии

Кавал. бригада

Корпусная артиллерия

Пехотные бригады

1р сапер батареи полки

Пешая конная

Кавалер.

Пехотные полки

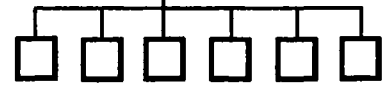

Эскадроны

Линейные батальоны

Запасный батальон

Гренадерская рота

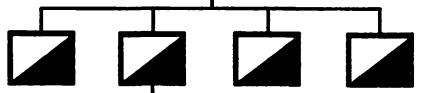
Фузилерные роты

Вольтижерная рота

Кавалерийский корпус

Кавалер. дивизии

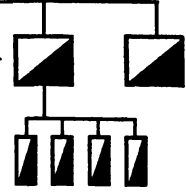

Кавалер. бригады

Кавалер. полки

Эскадроны

Организация армии первой Французской империи.

тов, осуществлявших основные задачи штабной службы. В состав главного штаба входили: начальник штаба, генералы и офицеры для поручений, штатные адъютанты — всего обычно 20—25 человек. Для охраны при штабе состоял конвойный полк.

Штаб корпуса состоял из одного генерала, семи штаб-офицеров, 10—11 обер-офицеров и 4—6 ординарцев, штаб дивизии — из трех штаб-офицеров и шести обер-офицеров. Командир бригады имел двух адъютантов.

Штабные офицеры специальной подготовки не получали. Штабы комплектовались офицерами, получившими опыт управления войсками в многочисленных войнах. Хотя французский штаб был довольно многочисленным и укомплектован достаточно опытными офицерами-практиками, все же он не играл той роли, которую должен был бы играть при переходе к новой тактике. Он был, скорее, передаточным пунктом приказов Наполеона, который не доверял никому из своих маршалов и всю тяжесть управления брал на себя. При все более увеличивающихся объемах операций сам он уже не охватывал всех сторон управления, поэтому часто в критические моменты находился в состоянии крайнего утомления.

Довольствие армии осуществлялось путем реквизиций на месте согласно принципу «война должна питать войну» и путем устройства баз и коммуникационных линий, охраняемых войсками.

В целом французская армия отличалась высокой боевой выучкой и дисциплиной. В ней были запрещены телесные наказания, поощрялось выдвижение отличившихся солдат на офицерские должности.

Русский поход. 1812 год

Через три года я буду господином мира:
остается одна Россия, но я раздавлю ее.

Наполеон

В результате войн 1805–1809 годов Наполеон в короткий срок сумел подчинить влиянию Франции крупнейшие страны Европы. Пруссия была подавлена и расчленена; Италия превращена во французские департаменты; Австрия с 1809 года почти полностью подчинилась Наполеону. Французская империя с ее вассальными государствами насчитывала 71 миллион населения из 172 миллионов, населявших Европу. Русский посол Куракин писал царю: «...от Пиренеев до Одера, от Зунда до Мессинского пролива все сплошь — Франция».

Единственной сильной страной, которая оставалась вне влияния императора, была Россия. Дипломатические шаги, предпринятые Наполеоном в Тильзите и Эрфурте, с целью вовлечения России в орбиту своего влияния, результатов не дали. Чтобы окончательно упрочить свое господство в Европе, а затем сокрушить могущество Англии, Наполеон решил покорить Россию силой.

После заключения Тильзитского мира по отношению к России Наполеон вел двойственную политику. С одной стороны, он заигрывал с Александром I и предлагал ему разделить Европу на сферы влияния, с другой — всячески старался ослабить Россию. Император поддерживал домогательства Ирана и Турции, толкал на войну Швецию и вынудил русского царя вступить в войну с Англией. Наполеон надеялся, что Россия надолго увязнет в этих войнах и окажется неподготовленной к предстоящему столкновению с Францией.

Неизбежность войны между Францией и Россией стала особенно очевидной в конце 1810 года, когда русское дворянство в интересах развития национальной торгов-

ли заставило Александра I изменить политику континентальной блокады: создать благоприятные условия для вывоза из России хлеба и сельскохозяйственной продукции и одновременно ограничить русский рынок от ввоза французских товаров. В декабре 1810 года Александр I издал закон, устанавливавший высокие тарифы на ввоз предметов роскоши и вина, то есть на товары, в основном поступающие из Франции. Наполеон воспринял этот указ как объявление экономической войны.

Отношения между Францией и Россией резко ухудшились. Обе стороны начали готовиться к войне. Еще никогда Наполеон не делал столь обширных приготовлений. Два года ему пришлось затратить на дипломатическую подготовку. Всем участникам будущего похода были обещаны российские территории: Австрии — Волынь, Пруссии — Прибалтика, Турции — Грузия и Крым, Варшавскому герцогству — границы Великой Польши. В феврале 1812 года Пруссия подписала договор с Францией о совместных военных действиях против России. Фридрих Вильгельм III в качестве первого вклада в совместную борьбу отдавал Наполеону 20-тысячный корпус Йорка, поступивший затем под командование Макдональда. В марте того же года император заключил такой же договор с Австрией, которая обязалась выставить корпус численностью в 30 000 человек под командованием Шварценберга.

Правда, Наполеону не удалось добиться полной изоляции России. Швеция отказалась от участия в коалиции. Вынуждена была прекратить борьбу и Турция после разгрома под Рущуком и Слободзеей. Выход из игры этих двух стран ставил под сомнение все готовившееся предприятие. Наполеон был взбешен, но не остановился — он слишком далеко зашел, чтобы отказаться от похода, сулившего не только новую славу, но и безраздельное французское господство во всей Европе. В мечтах император строил планы последующего вторжения через Кавказ в Индию, воображение его по-прежнему дразнили дерзкие замыслы Александра Македонского.

В грандиозных военных мероприятиях ярко проявлялось могущество Наполеона. Ясное небо омрачали лишь тучи национальной борьбы, которую вел народ Испа-

нии, где приходилось держать 300-тысячную армию. Не нравились Наполеону также доклады о нежелании идти на французскую службу уроженцев Швейцарии и Германии. Даву писал императору, что полк, недавно сформированный в ганзейских городах, приходится вести под конвоем французской кавалерии. В корпус Удино входил швейцарский полк, в который молодых людей приводили в кандалах. Этот полк приходилось даже охранять, чтобы он не разбежался еще до начала войны. Люди не хотели умирать в неведомой России ради интересов наполеоновской Франции. Все это были настораживающие симптомы, но из них Наполеон сделал лишь один вывод: удар должен быть молниеносным и сокрушительным.

Предстоящая война не вызывала энтузиазма и в самой Франции. Ряд государственных и военных деятелей пытались повлиять на Наполеона в смысле отказа его от войны с Россией, указывая ему в том числе и на расстройство финансов, но император на это отвечал: «Расстройство финансов само по себе является побудительным поводом к войне». Наполеон потребовал все материалы о походе Карла XII, чтобы уяснить себе причины поражения шведской армии, и снова пришел к выводу, что нужно быть достаточно сильным и не останавливаться ни перед чем. Карл допустил сразу две ошибки: не обеспечил превосходство в силах и безрассудно бросил свою операционную линию, ринувшись на Украину. Теперь оставалось одно — убедить Европу в том, что Франция ведет оборонительную войну. Передвигая свои войска с Рейна на Эльбу и Одер, а затем с Одера на Вислу, он не утаивал утверждать, что все эти действия направлены на сохранение французской безопасности.

Широта замыслов заставила Наполеона значительно увеличить действующую армию. Очередными дополнительными призывами новобранцев 1810, 1811 и 1812 годов, выкачиванием людских ресурсов из других стран императору удалось создать невиданную для того времени по численности армию в 1 200 000 солдат, из которых 600 000 человек были предназначены для завоевания Испании и охраны внутренних территорий Франции, а

другие 600 000 при 1350 орудиях были направлены против России, составив «Великую армию».

Армия Наполеона, переброшенная из районов формирования — Штеттина, Магдебурга, Лейпцига, развернулась в начале июня 1812 года за Вислой, на линии Варшава—Кёнигсберг, использовав герцогство Варшавское как удобный плацдарм для вторжения в Россию. Войска были соединены в три группы.

Левое крыло составляло главную группировку и включало в себя 1-й, 2-й, 3-й пехотные корпуса и гвардию — 218 000 человек и 527 орудий. Наполеон, лично командуя этими войсками, развернул их на линии Торн—Данциг для последующего движения через Ковно на Вильно.

Центр армии под командой Богарне состоял из 4-го, 6-го пехотных и 3-го кавалерийского корпуса — 82 000 человек и 208 орудий. Войска центра предназначались для обеспечения действий левого крыла и в то же время для наступления в полосе между Гродно и Ковно с целью разъединения 1-й и 2-й русских армий.

Правое крыло «Великой армии» под командованием короля Вестфальского Иеронима состояло из 5-го, 7-го, 8-го пехотных и 4-го кавалерийского корпусов — 78 000 человек и 159 орудий. В задачу этой группы входило движением на Гродно оттянуть на себя русских и обеспечить наступление главных сил Наполеона.

Для обеспечения действий развернувшейся армии, кроме того, были сосредоточены: на левом крыле — прусский корпус Макдональда в 32 000 человек, с общим направлением его через Тильзит на Ригу; на правом — 34-тысячный австрийский корпус Шварценберга. Общая численность развернувшихся за Вислой войск первого эшелона составляла 444 000 человек. Во втором эшелоне, в Пруссии, находился 9-й корпус маршала Виктора — 33 000 человек, 11-й (резервный) корпус маршала Ожеро — 27000 человек и другие резервные части, всего — около 160 000 солдат.

Сосредоточение таких огромных сил пехоты, кавалерии и артиллерии требовало тщательной организации материальной базы. В Варшаве, Модлине, Торне, Кёнигсберге были созданы продовольственные магазины и разного рода снабженческие депо. В Данциге был орга-

низован главный интендантский склад с 50-дневным запасом продовольствия на 400 000 человек и 50 000 лошадей. В Модлине и Торне учреждены артиллерийские склады, в Варшаве, Мариенбурге, Эльбинге и Данциге были развернуты госпитали. В этой гигантской подготовке к войне с Россией участвовала не только Франция, Наполеон мобилизовал все силы подвластных ему европейских стран.

Боевые порядки Наполеона в 1812 году.

Император тщательно изучил театр военных действий, историю прежних войн России. Создав разветвленную шпионскую организацию, Наполеон следил за положением в Российской империи и в то же время через своих послов — Коленкура, а затем Лористона — стремился всячески ввести в заблуждение русское правительство, уверяя царя в своих миролюбивых намерениях. Кажется, военный гений Наполеона предусмотрел каждую мелочь: от изучения состояния русских дорог до печатания в секретной типографии фальшивых денег для расчетов с местным населением.

А тем временем французская армия, перейдя Эльбу, Одер, Вислу, сосредотачивалась и развертывалась уже на западных границах России. Военная история не знала концентрации армий подобной величины, и сам Наполеон никогда больше не руководил вооруженными силами таких размеров. Столь невероятные для того времени усилия были им предприняты исходя из политических и стратегических планов войны. Наполеону была крайне необходима быстрая и сокрушительная победа в России на первом этапе вторжения, что диктовалось, прежде всего, неустойчивостью политической обстановки в Европе, затянувшейся войной в Испании, переходом Швеции на сторону России и военным поражением Турции. Это также отражало основной принцип Наполеона — молниеносный и убедительный разгром противника в генеральном сражении.

Все было наконец подготовлено для победного похода, в успехе которого не сомневался ни сам Наполеон, ни его союзники.

Россия видела и чувствовала надвигавшуюся опасность и готовилась вступить в борьбу с противником. В обеспечении этой задачи русское правительство добилось крупных дипломатических успехов. Удачно завершив войну со Швецией, оно сумело заключить не только мирный договор с ней в Фридрихсгаме, но и оборонительный союз в Петербурге. Обе державы обязались взаимно обеспечивать границы: Россия дала согласие присоединить к Швеции Норвегию, а Швеция обязалась выставить 30-тысячный корпус. Успешно была завершена и война с Англией, с которой вскоре был заключен мир-

ный договор. Правда, Англия в конкретных условиях не могла оказать России существенную помощь. Но ее выступление способствовало тому, что французский флот не смог принять участие в борьбе против России в 1812 году. Особенно важным стало завершение затянувшейся войны с Турцией, был принят Бухарестский трактат, по которому к России отошла Бессарабия. Наконец, в Великих Луках был заключен союз также и с Испанией. Все эти военные и дипломатические успехи поставили Россию в относительно благоприятные политические условия. Она могла сосредоточить свои силы и средства на одном западном театре военных действий.

Хуже обстояло дело с военными ресурсами. Вооруженные силы России были значительно меньшими, чем армия Наполеона. Обстановка требовала увеличения численности войск. С этой целью в стране были проведены дополнительные рекрутские наборы, тем не менее вся русская армия к началу военных действий насчитывала всего 480 000 человек, а против Наполеона с большим трудом удалось выставить 218 000, из которых в марте 1812 года были созданы две Западные армии и одна резервная, обсервационная. Кроме того, велось усиленное укрепление западной границы. Вдоль рек Неман, Двина, Березина строились новые и усиливались старые крепости. Особое значение придавалось крепостям: Рига, Дрисса, Борисов, Бобруйск как возможному рубежу отхода русских войск. В районах вероятного развертывания военных действий и на путях, идущих к западным границам, создавались продовольственные магазины.

На главном направлении оборонялись: 1-я Западная армия под командованием военного министра Барклая-де-Толли в составе шести пехотных и трех кавалерийских корпусов общей численностью в 127 000 человек при 550 орудиях; и 2-я Западная армия генерала Багратиона из двух пехотных и одного кавалерийского корпуса численностью в 45 000 человек при 270 орудиях.

Стратегическое развертывание русских армий было проведено крайне неудачно. В момент вторжения противника русские войска были разбросаны на обширном пространстве. 1-я Западная армия располагалась в районе между Россиенами и Лидой на фронте протяженнос-

тью в 180 километров, армия Багратиона занимала промежуток в 50 километров между Неманом и Западным Бугом. Между 1-й и 2-й армиями имелся 100-километровый разрыв, в который и была нацелена центральная группировка Наполеона. 3-я русская армия генерала Торماسова — 46 000 человек и 168 орудий — располагалась на Волыни и была отделена от армии Багратиона 200-километровой лесисто-болотистой полосой Полесья. Армии действовали на значительном расстоянии, самостоятельно друг от друга, без единого управления и координации сил. Получалось, что русские войска, значительно уступающие по численности французским, были растянуты кордоном более чем на 600 километров от России до Луцка. В то время как гораздо более мощные силы Наполеона были развернуты на 300-километровом фронте, имея основную группировку на одном из решающих направлений.

Следовательно, севернее Полесья создавалось следующее соотношение сил: у Наполеона — 412 000 человек, у русских — 166 000, из них на виленском направлении император имел 300 000 человек, а русские — 127 000. Таким образом, на главном направлении в первый период войны силы Наполеона превосходили русские почти в три раза.

Положение осложнялось еще и тем, что русское командование не имело разработанного плана ведения войны. Начиная с середины 1810 года, Александру I было представлено несколько докладов и записок по этому вопросу. Сначала возник план превентивной войны. Эта идея связывалась с возможностью договоренности с Австрией и Пруссией. Но когда выяснилось, что эти соглашения не могут состояться, в России тотчас приступили к разработке оборонительных планов. Из трех возможных направлений — петербургского, московского и киевского — наиболее важным считалось первое. В соответствии с этим и были расположены главные силы, а также организован тыл русских войск.

Кроме стратегического был разработан операционный план. Автором его стал бывший советник прусского короля генерал Фуль, прибывший в Россию после поражения Пруссии в 1806 году. Поклонник модной в то вре-

мя теории Бюлова, Фуль, никогда и ничем не командовавший, попытался применить эту теорию в России, став военным наставником царя Александра. По характеристике Клаузевица, Фуль был чисто кабинетным докторинером и «настолько непрактичным человеком, что за шесть лет, проведенных в России, он не подумал о том, чтобы научиться русскому языку, мало того, что еще поразительнее, ему даже не пришло в голову познакомиться ни с руководящими лицами правительства, ни с организацией русского государства и русской армии. Юлий Цезарь и Фридрих Второй были его любимыми авторами и героями. Он почти исключительно был занят бесплодными мудрствованиями над их военным искусством, не оплодотворенным... духом исторического исследования. Явления новейших войн коснулись его лишь поверхностно».

И вот сей «стратег» предложил на главном операционном направлении, ведущем в Петербург, создать укрепленный лагерь. Опираясь на эту фланговую позицию, 1-я русская армия должна была притянуть на себя главные силы Наполеона, в то время как 2-я и 3-я армии нанесли бы наступающим французам удары во фланг и в тыл. Александру план понравился. С апреля 1812 года началось строительство укрепленного лагеря у Дриссы. Царь и его окружение из главной квартиры исходили из того, что Наполеон явится в Россию с 200-тысячной армией, как это было в 1807 году. Барклай-де-Толли, однако, не разделял этой уверенности. «Я не понимаю, — писал он Александру, — что мы будем делать со всею нашей армией в Дрисском лагере». Из полученных русским штабом данных следовало, что французский император готовит куда более серьезные силы, и военный министр все время старался сблизить две армии, чтобы они не были разбиты поодиночке.

Никаких планов на отступление вглубь не было. Михайловский-Данилевский указывал, что «о дальнейшем отступлении во внутренности Империи не было и помышления. Оно совсем не входило в соображение в начале войны». При разработке оборонительного плана предусматривалось, что отступление не должно проводиться далее Западной Двины.

Общего управления русскими армиями организовано не было. Три армии имели трех главнокомандующих. Общее руководство вооруженными силами осуществлялось Александром I, находившимся со своей главной квартирой в Вильно, при 1-й Западной армии. Главнокомандующий назначен не был. Генерал Барклай-де-Толли, являясь военным министром, мог отдавать приказания только от имени царя.

Словом, Россия снова была не готова к войне или, мягко говоря, готовилась не к той войне, которую ей навязал Наполеон. Правда, Барклай-де-Толли, один из немногих, понимал, что не имея возможности тягаться с противником в ресурсах, Россия имела одно неоспоримое преимущество в грядущем конфликте — бескрайнее пространство своей территории. В своей объяснительной записке он указывал единственно верную стратегию в сложившейся ситуации: «...открыть отступное действие к древним границам нашим, завлечь неприятеля в недра отечества нашего и заставить его ценою крови приобретать каждый шаг, каждое средство к подкреплению и даже к существованию своему и, наконец, истощив его силы, с меньшим, сколько можно, пролитием крови, нанести ему удар решительный».

План ведения кампании Наполеона был, как всегда, конкретным и целеустремленным. Чтобы скрыть действительные намерения и направление главного удара, по приказу императора распускались самые различные слухи и проводились ложные демонстрации. Корпус Жерома получил задание изображать движение на Волынь, для чего было дано распоряжение о подготовке 100 000 рационов в Люблине. Сосредоточение корпуса Ренье у австрийской границы тоже должно было наводить на мысль о возможности вторжения на Украину. С этой же целью распространялся слух о передвижении корпуса Богарне для усиления правого фланга французских войск. Наконец, было объявлено, что сам Наполеон прибывает в Варшаву, откуда якобы начнется наступление. Но все это делалось лишь для маскировки действительного замысла.

А настоящее намерение Наполеона состояло в том, чтобы начать наступление на Москву. «Если я возьму Ки-

ств, — говорил император, — я возьму Россию за ноги; если я овладею Петербургом, я возьму ее за голову; заняв Москву, я поражу ее в сердце». При этом Наполеон до самого начала войны был убежден, что русские войска перейдут в наступление и будут действовать не на своей территории. На этом предположении и основывалось развертывание его сил. Ему было важно убедить русских в необходимости перейти в наступление на Варшаву, где их должен был встретить 70-тысячный заслон, а «пока противник достигнет берегов Вислы, моим движением вправо вся армия противника будет обойдена и отброшена в Вислу». То есть идея состояла в том, чтобы, оставляя войска правого фланга на месте, произвести захождение центром и левым флангом, окружить и уничтожить русские войска в приграничном сражении. Именно поэтому на левом фланге Наполеона было собрано в двух эшелонах 400 000 человек: он хотел изумить мир новым Ульмом.

Сначала Наполеон считал, что поход в Россию можно осуществить в течение двух лет. Об этом он говорил в Дрездене Меттерниху: «Мое предприятие принадлежит к числу тех, решение которых дается терпением. Торжество будет уделом терпеливого». В это время он полагал возможным сначала в 1812 году овладеть Литвой, устроить свой тыл, а в 1813 году сделать бросок к Москве. Овладев Вильно, Наполеон сказал генералу Себастиани: «Я не перейду у Двины. Хотеть идти дальше в течение этого года, значит идти навстречу собственной гибели».

Но терпение уже давно не относилось к числу добродетелей французского императора, и он, в конце концов, пошел навстречу гибели...

Армия России

Российская армия в начале XIX века была типичной армией феодальной монархии, а русский солдат — тот же крепостной крестьянин, которым комплектовали свои войска и западноевропейские государства. В отличие от Европы, русская армия такой осталась и в 1812 году: с

дворянским офицерством, бесправными солдатами, телесными наказаниями, восприняв только передовые тактические приемы и организацию армии французской.

Армия комплектовалась за счет рекрутских наборов. Огромные людские потери в ходе военных действий приводили к тому, что русские войска лишались обученного состава и систематически пополнялись молодыми рекрутами, которых сразу приходилось включать в строевые части. Подобная практика, конечно, снижала боевые качества войск. Барклай-де-Толли в 1810 году писал канцлеру Румянцеву: «Вместо сильных и мужественных войск полки наши составлены большей частью из солдат неопытных и к тягостям войны непривыкших».

Фактически сложилось положение, что полевая армия не могла быстро и своевременно получать пополнения. Основной причиной этого была рекрутская система, совершенно не отвечавшая требованиям нового способа ведения войны. Военное министерство не получало достаточного числа рекрутов, и русская армия постоянно имела значительный недобор людей.

Крепостническая система ограничивала возможность повышения армейского контингента. Полагалось каждый год проводить один набор согласно норме — один рекрут с 500 душ населения. Однако непрерывные войны, которые вела Россия, вынуждали проводить в некоторые годы по два набора или повышать норму поставки рекрутов. Так, в 1805 году норма была увеличена до четырех рекрутов с 500 душ, а в 1812 году были проведены два набора при норме восемь человек на 500 душ. Таким образом, за одиннадцать лет, с 1802 по 1812 год, страна дала почти миллион рекрутов, все же не восполняя ежегодной потребности комплектования войск.

Рекрутская система не обеспечивала возможности увеличить армию и создать обменный резерв. Поэтому общая численность русских войск возрастала довольно медленно. К 1801 году численность армии составляла: в гвардии — 16 346 человек, в полевых и гарнизонных войсках — 384 764, а с иррегулярными войсками — 446 059 человек.

К началу войны 1812 года она насчитывала 597 000 человек: гвардия — 20 000, полевые и гарнизонные вой-

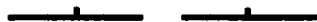
ска — 460 000. Все это свидетельствует о том, что Россия не имела возможности обратиться в боевую военную силу более 2—3 процентов мужского населения, в то время как буржуазная Франция могла призвать под ружье до 8 процентов. Во время войны 1812 года только призыв народного ополчения давал возможность усилить регулярные войска. Частые наборы рекрутов вызывали недовольство помещиков, терявших лучшую часть рабочей силы. По штатам 1803 года в русской пехоте было 3 гвардейских полка и 1 гвардейский батальон, 13 гренадерских, 70 мушкетерских и 19 егерских полков.

Численность пехоты была установлена: в гвардии — 7978 солдат и 223 офицера, в полевых войсках — 299 376 солдат и 5835 офицеров. Поражение русских войск в кампании 1805 года показало, что организация пехоты отстает от требований времени. Была произведена перестройка, несколько увеличившая численность егерской пехоты, но все же в недостаточном размере. Нужны были новые жертвы, чтобы правительство осознало всю опасность недооценки нового способа борьбы и отвечающей ему организации войск.

Внесенные в 1810 году поправки к штатам, вызванные переходом к новой тактике, существенно изменили качественный и количественный состав русской пехоты. Гренадерские полки имели теперь три пехотных батальона, при этом батальон включал одну гренадерскую и три фузилерные роты; мушкетерские полки стали иметь по три мушкетерских батальона. В егерских полках также введено было по три батальона, состоявших каждый из одной гренадерской и трех егерских рот. Гренадерские роты размещались на флангах для их защиты, в то время как линейная пехота наносила удар. В результате всех изменений русская пехота к середине 1812 года имела в своем составе: 6 гвардейских полков и один батальон, 14 гренадерских, 98 мушкетерских, 50 егерских, 4 морских полка.

Общая численность пехоты в гвардии была установлена в 15 000 человек, в полевых войсках — 390 000. Важно отметить увеличение числа егерских формирований. Количество егерских полков составило половину пехотных.

БОЕВЫЕ ПОРЯДКИ РУССКИХ ВОЙСК

РАЗВЕРНУТЫЙ СТРОЙ МУШКЕ-
ТЕР. ПОЛКА (для стрельбы)

СТРОЙ МУШКЕТАЕР. ПОЛКА
КОЛОННАМИ (для атаки)

КАРЕ для ОТРАЖЕНИЯ
КАВАЛЕРИЙСКОЙ АТАКИ

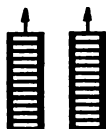

РАССЫПНОЙ СТРОЙ
ЕГЕРСКИХ ПОЛКОВ

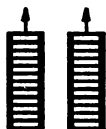
БОЕВОЙ ПОРЯДОК ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ

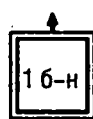
Егерская
бригада
поддержки

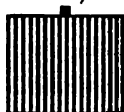
1-й полк
(Колонны для атаки)

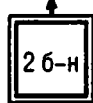
3-й полк

4-й полк
(каре)

2-й полк
(резерв)

С вооружения наконец были сняты совершенно бесполезные алебарды. С 1806 года происходила замена старых ружейных лож новыми, более удобными для стрельбы, а в 1809 году был введен новый образец ружья 7-линейного калибра. Наибольшая дальность стрельбы — 300 шагов, скорострельность — 2 выстрела в минуту. В вооружении пехоты не наблюдалось однообразия. Пехотным ружьем были вооружены рядовые гренадерских рот и мушкетерских полков; унтер-офицеры вооружались нарезным ружьем; рядовые егеря — егерским гладким ружьем, а унтер-офицеры и лучшие стрелки — штуцером. Одно время в войсках насчитывалось разного типа стрелкового вооружения до двадцати восьми различных калибров.

Соотношение пехоты и конницы в русской армии было изменено в пользу пехоты. Часть кирасирских полков была переформирована в драгунские. Тяжелая кавалерия, применявшаяся как ударная сила для атак в сомкнутом строю, начала уступать коннице драгунского типа, способной выполнять задачи боевого обеспечения войск — разведки, охранения и т. п.

Состав полков не подвергся изменениям. Кирасирские и драгунские полки имели по 5 эскадронов (по две роты в эскадроне), гусарские — по 10 эскадронов. В кирасирском полку по штату полагалось иметь 787 бойцов, в гусарском — 1528. Штатная численность кавалерии в 1812 году составляла: в гвардии 5665 человек и в полевых войсках 70 500 человек.

Русская конница вооружалась ружьями или карабинами, пистолетами, саблями, кирасиры — палашами. Драгунское ружье образца 1809 года весило 4 килограмма. Уланы вместо ружья имели пику.

Более стройную организацию к 1812 году приобрела артиллерия. Она была сведена в артиллерийские батареи по числу пехотных дивизий. Бригады делились на роты: две роты тяжелых (батареиных) орудий и две роты легких или конных орудий. Роты имели в своем составе по 12 пушек.

На вооружении состояли 6- и 12-фунтовые пушки, четвертьпудовые и полупудовые единороги и 3-фунтовые пушки. На каждое орудие возилось по 120 зарядов. Наибольшая дальность стрельбы из пушек достигла 2300 мет-

ров, из единорогов — 1800 метров. Практически дистанция действительного огня составляла 860 метров, для картечи — 350 метров.

В 1812 году полевая артиллерия имела 1620 орудий, осадная — 180. Личный состав всей артиллерии насчитывала 40 000 человек. Прислуги полагалось из расчета 10 человек на легкое орудие, 13 человек — на тяжелое. На каждые два орудия придавалось по офицеру.

До 1805 года в русской армии господствовали линейные боевые построения и линейная тактика, которая исходила из того, что низшей тактической единицей был батальон, а высшей — полк. Сама армия действовала монолитно, по общей команде, как один большой батальон.

Аустерлицкое поражение заставило российскую правящую верхушку в срочном порядке провести улучшения в организации, тактике и подготовке войск. Новая тактика требовала расчленения боевого порядка, изменился и характер боя. Теперь войска действовали по диспозиции, при этом каждый элемент боевого порядка решал свою самостоятельную задачу. В связи с этим батальон и даже полк оказывались слишком слабыми единицами, не способными ни противостоять наступлению крупных масс противника, ни вести наступление своими силами. Назрел вопрос о создании более мощных соединений.

В начале XIX века русская полевая армия разделялась на 14 инспекций, каждая из которых представляла собой территориальный округ. В случае войны из войск, входивших в инспекцию, формировалась армия или корпус различного состава. По окончании войны они расформировывались, будучи временными соединениями. В мае 1806 года был осуществлен переход к дивизионной системе. Дивизия имела 6—7 пехотных, 3—4 кавалерийских полка и 1 артиллерийскую бригаду. Общая численность войска дивизии достигала 18—20 тысяч человек.

В период 1806—1810 годов были организованы корпуса. Нормальный состав пехотного корпуса предусматривал: 2 пехотных дивизии по 12 батальонов, 1 легкий кавалерийский полк, 3 пеших артиллерийских роты и 1 роту конной артиллерии. В состав кавалерийского корпуса входили: 2 кавалерийских дивизии, включавшие 4 драгунских полка, 1 легкий полк и 1 рота конной артиллерии.

Наполеон, пренебрежительно относившийся к русскому генералитету, всегда высоко оценивал боевые качества русского солдата: его силу, выносливость и неприхотливость, его способность умирать.

Виленская операция. Июнь—июль

Солдаты! Вторая польская война началась. Первая окончилась в Фридрианде и Тильзите. В Тильзите Россия поклялась быть в вечном союзе с Францией... нынче она нарушает свои клятвы... Россия увлечена роком. Судьба ее должна свершиться... Она постановляет нас между бесчестьем и войною. Выбор не может быть сомнителен. Идем же вперед, перейдем Неман, внесем войну в ее пределы!

Наполеон. Обращение к «Великой армии»

Наполеон до последнего момента скрывал свои намерения и силы, этим он хотел достичь стратегической внезапности. Подходить к Неману, отделявшему Польшу от России, позволялось лишь польским разъездам, остальные войска скрывались в лесах. И только 21 июня, после личной рекогносцировки, император приказал войскам выдвинуться к границе, в максимально короткий срок переправиться через Неман и перейти в наступление. Он был уверен в успехе: превосходство в силах было налицо, внезапность тоже.

В ночь на 24 июня без объявления войны Наполеон начал переправу войск правого крыла по трем понтонным мостам, наведенным у Понемуня, не встречая сопротивления со стороны противника. Переправа французов явилась неожиданностью для русской главной квартиры. Александр, проживавший уже несколько дней в Вильно, очень весело проводил время и узнал о переправе французов через Неман на одном из балов. С некоторым опозданием он послал к Наполеону своего генерал-адъютанта Балашова с предложением начать мирные переговоры при условии обратной переброски

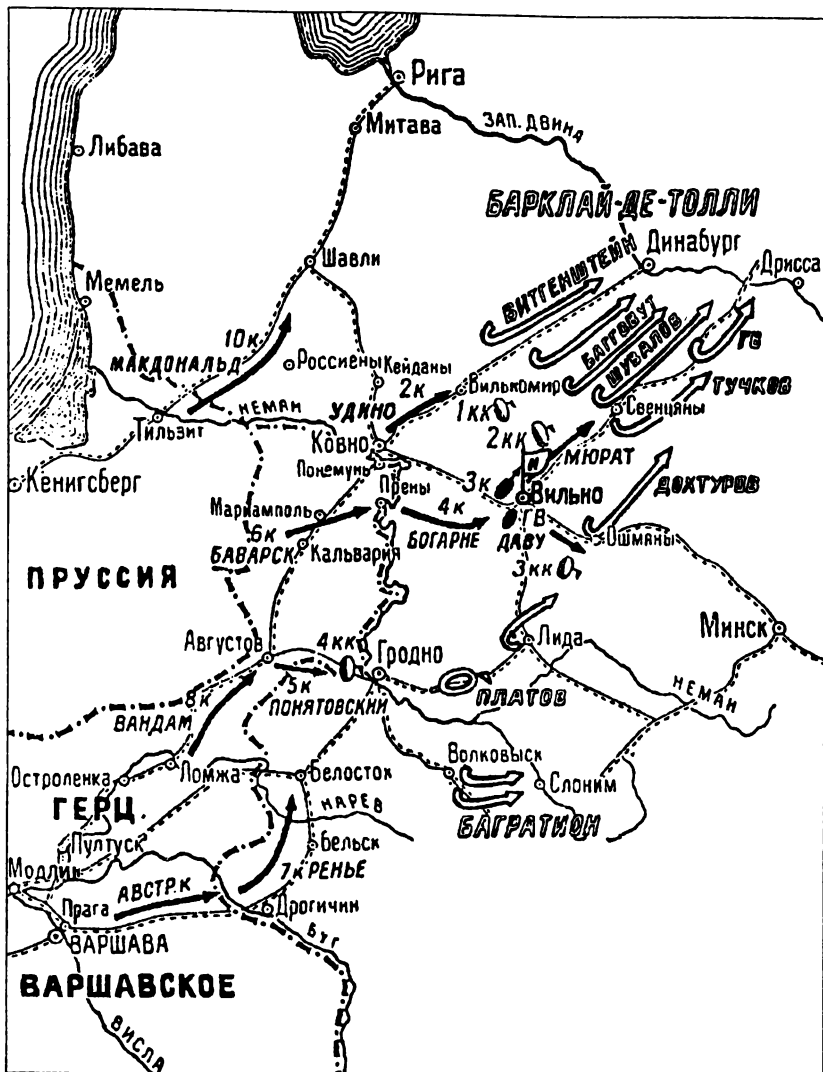
французских войск на левый берег. Наполеон согласился вступить в переговоры, но отказался отвести войска. Война стала свершившимся фактом.

Главные силы французов двинулись на город Вильно, которого достигли через три перехода. В это время головные части группы Богарне достигли района Мариамполь, Кальвария, а колонна Жерома подошла к Августову.

Получив сведения о движении французских войск, ставка царя направила 1-ю армию к Свенцянам, где был назначен пункт ее сосредоточения. 2-я армия по плану должна была сосредоточиться у Волковыска. Корпусу Платова вменялось атаковать французские войска во фланг. Не имея точных данных о численности наполеоновских войск, ставка считала в это время возможным вести наступательные действия. Правда, вступление французов в Вильно вынудило ставку отказаться от сражения у Свенцяна, и Барклаю-де-Толли было предложено отойти к Дрисскому лагерю. Багратион же получил от Александра распоряжение, чтобы 2-я армия действовала «в правый фланг неприятеля». Аналогичный приказ был направлен в 3-ю армию Торماسова. Не будучи скован на фронте и под угрозой нападения противника с правого фланга, Барклай-де-Толли немедленно начал отступление.

«Не гениальная тактика, а лишь страх перед превосходящими силами противника и благоговение перед именем их командующего толкают русских на этот правильный шаг» (Э. Людвиг. «Наполеон»).

Имея в своем непосредственном распоряжении конницу Мюрата, корпуса Даву и гвардии, Наполеон к 28 июня без боя занял весь район Вильно, но охватывать было уже некого. Император не учел, что слабость русских сил перед лицом его многочисленной армии приведет русское командование не только к отказу от наступательных действий, но даже от обороны приграничной полосы и отходу в глубь страны. В поисках противника Наполеон двинул свои войска в разных направлениях. Корпус Даву, без двух дивизий, был направлен на Минск, наперерез Багратиону. Своему брату Жерому Бонапарту, в распоряжении которого было около 26 000 солдат, император велел идти на Новогрудок, предупреждая дви-

Отход русских армий в 1812 году.

жение туда 2-й русской армии, которая 29 июня была еще у Немана. Мюрат, подкрепленный двумя дивизиями из корпуса Даву, бросился преследовать русских на свенцянском направлении. Левее Мюрата наступала вслед за войсками Барклая-де-Толли конница Нансуги, усиленная

дивизией Морана. Удино сразу после переправы начал двигаться в петербургском направлении, а Макдональд направился к Митаве и Риге. Попытка Наполеона сразу окружить в приграничной полосе главные силы русских и решить участь всей кампании уже провалилась. Однако эта первая потеря русской территории привела в смятение окружение царя. «Как? В пять дней от начала войны потерять Вильну, предаться бегству, оставить столько городов и земель в добычу неприятелю и, при всем том, хвастать началом кампании! Да что же не достает еще неприятелю? Разве только того, чтобы без всякой препоны приблизиться к обеим столицам нашим? Боже милосердный! Горючие слезы омывают слова мои!» — так писал государственный секретарь Шешков в первые дни войны.

7 и 8 июля 1-я армия сосредоточилась в Дрисском лагере. Осмотрев его, Барклай-де-Толли дал отрицательный отзыв об этой позиции. Тем не менее Александр продолжал настаивать на выполнении плана Фуля. Был созван военный совет, на котором генералы резко негативно оценили фланговую позицию, так как она не соответствовала стратегической обстановке. Клаузевиц, принимавший участие в этих событиях, вспоминал: «Если бы русские армии сами добровольно не покинули этой позиции, то они бы оказались атакованными с тыла, и безразлично, было бы их 90 000 или 120 000 человек, они были бы загнаны в полукруг окопов и принуждены к капитуляции». Таким образом, уже в самом начале кампании фулевский план был сведен к нулю. Массовое наступление противника на широком фронте привело к единственно правильному решению — отступить, чтобы соединиться с армией Багратиона и дать Наполеону генеральное сражение сосредоточенными силами двух армий.

Наполеон пробыл в Вильно с 28 июня по 16 июля. Жomini считал эту задержку величайшей ошибкой, какую совершил император за всю свою жизнь. По мнению этого военного историка, который прошел войну 1812 года в качестве бригадного генерала в наполеоновской армии, если бы Наполеон, не задерживаясь в Вильно, пошел прямо к Минску, он не дал бы ускользнуть Багратиону, настиг бы и уничтожил его. Но уже в это время император стал получать требования командиров корпусов

дать войскам отдых. К тому же требовалось подтянуть оставшие обозы. От недостатка фуража начался падеж лошадей. Болезни угрожающе косили ряды армии с первых дней похода. Достаточно сказать, что при выступлении Наполеона из Вильно даже из немногих отборных полков, стоявших в самом городе, 3000 больных и раненых солдат были оставлены в городе. Но хуже всего, даже хуже болезнетворной жары, было неожиданное, в высшей степени тяжелое положение с продовольствием для людей и кормом для лошадей. Быстрота движения армии, за которой не мог угнаться обоз, породила голод и мародерство.

У Наполеона были заготовлены колоссальные магазины, обильнейшие запасы, но все эти бесконечные фуры не могли догнать быстродвигающуюся армию, и, еще даже не войдя в пределы России, солдаты стали грабить население. Надежда на широкое использование местных продовольственных и фуражных ресурсов не оправдалась, русские старались уничтожить все, что могло бы оказаться полезным врагу. При остановках на ночлег в деревнях создавалось необычайное скопление войск, что лишало наполеоновских солдат необходимого отдыха. Даже когда были мука и мясо, полковые пекарни и кухни не успевали из них готовить еду для такого количества людей.

Уже 2 июля, через восемь дней после вторжения в русские пределы, Наполеон подписал суровый приказ по армии: арестовывать всех солдат, уличенных в грабеже и мародерстве, предавать их военно-полевому суду и в случае обвинительного приговора расстреливать немедленно. Но даже частые казни, перед чем никогда не останавливался маршал Даву, не помешали непрерывным грабегам со стороны войск 1-го корпуса французской армии, занявших Минскую губернию; о других корпусах нечего и говорить.

Дисциплина в «Великой армии» совсем не походила на обычную дисциплину наполеоновских войск, так восхищавшую военных того времени. Да и сама армия была не та, что прежде. Французы в ней на этот раз составляли меньшинство, преобладали же немцы, итальянцы, голландцы, португальцы, испанцы, хорваты, швейцар-

цы. Никогда еще Наполеону не приходилось в самые первые дни войны выслушивать столько докладов о дезертирах, об отстающих, о солдатах, покидающих ночью полк, чтобы, собравшись в шайки, заниматься мародерством. В немецких частях начались беспорядки. Вюртембергскую бригаду пришлось даже расформировать. Дело дошло до того, что император приказал своему начальнику штаба Бертье передать 4 июля маршалу Нею повеление: «Разослать отряды кавалерии под начальством офицеров главного штаба, чтобы изловить оставших, многие из них совершают преступления и кончают тем, что попадают в руки казачков».

Луи Александр Бертье (1753–1815), маршал Франции, принц Невшательский и Ваграмский.

Учитывая это, Наполеон решил приостановить действия против 1-й русской армии и ограничиться окружением армии Багратиона. Группу Даву император усилил дивизией Клапареда, входившей в состав Молодой гвардии.

Попытка Багратиона пробиться на соединение с 1-й армией через Вилейку не удалась, город уже был занят французами. Тогда он повернул на Минск, но и здесь его армия была опережена войсками Даву. Положение Багратиона казалось отчаянным. У него насчитывалось около 40 000 человек, так как целых две дивизии были уже в начале преследования отброшены на Волынь. За ним гнались маршал Даву с 70 000, Понятовский с 35 000, король Вестфальский Жером Бонапарт с 16 000, Груши с 7000 и Латур-Мобур с 8000 солдат. Даже если из этого количества вычтуть оставших, больных и мародеров, то все равно оставалось около 100 000 свежего, великолеп-

300

но вооруженного войска с обильной кавалерией. И все-таки Багратион ушел. Французские командиры сваливали вину один на другого. Отбиваясь с обычным своим мастерством и упорством от наседавшего на него Даву, Багратион бросился к югу и здесь мог бы погибнуть, если бы Жером Бонапарт пришел вовремя и перерезал ему путь. Однако последний промедлил, и Багратиону удалось уйти раньше, чем сомкнулись французские клещи. Он повернул на Несвиж, чтобы, двигаясь через Слуцк, Бобруйск, Могилев, выйти на соединение с армией Баркляе-де-Толли. При этом Александр I выражал недовольство действиями Багратиона, так как считал, что 1-я армия делает ошибку, отходя к Дриссе, и требовал от Баркляе начать совместные действия. 3 июля он писал к Ермолову: «Стыдно носить мундир, ей-богу, я болен... Что за дурак... Министр Барклай сам бежит, а мне приказывает всю Россию защищать. Пригнали нас на границу, растыкали, как шашки, стояли, рот разинув, загадили всю границу и побежали...»

Отступление 2-й армии сопровождалось частыми стычками с наседавшими французскими войсками. Особенно ожесточенные бои вели казаки атамана Платова, которые прикрывали тыл армии Багратиона. 9 и 10 июля войска Платова разбили около местечка Мир кавалерийскую дивизию генерала Рожнецкого, а 14 июля около Романова уничтожили два кавалерийских полка противника. Эти победы облегчили отход 2-й армии, но положение ее оставалось опасным. Находясь в Слуцке, Багратион узнал, что кавалерия Даву движется на Бобруйск. И на этот раз русский генерал вывел свою армию из трудной ситуации. Осуществив переправу через Березину под прикрытием гарнизона Бобруйской крепости, он направился к Могилеву. Даву подошел к Могилеву раньше Багратиона. 22 июля французы заняли удобную позицию в 11 километрах от города у деревни Салтановка и стали ждать подходившую армию Багратиона. В тот же день состоялся встречный бой между французскими и русскими войсками. Багратиону не удалось прорваться, он оставил у Салтановки корпус генерала Раевского, а сам с основными силами скрытно отошел к Новому Быхову и 25 июля переправился через Днепр.

Весь день 23 июля кипело сражение у Салтановки, где держался арьергард Раевского. По напряженности боя Даву считал, что перед ним вся армия Багратиона, он даже начал готовиться к генеральному сражению. Но на следующий день Раевский отступил. Только через двое суток Даву узнал, что армия Багратиона вышла из окружения и находится уже на левом берегу Днепра, 2-я Западная армия через Чериков и Мстиславль двигалась к Смоленску. В это время армия Торماسова пыталась выдвинуться на сообщения противника, но после неудачного боя у Городечны начала отступление южнее Пинских болот.

Наполеон был очень недоволен неожиданным спасением Багратиона от неминуемого, казалось, разгрома и плена. Правда, все-таки частично Даву исполнил повеление императора: багратионовская армия не была допущена к Витебску и только в Смоленске могла соединиться с армией Баркляя-де-Толли. Во всяком случае следовало немедленно извлечь пользу из того обстоятельства, что Багратион ушел, а армия Баркляя-де-Толли могла располагать только собственными силами. Почти одновременно с сообщением о переходе 2-й русской армии на левый берег Днепра в Вильно к Наполеону пришла и другая весть: оказалось, что 16 июля Барклай-де-Толли со всем войском внезапно покинул укрепленный лагерь в Дриссе и пошел к Витебску.

Пребывание Наполеона в Вильно растянулось на 18 дней. Основной причиной столь длительной стратегической паузы явилась необходимость изменить операционную линию. Удар по Вильно пришелся по пустому месту, но на его проведение ушло время. Нужно было заново создавать базу, на которую могли опереться войска, а также следовало подтянуть из Германии вновь сформированный 9-й корпус. Оказалось, что сил, которые были в распоряжении Наполеона, не доставало. Из 440 000 человек первого эшелона наполеоновской армии собственно французов было только 225 000, причем около 120 000 из них — молодые солдаты, не имевшие боевого опыта. Не приходилось надеяться и на иностранные контингенты: среди этих войск многие враждебно относились к самому Наполеону и вовсе не хотели рисковать жизнью за

чуждые им французские интересы. Именно из этих частей больше всего дезертировало солдат, образовывавших в тылу армии многочисленные группы мародеров. «Пример» показали баварцы: более 6000 человек ушли в леса, покинув ряды «Великой армии». Решая вопросы обеспечения тыла, Наполеон одновременно разработал новый план.

Он вовсе не рассчитывал на то, что русские генералы настолько глупы, что допустят окружить свою армию в Дриссе; он предполагал, что Барклай-де-Толли в конце концов предпримет попытку соединиться с Багратионом. Чтобы не допустить этого, Наполеон решил переправить свою гвардию и два пехотных корпуса на правый берег Двины между Дисной и Полоцком. Этим самым русским войскам преграждался путь на Витебск и Смоленск, и они должны были или принять сражение на месте, или отойти к Пскову. Дабы отвлечь внимание русских от этого маневра, группе Мюрата предписывалось демонстрациями удерживать Барклай-де-Толли на месте. Все дело заключалось в быстроте исполнения плана, но французам не удалось предупредить 1-ю русскую армию.

К 14 июля войска Мюрата, Удино и Нея обложили Дрисский лагерь с юго-запада, в то время как главные силы Наполеона поспешно совершали фланговый обход. Когда Наполеон получил сведения о том, что русские войска покинули Дриссу и двигаются к Полоцку, он приказал ускорить марш, чтобы опередить Барклай-де-Толли. Но уже 21 июля ему стало известно, что русские войска покинули Полоцк и двинулись на восток, к Витебску. Это резко меняло обстановку. Сделанные усилия оказались бесполезными, обходной маневр был сорван.

Перед выступлением русских войск из Полоцка Александр I оставил действующую армию и уехал в Москву. Благовидным поводом для этого послужило представление, сделанное царю Аракчеевым, Балашовым и Шишковым, указавшими на необходимость его присутствия в столице для организации и подготовки резервов. Но, уезжая из армии, Александр так и не назначил главнокомандующего всеми войсками.

1-я армия подошла к Витебску 23 июля. Барклай-де-Толли рассчитывал дождаться здесь Багратиона и дать

сражение «Великой армии». Чтобы задержать французов в их движении на Витебск, Барклай-де-Толли выслал навстречу французскому авангарду 4-й пехотный корпус под начальством графа Остермана-Толстого, который пошел по дороге из Витебска к Бешенковичам, но, едва пройдя 12 верст, наткнулся на головную часть французской кавалерии. Русские гусары опрокинули французов и, увлекшись преследованием, налетели на неприятельскую конную бригаду, перебившую многих из них и отбросившую остальных. Этот бой произошел у местечка Островно 25 июля. На помощь русским гусарам подоспели главные силы Остермана-Толстого. Граф занял позицию в одном километре от местечка, развернув войска в две линии поперек дороги на Витебск. Фланги упирались в болотистый лес. В это время к месту событий вышла вся кавалерия Мюрата, которая построилась для атаки в глубоком боевом порядке.

Завязался упорный бой, в течение которого обе стороны тщетно пытались совершить обходной маневр через лес. Не принесло Мюрату успеха включение в бой вновь подошедшей дивизии Дельзона. Французские и русские войска несли чувствительные потери от артиллерийского огня. К исходу дня подошли части кавалерийского корпуса Уварова, под прикрытием которых русская пехота начала отходить к деревне Какувячина.

Бой под местечком Островно задержал продвижение корпуса Мюрата, что обеспечило возможность сосредоточения у Витебска всех русских войск. Барклай-де-Толли, ожидая прибытия армии Багратиона, решил дать здесь сражение. На смену уставшим войскам Остермана-Толстого была выслана 3-я дивизия Коновницына, которая должна была исполнять функции арьергарда. На рассвете 26 июля произошла смена частей. Коновницын, дав жесточайший бой против двукратно превосходящего его противника, задержал французский авангард еще на один день. Жомини по этому поводу как-то заметил: «Трудно рассеять русский корпус: какое-то врожденное чувство побуждает русского солдата в случае опасности собираться в кучу, нежели бежать вразброд».

Упорное сопротивление русских заставило Наполеона предположить, что Барклай-де-Толли намерен дать ге-

неральное сражение и под Витебском. Сам император до того жаждал битвы, что еще в походе, на пути к Витебску, приказывал Мюрату и Богарне не препятствовать отдельным отрядам русской армии соединиться с главными русскими силами: «Если неприятель хочет сражаться, то для нас это большое счастье... Поэтому нет неудобства в том, чтобы предоставить ему соединить свои силы, потому что иначе это могло бы для него послужить предлогом, чтобы не драться».

Все эти дни Барклай-де-Толли стоял перед мучительным выбором. Позиция на берегу реки Лучоса была явно неудовлетворительной и для сражения не годилась. Кроме того, 1-я армия имела в строю немногим более 73 000 человек, тогда как у Наполеона было под рукой 150 000. Наконец, пришло известие, что Багратиону не удалось прорваться через Могилев и что он рассчитывает соединиться в Смоленске. На созванном военном совете было принято решение отходить к Смоленску.

27 июля основные силы наполеоновской армии подошли к Витебску, император решил атаковать русскую армию на следующий день. Французы расположились у реки Лучосы и готовились к сражению. На другом берегу горели бивачные огни русских. Все говорило о том, что русские войска остаются на месте. На самом же деле в ночь на 28 июля 2-я Западная армия отходила тремя колоннами в направлении Поречья и Рудни, двигаясь к Смоленску, где и сосредоточилась к 1 августа.

Когда на рассвете готовые начать сражение французы увидели, что русских нет, Наполеон пришел в ярость. Надежды императора на быструю развязку снова рушились. На этот раз он уже совсем, казалось, держал победу в руках, и она снова ускользнула.

Наполеон вступил в Витебск, а на другой день один из его отрядов обнаружил русский арьергард в одном переходе от Витебска к Поречью, императору стало ясно, что все его усилия уничтожить 1-ю русскую армию были напрасны. Теперь ему уже не надо было спешить по следам русских войск: он уже не мог воспрепятствовать соединению двух русских армий. Это соединение, произошедшее под Смоленском 3 августа, было крупным стратегическим успехом русского командования.

Наполеон решил остановиться в Витебске, чтобы привести войска в порядок, обеспечить их продовольствием, тем более, что здесь его ожидал приятный сюрприз — русские не успели уничтожить витебские запасы. Таким образом, пройдя около 480 километров от Ковно до Витебска в тридцать дней, Наполеон, наконец, расположил свою армию на квартирах в простанстве между Витебском, Суражем и Могилевом. Остальные войска оставались на обеспечении флангов и тыла.

Перед императором снова встал вопрос: что делать дальше?

Смоленское сражение. 16—17 августа

По соединению обеих армий состоялось под ружьем около 110 тысяч, противу коих стоял Наполеон с 250 тысячами. Атаковать его при таких несоразмерных силах было бы совершенное сумасшествие; почему я и должен был удовлетвориться только тем, чтобы беспокоить его одними легкими войсками.

Барклай-де-Толли

В два месяца мы пожали такие плоды, которых могли ожидать разве в два года войны. Довольно. До весны нужно организовать Литву и снова создать непобедимую армию. Тогда, если мир не придет искать нас на зимних квартирах, мы пойдем и завоюем его в Москве.

Наполеон

В Витебске Наполеон сделал паузу. Сначала он хотел было остановиться здесь на зимовку. «Я здесь остановлюсь, — заявил император маршалам, — здесь я хочу осмотреться, дать отдохнуть армии и организовать Польшу; кампания 1812 года окончена...» Казалось, что Наполеон достиг решающего успеха. В этом духе оповестили

Европу французские бюллетени, но сам император хорошо понимал, что этот успех мало значит, пока существует русская армия.

Соединение русских войск меняло положение дел. Опираясь на укрепления Смоленска, они могли оказать сопротивление Наполеону. Рассчитывая на это, французский полководец решил заставить, наконец, русских дать сражение, к которому он страстно стремился. К этому вынуждала его и складывающаяся политическая обстановка. В Витебске император узнал о подписании союза России с Англией и Швецией и ратификации мирного договора России с Турцией. Здесь же ему доложили об огромных людских потерях в боях, а также от болезней и вследствие дезертирства. Внушало беспокойство и то обстоятельство, что на его правом фланге появилась группировка русских войск в составе 3-й Западной и освободившейся Дунайской армий, насчитывающая около 60 000 человек, а на левом — корпус Витгенштейна и финляндская армия Штейгеля, численностью до 40 000 человек. Их появление создавало угрозу базе и операционной линии. Это заставило Наполеона отправить на данные направления пять корпусов и оставить на главном только 185 000 солдат. Серьезную опасность для французов представляло начавшееся в Литве и Беларуси партизанское движение. Снова надо было поворачивать армию, теперь уже к Смоленску.

Уже приняв решение, император медлил и как будто ждал какого-то сигнала. И он был подан. 10 августа Наполеону донесли, что генерал Себастиани подвергся внезапному нападению со стороны русской кавалерии около Инкова.

Сразу воскресла надежда на то, что русские остановились где-то около Днепра, на левом берегу реки. Наполеон немедленно отдал приказ по армии: выступать с витебских стоянок и идти на русских.

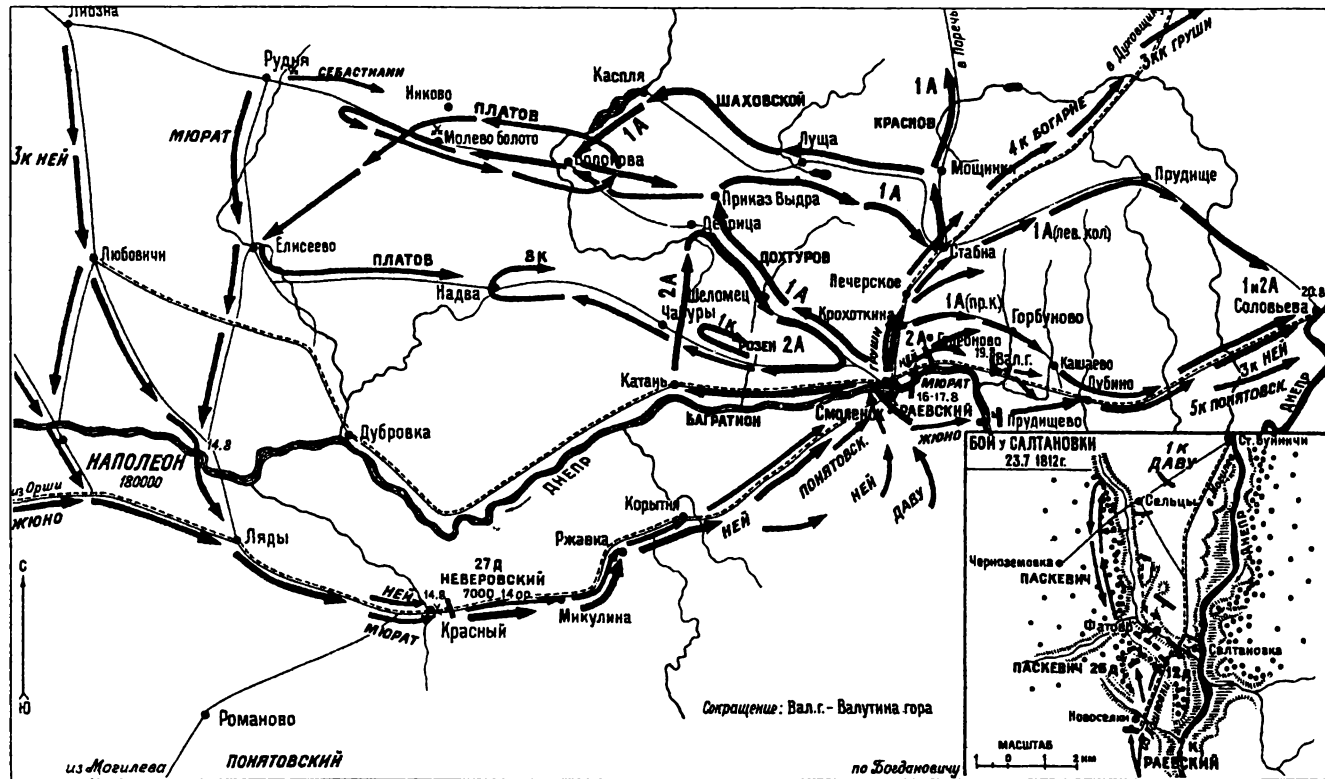
Две русские армии, соединившись в Смоленске, имели теперь в составе объединенных войск 110 000 солдат и 12 000 ополченцев. Тотчас после встречи между Барклай-де-Толли и Багратионом начались разногласия относительно дальнейших планов военных действий. Барклай-де-Толли считал, что соотношение сил не в пользу

русских, а посему нужно продолжать отход. Иного мнения держался Багратион и другие генералы. Положение осложнялось тем, что командующие армиями обладали равными правами, хотя формально Багратион признал старшинство Барклай-де-Толли как военного министра. На военном совете было принято решение перейти к наступательным действиям.

Согласно выработанной диспозиции, русские войска должны были выдвигаться в направлении Рудни и по правому берегу Днепра. Впереди главных сил развертывалось казачье войско Платова. Наступление началось 7 августа, но едва обе армии совершили один переход, как Барклай-де-Толли на основании неверных разведывательных данных о сосредоточении неприятельских войск у Поречья сделал вывод, что Наполеон собирается обойти его правый фланг. Поэтому он приказал 1-ю армию выдвинуть к Поречью, а 2-ю на Рудненскую дорогу, чтобы она могла в случае необходимости подкрепить первую. Три дня обе армии простояли на Пореченской и Рудненской дорогах, пока не выяснили действительную обстановку. Теперь Барклай-де-Толли, полагая, что Наполеон намеревается отрезать 1-ю армию от Смоленска, принял решение сосредоточить силы обеих армий на позиции у деревни Волоковой по Рудненской дороге. В результате, всего с 8 по 14 августа русские войска совершали бесплодные передвижения и теряли драгоценное время.

Багратион, видя всю эту бессмыслицу, решил увести свою армию обратно к Смоленску и начал отводить войска. Он подозревал, что Наполеон начнет наступление не по Рудненской, а по Красненской дороге, которая прикрывалась лишь слабым наблюдательным отрядом Неверовского. Эту дорогу Барклай-де-Толли оставил без внимания в своих выкладках и этим открыл императору возможность совершить внезапный обход.

12 августа первые части наполеоновской армии вышли из Витебска, а на следующий день во главе с императором на восток двинулась гвардия. Оставив на Рудненской дороге прикрытие, Наполеон 13 августа вышел к переправе через Днепр у Хомино и Расасны. Для удара на Смоленск он сосредоточил пять пехотных, три кавалерийских и одну артиллерийскую дивизию.

Боевые действия под Смоленском. 14–20 августа 1812 года.

Русский поход. 1812 год

лерийских корпуса и гвардию. В голове французской армии находилась 15-тысячная кавалерия Мюрата. Император намеревался фланговым движением вдоль левого берега Днепра обойти русские армии и выйти к Смоленску.

Утром 14 августа Мюрат прошел Ляды и двинулся на Красный, который занимал отряд Неверовского, состоявший из 27-й дивизии и приданных к ней частей кавалерии и артиллерии — всего 7000 человек при 14 орудиях.

Силы были явно неравны. Неверовский принял бой, но, атакованный с фронта и с флангов, потеряв всю артиллерию, вынужден был отступать. Построив войска в два каре, он медленно отходил по дороге к Смоленску. Все попытки Мюрата расстроить русскую пехоту были бесплодны; он упорно атаковал каре в конном строю, но безрезультатно. К вечеру отряд Неверовского закрепился на переправе через речку Ивань и остановил здесь французскую конницу. Наполеон был поражен результатами этого боя. «Я ожидал всей дивизии русских, а не семи отбитых у них орудий», — сказал он приближенным. Неожиданное для императора упорное сопротивление Неверовского сорвало замысел Наполеона внезапно выйти к Смоленску, овладеть им и заставить русских принять сражение с перевернутым фронтом. Русский наблюдательный отряд задержал продвижение главных сил французской армии на целые сутки.

В это время 1-я Западная армия сосредоточилась у Волоковой, а 2-я у Надвы. Лишь когда было получено сообщение о появлении главных сил Наполеона у Красного, стала ясна необходимость незамедлительного отвода войск к Смоленску. Но 1-й армии нужно было преодолеть 40 километров, а второй — 30. К тому же русские солдаты промаршировали все предыдущие дни. Воспользовавшись тем, что корпус генерала Раевского отошел от Смоленска только на 12 километров, Багратион приказал ему немедленно вернуться в город. В ночь с 14 на 15 августа 7-й корпус вошел в Смоленск, здесь он соединился с остатками отряда Неверовского. Всего в распоряжении Раевского оказалось около 15 000 солдат и 76 орудий. Перед ним стояла трудная задача: до подхода остальных

русских войск удерживать крепость своими силами против всей армии Наполеона.

В 17 часов 13 августа конница Мюрата и пехота Нея вышли к предместью Смоленска, огибая город с юго-запада. Смоленск, насчитывавший около 13 000 жителей, не был подготовлен к обороне. Но смоляне в короткое время успели собрать 12 000 человек ополченцев. На их экипировку не хватило ни времени, ни средств, вооружены они были преимущественно холодным оружием. На Ермолова ополченцы произвели впечатление «толпы мужиков, без всякого на лета их внимание, худо снабженной одеждою, совсем невооруженной».

Смоленск был обнесен старинной каменной стеной протяженностью около пяти километров, впереди которой находился ров. Семнадцать башен стены обеспечивали продольный обстрел. Из города вели трое ворот. Для гладкоствольной артиллерии того времени массивные стены Смоленска представляли серьезное препятствие, но оборону затрудняло довольно обширное предместье, состоящее из деревянных построек. Ополченцы первым делом принялись укреплять стены города, а потом участвовали в его обороне, сыграв особенно большую роль в первый период боя до подхода основных сил русской армии.

Французы начали сражение около 7 часов утра 16 августа. Маршал Ней развернул пехоту и начал артиллерийский обстрел. Под прикрытием огня артиллерии в атаку пошла конница Груши и выбила из Красненского предместья три полка 26-й пехотной дивизии. Вслед за кавалерией пошла в атаку французская пехота. «Два раза, — писал Наполеон, — храбрые войска Нея достигали контрэскарпа цитадели и два раза неподдержанные свежими войсками были оттесняемы удачно направленными русскими резервами». К девяти часам к Смоленску прибыл император. Он решил отложить генеральную атаку города до подхода главных сил, которые в основном сосредоточились во второй половине дня.

Вечером 16 августа Ней сделал еще одну попытку штурма, но неудачно. Таким образом, все французские атаки в этот день были отбиты в первую очередь огнем артиллерии. Обстрел крепости из 150 французских ору-

дий также не дал результатов. Позже Раевский отмечал, что Смоленск ему удалось отстоять только благодаря «слабости атак Наполеона, который не воспользовался случаем решить участь русской армии и всей кампании».

К вечеру этого же дня к городу подошла 2-я армия, войска 1-й армии прибыли поздно ночью. Активные действия 7-го корпуса дали возможность всем русским войскам собраться вместе. Правда, одновременно сконцентрировались и все французские силы. Теперь 183 000 французов противостояли 110 000 русских. Есть основания предполагать, что Наполеон снова хотел дать возможность русским войскам собраться вместе, чтобы разбить их сразу в решительном сражении.

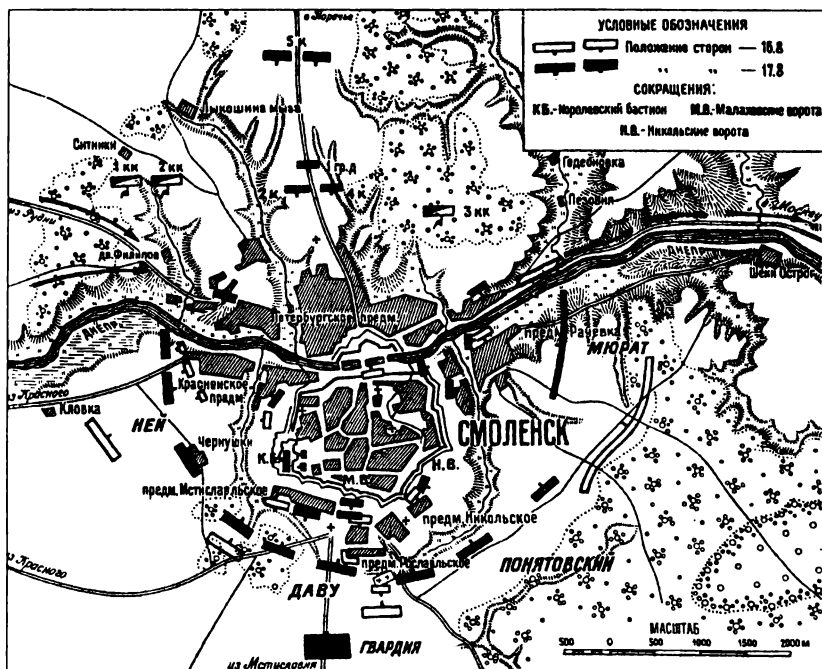
Сражения ждали и желали и в русской армии. Особенно настаивал на этом Багратион, который писал Аракчеву: «Я клянусь вам моей честью, что Наполеон в таком мешке, как никогда, и он мог бы потерять половину армии, но не взять Смоленск. Войска наши так дрались и так дерутся, как никогда. Я удерживал их с 15 тысячами более 35 часов и бил их; но он (Барклай-де-Толли. — В.Б.) не хотел оставаться и 14 часов».

Барклай-де-Толли действительно не хотел рисковать армией и дал приказ об отступлении по Московской дороге. Из Смоленска, по его мнению, нужно было уходить, промедление грозило гибелью. Барклай-де-Толли знал, что скажут о нем, но не видел другого выхода. В первую очередь, должна была выступить 2-я армия, а за ней 1-я — через Крохоткино, Горбуново и Лубино. Получив этот приказ, Багратион сообщил Барклаю-де-Толли, что намерен завтра же вступить в Дорогобуж, где постарается занять выгодную позицию и не упустить ничего, «чтобы дать неприятелю отпор и уничтожить все его покушения на дорогу Московскую». При этом Багратион просил Барклая-де-Толли «не отступать от Смоленска и всеми силами удерживать вашу позицию».

В ночь с 16 на 17 августа корпус Раевского был сменен 6-м корпусом Дохтурова и 3-й дивизией Коновницына. Кроме того, в Смоленске осталась 27-я дивизия Неверовского, или то, что осталось от нее, и один егерский полк 12-й дивизии. На правом берегу Днепра для обстрела подступов к городу с флангов были развернуты две груп-

ны батарей под командой генерала Кутайсова. Всего в Смоленске оставалось 20 000 русских войск при 180 орудиях против всех французских сил, имевших 300 орудий.

Наполеон ночью расположил свои силы для штурма: на правом фланге действовали Мюрат и Понятовский, в центре — Даву, на левом фланге — Ней. На рассвете 17 августа французы овладели окраинами предместий, но русские выбили их оттуда. До середины дня продолжались отдельные стычки и артиллерийская перестрелка. Но когда Наполеону доложили о начавшемся движении русских войск по Московской дороге, он активизировал свои действия. Сначала император поручил корпусу Жюно броситься наперерез русским войскам, но без переправочных средств это сделать не удалось. Попытка найти брод через Днепр не дала результатов. Оставалось одно — взять Смоленск штурмом и затем действовать русским во фланг.

Сражение при Смоленске. 16-17 августа 1812 года.

Генеральная атака крепости началась в 15 часов. От огня французской артиллерии вспыхнули и сгорели предместья. Французы и поляки достигли крепостной стены, но здесь были отбиты с большим уроном. Нею удалось со своей стороны овладеть предместьем, но он не решился штурмовать Королевский бастион. В 17 часов Даву повел атаку Малаховских ворот и добился некоторого успеха. Но в это время в город подоспела русская дивизия Евгения Вюртембергского и отбросила французов. Повторные атаки между шестью и семью часами вечера, главным образом польскими частями, также были отбиты с тяжелыми потерями для атакующих.

Убедившись в невозможности взять город штурмом, Наполеон приказал подвергнуть его бомбардировке из всех орудий. «Злодеи, — писал Ф. Глинка, — тотчас исполнили приказ изверга. Тучи бомб, гранат и ядер полетели на дома, башни, магазины, церкви. И дома, церкви и башни обнялись пламенем — и все, что может гореть — запылало!»

Русские войска за два дня сражения потеряли около 10 000 человек, французы — 19 000. «Приступы неприятеля, — вспоминал Барклай-де-Толли, — были самые жесточайшие и отважные, но в возмездие того и потери его столь чрезвычайны, что наш урон ни мало не может войти против неприятельского... Цель наша при защите развалин смоленских стен состояла в том, чтобы, занимая тем неприятеля, приостановить исполнение намерения его достигнуть Ельни и Дорогобужа и тем предоставить князю Багратиону нужное время прибыть беспрепятственно в последний город».

Русские войска бились под Смоленском так, что даже во французских отчетах и мемуарах то и дело отмечались удивительные эпизоды. Так называемое Петербургское предместье Смоленска пылало ярким пламенем. Смоленск уже был покинут русскими, и в горевший город разом через несколько крайних улиц вступали французские войска. Русский арьергард под предводительством генерала Коновницына и полковника Толя отчаянно оборонялся, продолжая задерживать неприятеля. Русские стрелки рассыпались по садам и в одиночку били в густые французские цепи и в прислугу французской ар-

тиллерии. Русские солдаты не хотели уходить отсюда ни за что, хотя знали о неминуемой близкой смерти. «В особенности между этими стрелками выделился своей храбростью и стойкостью один русский егерь, поместившийся как раз против нас, на самом берегу, за ивами, и которого мы не могли заставить молчать ни сосредоточенным против него ружейным огнем, ни даже действием одного специально против него назначенного орудия, разбившего все деревья, из-за которых он действовал, но он все не унимался и замолчал лишь к ночи, а когда на другой день... мы заглянули из любопытства на эту достопамятную позицию русского стрелка, то в груде искалеченных и ращепленных деревьев увидели убитого ядром нашего противника, унтер-офицера егерского полка, мужественно павшего здесь на своем посту», — вспоминал французский артиллерийский полковник Фабер дю Фор.

Очевидцы с удивлением констатировали, что под Смоленском солдаты так жаждали боя, что начальникам приходилось шпагой отгонять их там, где они слишком уж безрассудно подставляли себя под французскую картечь. «Ожесточение, с которым войска наши, в особенности пехота, сражались под Смоленском... невыразимо. Нетяжкие раны не замечались до тех пор, пока получившие их не падали от истощения сил и течения крови». Смоленская трагедия была особенно страшна еще и потому, что русское командование эвакуировало сюда большинство тяжелораненых из-под Могилева, Витебска, Красного, не говоря о раненых из отрядов Неверовского и Раевского. Эти тысячи людей были собраны в Старом городе, который загорелся еще во время битвы и сгорел дотла при отступлении русской армии, которая никого уже не могла спасти. Французы, войдя в город, застали здесь картину незабываемую. «Сила атаки и стремительность преследования дали неприятелю лишь время разрушить мосты, но не позволили ему эвакуировать раненых; и эти несчастные, покинутые на жестокую смерть, лежали здесь кучами, обугленные, едва сохраняя человеческий образ, среди дымящихся развалин и пылающих балок. Многие... лежали на улицах, превратившись в обугленные массы, и позы их указывали на страш-

ные муки, которые должны были предшествовать смерти. Я дрожал от ужаса при виде этого зрелища, которое никогда не исчезнет из моей памяти. Задыхаясь от дыма и жары, мы поспешили выбраться за город. Казалось, я оставил за собою ад», — так описывал увиденное полковник Комб.

Продолжать оборону Смоленска дальше было опасно. Наполеон, обладая значительным численным превосходством, мог сковать под городом главные силы русских войск, переправиться через Днепр и, выйдя в тыл, отбросить русские войска в северо-восточном направлении от Московской дороги. Учитывая это, Барклай-де-Толли приказал начать отход с 17 на 18 августа. В эту ночь канонада и пожары усилились, а затем французы услышали взрывы неслыханной силы: русские уничтожали пороховые склады. К утру город, кроме Петербургского предместья, занимаемого арьергардом, был оставлен русскими войсками. Большая часть населения так же его покинула.

18 ноября французы вошли в Смоленск. Они заняли город, «не имея, кроме себя, иных свидетелей своей славы. Спектакль без зрителей, победа почти без плодов; кровавая слава, дым которой окружал нас, был, казалось, единственным нашим приобретением». Победители тут же бросились грабить то, что еще уцелело. «Трудно было, — объяснял Наполеон, — избавиться от грабежа город, взятый, можно сказать, на копье и брошенный жителями; все, что в нем оставалось, сделалось добычею моих воинов, ожесточенных долговременными лишениями первейших потребностей жизни».

Так закончилась борьба за Смоленск. Русские армии были сохранены, но стратегическая обстановка оставалась неясной. Овладение Смоленском стало значительным успехом Наполеона. Теперь русская армия до самой Москвы не имела крупного опорного пункта. И недаром Кутузов сказал об оставлении Смоленска: «Ключ к Москве взят». Но само сражение показало, что русские полны сил. Отступая, они наносили противнику серьезные удары: армия Наполеона таяла, далее Смоленска он смог повести не более 140 000 войск.

В Смоленске перед императором встала та же дилемма, что и в Витебске: а что же дальше? Сначала он решил остаться здесь и вторично сказал своим приближенным, что кампания 1812 года завершена. Но не прошло и двух дней, как император изменил свое решение. Сообщения из Европы были тревожными, недовольство французским режимом зрело повсюду, еще острее оно проявлялось на только что занятых территориях. Население уходило в леса и вело борьбу с французскими гарнизонами. Эти пока отдельные выступления грозили превратиться в народную войну. По опыту Испании Наполеон знал, что это значит. Русские отошли, сохранив свои силы, и нельзя было допустить изменения соотношения сил в пользу России.

Так стратегия была поставлена в зависимость от тактики, от непосредственных успехов: «...Находясь уже на такой головокружительной высоте и при том непрочном фундаменте, на который он опирался, Наполеон уже не мог решиться на затяжные кампании. Ему необходимы были быстрые успехи, блистательные победы, завоеванные штурмом мирные договоры».

Наполеон решил идти дальше, не задерживаясь в Смоленске.

Русские армии под напором неприятеля уступили огромную территорию и отходили к Москве. Но это было славное отступление, высоко оцененное современниками. «То отступление, которое совершила русская армия в 1812 году, — писал Жомини, — от Немана до Москвы на расстоянии в 240 лье, не допустив себя расстроить или частично разбить такому неприятелю, как Наполеон... должно быть поставлено выше всех прочих».

В самом деле, из 175 000 человек, состоявших в начале войны в 1-й и 2-й армиях, до Бородина дошли 95 000 солдат. И это после боев у Витебска, Салтановки, Красного и Смоленска, после отделения части сил для прикрытия Петербурга и после тяжкого отступления с арьергардными боями. При всем том обе русские армии расстраивало отсутствие единоначалия. Барклай-де-Толли и Багратион оценивали обстановку и искали решения каждый по-своему. Оставив Смоленск, первый по-прежнему считал, что соотношение сил не позволяет дать решительного сра-

жения. По этой причине он отказался от позиции у Дорогобужа, а затем у Вязьмы и, наконец, решился дать битву у Царева-Займища. Багратион негодовал по поводу действий Барклая-де-Толли. Он требовал сражения. «Я вас уверяю, — писал он Ростопчину в Москву, — приведет к вам Баклай армию через шесть дней». Почти открыто командующий 2-й армией обвинил военного министра в отсутствии патриотизма. В армии зрело недовольство. Разногласие между командующими становилось опасным. Нужен был главнокомандующий, который бы пользовался всеобщим уважением и признанием не только в армии, но и в стране.

Для его избрания в Петербурге был созван Чрезвычайный комитет, который и определил на эту роль генерала Михаила Илларионовича Кутузова. Скрепя сердце царь утвердил назначение. Это произошло 20 августа.

Бородинское сражение. 7 сентября

Самое страшное из всех моих сражений — это то, которое я дал под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские оказались достойными быть непобедимыми.

Наполеон

29 августа М.И. Кутузов прибыл в Гжатск и принял командование русскими войсками. Весть об этом облетела армию. «Приехал Кутузов бить французов», — говорили солдаты. Облегченно вздохнули офицеры. Армию возглавил человек, которому верила страна, кончился период разногласий и исканий. Все ожидали, что французов остановят и не допустят к Москве, до которой было уже рукой подать.

Однако Кутузов, осмотрев позицию при Царева-Займище, отказался от сражения и приказал отходить на восток, стремясь сблизиться с резервными войсками, формируемыми под Москвой. По сведениям, получен-

ным от генерал-губернатора Ростопчина, к действующей армии должно было присоединиться более 100 000 человек. Но вместо обещанных Ростопчиным 31 000 человек резервов и 70 000 ополченцев в Гжатск прибыли под командой генерала Милорадовича всего 15 500 рекрутов, и на марше было около 25 000 ополченцев.

Всего, таким образом, насчитывалось около 135 000 войск. А по сведениям русского штаба, Наполеон выступил из Смоленска со 190 000 войск при 1000 орудий. Сам Кутузов, однако, считал, что у императора не более 165 000 солдат. Но зато каких! На знаменах этих частей можно было прочесть: «За Аустерлиц», «За Йену», «За Баграм». Русских же войск было меньше, на треть они состояли из новобранцев и ополченцев. Правда, все они горели желанием бороться за свое Отечество.

Кутузов, принимая армию, знал, что Барклай-де-Толли прав, что Наполеона погубят, если вообще что-нибудь его может погубить, отдаленность от базы; невозможность длительной, долгими месяцами ведущейся войны в нескольких тысячах километрах от Франции, в пустынной, враждебной громадной стране; недостаток продовольствия; непривычный климат. Но еще более точно Кутузов знал, что отдать Москву без генеральной битвы не позволят и ему, как не позволили это сделать Барклаю-де-Толли. И он решил дать эту битву — ненужную, по его глубокому убеждению. Излишняя стратегически, она была неизбежна морально и политически. В этом мнении сходились и иностранные наблюдатели: «Кутузов, наверное, не дал бы Бородинское сражение, в котором, по-видимому, не ожидал одержать победы, если бы голос двора, армии, всей России его к этому не принудил. Надо полагать, что он смотрел на это сражение как на неизбежное зло. Он знал русских и умел с ними обращаться».

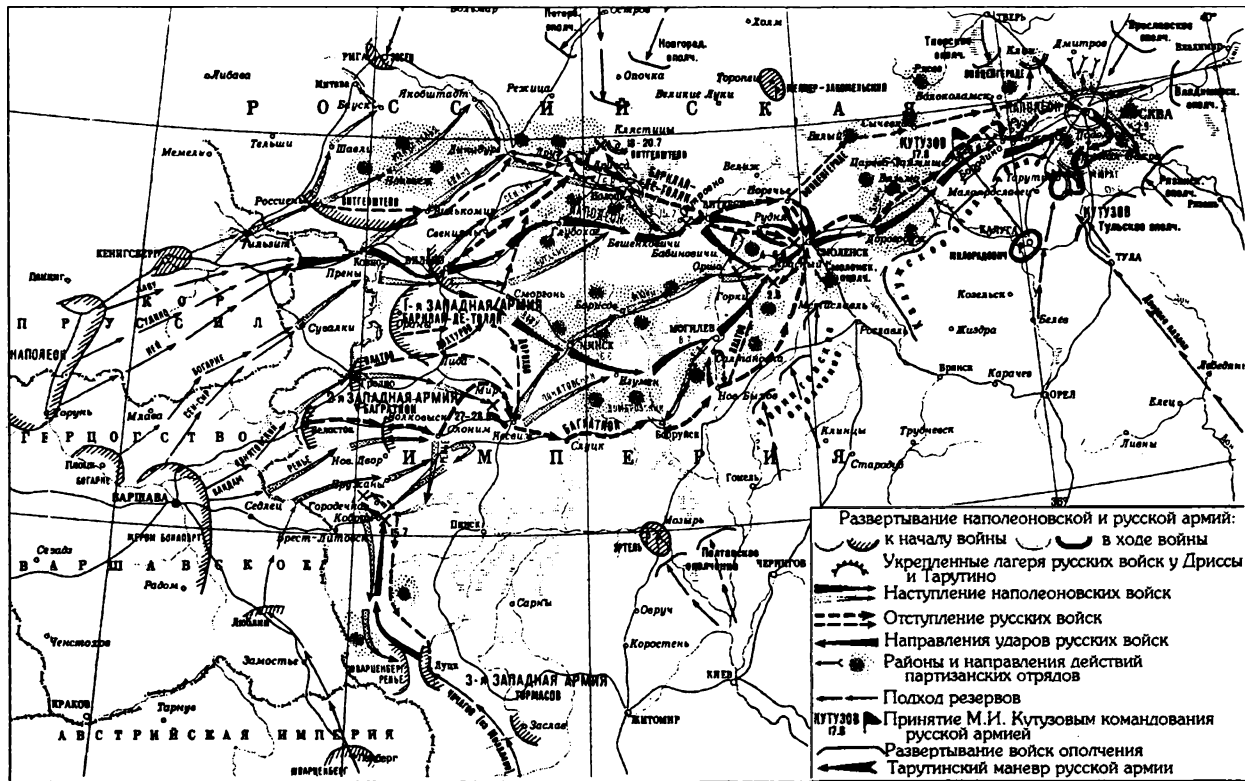
Итак, сражение было неизбежно. Кутузов это знал твердо, с этим обязательством он и получил верховное командование.

К генеральному сражению стремился также и французский император. После Смоленска и окончательного решения не растягивать войну на два года, а кончить все в один год, главной, непосредственной целью для Наполеона было войти в Москву и оттуда предложить царю

мириться. Но как ни жаждал император овладеть Москвой, он ни за что не хотел получить ее без боя; истребление русской армии, вот чего нужно было достичь какой угодно ценой, а не гоняться за русскими, если они вдруг вздумают уйти за Москву, к Владимиру или к Рязани, или еще дальше. Оттого-то Барклай-де-Толли и Кутузов, в отличие от Наполеона, и не хотели сражения. Император же полагал, что разгром главных сил противника повлечет за собой мир, выгодный и почетный. Мир становился все более необходим. Как ни велики были силы, с которыми Наполеон пришел в Россию, но их становилось все меньше. Из 440 000 первого эшелона «Великой армии» Наполеон потерял убитыми, ранеными и больными около 160 000 человек. После того как пришлось оставить почти 200 000 для обороны флангов и тыла, к Смоленску он смог привести около 200 000 солдат.

Французская армия уже устала, нуждалась в длительном отдыхе и, главное, она с самого начала войны не понимала, зачем нужен русский поход и верно ли, что границы Франции нужно защищать под Москвой? Еще в Витебске маршал Дарю докладывал императору: «Эта война непонятна французам, непопулярна во Франции, не народна». Наполеон тогда ответил, что «заключение мира ожидает меня у московских ворот», если нужно для этого генеральное сражение, то «я пройду до Москвы, до святого города Москвы, в поисках этого сражения, и я выиграю это сражение».

Для Наполеона смена Барклая-де-Толли, ставшая ему тотчас известной через лазутчиков, была сигналом, что русские решились, наконец, на генеральное сражение. 31 августа обе армии оставили позицию у Царева-Займища и, отойдя за Гжатск, остановились у деревни Ивашково. Однако и эта позиция оказалась неприемлемой, и русская армия продолжала отход к Колоцкому монастырю. Здесь Кутузов намеревался остановиться для боя, но у него было слишком мало времени для подготовки. Кроме того, от полковника Толя прибыло известие, что им обнаружена позиция, полностью отвечающая принципам тактики колонн и рассыпного строя. Выбрать позицию, позволяющую разместить большие массы войск и обеспечивающую возможность маневрировать ими в хо-

Наступление наполеоновской армии 24 июня – 2 октября 1812 года.

де сражения, было нелегким делом в лесистой местности. Но такая позиция обнаружилась в 12 километрах западнее Можайска, после осмотра Кутузов решил остановиться на ней. В донесении царю он дал ей положительную оценку: «Позиция, в которой я остановился при деревне Бородине... одна из наилучших, которую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить искусством. Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, тогда я имею большую надежду к победе».

Бородинская позиция седлала две дороги, ведущие к Москве: новую Смоленскую, проходившую через Бородино, Горки, Татариново и старую Смоленскую, идущую через деревню Утица к Можайску. Правый фланг позиции примыкал к Москве-реке у деревни Маслово, левый — к труднопроходимому Утицкому лесу. В тылу находились лес и кустарник, что позволяло скрытно расположить войска и осуществлять маневрирование резервами. Район Бородинского поля представлял собой слегка всхолмленную местность, местами покрытую кустарником. С фронта поле прорезала река Колоча с пологим левым берегом и крутым правым. В Колочу впадали речки Война, Семеновская, Стонец, образовавшие довольно большие овраги. Господствующие высоты, как и населенные пункты Маслово, Горки, Семеновское и Утица, можно было использовать в качестве опорных пунктов. Позиция занимала 10 километров по фронту и до 5 километров вглубь.

На правом фланге, хорошо защищенном высокими берегами Колочи и, по существу, неприступном для неприятеля, а также в центре Кутузов решил расположить значительные силы: три пехотных и три кавалерийских корпуса и казаков атамана Платова. Располагая таким образом свои войска, русский полководец стремился заставить французского императора вести фронтальное наступление главными силами в узком дефиле между Колочей и Утицким лесом, исключая возможность охвата флангов русской армии. Войска правого фланга, занимая позицию вблизи новой Смоленской дороги, представляли собой сильную группировку, создававшую серьезную

угрозу для левого крыла наполеоновской армии. Вместе с тем эти силы могли быть использованы и как резерв. Кутузов приказал построить мосты, переходы через ручьи и овраги для того, чтобы можно было перевести войска правого фланга на левый в тот момент, когда противник предпримет там наступление основными силами. Лежащую впереди позиции деревню Шевардино фельдмаршал решил превратить в передовой опорный пункт и приказал построить у деревни редут, «чтобы лучше открыть истинное направление неприятельских сил, а если возможно, то и главное намерение Наполеона».

Император, заняв Гжатск, дал двухдневный отдых своим войскам. На перекличке к началу сражения французская армия насчитывала 135 000 человек, «готовых к бою», и 587 орудий. Значительные отряды были выделены для охраны растянувшихся коммуникаций и обеспечения флангов основных сил, наступавших на Москву. Но зато это были отборные солдаты, наиболее сильные, стойкие, закаленные в боях, уверенные в собственной непобедимости, в выдающихся качествах своих командиров и в блестящем военном таланте своего вождя. Они верили Наполеону, который обещал, что им предстоит последний сокрушительный удар по русским, после чего их ждет богатая добыча в Москве, хорошие квартиры, щедрые награды и счастливое возвращение домой. Настроенная таким образом, хорошо обученная и организованная, французская армия под Бородином была грозной силой. Она рвалась в бой, чтобы опрокинуть последнее препятствие на пути к победе и миру. Наполеон привел на Бородинское поле 1-й, 3-й, 4-й и 6-й корпуса, резервную кавалерию, а также элиту — императорскую гвардию, возглавляемую маршалами Мортье и Бессьером.

В рядах русских войск также царил подъем. Армия долго ждала решительного боя с врагом и роптала, жалуясь на постоянные отступления. Когда же всем стало ясно, что сражение будет действительно дано, русские стали готовиться к решительному бою. Они клялись умереть, но не пропустить французов к Москве. Офицеры просили Кутузова разрешения одеться для боя в парадные мундиры. Солдаты чистили и точили оружие, одевали чистое белье.

В эти дни боевые действия велись лишь авангардами, стремившимися овладеть выгодными позициями для развертывания главных сил, которые стягивались к Бородину к середине дня 5 сентября. Осмотрев с возвышенности у деревни Валуево расположение русских войск, Наполеон убедился в невозможности атаковать их правый фланг и приказал овладеть левофланговым русским укреплением у Шевардино, чтобы перевести свои силы на правый берег реки Колочи.

Бой за Шевардинский редут стал прелюдией генерального сражения. Его защищал отряд русских войск (8000 пехоты, 4000 кавалерии и 46 орудий) под командованием генерала Горчакова-второго. Наполеон направил против них больше 35 000 отборных войск, в числе которых были три великолепных дивизии из корпуса Даву. Не довольствуясь этим, уже в разгар боя император послал атакующей колонне подкрепления. Всего в штурме участвовали 40 000 французов при 186 орудиях. К вечеру, после яростного боя, редут и деревня Шевардино были ими взяты. Причем русские артиллеристы стреляли до последней минуты, а когда французы все же ворвались в ретраншементы, они не бежали, а вступили в рукопашную схватку и были переколоты у своих орудий. Вечером Багратион послал к Шевардино подкрепления, и упорные бои возобновились. Лишь незадолго до полуночи Кутузов приказал своим войскам прекратить сопротивление и отойти к позициям левого фланга русских войск. Шевардинский бой дал русским выиграть время для завершения оборонительных работ на Бородинской позиции, позволил уточнить группировку противника и направление его главного удара.

6 сентября обе стороны уточняли свои замыслы и готовили войска к бою. Наполеон оставил на левом берегу Колочи лишь один итальянский корпус Евгения Богарне; главные силы — корпуса Даву, Нея, Жюно и Мюрата — сосредоточились на правом берегу реки и, кроме того, в обход русского левого фланга пустил корпус Понятовского. В резерве у него оставалась Старая и Молодая гвардия. Таким образом, для атаки центра и левого фланга противника Наполеон сосредоточил 86 000 человек и 467 орудий. Французские войска имели глубокое постро-

ение, что позволяло им наращивать силу удара из глубины. Наполеон, сознавая, что охват русской армии с флангов затруднен, планировал массированным ударом пехоты и конницы при поддержке мощного огня артиллерии расстроить левое крыло русских, а затем ударом по центру и флангу выйти в тыл армии Кутузова, прижать ее к Москве-реке и уничтожить. Большое внимание император уделил инженерной подготовке поля. Видимо, он не исключал того, что перед ним может возникнуть необходимость перейти к обороне. Он приказал укрепить батареи и сделать несколько полевых укреплений на левом фланге — против села Бородина — и в центре своего боевого порядка. «Его узнать нельзя, — писал Кутузов, — как осторожен, теперь закапывается по уши».

Еще более значительной была подготовка поля сражения у русских. Позиция была разделена на армейские и корпусные участки, на которых создавались укрепленные пункты. На правом фланге, от Москвы-реки до села Бородина, была возведена система укреплений — редутов и люнетов на 24 орудия — так называемые Масловские укрепления. На высотах севернее, западнее и южнее деревни Горки были устроены 5 полевых укреплений на 48 орудий. В центре, на высоте Курганная, оборудован центральный редут для 18-орудийной батареи — батарея Раевского. На левом фланге были возведены Семеновские флешы — три земляных укрепления на 36 орудий. В Утицком лесу были устроены засеки, завалы, «боевые» поляны и просеки.

К началу сражения русская армия имела в отрою 112 000 регулярных войск и 624 орудия. Кроме этого, около 11 000 казаков и 28 000 ополченцев. Боевой порядок русских войск включал четыре группировки. На правом фланге, от деревни Маслово до Горок, располагались 2-й, 4-й пехотные и 2-й кавалерийский корпус при 120 орудиях под общим командованием генерала Милорадовича. Действия этих войск на крайнем правом фланге прикрывали четыре казачьих и три егерских полка. В центре, от деревни Горки до высоты Курганная, находились 6-й пехотный и 3-й кавалерийский корпуса при 84 орудиях, возглавляемые Дохтуровым. Все эти войска входили в состав 1-й Западной армии Баркляя-де-Толля.

В резерве армии на ее правом крыле скрытно размещались 1-й кавалерийский корпус Уварова и отдельный казачий корпус Платова при 24 орудиях.

Левое крыло боевого порядка, между батареей Раевского и Утицким лесом, занимали войска 2-й Западной армии под общим командованием Багратиона, 7-й, 8-й пехотные и 4-й кавалерийский корпуса с 64 орудиями. За открытым левым флангом находился резерв армии — 2-я гренадерская и 2-я кирасирская дивизии с 80 орудиями. Район Утицы находился под наблюдением отряда генерала Карпова, Московского ополчения генерала Маркова и Смоленского ополчения генерала Лебедева.

Общий резерв русской армии состоял из 5-го пехотного корпуса, 1-й кирасирской дивизии и артиллерийского резерва в 186 орудий; располагался он за центром позиции в районе деревни Князьково. Кроме того, Кутузов на основе данных, полученных после Шевардинского боя, решил усилить свой левый фланг и 6 сентября вывел из резерва 3-й пехотный корпус Тучкова и поставил его на старой Смоленской дороге в районе Утицы с задачей быть готовыми действовать во фланг и тыл французских войск.

Боевой порядок русских войск был глубоким, устойчивым и обеспечивал маневр силами на поле боя. Его первую линию составляли пехотные, вторую — кавалерийские корпуса, третью — резервы. В первой линии находились 334 орудия, во второй — 104, в третьей — 186. Боевые порядки пехотных корпусов строились в линии пехотных дивизий, дивизии — в две линии полков, полки — в батальонные колонны. Впереди пехоты были развернуты цепи егерей. Кавалерийские корпуса строились в 300—400 шагах позади пехоты в две линии полков, развернутых для атаки. За кавалерией на дистанции 800 шагов располагались резервы. Общая глубина боевого порядка составляла 3—5 километров.

Штаб Кутузова размещался в деревне Татариново, а сам главнокомандующий в день сражения — в деревне Горки. «В сем боевом порядке намерен я привлечь на себя силы неприятельские и действовать сообразно его движениям», — разъяснял Кутузов в диспозиции. План его сводился к тому, чтобы упорным сопротивлением ог-

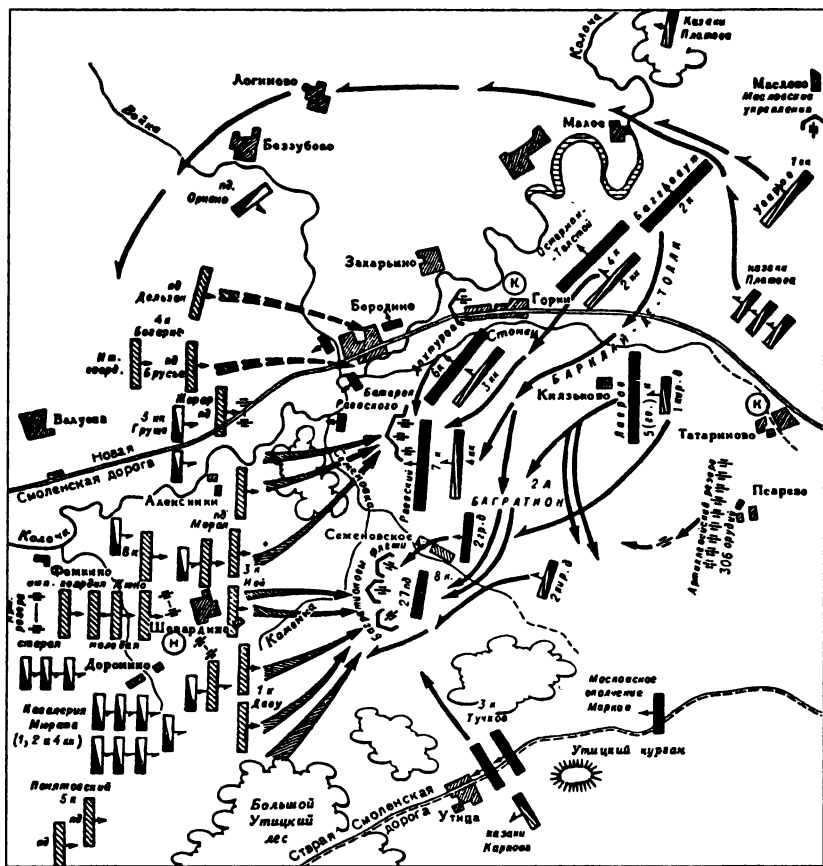
раниченных сил нанести противнику возможно большие потери на направлении его главного удара и расстроить его. В то же время сохранить полную свободу маневра своих резервов, расположив их во время сражения вне досягаемости противника. Накануне битвы главнокомандующий объехал войска, ободряя их и призывая к доблестной защите веры, царя и Отечества.

Целый день 6 сентября Наполеон не сходил с коня, руководя размещением войск, и каждые несколько минут вскидывал глаза на русский лагерь. Там шло какое-то движение и доносился долгий гул. В середине дня французы узнали, что Кутузов объезжает войска, что по лагерю провозят вывезенную из Смоленска икону Смоленской Богородицы. Наполеон подъехал к Шевардинскому редуту и поинтересовался у генерала своей свиты: «Сколько вчера взято в плен русских?» — «Они не сдаются в плен, государь!» — «Не сдаются? Хорошо, так мы будем их убивать!» — сказал Наполеон и поехал дальше. Он был простужен и неважно себя чувствовал. Вечером император ушел в свою палатку, но не спал сам и не давал спать своим адъютантам. Каждые час-полтора он выходил посмотреть: не ушел ли Кутузов? Видны ли огни на русских биваках? Огни горели. Кутузов не снимался с места. Внезапно Наполеон спросил у дежурного генерала Раппа: «Верите ли вы в завтрашнюю победу?» — «Без сомнения, Ваше величество, но победа будет кровавая». В постель император так и не ложился. Уже светало. Наконец, в палатку явился ординарец от маршала Нея, который спрашивал повеления, начинать ли бой, так как уже пробило 5 часов утра. Русские стоят на месте. Наполеон вскричал: «Наконец, мы их держим! Вперед! Откроем ворота Москвы!» Заря занялась, туман рассеялся, блеснул первый луч солнца. «Это солнце Аустерлица!» — воскликнул император.

В войсках зачитывался приказ, в нем говорилось: «Воины! Вот сражение, которого вы так ждали. Победа зависит от вас. Она необходима для вас, она доставит нам все нужное: удобные квартиры и скорое возвращение в Отечество. Действуйте так, как вы действовали при Аустерлице, Фридланде, Витебске, Смоленске. Пусть позднейшее потомство с гордостью вспоминает о ваших подви-

гах в сей день. Да скажут о каждом из вас: он был в великой битве под Москвою!»

Ранним утром 7 сентября началась самая кровопролитная битва всей наполеоновской эпопеи.

Бородинское сражение 7 сентября 1812 года.

Около шести часов утра разгорелась канонада с обеих сторон. Бой начался атакой корпуса Богарне на село Бородино, в котором находился русский передовой отряд. С запада действовала дивизия Брусье, с северо-запада — дивизия Дельзона. Солдаты лейб-гвардии егерского полка и морской экипаж, входившие в Бородинский отряд, вступили в перестрелку с противником, а после и в руко-

пашный бой. В своем донесении Александру I Кутузов позже напишет, что мужество егерского полка остановило неприятеля и что более часа они на виду всей армии сдерживали натиск французов. Тем не менее русским пришлось отойти за Колочу. Французы на плечах отступающих ворвались в их расположение, но в этот момент на помощь лейб-гвардии подоспел 1-й егерский полк. Соединившись с отступавшими, он бросился на врага. Русские не только прогнали неприятеля со своих позиций, но и отбросили его за Колочу и уничтожили мост. Село осталось за французами.

Овладев Бородином, Богарне прекратил наступление. Он должен был начать активные действия в центре позиции после того, как будет достигнут успех на левом фланге русских. Пока Богарне приказал соорудить юго-западнее Бородина батарею на 38 орудий и открыть огонь по батарее Раевского, а также навести через Колочу четыре моста для выдвижения войск к центру русской позиции. К местам переправы были стянуты итальянская гвардия, дивизии Жерара и Брусье и конница Груши. Для охраны тыла и наблюдения за русскими войсками у Бородина была оставлена дивизия Дельзона. Ни Наполеон, ни Богарне не считали возможным нападение русских войск на свой левый фланг.

Наступление на Бородино носило демонстративный характер, так же как и наступление 5-го корпуса Понятовского на деревню Утица по старой Смоленской дороге. Вообще-то Понятовский имел конкретную задачу — «обойти неприятельскую позицию». Но его силы для этого были явно недостаточными. Густой лес и плохие дороги затрудняли движение и, хотя Наполеон настойчиво требовал от Понятовского поторопиться, тому удалось выйти к Утице только к 8 часам утра.

Главные события развернулись у Семеновских флешей и высоты Курганная. В 6 часов утра Даву начал атаку флешей. Они оборонялись сводной гренадерской дивизией генерала Воронцова и 27-й пехотной дивизией Неверовского — всего около 8000 человек и 50 орудий. Французские дивизии Дессе и Кампана — более 25 000 солдат — построившись в две линии батальонных колонн на опушке Утицкого леса, пошли в атаку под прикрытием огня 102

орудий. Их встретили с фланга — огнем егерей, а с фронта — картечью орудий, расположенных на флешах. Французы не выдержали огня и отхлынули к лесу.

В 7 часов Даву вновь повел свои дивизии в атаку. Ценой больших потерь ему удалось захватить левую флешь Семеновских укреплений. По приказу Багратиона несколько батальонов контратаковали противника во фланг, а гренадеры Воронцова выбили его из укрепления. Французы были отброшены, а русская кавалерия преследовала их до леса. В этом бою был контужен Даву и оба командира его дивизий. Наполеон был поражен упорным сопротивлением русских. Усилив Даву корпусом Нея и кавалерией Мюрата, он отдал приказ возобновить натиск.

В это же время на крайнем левом фланге солдаты Понятовского захватили деревню Утица. Генерал Тучков со своими войсками отошел на Утицкий курган, закрепился там и не позволил Понятовскому выйти в тыл армии Багратиона. План Наполеона осуществить фланговый маневр оказался сорванным.

На фронте 2-й Западной армии Багратион, чтобы сдержать удар 35-тысячной группировки французов, стянул к флешам все свои силы. Он выдвинул на передовую из резерва 2-ю гренадерскую и 3-ю кирасирскую дивизии. Сюда же он направил восемь батальонов из 7-го корпуса Раевского, который оборонялся севернее флешей и, кроме того, поставил у деревни Семеновское 3-ю дивизию Коновницына. Кутузов, убедившись, что французы имеют у села Бородина слабые силы, приказал перебросить на левое крыло 2-й пехотный корпус Багговута, 4-й кавалерийский корпус и часть 3-го корпуса при 100 орудиях. Однако переброска этих сил могла быть закончена не ранее, чем через 1,5—2 часа. Поэтому при отражении очередной атаки французов Багратиону пока приходилось рассчитывать на собственные силы, а в данный момент он располагал 15 000 человек и 164 орудиями.

В 8 часов после артиллерийской подготовки из 160 орудий французы начали третью атаку. Выйдя из леса, они построились в несколько густых колонн и двинулись на Семеновские флешы: в этой атаке участвовали пять пехотных дивизий и три кавалерийских корпуса. Рус-

ские артиллеристы, выждав, когда неприятель приблизится на расстояние картечного выстрела, открыли по нему смертоносный огонь. Одновременно пехота дала несколько залпов. Французы валились десятками, но под жестоким огнем продолжали невозмутимо двигаться к флешам, куда им ценой невероятных усилий удалось ворваться. Главную тяжесть удара приняла на себя дивизия Воронцова, которую французы истребили почти полностью. Командир дивизии и весь его штаб были либо перебиты, либо жестоко изранены в штыковом бою. «Она исчезла не с поля сражения, а на поле сражения», — вспоминал Воронцов, замертво вынесенный с поля боя. Французы овладели флешами, но ненадолго. Подоспевшие русские резервы и остатки гренадер Воронцова ударили в штыки. Сильный натиск смешал ряды наполеоновских солдат и заставил их отойти назад в замешательстве. Тогда французы попытались лихим наскоком кавалерии вновь овладеть только что отбитыми у них флешами. Стремительно бросившаяся на русских конница была встречена лейб-гвардии Измайловским, Литовским и Финляндским полками, которые, построившись в каре и ошетилившись штыками, ждали неприятеля. Подпустив врага на ружейный выстрел, они открыли огонь и заставили его ретироваться.

Около 9 часов Даву и Ней начали четвертую атаку флешей силами шести пехотных дивизий. Кроме того, Мюрат направил часть конницы для захода в тыл русским. Больше часа защитники флешей отражали эту атаку. Но удар французской пехоты был настолько силен, что ей удалось захватить все три укрепления. Более того, части дивизии Фриана ворвались в деревню Семеновское. Но в это время ко второй армии уже начали прибывать войска 2-го и 4-го пехотных корпусов. Французский генерал Пеле вспоминал об этом моменте так: «По мере того, как войска Багратиона получали подкрепления, они с величайшей решимостью шли вперед, чтобы возратить потерянные позиции. Мы видели, как русские массы маневрировали подобно подвижным редутам, униженные железом и извергавшим огонь». Командир 8-го корпуса Бороздин повел в контратаку 2-ю гренадерскую дивизию и восемь батальонов корпуса Раевского.

Стремительным ударом они опрокинули французов и обратили их в бегство. Конница Мюрата, бросившаяся в атаку для прикрытия своей пехоты, была также смята, и сам Мюрат едва не попал в плен.

В это время Понятовский пытался несколько раз взять Утицкий курган. Окружив его со всех сторон, поляки вели атаку на 1-ю гренадерскую дивизию. В своем донесении Кутузов писал: «Храбрые гренадеры, выждав неприятеля, открыли по нему наихвосточайший огонь и, не медля нимало, бросились на него в штыки. Неприятель не мог выдержать столь стремительного нападения, оставил с уроном место битвы и скрылся в близлежащие леса. Генерал-лейтенант Тучков при сем ранен пулею в грудь, и генерал-лейтенант Алсуфьев принял по нему команду».

Итак, первый этап сражения завершился незначительными успехами французов на вспомогательных направлениях и решительной неудачей на направлении главного удара. Наполеон видел, что все его попытки опрокинуть левый фланг русской армии парализуются тем, что Кутузов все время направлял подкрепления Багратиону, снимая войска с правого фланга. Вот почему он решил начать также атаку центра, чтобы сковать здесь русские силы. Однако первая атака Курганной батареи, обороняемой 7-м корпусом Раевского, не принесла французам успеха. С тяжелыми потерями дивизии Брусье и Морана должны были откатиться и укрыться в оврагах нижней Семеновки и Колочи.

В 10 часов утра Даву и Ней, поддержанные кавалерией Нансути и Латур-Мобура, предприняли очередную, пятую по счету, лобовую атаку Семеновских флешей. Штурмовые колонны, потеряв больше трети людей от русского огня, снова захватили флеши. Гренадеры Воронцова и 27-я дивизия Неверовского сначала отошли, но, когда к месту боя подоспела 3-я пехотная дивизия Коновницына и части 2-й гренадерской дивизии, снова бросились на укрепления. Дружная контратака русской пехоты, поддержанная 1-й и 2-й кирасирскими дивизиями, имела полный успех. Французы вынуждены были оставить флеши, бросить захваченные 12 орудий и отойти к опушке леса.

Потери русских были также огромны. В 11 часов, когда Неверовский собрал свою дивизию, оказалось, что в живых осталось 700 человек. Другие дивизии, оборонявшие флеши, были не в лучшем положении.

В начале двенадцатого Наполеон, стремясь во что бы то ни стало овладеть Семеновскими флешами, бросил войска в шестую атаку. На этот раз Даву и Ней силами пяти дивизий атаковали укрепления с фронта, а Жюно с двумя дивизиями пытался обойти их с юга. Но русская артиллерия оказалась на высоте и на этот раз. Построенные в пять линий батальонных колонн, войска Даву и Нея не смогли преодолеть губительного действия картечи и остановились у флешей. «Действие наших батарей, — вспоминал Левенштейн, — было ужасно. Колонны приметно уменьшились, несмотря на подкрепления, одно за другим следующие, и чем более неприятель стремился, тем более увеличивалось число жертв». Контр-удар 2-й гренадерской и 27-й пехотной дивизий во фланг Нею заставил французов отхлынуть назад. Был сорван и обходной маневр Жюно: пехотные дивизии из корпуса Багговута ударили во фланг его войскам. Атака трех кирасирских полков корпуса Голицына завершила этот удар. Французы вновь были отброшены к Утицкому лесу.

Очередная, седьмая атака, проведенная силами тех же семи дивизий в 11 часов 30 минут снова не увенчалась успехом, и снова французы были отброшены в исходное положение. В лобовых атаках наполеоновские маршалы теряли лучшие свои войска. За два часа, с 9 до 11, русские отразили четыре атаки.

Местность вокруг Семеновских флешей была завалена трупами. Французы атаковали непрерывно. Пехоту, которую русские опрокидывали штыковыми ударами, сменяла конница, по ней вели огонь несколько уцелевших русских пушек. В то время как французская конница и пехота перестраивались и запасались боеприпасами, русские позиции беспрестанно обстреливала французская артиллерия. Положение войск так стремительно менялось, и атакуемые французами пункты так быстро переходили из рук в руки, что артиллерия обеих сторон не всегда успевала приноровиться и иногда по несколько минут обстреливала своих.

В это же самое время Богарне начал вторую атаку батареи Раевского. На ней были израсходованы все запасы ядер, и она не могла вести огонь против наступающих на нее трех французских колонн. Первой к батарее подошла дивизия Морана. Она сбила защитников батарей и захватила ее. Вслед за ней подошли дивизии Брусье и Жерара. Французы стали подтягивать на батарею свои пушки, чтобы закрепиться на этом важном пункте, позволявшем вести фланкирующий огонь по русским войскам. Положение последних становилось угрожающим.

В это время генерал Ермолов и начальник артиллерии 1-й армии Кутайсов, направлявшиеся к батарее, увидели, что позиция захвачена французами, а русские отступают. Понимая опасность создавшегося положения, Ермолов бросился к 6-му корпусу, ближайшему к высоте, взял там батальон, с помощью которого остановил бегущие егерские полки и повел их в контратаку. После кровавой схватки, стоившей французам и русским около 5000 человек, батарея вновь была освобождена. Ермолов вспоминал позднее: «Телами неприятеля покрылась батарея и отлогость холма до вершины. Все сопротивлявшиеся заплатили жизнью, один только взят в плен генерал Бонами, получивший двенадцать ран штыками. Потерянные наши орудия все возвращены, но урон со стороны моей по части людей был ужасный». Во время этого боя погиб генерал Кутайсов.

Около 12 часов в последнюю восьмую атаку на флеши Наполеон бросил 45 000 человек, поддержав их усилия огнем 400 орудий. Им противостояли 30 000 русских при 300 орудиях. Вся эта масса войск столкнулась на фронте протяженностью в 1,5 километра. Русские ударили в штыки, и завязался встречный рукопашный бой, точнее, бойня. Участник сражения Глинка писал: «...Ужасная была картина той части поля Бородинского около деревни Семеновское, где сражение кипело, как в котле. Густой дым и пар кровавый затмили полдневное солнце. Какие-то тусклые, неверные сумерки лежали над полем ужасов, над нивой смерти... все левое крыло наше, во всей длине своей, двинулось с места и пошло скорым шагом в штыки. Сошлись!.. У нас нет языка, чтобы описать эту свалку, этот сшиб, этот протяжный треск, это последнее боре-

ние тысячей! Всякий хватался за чашу роковых весов, чтобы перетянуть их на свою сторону...»

Русская атака была отброшена, и Даву отвечал контра-такой. Французские гренадеры с ружьями наперевес бросились на флешы. Они не отстреливались, чтобы не терять момента, и русские пули косили их. «Браво, браво!» — с восторгом перед храбростью врага кричал им Багратион. Град картечи ударял с французских батарей по защитникам флешей. Багратион был тяжело ранен осколком гранаты и вывезен с поля сражения. В русских войсках наступило замешательство. «В мгновение пронесся слух о его смерти, и войско невозможно удержать от замешательства... одно общее чувство — отчаяние!» — свидетельствовал Ермолов. Ценой огромных потерь французы взяли флешы. В тот же час корпус Нея и конница Нансути и Латур-Мобура бросились в образовавшийся прорыв. Русские под натиском неприятеля отходили к Семеновским высотам.

Временное командование всем левым крылом принял на себя Коновницын. Он остановил беспорядочно отступавшую пехоту и, собрав артиллерию, огнем задержал наступление французов у Семеновского оврага. Оставшихся в его распоряжении сил — около 10 000 человек — было слишком недостаточно, чтобы контратаковать. Коновницын отвел войска левого фланга за Семеновский овраг и здесь построил их для обороны.

После падения Багратионовых флешей русская армия оказалась в тяжелом положении. Левое крыло было сломлено. Багратион и его начальник штаба генерал Сен-При тяжело ранены. Кутузову доносили с разных пунктов о тяжелых потерях. Были убиты два генерала — братья Тучковы, а также Буксгевден, Кутайсов, Горчаков. Солдаты дрались с поразительной стойкостью и погибали тысячами.

Как только французские войска вышли к Семеновским высотам, Наполеон решил, что левое крыло русских расстроено и перенес главные усилия на высоту Курганная. Казалось, что император был уже близок к победе, оставалось только сломить сопротивление в центре и овладеть батареей Раевского. Но во время подготовки атаки Наполеону доложили о появлении русских

на его левом фланге. В критический момент Кутузов, надеясь перехватить инициативу, послал в обходной рейд корпуса Платова и Уварова с целью разгромить тылы противника.

Конница Уварова захватила Беззубово, но здесь была задержана итальянскими частями. Казаки же, ворвавшись в тыл французов, произвели там замешательство. Наполеон остановил атаку на центр и движение Молодой гвардии и поехал на левый фланг выяснить обстановку. На это он потратил около двух часов. И хотя русской кавалерии не удалось полностью осуществить замысел Кутузова, за это время русский главнокомандующий успел произвести перегруппировку войск и усилить свой центр и левый фланг. Пока внимание Наполеона было отвлечено рейдом русской конницы в его тыл, Коновницын устроил войска левого крыла на Семеновской позиции.

Положение 2-й армии было тяжелым, но не настолько, чтобы она была не в состоянии продолжать борьбу. Части 7-го корпуса стали в колоннах на правом фланге левого крыла. Рядом расположились три каре 27-й пехотной дивизии. 2-я гренадерская дивизия встала на высоте у деревни Семеновское, которая теперь была главным опорным пунктом позиции. Левее расположились войска 3-й пехотной дивизии. Левый фланг занимали Литовский, Измайловский и Финляндский гвардейские полки, построены в каре, между которыми располагалась сильная артиллерия; за ними помещались остатки сводно-гренадерской дивизии. Позади пехоты на правом фланге встал 4-й кавалерийский корпус, а на левом — 1-я и 2-я кирасирские дивизии. И хотя численность войск у Коновницына была невелика, он имел около 300 орудий, которые держали под обстрелом весь Семеновский овраг.

Французы располагали на этом участке около 25 000 солдат. Тем не менее Даву и Ней не решались без подкрепления двигаться дальше. Но Наполеон берег гвардию и приказал действовать наличными силами. Французы установили в районе флешей артиллерию и выстроились в мощные колонны для прорыва русской позиции. На правом фланге расположился корпус Нансути, на левом — корпус Латур-Мобура. Первую атаку деревни

Семеновское французы начали после полудня. Корпус Нея и дивизия Фриана ударили на войска 2-й гренадерской дивизии. Русская артиллерия отбросила французов еще до того, как их кавалерия построилась для атаки.

В это время в командование над левым крылом русских войск вступил генерал Дохтуров. Он нашел 2-ю армию истекающую кровью, но готовую драться до конца. Приняв команду, Дохтуров объявил войскам: «За нами Москва, умирать всем, но ни шагу назад».

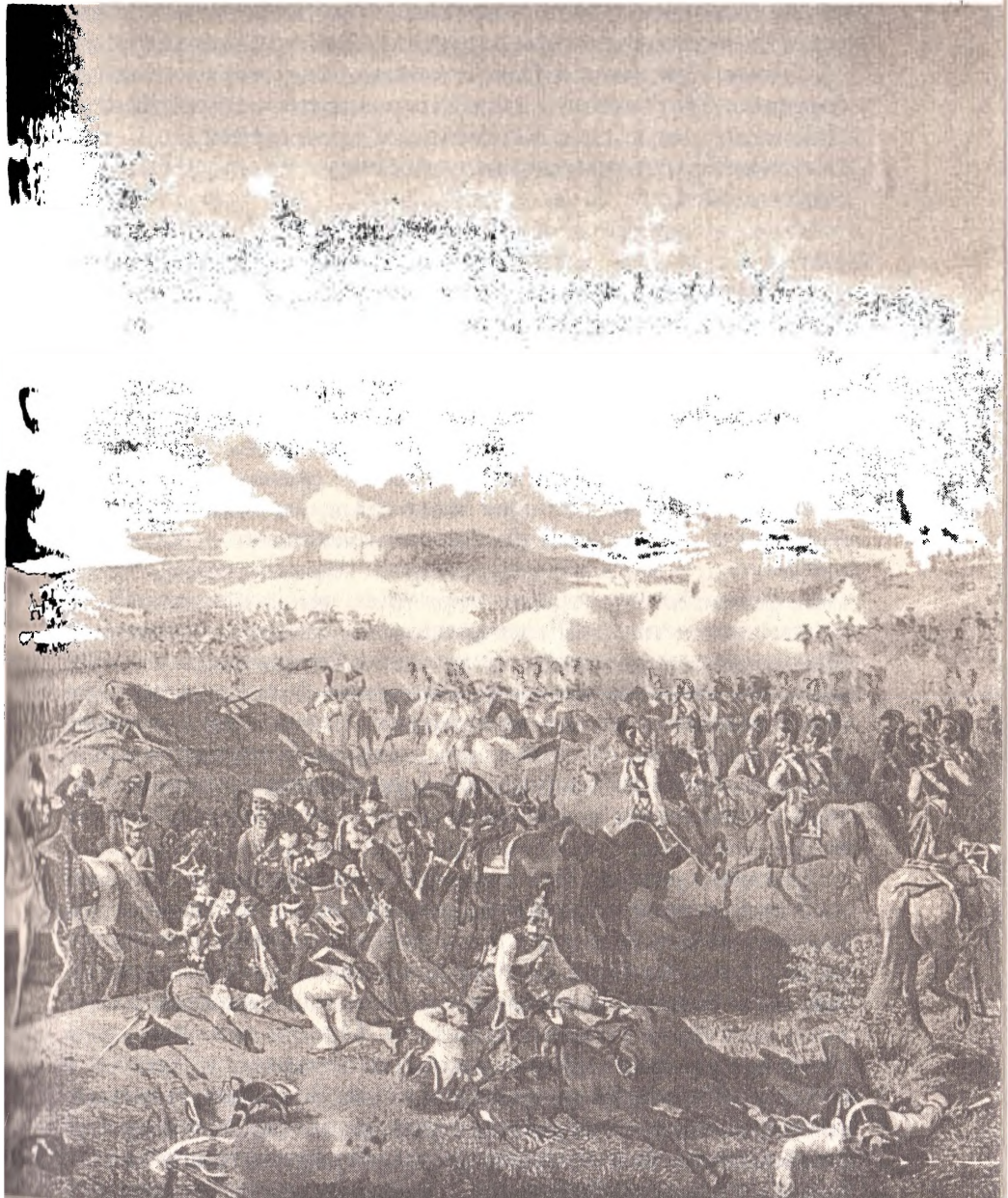
Неудача первой атаки Семеновской позиции заставила французов изменить тактику. Они решили усилить артиллерийскую подготовку и затем нанести удар, главным образом силами кавалерии. Даву и Ней выдвинули вперед орудия и начали обстреливать русские каре с дистанции в 600 метров. Огонь 200 орудий нанес серьезный урон русским гвардейцам. Вслед за этим в атаку на деревню Семеновское пошла французская пехота, а кавалерийский корпус Нансути атаковал гвардейцев. Несколько позднее начала атаку кавалерия Латур-Мобура. Но русские войска отразили ее. Тогда Ней снова обратился к Наполеону с просьбой дать подкрепления. Наполеон медлил. Лишь после вторичной просьбы Нея он отдал приказ дивизии Клапареда из Молодой гвардии двинуться к Семеновскому, но тут же отменил этот приказ. Его беспокоил ход событий в центре и на его левом фланге. Маршалам он ответил, что не может на таком расстоянии от Франции отдавать свою гвардию, что он «еще недостаточно ясно видит шахматную доску».

Трижды кавалерия Мюрата атаковала русских гвардейцев, но тщетно. Гвардия проявила редкую неустрашимость и железную стойкость. Кавалерийский корпус Нансути был совершенно истощен и обескровлен. Корпусу Латур-Мобура удалось перейти речку Семеновку и атаковать русскую пехоту с севера. Дивизия Лоржа из этого корпуса отбросила пехоту 2-й гренадерской дивизии к востоку от деревни Семеновское и вышла в тыл гвардейских полков, но здесь попала под удар драгун 4-го корпуса Сиверса, кирасир и ахтырских гусар. Понеся крупные потери, дивизия Лоржа в беспорядке отступила.

Крупным успехом французов на данном участке фронта было взятие дивизией Фриана деревни Семеновское.

Бородинская битва

Собственно, французам удалось овладеть только шанцами, так как сама деревня осталась в руках русских гренадер. Но большие потери вынудили Дохтурова в целях сокращения фронта отойти на новую позицию и оставить деревню. Не имевшие сил для развития успеха Даву и Ней ограничились в дальнейшем артиллерийской дуэлью. Цвет французской конницы лег костями у Семеновского оврага.

Теперь центр тяжести битвы сосредоточился в центре.

Около 14 часов французы в третий раз атаковали батарею Раевского силами корпуса Богарне и кавалерии. Заняв утром Бородино, а затем Семеновские флеши, они получили возможность вести перекрестный огонь по Курганной высоте. Этот страшный огневой приступ буквально косил русские войска. Ядра рыли землю, сметая людей, лошадей, орудия. Разрывные гранаты выбивали по десятку человек каждая. Никогда до этого дня русские солдаты и командный состав не проявляли такого полнейшего пренебрежения к смерти. Барклай-де-Толли поехал вперед, к месту, где страшнее всего был огонь, и остановился там. «Он удивить меня хочет!» — крикнул Милорадович солдатам, перегнал Барклай-де-Толли еще далее по направлению к французским батареям, остановился именно там, где скрещивался огонь, слез с лошади и, сев на землю, объявил, что здесь он будет завтракать. Солдаты бросались в бой, часто не ожидая приказов. Русская артиллерия также вела по противнику убийственный огонь.

Богарне решил, что настало время нанести последний решающий удар. В атаку пошли три пехотные и три кавалерийские дивизии. Пехота Брусье, Морана и Жерара штурмовала батарею с фронта, кавалерия Коленкура, Лоржа и Ранецкого обходили ее с правого фланга, а с левого наступала дивизия Шастеля. Преодолев огонь русской артиллерии, французские пехотинцы подошли к батарее и завязали рукопашный бой. Защитники штыками опрокинули атакующих в ров, но на смену им приходили новые и новые части. Во время этого страшного побоища в плен не брали ни с той, ни с другой стороны. Французы потеряли Мобрена и Коленкура, но уже не

считались ни с какими потерями. «Неприятельская пехота взбиралась на вал со всех сторон; ее опрокидывали штыками в ров, наполненный трупами убитых; свежие колонны заступали место и с новой яростью лезли умирать; наши встречали их с равным ожесточением и сами падали вместе с врагом», — рассказывал Михайловский-Данилевский, бывший адъютантом Кутузова в течение всего боя. Однако силы противника в четыре раза превосходили силы 24-й пехотной дивизии генерала Лихачева, оборонявшей батарею. Русские героически отражали все атаки, но их подавила численность атакующих. Перебиты были почти все солдаты. Сам Лихачев весь в крови от нескольких тяжелых ран упал на землю, теряя сознание; он был поднят и только потому не прикончен французским кирасиром, что признан по мундиру за генерала. Его, израненного, понесли перевязывать, а затем представили Наполеону, который тот час же вернул ему шпагу. В начале четвертого часа батарея была захвачена французами.

Русские, сохраняя порядок, отошли на 800 метров за Горечий овраг. Французы сделали попытку преследовать их кавалерией, но были отражены контратакой войск 2-го и 3-го кавалерийских корпусов. Войска центра и левого фланга русских устроились на второй позиции и были готовы продолжать борьбу.

Узнав о взятии батареи Раевского, Понятовский снова повел свой корпус в наступление и снова был отброшен. Но положение Утицкого отряда осложнилось, так как после отхода левого фланга к Семеновскому оврагу образовался большой разрыв в расположении войск. Опасаясь обхода с севера корпусом Жюно и удара с фронта корпусом Понятовского, генерал Багговут приказал оставить Утицкую позицию и отойти к Семеновскому оврагу.

К концу дня русские прочно занимали позицию от Горок до старой Смоленской дороги, отойдя в общем на 1—1,5 километра от главной позиции. Но они не уходили с поля битвы, и их артиллерия не умолкала, а скорее, наоборот, усилила свой огонь. Русские ядра уже начали падать вблизи императора. Наполеон тогда приказал выдвинуть ближе к русскому огню несколько новых бата-

рей гвардейской артиллерии. Но прошло немного времени, и русские ядра снова стали пролетать над императором и его свитой. Некоторые ядра на излете подкатывались к ногам Наполеона. «Он их тихо отталкивал, как будто отбрасывал камень, который мешает во время прогулки», — говорил дворцовый префект де Боссэ, бывший в эти дни в свите. Угрюмое настроение и плохо скрываемое беспокойство императора не проходили, и ни гибель Багратиона, ни взятие Семеновских флешей, ни победа над редутом Раевского не улучшали его настроения. В течение всего сражения Наполеон не садился на лошадь. Он шел пешком со свитой офицеров и не переставал следить за движением на поле битвы. Адъютанты беспрестанно получали от него приказания и отъезжали прочь. Позади императора стояли гвардия и несколько резервных дивизий.

Очевидцы никогда не могли забыть бородинских ужасов. «Трудно себе представить ожесточение обеих сторон... — свидетельствует история лейб-гвардии Московского полка. — Многие из сражавшихся побросали свое оружие, сцепились друг с другом, раздирали друг другу рты, душили один другого в тесных объятиях и вместе падали мертвыми. Артиллерия скакала по трупам, как по бревенчатой мостовой, втискивая трупы в землю, упитанную кровью. Многие батальоны так перемешались между собой, что в общей свалке нельзя было различить неприятеля от своих. Изувеченные лошади и люди лежали группами, раненые брели к перевязочным пунктам, куда могли, а выбившись из сил падали, но не на землю, а на трупы павших раньше. Чугун и железо отказывались служить мщению людей; раскаленные пушки не могли выдерживать действия пороха и лопались с треском, поражая заряжавших их артиллеристов; ядра, с визгом ударяясь о землю, выбрасывали вверх кусты и взрывали поля, как плугом. Пороховые ящики взлетали на воздух. Крики командиров и вопли отчаяния на десяти разных языках заглушались пальбой и барабанным боем. Более нежели из тысячи пушек с обеих сторон сверкало пламя и гремел оглушительный гром, от которого дрожала земля на несколько верст. Батареи и укрепления переходили из рук в руки. Ужасное зрелище представляло

тогда поле битвы. Над левым крылом нашей армии висело густое черное облако дыма, смешавшегося с парами крови; оно совершенно затмило свет. Солнце покрылось кровавой пеленой...»

Наступал вечер. Величайшая битва всей наполеоновской эпопеи шла к концу, но как назвать этот итог? Это не было ясно ни Наполеону, ни маршалам. Чувство победы решительно никем не ощущалось. Маршалы были недовольны. Мюрат говорил, что не узнавал весь день императора, Ней — что император забыл свое ремесло.

С обеих сторон до вечера гремела артиллерия и продолжалось кровопролитие, но русские и не думали уходить. Уже сильно стемнело. Пошел мелкий дождь, Наполеон спросил: «Что русские?» — «Стоят на месте, Ваше величество». — «Усильте огонь, им, значит, еще хочется, — распорядился император. — Дайте им еще!»

Угрюмый, ни с кем не разговаривая, сопровождаемый свитой, Наполеон объезжал вечером поле битвы, глядя воспаленными глазами на бесконечные горы трупов. Французские и русские мертвецы так густо устилали землю, что императорская лошадь должна была искать место, куда бы опустить копыто меж горами тел людей и трупами лошадей. Стоны и вопли раненых неслись со всех концов поля. Пленных русских оказалось всего 700 человек.

С наступлением темноты Наполеон отвел свои войска на ночлег на исходные позиции к реке Колоче, оставив занятые им укрепления русских. Бородинский бой закончился.

На первый взгляд исход сражения как будто не был решен, так как обе стороны сохраняли положение, которое занимали до его начала. Вечером Кутузов был полон оптимизма и обещал утром продолжить битву, и это заявление было с радостью встречено русскими войсками. Никто из солдат и офицеров не считал сражение проигранным. Всю ночь к сигнальным огням подходили и подползали израненные люди, всю ночь шел приблизительный подсчет потерь. К утру общая картина была ясна. Действительность оказалась страшнее худших опасений.

«Под Бородином русских выбыло из строя около 58 000 человек, половина сражавшейся армии. От грена-

дерской дивизии Воронцова из 4000 человек уже к трем часам дня осталось 300 человек. В Ширванском полку из 1300 человек осталось 96 солдат и трое офицеров». Были батальоны и роты, истребленные почти целиком, дивизии, от которых осталось несколько человек, корпуса, походившие по своей численности на батальоны. 6-й, 7-й и 8-й корпуса были почти полностью уничтожены. Убитыми и ранеными выбыли 29 генералов. При этом русская армия потеряла значительную часть именно кадрового состава, возместить которую сразу не представлялось возможным.

Когда Кутузов увидел, что половина русской армии истреблена, он категорически решил спасти другую половину и отдать Москву без нового боя. Русский командующий не располагал в данный момент никакими резервами, и он счел необходимым отойти. «Когда дело идет не о славе выигранных только батальев, но вся цель будучи устремлена на истребление французской армии, — я взял намерение отступить». Это ему не помешало провозгласить, что Бородино было победой, или, как писали западные историки, он «...имел бесстыдство донести царю, будто была одержана победа. Ответом на это явилось вступление Наполеона в Москву».

Российское общество также не восприняло это как победу. Оставление Москвы вызвало шок в стране. «Чтобы ни говорили, но последствия достаточно доказывают, что сражение было проиграно. Армия, а особенно левый фланг, понесли чрезвычайную потерю», — это из письма Винценгероде.

Именно последствия! Армия, от которой осталась едва половина, 8 сентября начала отступление, преследуемая французами, и, в конце концов, оставила древнюю столицу России. С военной точки зрения это была несомненная победа Наполеона.

Когда в советский период стали переписывать историю с идеологической точки зрения, Бородинская битва была объявлена «стратегической победой» и «последним актом оборонительной войны». К тому же на рубеже 1940—1950-х годов советские «историки» стали говорить о том, что в 1941 году товарищ Сталин использовал тактику Кутузова в 1812 году и специально заманил немцев

под Москву. Поэтому главной задачей историков стало восхваление гениального русского полководца Кутузова. Бородино было объявлено русской победой на основании всего двух веских доводов:

1) исход сражения 7 сентября был ничейным, русские войска не были разгромлены, император не добился в первый день поставленной цели;

2) войну Наполеон все-таки проиграл.

Все критики этой версии были объявлены либо ничего не понимающими в русских делах иностранцами и «реакционерами», либо завистниками и очернителями Кутузова. А представители передовой советской науки быстро разобрались, откуда ветер дует и, вооруженные самым передовым марксистско-ленинским методом, бросились правильно освещать события, дабы показать их «в своем действительном идейном блеске». А тех из исследователей, кто сразу не понял или ранее неправильно трактовал данные события, — поправили, и они признали свои ошибки и раскаялись.

Как менялись взгляды? Достаточно почитать сочинения академика Тарле в до- и послевоенный период. Почему они менялись? Достаточно вспомнить про ссылки и отсидки того же академика. На какой научной основе? Ну вот, например: «В 1945 году в связи с двухсотлетием со дня рождения М.И. Кутузова были опубликованы тезисы Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Эти тезисы оказали большую помощь (!) военным историкам в дальнейшей разработке ими коренных вопросов Отечественной войны». Так пишется история в тоталитарном государстве — по тезисам.

В результате этих изысканий послевоенная советская наука доказала-таки, что при Бородине «Наполеон впервые проиграл генеральное сражение, а Кутузов одержал крупнейшую победу (!). Но тогда совершенно законно встает вопрос: почему же Кутузов, одержав победу, решил отойти к Москве, а затем оставить ее? И здесь быстро нашлись: «Генералиссимус товарищ Сталин, крупнейший организатор стратегических контрнаступлений... писал о возможности такого преднамеренного отступления войск: «Так бывает нередко на войне, когда одна сторона, желая спасти кадры своих войск и вывести их из

под удара превосходных сил противника, начинает планомерное отступление и сдает без боя целые города и области для того, чтобы выиграть время и собраться с силами для новых решительных боев...» Какие аналоги имеет в виду «крупнейший организатор контрнаступлений» достаточно понятно.

Между тем, действительно, 7 сентября Наполеон не добился решительной победы. Когда императору в ночь после битвы доложили, что 47 его генералов убиты или тяжело ранены, что несколько десятков тысяч солдат его армии (по русским данным — около 50 000) остались лежать на поле битвы, когда он лично убедился, что ни одно из данных им до сих пор больших сражений не может сравниться по ожесточению и кровопролитию с Бородином, то он не мог не понимать, хотя тоже уже объявил о победе, что этому нужно дать какое-то другое определение.

Позднее он сам признавал, что «...в битве под Москвою выказано наиболее доблести и одержан наименьший успех». Но это — 7 сентября, а что было бы на следующий день?

У императора осталась совершенно нетронутой 20-тысячная гвардия, у него была возможность подтягивать резервы из тылов, в частности из Смоленска, он был готов продолжить битву. У Кутузова была доблестная, но совершенно обескровленная армия и никаких резервов. Он просто был не способен принять бой на следующий день в такой ситуации, и это понимал практически весь его штаб. А если бы сражение все же состоялось, то его исход представляется несомненным: при количественном и качественном превосходстве французов и одинаковой доблести противоборствующих войск, жестокая фронтальная битва на истребление могла закончиться только полным исчезновением русской армии, как исчезла на поле битвы дивизия Воронцова. Клаузевиц, оценивая шансы на новое сражение, писал: «Превосходство сил французов, заметное и до сражения, еще возросло в результате сражения, так как потери русских были, безусловно, больше потерь французов; за время десятичасового боя чаши весов далеко не оставались в состоянии полного равновесия, а заметно склонились в ущерб рус-

ским; нельзя было ожидать лучшего результата при возобновлении боя; позиция русских совершенно сдвинулась и ставила под угрозу путь отступления. Следующим этапом неуспеха явилось бы полное поражение. Сейчас армия еще находилась в порядке и могла, не расстраиваясь, отойти. Кутузов решил отступить ночью, что, бесспорно, явилось единственным разумным выходом».

Итак, Кутузов отступил, французская кавалерия шла по пятам. Наполеон ждал, что русские дадут под самыми стенами Москвы новое сражение, но Кутузов на этот раз настоял на своем. Русская армия должна была оставить город.

9 сентября Наполеон вошел в Можайск; на другой день Богарне занял Рузу. В солнечное утро 13 сентября император выехал со свитой на Поклонную гору и его поразила красота открывшегося зрелища. Колоссальный город, простиравшийся перед ним, был тем местом, где он даст после всего армии отдохнуть и оправиться, и вместе с тем Москва послужит тем существенным обстоятельством, которое непременно заставит Александра пойти на мир. Он надеялся увидеть депутацию «русских бояр» с ключами от города, но как известно:

*Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный...*

15 сентября император въехал в Кремль. Это был последний акт оборонительного периода войны. Именно поэтому Бородинское сражение в русской истории является вехой, обозначившей перелом в войне и не воспринимается как поражение. Лучше всех это сформулировал Лев Толстой: «Нравственная сила французской армии была истощена. Не та победа, которая определяется подхваченными кусками материи на палках, называемых знаменами, и тем простанством, на котором стояли и стоят войска, — а победа нравственная, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своей бессилии, была одержана русскими под Бородином. Французское нашествие, как разъяренный зверь, получивший в своем разбеге смертельную рану, чувствовало свою погибель: но оно не могло остановиться, так же как и не могло не отклониться вдвое слабей-

шее русское войско. После данного толчка французское войско еще могло докатиться до Москвы; но там... оно должно было погибнуть, истекая кровью от смертельной, нанесенной при Бородино, раны».

Малоярославец. 24 октября

Еще старые парфяне знали о таком контрнаступлении, когда они завлекли римского полководца Красса и его войска в глубь страны, а потом ударили в контрнаступление и загубили их. Очень хорошо знал об этом также наш гениальный полководец Кутузов, который загубил Наполеона при помощи хорошо подготовленного контрнаступления.

И. Сталин

Лучше быть слишком осторожным, нежели оплошным и обманутым.

М.И. Кутузов

14 сентября русская армия оставила Москву. Вместе с ней из города ушли почти все его жители. Из 200 000 населения осталось не более 15 000 да нетранспортабельные раненые в госпиталях.

На следующий день Москву заняли французские войска. Город немедленно был объявлен трофеем. В его разграбление был внесен известный порядок. Войскам назначались свои дни и часы и свои районы для грабежа. «В первый день, — писал очевидец, — грабила Старая гвардия; в следующий — новая, а в третий — корпус маршала Даву и т. д.». Чтобы оправдать эти грабежи, Наполеон говорил, что его армия считала Москву огромным лагерем, брошенным неприятелем. Через пять дней император приказал прекратить грабежи, но остановить солдат, да и офицеров, уже стало невозможно. Спустя два дня штаб издал еще один приказ о прекращении грабежей, сопровождаемых погромами и пожарами.

Пожары в городе начались в первый же день вступления французов. Вскоре Москва превратилась в бушующее море пламени. Даже в Кремле было опасно оставаться, и Наполеон оказался вынужден 16 сентября покинуть его и переселиться в Петровский дворец. 18 сентября император направил герцогу Бассано письмо, которое должно было оповестить Европу об одержанных им победах: «Мы преследуем противника, который отступает к пределам Волги. Мы нашли огромные богатства в Москве — городе исключительной красоты! В течение двухсот лет Россия не оправится от понесенных ею потерь».

Русская армия, оставив Москву, отошла по Рязанской дороге, а затем внезапно повернула на запад и, пройдя вдоль реки Пахры, сначала остановилась у Подольска, а затем отошла к деревне Тарутино. Маневр был проделан столь неожиданно и скрытно, что наблюдавшие за движением русских войск французские отряды пошли вслед за казачьими полками из арьергарда, отступавшими для дезориентации противника по Владимирской дороге. Хитрая уловка блестяще удалась: в течение двух недель Наполеон не знал, где находится русская армия.

Этим маневром Кутузов прикрыл южные, не разоренные войной районы страны, закрыл доступ к оружейным заводам Тулы и занял угрожающее фланговое положение по отношению к находившимся в Москве французским войскам. Русская армия, выведенная из-под ударов, стала быстро набирать силу. В 1940-е годы, когда выяснилось, что товарищ Сталин так же «гениально» заманил фашистов под Москву, дабы вернее их «загубить», — соответственно и Кутузов был объявлен непогрешимым военным корифеем. Теперь любое его телодвижение объявлялось великим вкладом в военную стратегию. Так вышло и с Тарутинским марш-маневром. «Кутузов, осуществив свой гениальный марш-маневр, вывел армию из-под ударов врага и обеспечил ей спокойные условия для подготовки контрнаступления», — писал полковник Жилин в 1930 году, вооруженный «тезисами ЦК ВКП(б)». И далее доказывал, что русский полководец просчитал весь ход кампании еще до того, как принял командование армией; он все предусмотрел, выиграл генеральное сражение, спе-

циально сжег Москву и вот, по заранее намеченному плану, привел войска в Тарутино, чтобы нанести отсюда смертельный удар Наполеону.

Правда, есть и другие мнения. Приведем цитату из романа Льва Толстого «Война и мир»: «Знаменитый фланговый марш состоял только в том, что русское войско, отступая все назад по обратному направлению отступления, после того как наступление французов прекратилось, отклонилось от принятого сначала прямого направления и, не видя за собой преследования, естественно подалось в ту сторону, куда его влекло обилие продовольствия. Если бы представить себе не гениальных полководцев, но просто одну армию без начальников, то и эта армия не могла бы сделать ничего другого, кроме обратного движения... описывая дугу с той стороны, с которой было больше продовольствия и край был обильнее».

Клаузевиц свидетельствует, что выйдя из Москвы, русский штаб еще не принял решения о направлении дальнейшего отступления и только 17 сентября определился относительно флангового марша.

Нисколько не умаляя заслуг Кутузова, подчеркнем, что его маневр был действительно мастерски исполнен и целесообразен с военной точки зрения. Но в принципе, не имело большого значения, отвел бы он свои войска на Калугу или к Владимиру. Главное — это то, что французы никак ему в этом не препятствовали. Наполеон считал Москву финишем, тем местом, откуда он продиктует России мир на своих условиях. Все его расчеты были построены именно на этом убеждении. Теперь он был в Кремле и ждал предложений Александра I. Больше месяца император не предпринимал никаких активных действий, и именно это позволило Кутузову «обеспечить спокойные условия» своей армии. Затратив колоссальные усилия и достигнув Москвы, Наполеон был «стратегически истощен», и Кутузов это знал. «Заслуга Кутузова не состояла в каком-нибудь гениальном... стратегическом маневре, а в том, что он один понимал значение совершающегося события. Он один понимал уже тогда значение бездействия французской армии».

Этой передышкой русский главнокомандующий воспользовался в полной мере. В Тарутинском лагере в кратчайшие сроки были осуществлены важные подготовительные и организационные мероприятия, обеспечивающие успешный переход русской армии к активным действиям, и решена одна из крупнейших стратегических задач: достигнуто превосходство в силах над противником. Численность главных сил армии была доведена до 120 000 человек; артиллерии имелось почти в 2 раза больше, чем у французов, а конницы — в 3,5 раза. 100-тысячное ополчение охватывало Москву полукругом по линии Клин—Коломна—Алексин. Французы испытывали все возрастающие трудности от усиления «малой войны» — смелых операций армейских летучих отрядов и партизан, действующих в неприятельском тылу и нарушавших его снабжение.

В Тарутине Кутузов завершил разработку плана окружения и разгрома французской армии в междуречье Западной Двины и Днепра силами армии адмирала Чичагова и корпуса генерала Витгенштейна во взаимодействии с главными силами. Наполеоновской стратегии генерального сражения Кутузов противопоставил другую стратегию, сочетавшую систему отдельных боев, растянутых в глубину маневров, активную оборону, с последующим переходом в контрнаступление — это был наиболее адекватный ответ в противоборстве с великим французским полководцем.

Не дождавшись от русской стороны предложений о заключении мира, Наполеон сам стал предпринимать шаги, направленные к этому. Трижды император делал попытки вступить в переговоры с Александром I. Передавая первое письмо царю, он заявил, что если мира не будет, то «Петербург испытает участь Москвы». Последнюю попытку Наполеон сделал 4 октября. Направляя для переговоров генерала Лористона, он сказал ему: «Я желаю мира, мне нужен мир; я непременно хочу его заключить, только бы честь была спасена». Однако и эта попытка ничем не закончилась.

Надо сказать, что шанс на заключение мира был, после Бородина и оставления Москвы русские, вопреки уверениям советских историков, отнюдь не чувствовали

себя победителями. «В этот период в русской армии господствовало настроение печали и подавленности, причем на мир в ближайшем же будущем смотрели как на единственный возможный исход. Нельзя сказать, чтобы армия сама утратила мужество, в ней сохранялось солдатское чувство гордости и превосходства... Но доверие к руководству войной сохранилось лишь в ничтожной мере; большие потери, уже понесенные государством, казались подавляющими, а исключительной стойкости в настоящей беде от правительства... не ждали. Поэтому близкий мир рассматривался как вероятное и даже желательное явление». Но русский император проявил стойкость, а после сожжения Москвы ни о каком мире не могло быть и речи. Гибель второй столицы России привела к тому, что стремление уничтожить захватчиков сделалось всенародным в полном смысле этого слова. Именно теперь Александр решил продолжать войну с Наполеоном до последних пределов возможного. К тому же вскоре стало ясно, что чаша весов все более склоняется в сторону русских.

Чем дальше Наполеон оставался в Москве, тем более осложнялось его положение. Последующее прерывание в разграбленном и сожженном городе становилось опасным. Мира не было, мысли же о зимовке представлялись авантюрой. «Армия в 90 000 человек с истощенными людьми и окончательно замороженными лошадьми, загнанная острым клином на 120 миль в глубь России, имевшая справа неприятельскую армию в 110 000 человек и кругом себя вооруженный народ, армию, вынужденную строить фронт ко всем странам света, не располагающая продовольственными складами и достаточным запасом снарядов и патронов, имеющая единственный путь сообщения, проходящий по совершенно опустошенной местности, не находится в условиях, допускающих расположение на зимних квартирах» (Клаузевиц). До начала зимы еще было далеко, а армия уже стала испытывать недостаток в продовольствии, в теплой одежде и особенно в фураже. Солдаты мародерствовали и пропадали без вести, дисциплина в войсках явно расшатывалась. Лошади падали тысячами. Для французской армии возникала реальная опасность быть блокированной в Москве и при-

нужденной к капитуляции. Москва находилась в полукольце регулярных войск и ополчений. Лишь тонкая линия коммуникаций к Смоленску связывала наполеоновскую армию с тылом, и эта линия все чаще прерывалась ударами партизанских отрядов. Все указывало на то, что русские решили продолжать борьбу не на жизнь, а на смерть. Выход был один — поскорее уйти из Москвы. «Отступление Наполеона было неизбежно, и самый поход его оказался неудавшимся с той минуты, когда Александр отказался заключить мир. На достижении этого мира были построены все расчеты; в этом отношении Наполеон... ни минуты не обманывался».

Тридцать три дня пробыл Наполеон в Москве. В начале октября он начал готовиться к отходу на запад. У французской армии было для этого три возможных пути отступления. Первый путь лежал севернее Смоленского тракта через город Белый на Витебск. Этим путем можно было быстро соединиться с левофланговыми корпусами Сен-Сира, Удино и Макдональда, стоящими на Западной Двине. Второй путь шел по прежней, хорошо подготовленной операционной линии, идущей от Москвы на Смоленск. Отходя по этому пути, Наполеон мог пополнять свои войска за счет снимаемых гарнизонов. Здесь же были расположены столь необходимые ему склады продовольствия. Была также возможность двинуться на соединение с правофланговыми корпусами Ренье и Шварценберга. Этот путь лежал через хлебородные губернии, но, как и первый, не имел подготовленных баз, а в условиях проводимой русскими тактики «выжженной земли» был и вовсе бесперспективен. «Мы никогда не могли понять тех, кто так упорно отстаивает мысль, будто Наполеону следовало избрать для своего обратного пути другую дорогу, а не ту, по которой он пошел. Откуда мог он довольствоваться армией помимо заготовленных складов? Что может дать неистощенная местность армии, которая не могла терять времени и была вынуждена постоянно располагаться в биваках крупными массами? Какой продовольственный комиссар согласился бы поехать впереди этой армии, чтобы реквизировать продовольствие?.. Ведь уже через неделю вся армия умирала бы от голода. Отступающий в неприятель-

ской стране... нуждается в заранее подготовленной дороге... которая обеспечена соответственными гарнизонами и на которых устроены необходимые армии магазины».

Наполеон все это прекрасно понимал и решил двигаться по своей операционной линии на Смоленск. Однако отход по ней производил бы впечатление бегства, а император считал, что он не отступает, а осуществляет лишь маневр отхода на зимние квартиры, с тем чтобы в 1813 году начать новую кампанию. Поэтому прежде он решил выйти к Калуге, чтобы захватить заготовленные там Кутузовым боеприпасы и продовольствие, нанести молниеносный удар по главной кузнице русского оружия в Туле, а после этого быстро перейти в междуречье и прикрыть свой фронт с севера Западной Двиной, с востока — Днепром, с юга — Полесьем.

Чтобы нанести удар внезапно, Наполеон старался делать свои приготовления скрытно. С конца сентября в Москву больше не приходили маршевые батальоны, началась эвакуация раненых. Войскам было объявлено, что армия выступает, чтобы совершить экспедицию, после чего она возвратится обратно в Москву.

Приготовления императора не ускользнули от внимания Кутузова, который ежедневно получал разведывательную информацию от летучих отрядов. Особенно насторожило фельдмаршала выдвижение Наполеоном корпуса Мюрата к реке Наре, почти к расположению русских войск. Ясно было, что Наполеон хочет отвлечь внимание Кутузова, а в случае нужды прикрыть кавалерией свой отход. Изолированное положение Мюрата позволяло внезапно нанести ему поражение, а Наполеон не мог оказать помощь, находясь в 50 верстах от Тарутинской позиции.

6 октября пять русских корпусов под командованием Беннигсена и Милорадовича ударили по авангарду Мюрата, нанесли ему поражение и заставили отступить. Французы потеряли 4500 человек, 38 орудий и весь обоз. К вечеру Наполеону стало известно о бегстве его кавалерии. Это сообщение было тем более неприятным, что теперь исключало возможность скрытного маневра к Калу-

ге. Более того, это движение становилось опасным для французов, так как Кутузов мог нанести удар во фланг.

Тарутинское дело было истолковано Наполеоном так: Кутузов чувствует себя достаточно сильным и способен загородить ему дорогу на юг. Император торопился, 19 октября французы стали выходить из Москвы. Уходя, Наполеон воскликнул: «Вперед. Идем в Калугу! И горе тем, кто станет на моем пути!» В городе была оставлена Молодая гвардия и особые отряды для укрепления подступов к Москве: Наполеон усиленно подчеркивал, что собирается возвратиться в столицу. Но этим заявлениям во французской армии никто не верил. Поэтому все старались увезти с собой награбленное. Наполеон не мог приказать оставить все в городе, ведь он обещал войскам сокровища русской столицы. «Можно было подумать, — писал Сегюр, — что двигается какой-то караван кочевников или одна из армий древних времен, возвращающаяся после великого нашествия с рабами и добычей». Из Москвы 110-тысячная армия вышла настолько отягощенной обозами, что оказалась неспособной к быстрому передвижению. Бесконечная вереница разнообразнейших экипажей и повозок следовала за армией. Дисциплина настолько ослабла, что маршал Даву даже перестал расстреливать ослушников, которые под разными предлогами старались подложить в повозки ценные вещи, захваченные в городе, хотя лошадей не хватало даже для артиллерии. Выходящая на старую Калужскую дорогу армия представляла собой колоссально растянувшуюся линию: после целого дня непрерывных маршей к вечеру 19 октября армия и обоз еще не вышли полностью из города, хотя по дороге свободно двигались по восемь экипажей в ряд. На Наполеона эта картина произвела удручающее впечатление, он понимал всю опасность подобного обоза для армии. Однако не решился отдать нужный приказ. Армия уже была не та. После пережитого, ясно сознавая свое критическое положение, понимая, что дальше предстоят очень трудные дни, армия держалась уже не столько дисциплиной, сколько чувством самосохранения в чужой, враждебной стране. Особенно это относилось к немецким, итальянским и другим нефранцузским частям.

Успех движения на Калугу зависел исключительно от быстроты и внезапности маневра. Однако в данных условиях у Наполеона не было необходимых средств для этого. Конница Мюрата была сильно расстроена и на нее нельзя было рассчитывать серьезно, гвардейская кавалерия насчитывала лишь 4600 всадников. Все же император полагал, что ему удастся усыпить внимание старого русского полководца, обойти русских по новой Калужской дороге, выйти к Малоярославцу и прорваться к Калуге.

Из села Троицкого французский император послал к Кутузову полковника Бертеми с письмом, в котором предлагалось «войне дать ход, сообразный с установленными правилами», но главной задачей было удостовериться, что Кутузов стоит на месте. В письме указывалось, что оно отправлено из Москвы. Этой хитростью Наполеон хотел ввести Кутузова в заблуждение.

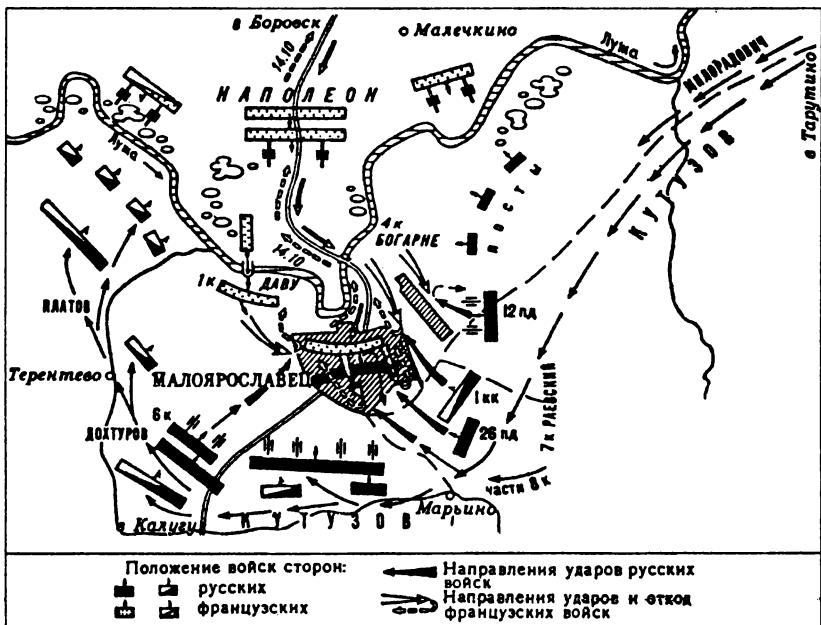
Получив от Бертеми подтверждение, что русские войска стоят по-прежнему на Тарутинской позиции, император заторопился. Главные силы были направлены в Боровск, корпус Понятовского — на Верею. Мортье получил приказ взорвать московский Кремль и общественные здания и присоединиться к главным силам. Жюно следовало подготовиться в Можайске для выступления на Вязьму.

Движения неприятеля не укрылись от Кутузова. Из различных источников ему стало известно, что Наполеон идет к Калуге через Боровск и Малоярославец. Русский главнокомандующий немедленно дал указание 6-му корпусу Дохтурова двигаться к Малоярославцу. Вечером 23 октября из Тарутинского лагеря двумя колоннами выступили главные силы русской армии.

В первую колонну генерала Бороздина вошли 7-й и 8-й пехотные корпуса и 2-я кирасирская дивизия, во вторую колонну Лаврова — 3-й и 5-й пехотные корпуса, 1-я кирасирская дивизия и Тульский казачий полк. Для прикрытия марша с севера было выделено 20 эскадронов конницы Юлицына. Еще раньше к Малоярославцу из авангарда Милорадовича был направлен корпус Платова с задачей выдвинуться на Боровскую дорогу и совместно с корпусом Дохтурова прикрыть город с севера.

Переход войск Дохтурова совершался в крайне тяжелых условиях: дожди размыли дороги, испортили переправы. К вечеру 23 октября корпус прибыл к Спасскому, где соединился с казаками Платова. Здесь русские войска неожиданно задержались: жители села, узнав о приближении французов, уничтожили плотину на реке Протве. Пришлось наводить два моста на плотах, на это ушло несколько часов. К Малоярославцу Дохтуров прибыл лишь в два часа ночи и обнаружил, что город уже занят неприятельским авангардом...

В голове французской армии шел корпус Богарне. Последний выдвинул вперед дивизию Дельзона, однако он направил в город только два батальона. Войска Дохтурова оседлали новую Калужскую дорогу и, установив наличие у неприятеля сравнительно малых сил, на рассвете 24 октября атаквали французов. Два русских егерских полка выбили противника. Однако Дельзон тоже усилил свои части, потеснил русских и вошел в город. Дохтуров послал на подмогу еще два егерских полка. Русские егеря

Бой у г. Малоярославца 24 октября 1812 года.

снова выбили французов из города. Остальная пехота Дохтурова заняла высоты, перекрыв дорогу на Калугу, в то время как 1-й кавалерийский корпус и отряд Дорохова закрыли движение по дороге на Спасское. Артиллерия была сведена в две крупные батареи и расположена впереди корпусов и в боевых порядках пехоты.

Тогда Дельзон бросил в бой всю свою дивизию. Вскоре он был убит, и командование принял генерал Гильемино, который приказал захватить холм, господствующий над западной частью города, и овладеть стоявшими там церковью и зданиями. В 11 часов борьба за город вспыхнула с новой силой: вице-король ввел в бой подошедшую дивизию Брусье. Французы действовали быстро и энергично. Им удалось вновь овладеть городом и даже атаковать стоящий на высотах 6-й корпус. Но натиск наполеоновской пехоты без поддержки артиллерийского огня был отбит огнем и штыковой контратакой. Русские в четвертый раз захватили город.

Французы с ходу ввели в бой подошедшие свежие дивизии Пино и гвардейскую; Богарне восстановил положение и стал угрожать корпусу Дохтурова. Русские части с трудом сдерживали врага. К 14 часам к Малоярославцу прибыл 7-й корпус Раевского (10 500 человек при 72 орудиях) и занял позицию между 6-м пехотным и 1-м кавалерийским корпусами. С его прибытием русские войска насчитывали 22 000 солдат и 144 орудия. Получив перевес в силах, генерал Дохтуров снова атаковал и через час в пятый раз взял Малоярославец. Город был уже сильно разрушен и горел.

Впрочем, и русские недолго удерживали захваченную позицию; к месту боя спешил 1-й корпус Даву. Теперь французы имели более 50 000 человек при 296 орудиях, они снова вытеснили русских из города и атаковали их на высотах. Но и Даву продолжал действовать, главным образом силами пехоты, так как большая часть французской артиллерии застряла на переправах и на северной окраине Малоярославца и не смогла поддержать атаку. Подпустив атакующих на короткую дистанцию, русские встретили их картечным огнем в упор, затем штыковой контратакой опрокинули французов и взяли южную часть города. Завязались кровопролитные уличные бои.

Но подошли главные силы Наполеона, еще две французские дивизии, перейдя реку по наведенному мосту, ворвались в Малоярославец. Сильно поредевшие, уставшие дивизии Дохтурова и Раевского отступили и закрепились на высотах южнее города.

Во второй половине дня к Малоярославцу подступили главные силы Кутузова. Обойдя город с юга, он занял новую дорогу и прочно закрыл ее, преградив путь на Калугу. Теперь бой перерастал в сражение главных сил. Кутузов, принявший руководство, приказал заменить измотанный 6-й корпус и силами 7-го и 8-го атаковал город снова, который в восьмой раз переходил из рук в руки.

Близилась ночь, бой начал затихать, и к 23 часам руины Малоярославца остались в руках французов, а русские прочно закрепились на южных высотах. Ночью русские войска перешли за Немцовский овраг и заняли настолько выгодную позицию, что Наполеон не решился атаковать их. 25 октября оба полководца стояли друг против друга. Кутузов был готов продолжать сражение и весь день был на виду у противника. Стремлению Наполеона выйти к Калуге русский командующий противопоставил твердое решение провести генеральное сражение: «Без коего я, ни под каким видом в Калугу его [Наполеона] — не пушу».

Наполеон отлично понимал, что в случае поражения катастрофа французской армии будет неминуемой. У него теперь было под рукой 70 000 солдат против 90 000 русских с их преимуществом в коннице и артиллерии. В Городно император собрал военный совет. Все маршалы убеждали его прекратить борьбу за город. «Разве не видели мы поля последней битвы, — заявил маршал Бессьер, — не заметили того неистовства, с которым русские ополченцы, едва вооруженные и обмундированные, шли на верную смерть». Выслушав мнения маршалов, Наполеон, однако, не принял окончательного решения до рекогносцировки.

Во время ее проведения Наполеон чуть было не попал в плен. 25 октября император поехал верхом к Малоярославцу. С ним была небольшая свита: маршал Бертье, генерал Рапп, несколько офицеров. Вдруг показался, ле-

тя в карьер прямо на Наполеона и его свиту, отряд казаков с копьями наперевес. С криками «Ура!» они налетели на кучку всадников. Эти их возгласы и спасли Наполеона от неминуемой смерти или плена: его свита издала приняла казаков за эскадрон французской кавалерии, и только крик казаков вывел ее из заблуждения. Человек 25 офицеров свиты сгрудились вокруг императора. Один казак налетел уже на Раппа и с размаху пронзил копьем лошадь генерала, но тут подоспели два французских эскадрона, казаки повернули обратно и скрылись в лесу. Тем не менее Наполеон казался вполне спокойным. Он проехал в Малоярославец. Город был в развалинах, на улицах валялись обугленные трупы нескольких тысяч людей. Это были жители Малоярославца, русские и французские раненые, живьем сгоревшие при общем пожаре города. В сражении, длившемся восемнадцать часов, французы потеряли 5000 человек, русские — около 3000.

Убедившись, что шансов разбить русских мало, Наполеон отдал приказ французской армии сворачивать обратно на старую Калужскую дорогу, откуда она только что пришла. Теперь ее маршрут лежал через Боровск и Можайск к Смоленску. «Этот дьявол Кутузов не получит от меня новой битвы». В первый раз в своей жизни Наполеон отказался от ждавшего его генерального сражения. В первый раз за русскую кампанию он повернулся спиной к русской армии, решился из положения преследующего занять положение преследуемого. План обходного движения на Калугу был сорван Кутузовым. В результате битвы у Малоярославца стратегическая инициатива перешла к русской армии, сражение явилось поворотным моментом в кампании 1812 года. Началось отступление «Великой армии»...

Вечером этого переломного дня Наполеон вызвал доктора Ювана и приказал ему изготовить флакон с ядом. Налет казаков был учтен — впредь император не расставался с флаконом: попасть в плен живым он не собирался.

Сражение под Красным. 16—18 ноября

...меня обвиняют в честолюбии. Словно честолюбие могло меня завести сюда! Я веду чисто политическую войну.

Наполеон. Ноябрь 1812 года

Вот еще победа, Бонапарте был сам, и кончилось, что разбит неприятель в пух.

М.И. Кутузов

Французская армия отступала к Смоленску. Напрасны были все усилия, сделанные для овладения Москвой, бесполезны все угрозы сжечь Петербург. В огне московского пожара сгорел ореол непобедимости наполеоновских войск. После неудачной попытки прорваться к русским базам в Калуге и Туле, им пришлось поспешно отходить на запад. 27 октября началось отступление из Боровска на Верею, Можайск, Дорогобуж, Смоленск.

Армия двигалась длиннейшей, растянутой колонной и на этот раз, по приказу императора, сжигала все деревни, села, усадьбы, через которые проходили войска. Так до основания были уничтожены Боровск и Верея. Но, начиная от Можайска, и сжигать было почти нечего: так страшно разорены были эти места еще в добородинский период войны. Город Можайск стал выжженной пустыней. Когда французы проходили мимо Бородинского поля, где по-прежнему никем не убранные гнили тысячи трупов, Наполеон велел как можно быстрее оставить это место: страшное зрелище подавляюще действовало на солдат, особенно теперь, когда они чувствовали, что война проиграна.

Однако Наполеон еще не был разгромлен. Считая, что главной его целью теперь является отрыв от русских войск, чтобы твердо стать на рубеже Днепр—Западная Двина, провести здесь зиму и подготовиться к весенней кампании. Именно здесь французский полководец надеялся организовать оборону Смоленска и остановить Кутузова. Сил для этого у него было достаточно. В главной армии насчитывалось еще 110 000 человек, на левом

фланге — 60 000, на правом — 50 000 солдат. А на линии от Можайска до Вильно в гарнизонах стояли еще 50 000. Наступающая зима не беспокоила императора. Он планировал уйти без новых сражений, и здесь все решали темпы. Наполеон беспокоился за свою операционную базу. Поэтому он приказал Виктору оставить в Смоленске лишь одну дивизию, а остальные части срочно направить на подкрепление корпусов Удино и Сен-Сира. Одновременно были направлены указания Ренье и Шварценбергу сковать войска 3-й русской армии, возглавляемой после отъезда Тормасова адмиралом Чичаговым.

Кутузов понимал, что для него теперь главное — это не дать Наполеону возможности собрать свои силы и создавать для его армии постоянную угрозу быть обойденной и отрезанной. «Полагая ему нанести величайший вред параллельным движением, — писал Кутузов, — можно достичь этой цели». Он выдвинул вперед казачий корпус Платова и сформировал боковой отряд для действий с севера во фланг французским колоннам, а также крупный отряд для удара в тыл, а сам с главными силами старался обойти армию противника для нанесения удара в голову отступающих колонн. Командиры всех партизанских отрядов получили задачу тревожить французов на всем пути следования. «Все мои партизаны, — сообщал Кутузов, — предупреждают его в марше, затрудняя всячески отступное неприятельское движение, нанося ему при том величайший вред. Эта тактика себя блестяще оправдала».

Первый удар на данном этапе отступления был нанесен у Вязьмы. Наполеон достиг ее 31 октября, шедший же в арьергарде корпус Даву остановился у села Федоровского. 3 ноября авангард Милорадовича ударом во фланг вырвался на Смоленскую дорогу и атаковал Даву. Получив сведения о тяжелом положении последнего, Наполеон вынужден был приказать Нею и вице-королю Евгению оказать ему помощь, а затем вообще сменить этот корпус. В Вязьме император одновременно получил и другое неприятное известие: о крупной неудаче постигшей Сен-Сира и Удино на Западной Двине. Под давлением войск Витгенштейна они вынуждены были оставить Полоцк, а затем потерпели поражение у города

Чашники. Такой оборот дел был чреват серьезными последствиями, так как правый фланг отступающей армии открывался для удара.

Итак, удержаться в Вязме французы не смогли. Платов и Милорадович атаковали город. Французы в беспорядке отступили, уничтожив переправу через реку Вязму. Их общие потери составили около 9000 человек.

Наполеон поспешно двигался к Смоленску, имея в арьергарде корпус Нея. Морозов еще не было, но уже между Москвой и Смоленском отступающая армия жила впроголодь, а после Вязмы наступил настоящий голод. Милорадович и Платов шли за французским арьергардом, постоянно его тревожа, казачьи отряды и партизаны рыскали по флангам французской армии, захватывали обозы, рубили внезапными налетами отделившиеся от главных сил отряды. «Сегодня я видел сцену ужаса, которую редко можно встретить в новейших войнах, — записывал Вильсон 5 ноября в 40 верстах от Вязмы по дороге к Смоленску, — 2 тысячи человек, нагих, мертвых или умирающих, и несколько тысяч мертвых лошадей, которые по большей части пали от голода. Сотни несчастных раненых, ползущих из лесов... 200 фур, взорванных на воздух, каждое жилище по дороге — в пламени...» К этому периоду относятся первые свидетельства о случаях людоедства среди французов.

Император был с гвардией в авангарде. Наполеон, как всегда, переносил все трудности похода, стараясь подбодрить солдат. Он часами шел по дороге, опираясь на палку, разговаривая с идущими рядом солдатами.

В это же время отходящим французским войскам были нанесены новые удары. У Дорогобужа был разбит корпус Нея; вслед за этим у Ляхова партизаны принудили к капитуляции бригаду Ожеро. Почти одновременно Платов разбил корпус Богарне у Духовщины. «Никогда преследование неприятеля в большом масштабе не велось так энергично и с таким напряжением сил, как в эту кампанию,» — писал Клаузевиц. «Великая армия» таяла на глазах. Когда 9 ноября Наполеон вступил в Смоленск, то у него оставалось уже 60 000 солдат из 110 000, вышедших из Москвы. Но французская армия еще не была деморализована, хотя и сильно пострадала. Катастрофа

произошла позднее. А пока, достигнув Смоленска, французы считали себя в относительной безопасности. Наполеон был убежден, что на этом рубеже ему удастся задержать наступление русских. Опираясь на Смоленск, можно было отвести главные силы и расположить их на квартиры между Могилевом, Оршей и Витебском. Особую надежду он возлагал на свои фланговые корпуса.

Наполеон произвел рекогносцировку смоленской позиции, а затем приступил к реорганизации и укреплению войск. Пехота получила недостающее вооружение и полный боекомплект патронов. Была приведена в порядок артиллерия. Хуже обстояло дело с кавалерией. Особое внимание обращалось на организацию тыла. В Оршу полетел приказ увеличить запасы. Несмотря на потери, французская армия была еще достаточно сильна и боеспособна, император — полон энергии и бодрости, он полагал, что оторвался от преследования Кутузова. Но через несколько дней радужное настроение сменилось тревогой. Сначала было получено сообщение о поражении 4-го корпуса под Духовщиной и поспешном отступлении дивизии Бараге д'Иллье к Смоленску. Наконец, стало известно о капитуляции гарнизона в Витебске и неудачах Сен-Сира. Наполеон негодовал: «Нет! Виктор не способен командовать даже полком или дивизией. Как, не прийти на помощь! Позволить прервать линии! Какая глупость! Какое незнание самых начал военного искусства!.. И таковы они все! Я слишком высоко их поставил: они служат поневоле и губят все мои планы! Даву наполовину помешан и ни на что не годен. Виктор в Смоленске бесполезно истребляет заготовленные запасы. Ожеро не желает двигаться и воображает, что оказывает милость, повинуюсь мне!..»

Над наполеоновскими флангами нависла явная угроза. К тому же запасы продовольствия в городе оказались слишком малы, большую их часть уничтожили маршевые батальоны, следовавшие через Смоленск. Поэтому магазины перестали существовать уже на третий день. Лишь гвардия получила все положенное довольствие, остальные склады были просто разграблены оголодавшими войсками. Дисциплина падала с ужасающей быстротой, особенно в нефранцузских частях, и даже расст-

релы не могли ее восстановить. Беспощадная суровость Даву еще кое-как поддерживала порядок в 1-м корпусе, другим маршалам это удавалось плохо. Согреться в разрушенных домах было мудрено. Солдаты на площадях жгли кареты, телеги, ящики и жарили на огне мясо павших лошадей. В Смоленске стали учащаться случаи замерзания людей, отмораживания рук и ног.

Теперь оставалось одно — как можно быстрее отходить на Красный. В Смоленске было потеряно несколько драгоценных дней, которые дали возможность русским войскам выйти на фланги французов.

14 ноября наполеоновская армия снова двинулась на запад. Император приказал продолжать отход одной колонной, пятью эшелонами, удаленными друг от друга на суточный переход. Вследствие недостатка кавалерии ни о каком выдвигании боковых арьергардов не могло быть и речи. Ее хватало лишь для авангарда. Впереди шел 5-й корпус Зайрнчека, заменившего заболевшего Понятовского, за ним двигался корпус Жюно, затем шла гвардия и вслед за ней остальные войска. В арьергарде оставался корпус Нея, который вступил в разграбленный Смоленск после того, как из него ушла вся армия. Вопреки приказу императора Ней вынужден был задержаться в Смоленске, чтобы хоть в какой-то мере обеспечить свой корпус продовольствием и боеприпасами для дальнейшего марша.

Тем временем морозы усиливались. Уже при выходе из Смоленска люди так ослабели, что, упав, не могли подняться и замерзали. Вся дорога была устлана трупами. Французам пришлось бросить большую часть обоза, артиллерии и снаряжения; целые эскадроны должны были спешиться, так как конский падеж все усиливался. Всего в строю было не более 40 000 человек и несколько тысяч отставших, которые просто брели следом за армией.

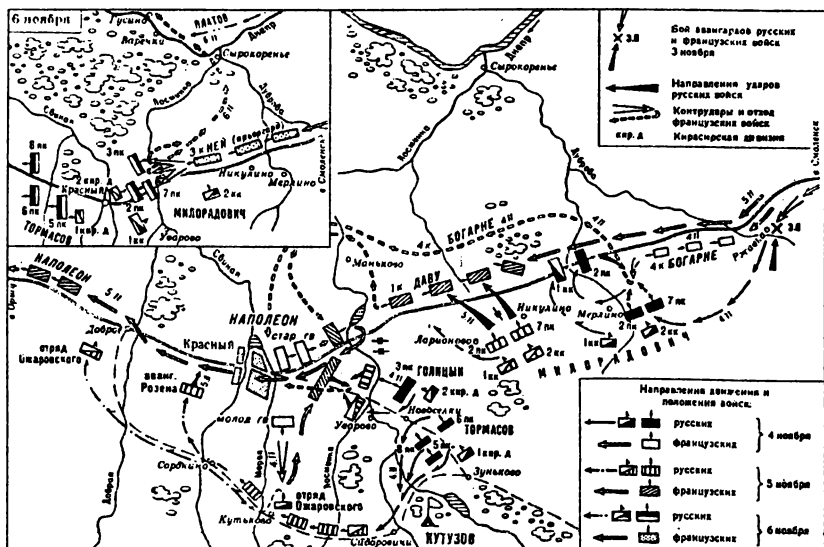
К вечеру 15 ноября гвардия, корпус Жюно и кавалерия Мюрата вышли к Красному, но здесь выяснилось, что город занят русским отрядом Ожаровского, захватившего в плен полуторатысячный гарнизон. Наполеон приказал выбить русских из города и остановился, чтобы дать время подойти другим корпусам. На другой день началось одно из самых крупных сражений 1812 года.

Бои под Красным лишили французскую армию лучших сил. Они сыграли, пожалуй, решающую роль в крушении всех планов, которые строил император.

В то время, когда Наполеон еще находился в Смоленске, Кутузов деятельно готовился к нанесению нового удара. В его штабе опасались, что французский император из Смоленска начнет отступать не по одному, а по двум или даже трем направлениям, что дало бы ему возможность ускорить движение и соединиться с войсками Виктора и Удино. В таком случае создавалась бы угроза армии Витгенштейна. Кутузов не исключал также, что император может направиться южнее Смоленска на соединение со своим правым флангом. Обстановка была изменчива и требовала пристального наблюдения за противником. Для получения необходимых данных Кутузов выдвинул 4-й пехотный и 4-й кавалерийский корпуса вперед, южнее Смоленска. Получив сообщение Милорадовича, что армия Наполеона движется по дороге на Оршу, русский главнокомандующий счел, что какая-то часть сил противника уже прошла Красный, и решил отрезать часть французских сил на Красненской дороге. Он приказал Милорадовичу следовать к деревне Ржавка и в помощь ему выслал обе кирасирские дивизии Голицына.

Кутузов почти не сомневался, что гвардия Наполеона уже прошла Красный и находится на марше к Орше, а остальные войска двигаются на Витебск. Для выяснения обстановки он приказал Ожаровскому и Давыдову передвинуться в этот район и произвести разведку боем. 14 ноября отряд Ожаровского занял с боем Красный. Однако вскоре к городу подошла французская гвардия и выбила русских. Ожаровский вынужден был отойти, но его сообщение о сосредоточении в Красном наполеоновской гвардии давало основание заключить, что Наполеон держал в кулаке все свои силы и не разделял их на две колонны. Но эти данные Кутузов получил только к вечеру 16 ноября. Не прояснили обстановку и боевые действия Милорадовича, который 15-го числа вышел к Успенской дороге и развернул свои силы вдоль нее. Милорадович располагал 18 000 человек при 100 орудиях.

Во второй половине дня 16 ноября к расположению авангарда Милорадовича у села Мерлино подошел 4-й французский корпус вице-короля. Командир 4-й дивизии русских Евгений Вюртембургский выдвинул на дорогу 44-орудийную батарею и начал расстрел наступающих французов прямо в лоб. Вскоре к этой дивизии присоединись 12-я и 26-я дивизии 7-го корпуса. В результате объединенных действий головная колонна французского корпуса (а точнее, итальянского) была рассеяна. Осталось сделать немного для его окончательного поражения. Однако прибывший к месту боя Милорадович распорядился иначе: он отвел все три дивизии с дороги и поставил их параллельно тракту, оставив на нем для прикрытия артиллерии два пехотных полка. Когда к месту боя прибыли остальные дивизии корпуса Богарне, то Милорадович предложил вице-королю капитуляцию. Богарне решил пробиваться: он бросил в атаку остатки 14-й дивизии Брусье. Эта колонна была рассеяна огнем артиллерии. На помощь ей Богарне направил 13-ю дивизию Орнано, но русская кавалерия окружила ее и принудила сдаться. Вслед за 13-й дивизией в бой ринулась толь-

Сражение под Красным. 16-18 ноября 1812 года.

ко что подошедшая 15-я дивизия и другие части. Для атаки вице-король построил войска в три колонны. Левая колонна была отрезана и сдалась русским, средняя — рассеяна огнем артиллерии, и только часть правой колонны прорвалась в Красный. Богарне удалось спасти лишь небольшую часть своего корпуса. Вся артиллерия, все обозы и более 2000 солдат оказались захваченными русскими войсками.

Поражение корпуса Богарне заставило Наполеона повернуть назад гвардию и отправить в Оршу лишь корпуса Жюно и Понятовского.

Успех Милорадовича дал Кутузову основание для атаки на другой день войска противника. В главную колонну под командованием Торماسова вошли 5-й, 6-й и 8-й пехотные корпуса, авангард Розена, 1-я кирасирская дивизия и отряд Ожаровского — всего 23 000 человек и 120 орудий. Во вторую колонну, которой командовал Голицын, были отряжены 3-й пехотный корпус, 2-я кирасирская дивизия и Черниговский полк. Главная колонна получила задачу совершить обходной маневр через Сидоровичи, Сорокино, Доброе и перехватить Смоленскую дорогу за Красным. Колонна Голицына должна была выступить на полтора часа позднее к деревне Уварово, чтобы нанести удар противнику во фланг. Авангарду Милорадовича в составе двух пехотных и двух кавалерийских корпусов поручалось нанести удар в тыл. Другими словами, предполагалась осуществить концентрический удар по двум-трем корпусам противника. Однако эта диспозиция не была выполнена.

Когда колонна Торماسова двинулась в обходной путь, а колонна Голицына выдвинулась к Уварово, на Смоленской дороге показался корпус Даву — 7500 человек при 15 орудиях. Артиллерия 2-го русского корпуса начала обстрел противника, а пехота уже готова была перейти в атаку. Но Милорадович, основываясь на полученной директиве от Кутузова, приказал пропустить части Даву в Красный. Дело в том, что фельдмаршал дал возможность противнику продвинуться к Красному, чтобы затем зажать его между двух огней и принудить к капитуляции. В свою очередь, когда Наполеон услышал канонаду за Красным, то решил отвлечь на себя внимание русских,

чтобы смог прорваться Даву. Французская гвардия обрушилась на войска колонны Голицына в деревне Уварово. Сначала французам удалось выбить русских, но далее 3-й пехотный корпус остановил атаку противника. Превосходящие силы русской артиллерии подавили огонь французских пушек.

Появление гвардии Наполеона у Уварово для Кутузова стало полной неожиданностью. Он предполагал, что Понятовский, Жюно и сам Наполеон ушли вперед, и ему придется иметь дело только с последними тремя корпусами. Теперь он предположил обратное, что все войска Наполеона находятся здесь. Не надеясь на сравнительно небольшие силы, состоявшие под командованием Голицына, Кутузов дал приказ Торماسову остановить обходное движение и срочно идти на помощь Голицыну.

Между тем Наполеон не желал развивать сражение и по мере движения войск Даву к Красному направлял их дальше по дороге на Оршу. Когда большая часть корпуса Даву уже прошла Красный, император получил сведения о движении обходного отряда Тормасова ему в тыл. В то же время активизировали свои действия войска Голицына. Опасаясь окружения, Наполеон решил пожертвовать корпусом Нея и отойти. Теперь Кутузов приказал Тормасову как можно быстрее двигаться к селу Доброе, но догнать французов было уже трудно. Правда, Розену и Ожаровскому удалось нанести сильный удар по частям, замыкающим колонну корпуса Даву, в результате которого перестала существовать дивизия Дитерихса. Но Наполеон ушел, за что Кутузова потом много критиковали, поскольку «каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». Разбирая войну 1812 года, Клаузевиц по похожему поводу отмечал: «...главное — это трудность выполнения. На войне все просто, но самое простое в высшей степени трудно. Орудие войны походит на машину с огромным трением... это трение встречается повсюду и вступает в контакт с массой случайностей. Кроме того, война представляет собой деятельность в противодействующей среде. Опасность и напряжение — вот те стихии, в которых на войне действует разум. Об этих стихиях ничего не знают кабинетные работники. Отсюда получается, что всегда не доходишь до той черты, которую себе

наметил; даже для того, чтобы оказаться не ниже уровня посредственности, требуется недюжинная сила».

К вечеру 17 ноября Тормасов, войска которого Кутузов усилил 3-м пехотным корпусом, и Голицын занимали район у речки Лосминка. Таким образом, корпусу Нея предстояла весьма трудная задача — прорваться через мощный заслон русских. Ней сильно задержался в Смоленске: он выступил оттуда только в два часа ночи 17 ноября, взорвав по приказу Наполеона восемь годуновских башен, Королевские ворота и уцелевшие крупные здания. Отходя от города, Ней вынужден был бросить 140 своих орудий, 17 трофейных русских и большую часть обоза. Кроме того, оставил в полевых госпиталях более 4000 раненых. В строю у него было 8500 солдат при 12 орудиях, сзади за корпусом брели толпы отставших.

Вечером 17 ноября Ней пришел к Корытне. Услышав канонаду у Красного, он решил, что это пробивается на соединение с главными силами корпус Виктора, и не придавал ей особого значения. У Корытни Ней заночевал. На рассвете следующего дня он продолжил движение. Появление неприятеля на переправе через Лосминку оказалось для Нея неожиданностью, обнаружив русских, он решил атаковать их с ходу.

Со своей стороны Милорадович привел войска в боевую готовность и послал к Нею парламентаря с предложением капитулировать. На что последний ответил: «Императорские маршалы в плен не сдаются!» Задержав парламентаря, чтобы он не рассказал о тяжелом положении корпуса, Ней приказал дивизии генерала Разу атаковать русскую позицию, чтобы прорваться к городу. Французы под прикрытием «в то время случившегося тумана» пошли в наступление, их поддерживал огонь шести орудий. Однако вскоре русская батарея заставила замолчать французские пушки, а затем картечным огнем остановила наступающих. После чего войска 1-й и 26-й дивизий, два полка 1-й гренадерской дивизии, поддержанные кавалерией, бросились в контратаку и опрокинули французов. По словам Кутузова, «неприятель оставил пушки, знамена и множество пленных и убитых, был сбит с поля сражения и рассеян по лесам».

Тогда Ней направил в атаку подошедшую дивизию Лендрю, а остатки дивизии Разу собрал и направил через лес к Сырокоренью. Под прикрытием боя ему удалось стянуть к переправе часть своих войск и обозы. Но Кутузов, предвидя возможность использования противником этой переправы, приказал Голицыну взять ее под контроль. Когда Ней с частью уцелевших войск пробился к реке, отряд полковника Чернозубова ударил по французам и окончательно разгромил их, захватив много пленных. Части дивизии Лендрю были окружены и капитулировали. «В 12 часов пополудни, — сообщал в рапорте Кутузов, — неприятельский корпус... положила ружья, сдался».

Ней с 800 бойцами перешел Днепр по первому хрупкому льду и явился к Наполеону в Оршу, где его уже считали погибшим. Император молча сжал маршала в своих объятиях. Ней и дальше вызвался командовать в самом опасном месте: в арьергарде. Один из активнейших участников преследования отступающих французов, русский генерал Левенштейн, дал такую оценку этой последней фазе боев под Красным: «Ней сражался как лев, но время побед для французов миновало... С наступлением ночи маршал Ней направился со слабыми остатками своего корпуса к Сырокоренью, и ему удалось, пройдя сквозь победоносную армию, перейти Днепр, который был покрыт тонким льдом. Этот подвиг будет навеки достопамятен в летописях военной истории. Ней должен был бы погибнуть, у него не было иных шансов к спасению, кроме силы воли и твердого желания сохранить Наполеону его армию».

Три дня шли бои у Красного. Корпус Нея и частично корпус Даву были разбиты. 26 000 убитых и пленных оставил Наполеон, здесь он бросил практически всю артиллерию. В обозе маршала Даву казаки захватили его маршальский жезл и карты Малой Азии и Индии, куда император собирался повести свою армию после окончания войны с Россией. Мечта о мировом господстве рушилась. Потери русских составили чуть более 2000 человек.

Кутузов, постоянно угрожая перерезать французские коммуникации, заставлял Наполеона отступать без пере-

дышки, а сильные удары, нанесенные ему с 16 по 18 ноября, привели к огромным людским и материальным потерям.

С этого момента началась деморализация главной армии Наполеона. Положение ее еще более осложнялось наступившими морозами. Поражение под Красным поставило Наполеона на грань катастрофы. Осталось только спасти честь армии.

Березина. 26—28 ноября

Обстоятельства увлекли меня. Может быть, я сделал ошибку, что дошел до Москвы, может быть, я плохо сделал, что слишком долго там оставался, но от великого до смешного — только один шаг, и пусть судят потомки.

Наполеон

Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвется в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав — судить не нам,
Да только воз и ныне там.

И. Крылов

Задуманный Кутузовым план окружения французской армии в междуречье близился к завершению. Тяжелые бои 16—18 ноября вынудили главнокомандующего дать войскам дневку 19-го числа. Для нового удара нужно было привести войска в порядок и, кроме того, очистить свои тылы от остатков разбитых наполеоновских частей. Для преследования противника были направлены авангард Милорадовича, корпус Платова и отдельные отряды. Особенно важно было установить связь с войсками Чичагова и Витгенштейна, чтобы обеспечить координацию совместных действий. Витгенштейну Кутузов приказывал усилить давление на правый фланг отходящей армии противника, а Чичагову предписал ускорить выход к Березине с тем, чтобы упредить Наполеона

и занять раньше его город Борисов, а затем выслать свой авангард на соединение с Главной армией. Таким образом, Чичагов и Витгенштейн должны были закрыть Наполеону пути отхода на запад и северо-запад. Главная армия имела задачу двигаться от Копыся на Староселье — к местечку Березино.

Реализация этого плана затруднялась тем, что русские войска получали все меньше продовольствия. Ввозимый запас был съеден, а тылы сильно отстали. Не менее тяжело сказывалось отсутствие зимнего обмундирования. Русская армия начала наступление до того, как в Тарутино поступили сапоги и полушубки. Основная масса солдат к концу ноября была одета в летнее обмундирование и несла не меньшие лишения, чем французы. Осенняя непогода дала себя почувствовать довольно быстро. Из армии ежедневно выбывало большое количество заболевших, которыми были заполнены тыловые госпитали. Главная армия Кутузова уменьшилась только за счет больных на 30 000 человек, что превышало боевые потери. После Красного Кутузов имел в своем распоряжении не более 50 000 бойцов. Но нельзя было останавливать преследование противника, нельзя было дать ему закрепиться в западных областях страны. Необходимо было держать темп, и наступление продолжалось.

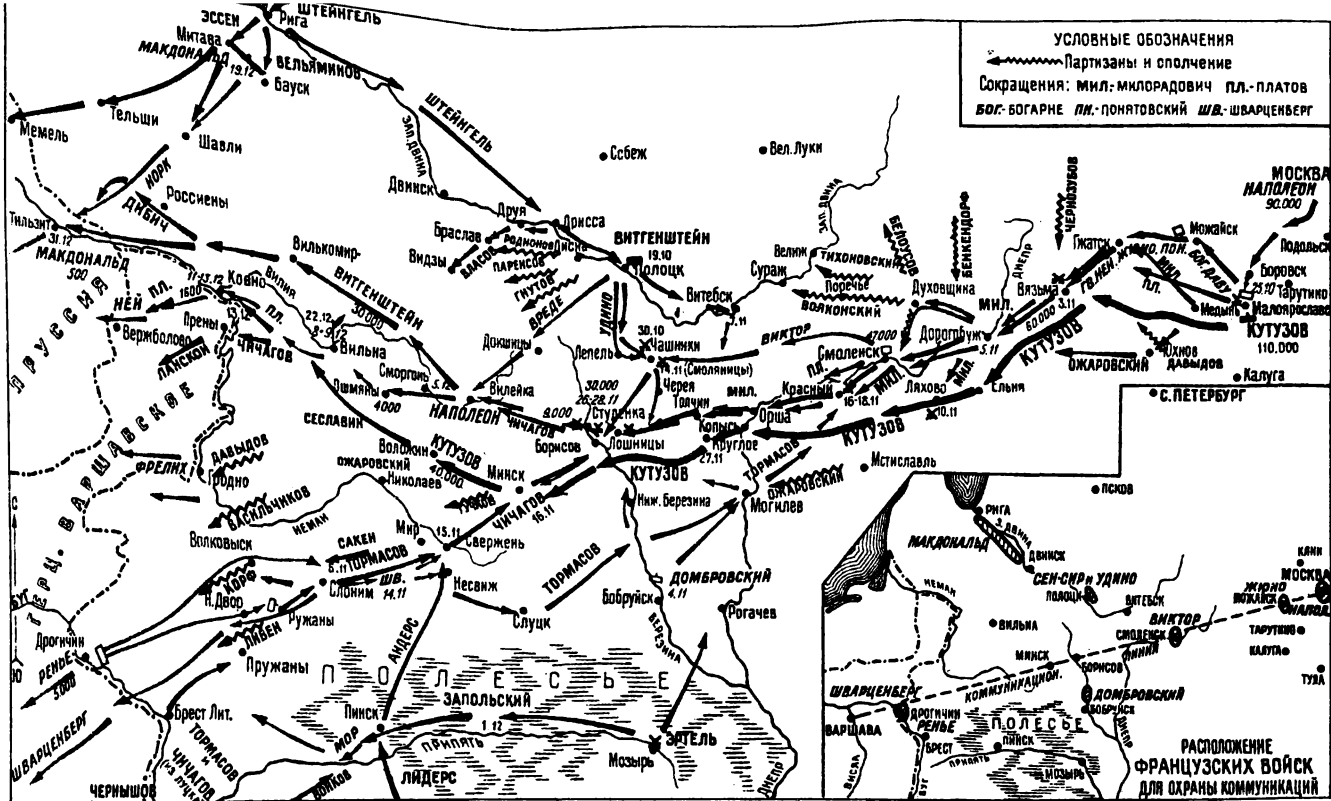
В конце ноября, в то время как Главная армия, тесня войска Наполеона, двигалась южнее Московской дороги, навстречу противнику шли армии Витгенштейна и Чичагова. Всем казалось, что наконец-то непобедимый Бонапарт вот-вот сам угодит в мешок, а в русском штабе все были уверены, что Наполеон будет взят живым или мертвым.

Наполеон впервые попал в столь затруднительное положение. Он привык к головокружительным успехам на Западе, к быстрым и решительным ударам, после которых противник терял волю и способность к дальнейшему сопротивлению. И здесь совсем недавно русская армия отступала под натиском французов. Теперь же они вынуждены были бежать под непрерывными ударами регулярных частей и партизанских отрядов, сильно ослаблявших наполеоновские войска. Если до сражения под Красным это была еще сильная и боеспособная армия,

то теперь она с трудом противостояла русским. Наполеон прилагал все усилия для того, чтобы сохранить основные кадры своих войск, способных к сопротивлению. Ему предстояло решить труднейшую задачу: избежать одновременного удара трех русских армий, насчитывавших около 100 000 человек.

18 ноября французский авангард вступил в Оршу, а 20-го сюда прибыл император. Находясь в Орше, он начал готовиться к этому весьма сложному предприятию по прорыву из стратегического окружения. 1-й корпус Даву был переформирован в три батальона. 3-й корпус Нея также был сведен в три батальона, 4-й корпус Богарне и 6-й корпус Жюно образовали по два батальона каждый. Артиллерия была также реорганизована, в Оршу прибыли 30 орудий из корпуса Виктора. Кроме того, в городе находился парк из 36 орудий. Из них были сформированы шесть батарей. Войска получили боеприпасы и продовольствие со складов Дубровны и Орши. Эти меры организационно укрепили армию. В Бобре Наполеон приказал собрать знамена всех корпусов и сжечь их. Здесь же он сформировал из всей конницы отряд в количестве 500 офицеров, назвав его «своим священным эскадром». В это время «Великая армия» насчитывала не более 50 000 человек, из которых половина была уже не способна бороться. Однако, с приближением корпусов Удино и Виктора, численность войск возросла еще на 25 000 солдат. Таким образом, к Березине могло выйти более 40 000 вполне боеспособных войск и примерно 35 000 отставших и больных солдат, тянувшихся толпами за корпусами.

В Орше Наполеону стало известно, что Виктору не удалось оттеснить войска Витгенштейна за Двину. Получено было также сообщение, что 16 ноября войска Чичагова заняли Минск. Русским достались крупные продовольственные склады, где находилось 2 миллиона пайков. Здесь же адмирал Чичагов обнаружил любопытный документ: «Приказ от 19 ноября 1812 года о поимке Наполеона. Наполеонова армия в бегстве; виновник бедствий Европы с ней. Мы находимся на путях его. Легко быть может, что Всевышнему будет угодно прекратить гнев свой, предав его нам. Посему желаю, чтобы приме-

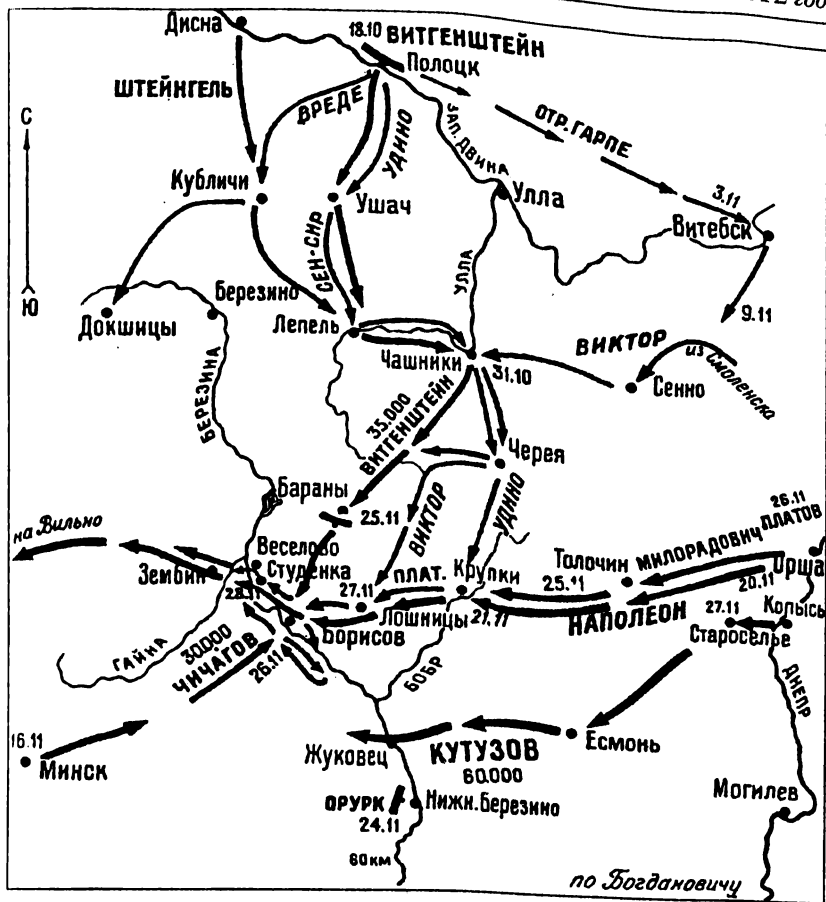
Отступление армии Наполеона от Москвы и преследование ее русскими войсками.

ты сего человека были всем известны. Он росту малого, плотен, бледен, шея короткая и толстая, голова большая, волосы черные. Для вашей же надежности ловить и приводить ко мне всех малорослых. Я не говорю о награде за сего пленника. Известные щедроты Монарха нашего за сие ответственуют».

Обеспокоенный потерей Минска, император приказал Удино срочно выйти к Борису, чтобы предупредить армию Чичагова. В задачу Виктора входило сначала играть роль бокового авангарда. Он должен был своими действиями убедить Витгенштейна в том, что главные силы Наполеона движутся севернее Борисова. После отхода главных сил от Орши, корпус Виктора стал арьергардом остатков «Великой армии».

21 ноября французские войска оставили Оршу и уничтожили все переправы через Днепр. 22-го они прибыли в Толочин. Корпус Удино в это время занял местечко Бобр и готовился к движению на Лошницы. Отсюда Удино сообщил о взятии Борисова войсками Чичагова. Эта весть взволновала императора, он созвал военный совет для обсуждения вопроса о дальнейших действиях. Генерал Додд предложил сделать поворот на север, оттеснить Витгенштейна за Двину, а затем отойти через Глубокое на Вильно. Жомини считал возможным выйти к Борису, переправиться здесь через Березину, а затем пробиваться на Вильно. Во время заседания прибыло донесение Удино, об обнаружении брода у деревни Студенка. Это окончательно определило решение императора произвести переправу у Борисова.

От Бобра до Борисова армия Наполеона шла три дня. К этому времени Удино разбил авангард Чичагова под командованием графа Палена и вынудил русских очистить город. Затем в Борисов вступила гвардия, остальные войска были на подходе. Чичагов уничтожил городской мост и ушел на другой берег реки. Французы простояли в нерешительности у Борисова два дня. Дело в том, что Удино принял проходившие по правому берегу русские части, выбитые из Борисова, за авангард корпуса Витгенштейна. Когда французский штаб убедился, что это предположение ошибочно, началась энергичная подготовка к переправе. Для отвлечения внимания Чи-

Операция у Березины.

чагова было решено начать устройство ложной переправы у Нижнего Березино.

Одновременно французы приступили к подготовке действительной переправы у деревни Студенка, именно там, где сто лет назад, начиная русский поход, переправился шведский король Карл XII.

Демонстрация удалась как нельзя лучше, Чичагов, как и Витгенштейн, был обманут. Он предположил, что Наполеон собирается прорываться на Минск для соединения со Шварценбергом и приказал быстрее двигаться к Нижнему Березино.

Начальник штаба Сабанеев «доказывал безумие этой диспозиции, но Чичагов отнесся к этому совершенно равнодушно». У Борисова оставался корпус Ланжерона, а у деревни Брыли слабый отряд Чаплица. Более того, Ланжерон воспринял движение французов в Борисове как попытку восстановить разрушенный мост и приказал Чаплицу оставить у Зембина небольшой наблюдательный отряд, а с остальными войсками прибыть к Борисову. В результате, наиболее опасное место оказалось прикрытым слабым отрядом генерала Корнилова — один батальон егерей и два полка казаков при 4 орудиях, а основные силы Чичагова были прикованы к местам демонстрационных переправ. Все это происходило 25 и 26 ноября.

Установив факт передвижения главных сил Чичагова к югу от Борисова, Наполеон немедленно приступил к наведению мостов через Березину у Студенки. В этом месте река не имела и 25 метров в ширину, но берега ее по обе стороны были покрыты на большом пространстве илистой грязью, так что нужно было строить мосты втрое длиннее. Работы начались 26 ноября под руководством инженер-генералов Эбле и Шасслоу. Один мост предназначался для пехоты, другой — для артиллерии, кавалерии и обозов. Прибыв на место наводки мостов, Наполеон выразил нетерпение. Он обратился к Эбле: «Долго, генерал, очень долго!» — «Ваше величество, извольте видеть, — ответил Эбле, — что мои люди стоят по горло в воде, их работе мешают льдины; у меня нет ни съестных припасов, ни водки, чтобы дать им согреться».

В этот же день штаб императора приказал командирам корпусов подтянуть свои войска к месту переправы. Генерал Корнилов, установив скопление французов у Студенки, открыл огонь из своих четырех орудий. Одновременно он направил Чаплицу сообщение о подготовке переправы. Однако Ланжерон задержал Чаплица в Борисове. Оба они предполагали, что Наполеон, переправившись через Березину, пойдет не на Вильно, а на Минск, и Чаплиц, который занимал Брыли, мало заботился о прикрытии Зембинского дефила.

Со своими слабыми силами Корнилов не мог помешать наводке мостов. Русская батарея была подавлена ог-

нем 40 орудий, установленных на более высоком берегу реки. Под защитой этого огня бригада Корбино форсировала Березину вброд, каждый кавалерист вез на крупе лошади одного стрелка. Вслед за ними на плотках переправился стрелковый батальон дивизии Домбровского. Этих сил было достаточно, чтобы оттеснить русских от места переправы.

Когда мосты были готовы, Наполеон пропустил мимо себя на другой берег польскую кавалерию Домбровского, кавалерийскую дивизию Думерка и 2-й корпус Удино. Эти силы прикрыли доступы к мостам со стороны Стаховского леса, а затем поспешили овладеть Зембинским дефиле, где по милости Ланжерона и Чаплица оставались в полной сохранности мосты через болота. «Если бы неприятель успел разрушить эти мосты, — вспоминал Наполеон, — мы погибли бы безвозвратно, потому что болото не довольно еще крепко замерзло, чтобы заменить их».

Когда Чаплиц наконец подошел со своим отрядом к месту французской переправы, то здесь он встретил 5600 человек неприятельской пехоты и 1400 кавалеристов. Французы немедленно перешли в наступление и оттеснили войска Чаплица за деревню Стахово.

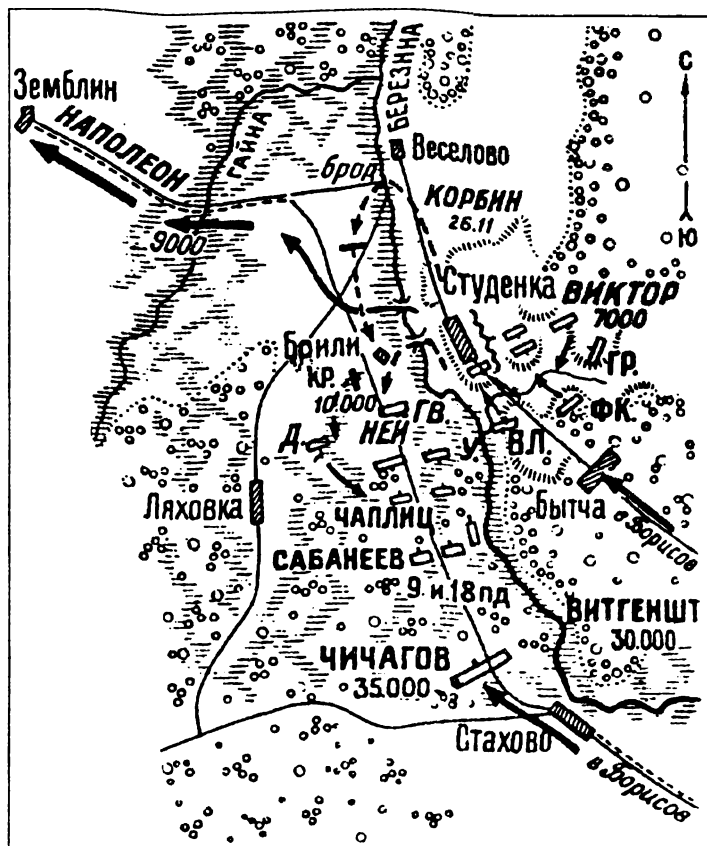
В это время на левом берегу события разворачивались следующим образом. 26 ноября Витгенштейн находился в районе Кострицы. Не имея никакого представления об обстановке, он по-прежнему полагал, что Наполеон движется к югу от Борисова, а Виктор составляет его боковой авангард. Только к вечеру Витгенштейн решил выдвинуться вперед и связаться с Чичаговым. При этом русские войска обходили место переправы и тем самым позволили Наполеону спокойно действовать 26 и 27 ноября. Очевидно, что если бы Витгенштейн принял меры для более глубокой разведки, то обнаружил бы место переправы. Он мог бы занять Студенку и воспрепятствовать отходу французов. Однако принимать на себя удар, как он полагал, всех сил Наполеона не входило в планы Витгенштейна. Его обер-квартирмейстер генерал Дибич настоятельно убеждал командующего более энергично преследовать Виктора, чтобы нанести ему поражение у реки, на что командующий отвечал: «Пусть Чичагов с

ним повозится, а когда уже по сию сторону останется хвост их, тогда я дам им себя знать». Витгенштейн считал, что Наполеон имеет не менее 70 000 бойцов, и боялся, что его 40-тысячная армия не сможет выдержать натиска французов и будет раздавлена. Между тем, вступив в сражение, он мог задержать императора по меньшей мере на двое суток и этим самым дал бы возможность Чичагову выйти к угрожаемому пункту и подойти к главным силам Кутузова.

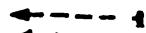
А у переправ генерал Чаплиц, располагая только 5000 человек, занял позицию на опушке Стаховского леса и, не решаясь атаковать более сильного противника, срочно послал донесение Ланжерону. Последний направил ему на помощь всего два полка, так как еще не решился отойти от Борисова, где находилось много французских войск.

Тем временем Чичагов разобрался, что у Нижнего Березино французами устроена ложная переправа, а действительная находится выше Борисова у Студенки. Адмирал понял, что был жестоко обманут противником. Повернув войска назад и пройдя за сутки более 30 верст, он 27 ноября снова оказался у Борисова. Его солдаты, измученные тяжелым маршем, уже не могли в этот день двигаться дальше. Послав Ланжерону часть кавалерии, адмирал назначил выступление своих главных сил на 28 ноября. Таким образом, и 27-го числа никто не препятствовал Наполеону производить переправу. В этот день через Березину перешел корпус Богарне, войска Даву и гвардия. Теперь император имел на правом берегу до 15 000 солдат. Возложив на Удино задачу прикрывать переправу, Наполеон отвел остальные войска в резерв.

Корпус Виктора удерживал Борисов и прикрывал левый берег реки у мостов. Обстановка благоприятствовала французам. Чичагов не решался атаковать своими силами (около 30 000 человек) армию Наполеона; он полагал, что в случае поражения его войск императору будет открыта дорога на Минск. В свою очередь, Витгенштейн не активизировал действия, дожидаясь получения сведений от Чичагова. Главные силы Кутузова и вовсе находились в шести переходах от места событий: фельдмаршал, исходя из своих соображений, не слишком торопился.

Условные обозначения:

Операции 26-27.11

Положение 28.11

2-я позиция Виктора

Сокращения: **Кр.** - КОРНИЛОВ **Д.** - ДУМЕРГ **У.** - УДНО

Гв. - ГВАРДИЯ **Гр.** - ГЕРНГРОС

Вл. - ВЛАСТОВ **Фк.** - ФОК

Бой при Студенке. 26-28 ноября.

Клаузевиц так охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Бесспорно, случай... благоприятствовал Наполеону в том отношении, что близ Борисова удалось найти столь удобный для переправы пункт... но главное влияние ока-

зала слава его непобедимости; таким образом, здесь сказывался накопленный за многие прошлые годы капитал. И Витгенштейн, и Чичагов — оба боялись его, его войск, его Гвардии... Никому из них не хотелось быть разбитым Наполеоном. Кутузов полагал, что цель будет и так достигнута, Витгенштейн не хотел рисковать ранее приобретенной славой, Чичагову не хотелось во второй раз понести поражение». Лишь в конце 27 ноября Витгенштейн решился выдвинуть свой авангард к Старому Борису, а с главными силами идти на Новый Борисов. Он все еще не знал, где находятся основные силы противника. Выйдя на опушку леса, через который шла дорога от Старого Борисова к Студенке, авангард генерала Властова обнаружил французов и открыл огонь. Это была дивизия генерала Партуно из корпуса Виктора. На дивизию была возложена задача удерживать Борисов до окончания переправы. Однако Партуно был вынужден оставить город раньше под напором войск Платова и Ермолова, также подошедших к Борисову. Отходя к Студенке, Партуно собрал вокруг себя около 7000 человек. Очутившись между войсками Платова и Властова, вечером 27 ноября французская дивизия сдалась.

Только теперь Витгенштейн понял свою ошибку. Он решил атаковать Виктора утром 28 ноября, но теперь уже не с севера, а с юга. Оплошность Витгенштейна, проскочившего мимо переправы, обеспечила Наполеону возможность беспрепятственно переместить через реку главные силы.

Наступило утро 28 ноября, император продолжал удерживать левый и правый берега Березины. Он торопился перевести обоз и оставшиеся войска Виктора. Он не знал еще о капитуляции Партуно и полагал, что Виктор имеет две дивизии. К этому дню на правый берег переправились 20 000 человек, на левом оставалось еще более 20 000.

На рассвете Витгенштейн направил авангард Властова на Студенку через деревню Бытчи. В 10 часов утра Властов перешел в наступление и обрушил огонь артиллерии на скопившиеся у переправы массы людей. Попытка Виктора перейти в контратаку не увенчалась успехом. Вслед за авангардом Властова в бой вступила подо-

шедшая пехотная дивизия генерала Берга и резерв генерала Фока. Упорный бой продолжался до темноты. Осторожный Витгенштейн ввел в бой в этот день только 14 000 солдат.

Услышав артиллерийскую стрельбу у Студенки, в наступление перешел и Чичагов. Главный его удар был нанесен по корпусу Удино. Части Сабанеева во время второй атаки почти полностью истребили Висленский легион. Сильно пострадали и другие дивизии этого корпуса. Наполеон вынужден был двинуть в бой войска Нея и гвардию. Сабанееву пришлось превратить атаки и перейти к артиллерийскому обстрелу. Корпус Платова утром 28 ноября переправился на правый берег Березины и двинулся в обход к Зембинскому дефиле. И в этот день императору удалось удержать в своих руках оба берега.

Развязка наступила 29 ноября. Наполеону стало ясно, что обозы и артиллерию ему уже не спасти, вдобавок один из мостов, не выдержав нагрузок, рухнул. Виктору было приказано оставить левый берег. Под огнем русских пушек его войска Виктора очистили себе путь к мосту, сбросили с него мешавших им людей и стали переправляться. У переправы оставалось еще более 10 000 человек, которые бросились вслед за уходящими войсками. Но в это время из леса показались казаки, и генерал Эбле по приказу Наполеона поджег мост. Император опасался, что вслед за Виктором ринется русская пехота, и тогда наступит конец. Он решил бросить 10 000 солдат, чтобы спасти остальных. Император считал нужными людьми только тех, которые оставались в рядах, а выбывшие из строя, все равно по какой причине, переставали в его глазах быть равноценными бойцам. Наполеон заботился о больных и раненых только там, где эта забота не могла повредить боеспособным солдатам. В данном случае сжечь мосты требовалось как можно скорее, и он сделал это без колебаний.

К Зембинскому дефиле Наполеон добрался с 9000 человек, 2000 из них составляли офицеры. Это было все, что оставалось у него после кровопролитных боев у Березинской переправы. Дорога на Зембин проходила болотом, через которое было проложено несколько дере-

вянных мостов. Французы беспрепятственно форсировали дефиле и уничтожили за собой переправы.

Наполеон снова показал себя великим мастером боя. Он великолепно ориентировался в обстановке и, имея против себя превосходящие силы, сумел ускользнуть, «...моральная сила и являлась оружием Наполеона, когда он нашел выход из наихудшего положения, в каком находился какой-либо полководец. Правда, не все сделала только эта моральная сила: здесь вновь с полным блеском проявилась сила его руководства и воинская доблесть его солдат, которую не смогли окончательно сломить даже самые разрушительные стихии. После того как были преодолены все трудности этого опасного момента, Наполеон сказал окружающим: «Видите, как проходят под самым носом противника».

В русской армии, во всем русском обществе этот результат вызвал огромное разочарование и нападки в адресе командующих армиями. Царь испытал настоящее потрясение: Наполеон с армией перешел по наведенным мостам раньше, чем трое русских генералов, которые должны были «завязать его в мешок», явились на место действия!

«Однажды Лебедь, Рак, да Щука...» — здесь черпал вдохновение знакомый всем с детства «дедушка» Крылов. Итак, честь свою Наполеон спас в полной мере и даже приобрел новую славу, но исход переправы был все же шагом к полной гибели его армии. За исключением самого себя, своих лучших генералов и нескольких тысяч офицеров, из всей армии назад он почти никого не привел.

В результате боев на Березине французы потеряли 29 000 убитыми и пленными, всю артиллерию и обозы, а общие потери «Великой армии» за этот период достигли 50 000 человек. Начиналась агония...

Разумеется, Наполеон постарался скрыть размеры катастрофы, постигшей его армию. 29 ноября письмом он предупредил Маре, находящегося в Вильно, чтобы тот удалил из города всех иностранных агентов, ибо «армия в настоящее время выглядит некрасиво». 3 декабря в его бюллетене переправа через Березину изображена, скорее, как удача. Однако позднее он писал: «Удача, одер-

жанная нами, только отсрочила нашу гибель, нисколько не улучшив нашего положения. Нам предстояло продолжать отступление, которого не могли больше выдержать наши истощенные силы».

Сразу после переправы через Березину ударили большие морозы. Это новое бедствие окончательно сокрушило остатки наполеоновской армии. Люди, плохо одетые, не могли более двигаться, падали и замерзали. «Маршал Виктор явился один, весь арьергард покинул его, люди гибли от холода... Артиллерия погибла вследствие недостатка лошадей. Все погибло», — писал в донесениях маршал Бертье Наполеону об этих последних днях пребывания в России. В корпусе Вреде до наступления больших холодов было 8000 человек, а осталось только 2000. Маршал Ней составил из этих солдат арьергард. «Большая часть артиллерии приведена в негодность вследствие падежа лошадей и вследствие того, что у большинства канониров... отморожены руки и ноги... Дорога усеяна замершими, умершими людьми...»

Мороз буквально истреблял остатки французской армии; истощенные страшным длительным голодом и измученные переходом по глубокому снегу люди погибали тысячами от холода. Изношенные лохмотья, в которые обратились их одежды, и рваные истоптанные сапоги не могли защитить от крепких морозов. Порядок, дисциплина исчезли. Снова доклад Бертье: «Вся армия представляет собой одну колонну, растянувшуюся на несколько лье, которая выходит в путь утром и останавливается вечером без всякого приказанья; маршалы идут тут же, король не считает возможным остановиться в Ковно, так как нет более армии». Маршалу Нею удалось в эти бедственные дни собрать между Березиной и Вильно кучку боеспособных людей и часами отстреливаться от русских. Особенно тяжелыми были последние дни отступления. Дорога на десятки километров была усеяна валявшимися трупами. Кое где солдаты делали себе берлоги из трупов товарищей, сложенных накрест, как укладывают бревна при постройке избы.

По подсчетам Сегюра 40 000 солдат «Великой армии» погибли на пути от Березины до Вильно.

9 декабря первые толпы замерзших, изголодавших людей вошли в Вильно и сразу же бросились разбивать и растаскивать склады.

Теперь русским оставалось лишь довершить уничтожение по частям остатков неприятельской армии. В этом направлении действовал Кутузов, направив Чичагова и Витгенштейна против Макдональда, а Милорадовича — против корпусов Ренье и Шварценберга. Кутузов с главными силами шел к Вильно, оставленному русскими полгода назад. Русская армия тоже жестоко страдала в эти дни от лютых холодов: «После переправы через Березину настали страшные морозы... Мои гусары страшно страдали. Сумской полк насчитывал не более ста двадцати лошадей, годных идти в атаку... Наша пехота была видимо расстроена. Ничто не делает человека столь малодушным, как холод: когда солдатам удавалось забраться куда-нибудь под крышу, то не было никакой возможности выгнать их оттуда. Они предпочитали умереть. Рискуя сгореть, солдаты забрались даже в русские печи... нигде нельзя было найти продовольствия. Только одна водка поддерживала наши силы. Мы бедствовали не менее неприятеля», — вспоминал Левенштейн, русский гусарский генерал. В русской Главной армии, которая шла за Наполеоном от Тарутино, к 10 декабря оставалось всего 27 000 человек и 200 орудий. До Вильно добралось меньше одной трети русской армии, начавшей преследование французов от Малоярославца.

Наполеон не стал дожидаться конца трагедии, он счел, что теперь ему важнее быть в Париже, оставил войска в Сморгони и тайно уехал. Командование он поручил Мюрату, предписав ему организовать сопротивление в Литве. Мюрату ничего не удалось сделать. Корпуса Шварценберга и Ренье отошли на территорию герцогства Варшавского, Макдональд поспешно отступил к Кёнигсбергу, а входивший в состав его войск прусский корпус перешел на сторону русских. Остатки «Великой армии» поспешно бежали к границе, как только было установлено, что русские обходят Вильно. Генерал Луазон пытался защищать город, но у него из 15 000 человек только за три последних дня погибло от холода 12 000.

10 декабря войска Платова и Чичагова выбили французов из города. Из Вильно Кутузов доложил царю: «Война закончилась за полным истреблением неприятеля». Когда остатки французской армии в течение января собрались за Вислой, оказалось, что они насчитывают 23 000 человек. Австрийские и прусские войска, вернувшиеся из похода, — приблизительно 35 000 человек. Таким образом, из 610-тысячной армии вторжения в России остались убитыми и пленными 552 000 солдат.

18 декабря Наполеон прибыл в Тюильрийский дворец. Коленкур, сопровождавший его в путешествии, свидетельствовал о совершенном спокойствии императора, его бодрости и энергии. Наполеона очень мало, по-видимому, взволновало все случившееся, и он всецело был поглощен заботами и соображениями о предстоящей новой грандиозной войне.

Для императора русский поход был только проигранной партией. Он уже был поглощен новой и обдумывал, как лучше ее выиграть. Он не знал еще тогда, что рана, полученная в Русском походе, окажется неизлечимой и покончит с его империей.

Лейпцигская кампания. 1813 год

Исход войны зависит в большей степени от стратегического расчета, чем от наличия материальных возможностей.

Наполеон

Гибель наполеоновской армии в России подняла мощную волну национально-освободительного движения в Западной Европе, окрыляя надежды английской дипломатии, начавшей энергичную работу по созданию новой коалиции против Франции. Эти предложения Англии нашли живой отклик в правительствах Пруссии, Австрии и России. Мелкие монархи Рейнского союза еще оставались с Наполеоном, хотя стремление к освобождению от наполеоновского режима зрело и там.

Гордая своими успехами в борьбе с «непобедимым полководцем» 50-тысячная русская армия двигалась вслед за остатками разбитого врага, постепенно пополняясь отчасти вновь рекрутируемыми и наспех обученными солдатами, отчасти выздоровевшими в госпиталях ветеранами. Уменьшение мужского населения России за время предыдущих войн вынудило призывать пожилых новобранцев. Но основу русской армии составляли бойцы, прошедшие суровую школу наполеоновских войн. Русская пехота приобрела гибкость в бою, опыт, а большие резервы конского состава в стране дали возможность усилить конницу.

Русский царь требовал немедленного и постоянного преследования неприятеля. Александр считал, что мало отомстить Наполеону за поражения и унижения предыдущих лет одним изгнанием из пределов России. Царю нужна была полная победа над врагом. Он мечтал возглавить новую антифранцузскую коалицию, стать ее вождем. Его мечты сбывались: успехи России в войне с Напо-

леоном делали русскую армию ядром вновь собираемых монархами Европы сил.

Перед переходом границы в русской армии было свыше 100 000 человек при 533 орудиях, в наполеоновских войсках — 70 000 человек. Французы концентрировались в двух основных группировках: одна в Восточной Пруссии, вторая — в районе Варшавы; командовал ими маршал Мюрат.

Наступление русской армии началось в конце декабря 1812 года. Главный удар наносился по основной восточно-прусской группировке противника — корпусам Макдональда и Йорка, насчитывавшим 30 000 человек, из района Ковно в направлении Кёнигсберга, Данцига. К боевым действиям на этом направлении была привлечена большая часть русской армии: 3-я Западная армия, отдельный корпус генерала Витгенштейна, казачий корпус атамана Платова — всего около 60 000 человек под общим командованием адмирала Чичагова. На варшавском направлении против корпусов Шварценберга, Ренье и Понятовского из района Гродно и южнее наступление вели войска под общим командованием генерала Милорадовича — около 30 000 человек. В центре между этими двумя группировками из района Меречь в направлении Плоцка наступление развивала Главная армия — около 20 000 человек, при которой находился главный штаб. Ее задача состояла в том, чтобы не допустить соединения войск противника, находящихся в Восточной Пруссии и герцогстве Варшавском, создать условия для их разгрома по частям.

Французские войска не оказали серьезного сопротивления при переходе русских войск через Неман. Мюрат, видя бесцельность борьбы на этом рубеже, отдал распоряжение об отходе за Вислу. 18 декабря командующий прусским корпусом генерал Йорк, вопреки воле короля, заключил с русским командованием конвенцию о нейтралитете впредь до решения прусским правительством вопроса о союзе с Россией. Эта конвенция фактически положила начало созданию русско-германского фронта против Наполеона.

6 января 1813 года части Витгенштейна вступили в Кёнигсберг, Главная армия 24 января заняла Полоцк, а вой-

ска Милорадовича 27 января — Варшаву. Одновременно велись переговоры о перемирии с генералом Шварценбергом, командовавшим австрийским корпусом. К концу января вся территория Польши была очищена от наполеоновских войск до Вислы, в некоторых местах река была форсирована. Крепости Данциг, Торунь, Модлин — блокированы.

За Вислой непосредственно против русских войск находилось до 60 000 солдат противника, которыми командовал, вместо самовольно оставившего армию Мюрата, вице-король Италии Евгений Богарне. Русские войска, пополненные резервами, имели к этому времени почти двухкратное численное превосходство над противником. Кутузов, чтобы повысить темп наступления, внес изменения в организацию и порядок преследования неприятеля. Для этой цели из состава главных сил стали выделяться сильные летучие отряды из конницы, егерей и конной артиллерии. В их задачу входило настигать и уничтожать отдельные группы противника, выходить на пути их сообщения и перерезать их.

К середине февраля русская армия достигла Одера, продвинувшись за полтора месяца на 750—800 километров. В дальнейшем, по плану Кутузова, войска должны были наступать по двум сходящимся западнее Берлина направлениям, чтобы окружить и уничтожить в районе столицы Пруссии крупную группировку вражеских войск. В операции предусматривалось участие прусских корпусов Йорка и Бюлова. 27 февраля Россия и Пруссия подписали Калишский договор о совместной войне с наполеоновской Францией, положивший начало созданию шестой антифранцузской коалиции. Пруссия для участия в боевых действиях обязана была выставить 80-тысячную армию. Но король Фридрих Вильгельм III, напуганный Наполеоном на всю жизнь, всячески оттягивал выступление против него. Берлин от оккупантов был освобожден русскими войсками — отрядом генерала Чернышева и авангардом генерала Репнина, которые 4 марта почти одновременно с разных сторон ворвались в город. 3 апреля был занят Лейпциг; к этому времени к коалиции примкнула Швеция. Теперь союзникам предстояла задача сосредоточить свои силы на Дрезденском

плацдарме, куда спешил Наполеон со 150-тысячной армией...

Наполеон после поражения в России развил бурную деятельность, стремясь выиграть время, создать новую массовую армию и, опираясь на нее, сохранить свое господство в Европе. Задержать продвижение русских войск к границам Франции он рассчитывал, прежде всего, на крупных водных преградах — Висле, Одере, Эльбе, а также используя мощные крепости Модлин, Торунь, Кюстрин и др.

В это же время в вооруженные силы было набрано 240 000 человек призыва 1813 года. Призвав досрочно еще 150 000 юношей, которых во Франции прозвали «мариями-луизами», император решил закалить их годичным обучением в лагерях. В дальнейшем на военную службу явились еще около 180 000 человек, освобожденных от нее в 1808—1812 годах. Отозванные из Италии войска были переброшены на восточный фронт. Почти все мужское население, способное носить оружие, после трехмесячного обучения было использовано в борьбе с коалицией. Солдаты гарнизонов крепостей заменялись на людьми пожилого возраста, среди которых были 60-летние. Со всей Франции и Западной Германии был собран конский состав. Недостаток обученных кавалеристов заставил привлечь в армию конных почтальонов. Для формирования артиллерии использовались матросы с кораблей и старые орудия для арсеналов.

Создание новой армии потребовало огромных денег, которые и были взяты у финансовой буржуазии в виде «добровольных пожертвований». Наполеон сосредоточил большие запасы продовольствия по Эльбе и Одере. Источником снабжения служили реквизиции и продовольственные контрибуции, налагаемые на богатые города, такие как Гамбург, Бремен, Любек. Основной продовольственной базой стал Дрезден, где хранился запас для 300 000 человек на два месяца. Складочные пункты были организованы в Веймаре, Нюрнберге, Наумбурге, Эрфурте и Вюрцбурге.

В результате всех проведенных мероприятий к весне 1813 года Наполеон имел в Средней Германии 200-тысячную армию, правда, слабообученную и вовсе не охвачен-

ную подъемом в преддверии войны. Войска Рейнского союза присоединились к императору, но уже первые его неудачи повлекли за собой переход немецких формирований на сторону коалиции.

Лютцен. 2 мая

Военные — они словно вольные каменщики, мasons, а я — великий магистр их ложи.

Наполеон

Театром военных действий на этот раз служила Средняя Германия, расположенная между Одером и Рейном. Северная часть этого пространства представляла собой малопродуктивную равнину с небольшой плотностью населения. Южная часть — гористая, но плодородная и значительно более населенная. Наполеон особенно стремился к сохранению за собой богатой Саксонии, которая служила основным источником снабжения его армии. Большое значение император придавал реке Эльба, которую всячески укреплял, как возможную оборонительную позицию и как исходный рубеж для наступательных действий.

Потеря Берлина заставила французские войска поспешно отойти за Эльбу. Но Наполеон к этому времени был уже готов начать новую кампанию. 15 апреля он выехал к войскам в Эрфурт, двинулся против русских и пруссаков. Войска императора были великолепно снабжены всем необходимым. В течение первых месяцев 1813 года Наполеон, просиживая дни над созданием и организацией армии, посвящал часть своих ночей на упорядочивание финансов, и теперь его солдаты ни в чем не нуждались и могли платить за все звонкой монетой. Важно было не разорять и не раздражать жителей германских стран, пока еще союзных Франции. План Наполеона состоял в том, чтобы, сдерживая противника на Эльбе, главные силы сосредоточить в районе Лейпцига, а затем перейти в контрнаступление.

Так называемый Дрезденский плацдарм господствовал над всей Центральной Европой. Император решил овладеть им, отбросить прусские войска к Берлину, изолировать Австрию и вынудить русских отступить за Вислу. Кутузов, понимая намерения Наполеона, решил упредить его в концентрации сил на решающем направлении. Войска, находившиеся в Калише, Бреслау, Берлине были срочно выдвинуты по сходящимся направлениям в район Лейпцига. Но 28 апреля, в самый разгар подготовки Дрезденской операции, главнокомандующий союзными армиями фельдмаршал Кутузов скончался в Бунцлау. Руководство войсками перешло к Александру I, генералу Витгенштейну (назначенному новым главнокомандующим) и Барклаю-де-Толли, заменившему Чичагова. Эти перемены в командовании не могли не отразиться на управлении войсками.

На военном совете союзное командование приняло решение сосредоточить войска поближе к Лейпцигу и здесь дать сражение. Согласно кутузовскому плану все силы — 92 000 человек и 650 орудий — сосредотачивались в районе Лейпциг, Альтенбург.

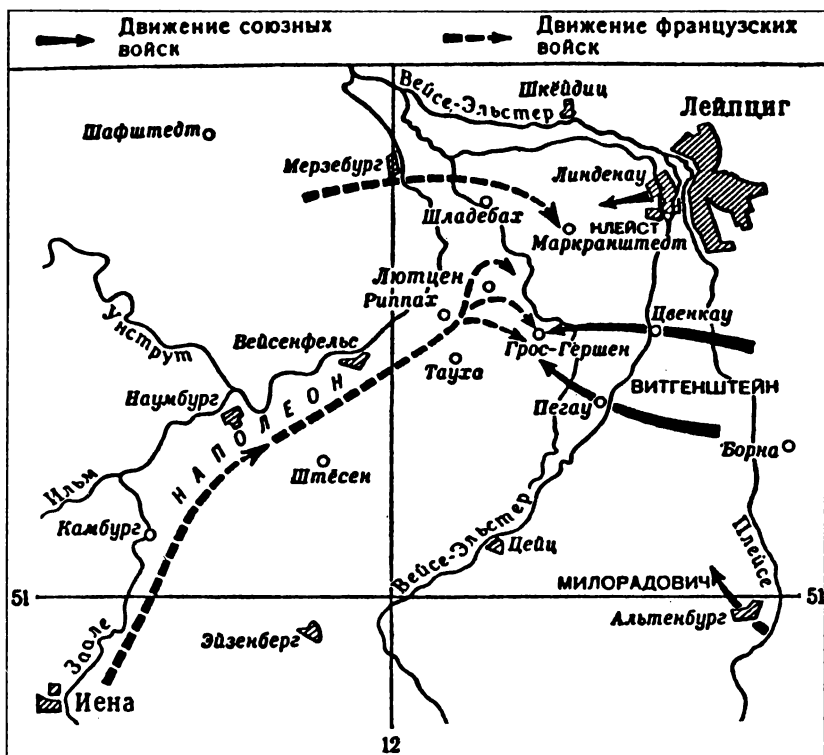
Наполеон, выдвигаясь к Эльбе со 150 000 солдат при 350 орудиях, предполагал, что главные силы союзников находятся у Лейпцига, и он пошел к нему из Наумбурга через Лютцен. Фактически же основная масса русско-прусских войск располагалась южнее.

Первая встреча противников произошла 1 мая под Вейсенфельсом. Здесь столкнулись французский и русский авангарды. Бой был жестокий, но русские — выбиты из города. В этой схватке находившийся в свите Наполеона маршал Бессьер, оказавшийся вместе с императором несколько впереди рядов Старой гвардии, был убит ядром, разорвавшим ему грудь. «Смерть приближается к нам», — изрек Наполеон, глядя, как мертвого маршала заворачивали в плащ, чтобы унести с поля битвы.

После боя авангардов Наполеон решил обойти союзников через город Пегау и отрезать им пути отступления к Эльбе. С этой целью он занял корпусом Нея фланговую позицию, освободив этим дорогу остальным корпусам, растянувшимся на марше почти на 50 верст. Ситуация

складывалась благоприятно для союзников, ввиду неполного понимания обстановки французами.

При энергичных действиях можно было разгромить корпус Нея, а затем последовательно и другие корпуса противника. Правда, и в русско-прусском штабе не имели понятия, что Наполеон располагает более чем 100-тысячным войском. «Основная идея боя была хороша, — писал Гнейзенау, — а распоряжения плохи».

Лютценское сражение 1813 года.

2 мая 1813 года южнее Лейпцига Витгенштейн внезапно атаковал корпус Нея. Перед началом боя союзники имели полное превосходство на решающем участке, особенно в артиллерии, однако использовать это не сумели. Наполеон услышал гром артиллерийской пальбы и бросился к месту боя. Витгенштейн же действовал чрезвы-

чайно осторожно. Его медлительность позволила Нею сдержать первый удар и закрепиться на позиции. Император направил ему на помощь гвардию, а затем стал подключать к сражению подходившие корпуса. В этой невыгодной для французов ситуации Наполеон еще раз показал высокий полководческий талант, умение использовать малейшую ошибку противника, блестящий образец маневрирования артиллерийским огнем.

Он приказал начальнику гвардейской артиллерии генералу Друо свести артиллерию в 80-пушечные батареи и выдвинуть их в наиболее важные пункты. В самый критический момент, когда войска союзников угрожали прорвать центр французских войск, Наполеон ввел в дело 16 батальонов Молодой гвардии, которой было приказано штурмом овладеть селением Кая. Ее атаку должна была поддержать 80-орудийная батарея. Эффективность огня французской артиллерии в этом бою была исключительно высокой. В то время как часть французских орудий вела интенсивную стрельбу по кавалерии Голицына и Винценгероде, другая часть обрушилась на союзную пехоту. Союзные войска понесли потери и после контратаки гвардии вынуждены были отойти, оставив селения Кая и Рана. На левом фланге сильная французская батарея, расположенная на берегу реки Флое-Грабен, обстреливала союзные войска фланкирующим огнем и способствовала занятию французами Эйсдорфа и Китцена.

Сражение было упорным и кровопролитным, но союзники упустили свой шанс. Наполеон лично скакал с одного фланга на другой, руководя всеми операциями. К концу боя у него уже было под рукой 100 000 солдат, с которыми он перешел в контрнаступление, обошел фланги союзников и отбросил их. Бой продолжался до наступления темноты. Не будь наполеоновские войска слишком утомлены после марша, это могло бы стать повторением Аустерлица.

Потери союзников составили 12 000 человек, французов — 15 000 человек, в основном из корпуса Нея. (Впрочем, ни в одном из источников эти цифры не совпадают.) Прусский генерал Шарнхорст, начальник штаба Витгенштейна, был ранен и вскоре умер от гангрены. «Таково было сражение 20 апреля, — докладывал Витген-

штейн, — где уже единожды свобода Германии приобретена была битвою. Россияне и пруссаки с неописанною храбростью сражались за оную и ныне...»

Обе стороны, как водится в сражениях с неясным исходом, объявили о своей победе. Тем не менее, хотя штаб союзников и счел себя победителем, выяснившееся превосходство Наполеона в силах заставило Витгенштейна отдать приказ об отходе за Эльбу. Попытка французского императора не допустить отхода неприятеля не привела к успеху. Арьергард генерала Милорадовича отбивал атаки французов в течение шести дней, что дало союзникам возможность занять подготовленную позицию у Бауцена.

Неудачный для русской и прусской армии исход первой операции связан был в первую очередь с недостаточным оперативным управлением войсками. И здесь трудно винить в этом Витгенштейна. Каждое распоряжение главнокомандующего согласовывалось с императором Александром I и императором Фридрихом Вильгельмом III, которые находились при армиях. Поэтому приказы доводились до войск с опозданием, а Наполеон был не тот противник, который бы не сумел этим воспользоваться.

8 мая Наполеон занял Дрезден.

Бауцен. 20—21 мая

Я вижу только одно — массы неприятельских войск. Я стараюсь их уничтожить, будучи уверен, что все остальное рухнет вместе с ними.

Наполеон

После Лютценского сражения Австрия стала добиваться прекращения боевых действий и с согласия Александра I повела переговоры с Наполеоном. Император направил к русскому царю Коленкура, однако Александр I заявил, что он готов вести переговоры, но только через посредничество Австрии. В это время в главную кварти-

ру прибыл австрийский представитель фон Стадион и доставил письмо Франца I, который писал, что если французский император откажется от мирных переговоров, то Австрия объявит ему войну. Наполеон отказался от посредничества, надеясь достичь победы, и одним ударом разрубил узел противоречий. Он был готов воевать до победного конца и по-прежнему чувствовал себя хозяином Европы, хотя сама Европа уже так не думала.

Пока Наполеон находился в Дрездене, в Гамбурге стало разрастаться антифранцузское движение. Император послал туда Даву, ослабив тем самым свои силы. Но ганзейские города нужно было наказать за их борьбу против полиции и французских таможенных чиновников, губивших торговлю слишком строгим исполнением блокады. Наполеон приказал Даву расстрелять некоторых гамбургских сенаторов, а также вожаков антифранцузского движения, казнить некоторых офицеров, арестовать 500 влиятельнейших граждан, которые известны своей неблагонадежностью, и конфисковать их имущество. Не правда ли, это напоминает фашистский «новый порядок» и гиммлеровские акции, но все имеет свою предысторию, и Наполеон был пионером во многих вещах.

Отдав эти распоряжения, император вышел с гвардией из Дрездена и присоединился к своей армии, двигавшейся на восток к Бауцену. Это были корпуса Нея, Мармона, Макдональда и Бертрана — всего 143 000 человек и 350 орудий.

Витгенштейн в это время находился у Бауцена, в Саксонии, на восточном берегу реки Шпре. Сюда же к нему подоспели со своими войсками Барклай-де-Толли и генерал Клейст. У союзников набралось 96 000 войск при 636 орудиях. Занимаемая ими позиция была стратегически выгодной, так как обеспечивала связь России с Пруссией, с одной стороны, и с Австрией — с другой. Но в тактическом отношении она была неудобна, ибо характер местности позволял вести преимущественно оборону и затруднял наступление. Войска генерала Милорадовича занимали передовую позицию, а остальные русско-пруссские силы — основную.

Зная эту позицию и все ее недостатки, Наполеон было решил, что союзная армия отойдет, при этом он предпо-

лагал, что русские части отступят за Вислу, а прусские — к Берлину. Чтобы не допустить этого, он направил корпус Нея для обходного маневра, рассчитывая прижать союзников к границам Австрии и заставить их капитулировать до того, как последняя успеет вступить в войну. Но когда император убедился, что союзники готовятся к сражению, он тотчас отменил свои распоряжения и приказал Нею вернуться.

Теперь замысел состоял в том, чтобы, атаковав центр и левый фланг русско-прусских войск, вынудить противника израсходовать резервы, а затем нанести корпусам Нея удар в обход правого фланга союзников и выйти в тыл армии Витгенштейна.

20 мая Наполеон начал сражение, хотя войска Нея еще не подошли: чтобы выиграть время император в этот день приказал взять передовую позицию. С раннего утра наполеоновские корпуса начали борьбу за переправы через реку Шпре. В центре боевого порядка французских войск корпус Макдональда занял Бауцен. Вслед за этим была выставлена 40-орудийная батарея, которая открыла фланговый огонь по союзным войскам и содействовала занятию остальных переправ. Затем французы атаковали передовую позицию и после упорного боя овладели ею.

Кроме того, в этот день Наполеон провел ложную атаку на левый фланг союзников, чтобы заставить противника сосредоточить здесь максимум своих сил и ослабить правое крыло. И он достиг успеха. К концу дня Наполеон перевел все свои войска на левый берег реки Шпре и был готов обрушить удар на правый фланг и центр противника. Союзное командование не смогло разгадать замысел Наполеона и ожидало главного удара по своему левому флангу.

Как полководец Бонапарт по-прежнему не имел себе равных, и все разыгрывалось по его партитуре.

21 мая сражение возобновилось с новой силой. Сначала император направил атаки на оба фланга противника, но теперь атака левого фланга имела целью удержать здесь главные силы союзников до тех пор, пока обходящая колонна не перережет неприятелю возможные пути отхода. И когда по расчету Наполеона обходящие войска

Бауценское сражение 20–21 мая 1813 года.

должны были достигнуть цели, он обрушился с главными силами на центр и правый фланг союзников. Однако Барклай-де-Толли, командовавший на правом крыле, удержал позиции.

Между тем Ней, не завершив обхода, атаковал Креквицкие высоты и потеснил с них прусские части, оставив свободным путь для отхода. Но сломить сопротивление

ние русских войск и совершить глубокий обходной маневр на Хохкирх Нею так и не удалось. Барклай-де-Толли отвел свои войска к Ракелю. Когда численное превосходство французских войск стало явным и нависла угроза окружения, Витгенштейн принял решение отойти за реку Лёбау. Таким образом, капкан из-за ошибок Нея не сработал. Но, несмотря на понесенные французами потери — 18 000 человек, Наполеон вновь одержал победу и продвинулся до Бреславля. Он намеревался, преследуя отступавших русских и пруссаков, идти прямо на Берлин. Союзники отступали с боями, задерживая преследование. Под Герлицем 22 мая Наполеон напал на аррьергард отступавших и отбросил их. Сражение уже кончалось, неприятель отступал. Дюрок, подошедший вечером к Наполеону, сказал с грустью после беседы с императором Коленкуру: «Друг мой, наблюдаете ли вы за императором? Вот он теперь опять одерживает победы после неудач, это и был бы как раз случай воспользоваться уроками несчастья. Но вы видите, он не изменился. Он ненасытно ищет битв... Конец всего этого не может быть счастливым».

Это была последняя минута жизни маршала. Ядро ударило в дерево, около которого стоял Наполеон, и рикошетом попало в Дюрока. Он только успел пожелать императору победы и заключения мира. «Прощай, — ответил Наполеон, — мы скоро увидимся».

Смерть Дюрока, одного из немногих, кого Наполеон любил и кому верил, поразила императора. Он машинально сел на пень, осколки снарядов прусского аррьергарда ложились вокруг него, но он так задумался, что ничего не замечал. В течение всей этой кампании он очень часто подвергал себя опасности и, главное, без всякой нужды, чего никогда до сих пор с ним не бывало и что противоречило его мнению о месте главнокомандующего в бою. На протяжении всего преследования отступавших он был в авангарде, в самом опасном месте, без малейшей военной надобности лично там присутствовать. У свиты даже сложилось впечатление, что в 1813 году он тайно искал смерти.

Попытки императора навязать новое решительное сражение не принесли успеха. Союзники в полном по-

рядке отошли в Силезию к Швейдницу. Вместо Витгенштейна главнокомандующим был назначен Барклай-де-Толли. Сражение под Бауценом, в котором союзники по-

Ж. Дюрок (1772–1813), маршал Франции.

теряли 12 000 человек, еще раз показало, как велика роль полководца. При всей стойкости русских и прусских солдат, дравшихся в 1813 году несравнимо лучше, чем в

1805, превосходство полководческого дарования Наполеона над Витгенштейном было неоспоримо.

Тем не менее, несмотря на тактические неудачи при Лютцене и Бауцене, союзники все же сохранили силы для дальнейшей борьбы. Они также надеялись, что Австрия от слов перейдет к делу и присоединится к антифранцузской коалиции. Но пока им нужно было перевести дух, и союзники предложили Наполеону заключить перемирие сроком на шесть недель. Император тот час согласился. За два сражения французская армия потеряла более 30 000 человек, в первую очередь вследствие подавляющего превосходства неприятеля в артиллерии. Еще одна-две такие битвы, и Наполеон мог остаться без войск посреди Германии. В армии начали обнаруживаться признаки разложения, молодые призывники дезертировали. Слабость наполеоновской конницы предопределила недостаточную осведомленность французов о силах и группировке врага и не позволила предпринять эффективное преследование. Наполеон рассчитывал использовать время для усиления и укрепления своей армии. Ему нужно было подтянуть резервы. Кроме того, он надеялся урезонить Австрию и удержать ее на своей стороне. Перемирие было заключено 4 июня до 20 июля, и это было стратегической ошибкой Наполеона.

Дрезденское сражение. 26—27 августа

...если вы хотите получить от меня земли, то вам нужно будет проливать кровь.

Наполеон – Меттерниху. 1813 год

За время паузы в боевых действиях французскому императору не удалось предотвратить расширение антифранцузской коалиции. Вопреки его требованиям, Австрия подписала союзный договор с Пруссией и Россией. Во время перемирия союзниками был разработан новый стратегический план, утвержденный в начале июля в Трахенберге, которым предусматривалось нанести кон-

центрический удар по Дрезденскому плацдарму силами трех армий и вынудить Наполеона перейти к обороне.

Одновременно в Праге были проведены переговоры с французским императором. Союзники поставили перед ним ряд условий. Он должен был отказаться от поддержки Варшавского герцогства, которое предполагалось вновь поделить, восстановить самостоятельность ганзейских городов, отдать Данциг Пруссии, а Штирию — Австрии. При свидании 28 июля Меттерниху не удалось убедить Наполеона выполнить эти требования. Тем не менее союзники продлили срок перемирия до 10 августа и вновь собрались в Праге. Однако Наполеон прислал своих представителей, не дав им необходимых полномочий. Переговоры шли впустую. Когда союзники убедились, что французский император тянет время, перемирие было прервано. Австрия объявила, что находится в состоянии войны с Францией. Против последней выступила также Швеция — союзница России по договору 1812 года. Трахенбергский стратегический план вступил в силу.

К осени 1813 года союзники располагали 554 000 войск и 1383 орудиями, разделенных на три армии. Главная, или Богемская армия, прикрывавшая Вену, имела 237 000 человек при 672 орудиях. Командовал ею Шварценберг. Северная армия, прикрывавшая Берлин и Гамбург, насчитывала 158 000 человек при 340 орудиях. Командующий — бывший наполеоновский маршал, а ныне шведский наследный принц Бернадот. Силезская армия состояла из 100 000 человек при 330 орудиях; ею был назначен командовать Блюхер, армия преграждала путь в Варшавское герцогство и располагалась в районе Швейдница. Главнокомандующим всех союзных сил был назначен австрийский фельдмаршал Шварценберг. Ему было 42 года, и его Наполеон не боялся нисколько. У русских уже не было ни Кутузова, ни Багратиона, а остальных русских генералов в их массе французский император после 1812 года все-таки не стал уважать больше, чем прежде. Его мнение о некоторых участниках сражений при Смоленске и Бородине было довольно высоким, но в целом главный русский штаб Наполеон ставил очень низко. Он считал их сплошь нелепыми, например, дейст-

вия русского командования во время его отступления от Москвы. Император был твердо убежден, что только необъятные пространства, пожар Москвы, страшные морозы, его собственная ошибка, заключающаяся в занятии второй столицы и долгой стоянке там, привели поход к неудаче, а русские генералы ничего не сумели сделать, чтобы хоть сколько-нибудь толково воспользоваться счастливейшими для них обстоятельствами. Русских же солдат теперь, в 1813 году, он оценивал еще выше, чем после Эйлау, выше, чем всех других солдат враждебных армий.

Что касается пруссаков, то среди них, как и у австрийцев и у русских, Наполеон не видел для себя соперников в военном искусстве. Но он знал, что, по совету Бернадотта, Александр I и союзные монархи уговорили явиться к ним на помощь генерала Моро, талантливого полководца, изгнанного из Франции в 1804 году по обвинению в заговоре против Наполеона. Моро прибыл в лагерь Александра I как раз к возобновлению военных действий после провала попытки мирных переговоров в Праге. «Не нападайте на те части армии, где сам Наполеон, нападайте только на маршалов» — таков был первый совет, данный генералом Александру и его союзникам. Царь считал, что только один Моро и может стать достойным противником Наполеону по своим стратегическим дарованиям, и хотел, чтобы генерал стал главнокомандующим вместо Шварценберга. Сам Моро предлагал, чтобы главнокомандующим считался Александр, а он, Моро, был бы у него начальником штаба. Но случилось все иначе. И, конечно, общее руководство оставалось за советом трех императоров.

К началу боевых действий французский полководец имел на Дрезденском плацдарме до 350 000 человек и 1288 орудий. Кроме того, он мог подтянуть 110 000 человек с Эльбы, до 24 000 — из крепостей и 30 000 — из резерва. Учитывая, что союзники стремились к разным политическим целям, Наполеон поставил задачу вывести сначала из войны Пруссию, затем Австрию и, наконец, нанести поражение России. Против каждой армии противника находилась группировка французских войск от 70 до 110 тысяч человек.

Союзное командование, в свою очередь, готовило переход в наступление сразу всеми армиями. При этом Силезская армия, расположенная в центре, должна была вести демонстрационные действия, а Богемская и Северная — нанести решающие удары во фланги и тыл противнику.

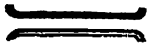
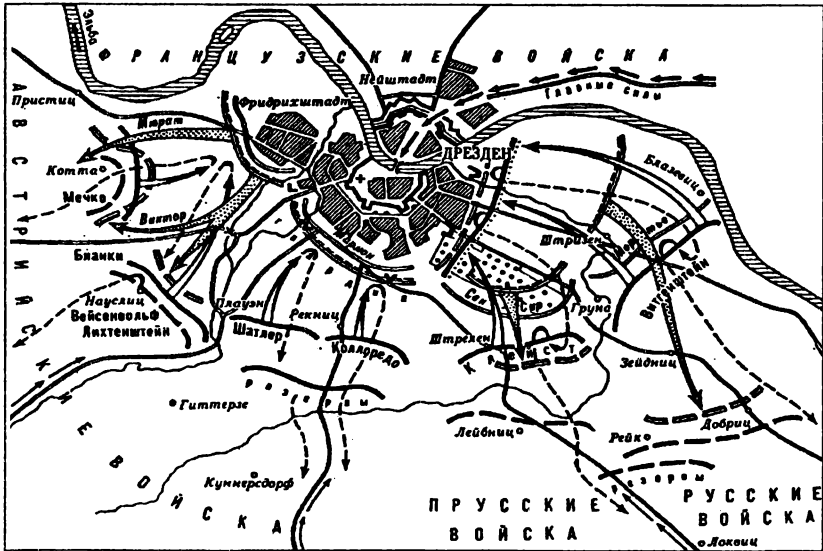
В целом, можно определенно сказать, что Наполеон, подписывая перемирие, сделал роковую ошибку, потому что передышка пошла больше на пользу его врагам и была одной из причин, побудивших Австрию выйти из своей роли посредника и примкнуть к коалиции.

До конца августа обе стороны прилагали все возможные усилия, чтобы захватить в свои руки стратегическую инициативу. Стремясь вывести из коалиции Пруссию, Наполеон сосредоточил усилия против Северной армии. Для овладения Берлином он направил 70-тысячную армию под командованием Удино, оставив у Дрездена главные свои силы для сковывания Богемской и Силезской армий. Однако в сражении при Гросс-Беерене 23 августа Удино потерпел поражение. Спустя два дня в бою при Гегельсберге был разбит Жерар. Прусские войска дрались упорно. Особенно отличился при этом прусский ландвер из корпуса Вальдомена и входивший в его состав русско-пруссский легион.

Потерпев неудачу с захватом Берлина, Наполеон решил открыть военные действия в Богемии, чтобы не допустить соединение войск, входивших в состав Богемской армии, однако и это ему не удалось. Тогда он решил нанести поражение Силезской армии Блюхера, который тоже перешел в наступление. Но едва две армии вступили в боевое соприкосновение, как Наполеон узнал, что в Дрезден двинулась Богемская армия. Оставив против Блюхера 80 000 человек во главе с Макдональдом, император быстро вернулся к Дрездену, где 26—27 августа произошло крупное сражение.

Шварценберг наступал на город с юга через Рудные горы с целью выхода в тыл главным силам Наполеона и захвата основной базы снабжения французских войск. 26 августа 70-тысячный авангард союзников потеснил 40-тысячный корпус Сен-Сира, оборонявший Дрезден. Во второй половине дня союзные войска в количестве

200 000 человек развернулись для нанесения концентрического удара и начали наступление на город пятью колоннами. Французы с трудом сдерживали их натиск. Но в конце дня к городу подоспел Наполеон со 125 000 солдат и, вступив в бой с ходу, остановил продвижение неприятеля, который, несмотря на значительное превосходст-

Положение войск сторон перед сражением

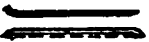
Подход союзных войск

Подход французских войск

Наступление союзных войск 14 августа и изменение положения войск сторон на восточном фронте

Положение войск сторон к утру 15 августа

Контрудары французских войск

Отход союзных войск

Положение войск сторон к исходу сражения

Французские укрепления

Дрезденское сражение. 26–27 августа 1813 года.

во в численности войск, перешел к обороне. К исходу первого дня сражения французам удалось отбросить союзников к тем рубежам, с которых они начали атаку на Дрезден утром. Наступившая темнота прекратила битву. Союзные войска провели ночь на высотах южнее города под открытым небом и проливным дождем.

27 августа Наполеон, оценив обстановку, корпусами Мюрата и Виктора нанес мощный удар по слабому левому крылу противника, где стояли австрийские войска Вейсенвольфа и Лихтенштейна, и опрокинул его. Вслед за этим французы атаковали центр, а маршал Мортье, командовавший гвардией, двинулся в обход правого фланга союзных войск. С обеих сторон активно действовала артиллерия, и вся битва происходила при неумолкаемом грохоте 1200 орудий.

В разгар боя, когда левое крыло союзников было уже совершенно разгромлено, Наполеон в центре взял на себя непосредственное руководство артиллерийским огнем. На небольшой возвышенности Ронникс он заметил в неприятельском расположении группу всадников, на которую велел одной из своих батарей направить огонь. В центре этой группы оказался император Александр I, а рядом — генерал Моро, впервые выступивший в качестве руководителя союзных войск. И одно из первых ядер, пущенных в эту группу по приказу Наполеона, раздробило генералу Моро обе ноги. Он скончался через несколько дней. Среди солдат была распространена легенда, будто Моро был убит ядром, которое лично выпустил узнавший изменника в подзорную трубу Наполеон.

В сложившейся тяжелой обстановке генерал Барклай-де-Толли, командовавший русскими и прусскими частями, предложил Шварценбергу нанести контрудар по левому крылу французских войск, но это предложение не было принято. Во второй половине дня Шварценберг доложил монархам, что у австрийцев кончились боеприпасы и им нечем будет продолжать сражение, если оно еще продлится. Левое крыло было полностью расстроено, союзники потеряли более 20 000 человек убитыми и ранеными, наибольшие потери понесли австрийцы. Шварценберг отдал приказ об отходе, который происходил при непрерывном преследовании со стороны про-

тивника. Союзная армия отходила частями в порядке, а некоторые корпуса бежали с поля битвы, настигаемые кавалерией. Потери французов оценивались втрое меньше, чем у неприятеля.

Хотя Шварценберг располагал численным перевесом, имел крупные резервы, его нерешительность и неумение предугадать действия противника позволили Наполеону полностью овладеть инициативой и одержать убедительную победу.

Разбитые союзники несколькими дорогами отходили к Рудным горам. В следующие дни маршалы Мармон, Виктор, Мюрат, Сен-Сир, генерал Вандам, преследуя противника, взяли в плен еще несколько тысяч русских, пруссаков и австрийцев. Среди союзных монархов началась паника. Перед ними возник призрак нового Аустерлица. Но вскоре поражения сменились победами. Генерал Вандам увлекся преследованием и оторвался от своих главных сил. 29—30 августа произошло сражение при Кульме. В этом бою русский арьергард, прикрывавший отход Богемской армии, под командованием Остермана-Толстого разбил преследующий их корпус. В плен были взяты до 5000 человек, сам Вандам и весь его штаб. Почти одновременно, 26 августа, Силезской армией были разбиты войска Макдональда. Потеряв во время встречного сражения на реке Кацбах около 30 000 человек и 103 орудия, Макдональд поспешно отошел к Дрездену.

После таких успехов союзники воспрянули духом. Австрия, которая колебалась и уже была готова выйти из коалиции, присоединилась 9 сентября к Теплицким соглашениям, подтверждающим готовность всех союзников продолжать борьбу.

Все складывалось так, как когда-то сформулировал русский царь: чудеса происходят только там, где Наполеон лично присутствует. Не справившись с большим замыслом, он вынужден из-за падения боевого духа, плохого снабжения или дезертирства во фланговых армиях всегда мчаться туда, где горит. Из-за этих его метаний молва дала ему прозвище Бауценский курьер.

Одновременно усиливалась нужда французской армии в самом необходимом: скученная на небольшой территории, она давно «выкачала» из нее все, что там было.

Союзники видели, что если военный гений Наполеона не изменился, то солдаты у него уже не те, что были ранее. Восемнадцати- и девятнадцатилетние юноши не могли заменить те непобедимые, железные легионы, с которыми он воевал в Египте и Сирии, с которыми он покорил Европу, и даже те войска, с которыми ходил на Москву и костями которых усеяны многочисленные поля сражений. Наполеон тоже это понимал. Он видел перед собой и еще одну трудность. Его собственное ставшее классикой правило гласило, что секрет военного искусства заключается в том, чтобы быть сильнее неприятеля в нужный момент в нужном месте. И сам же он теперь, когда все зависело от этой кампании в Саксонии, нарушал это правило. Где был Даву, один из лучших маршалов с большим отрядом, — расстреливал купцов в Гамбурге. Где были значительные контингенты пехоты, кавалерии, артиллерии, которые такгодились бы Наполеону для близившейся решительной битвы, — в Данциге, в Северной Германии, в Италии и Испании. Но созвать их к себе значило бы самому разрушить великую империю, державшуюся теперь исключительно силой этих гарнизонов; не собирать их значило тоже разрушить империю, потерпев неминуемое поражение от союзников, у которых нет хороших генералов, но почти вдвое больше солдат.

Тем не менее после трех побед, одержанных подряд, Наполеон вновь уверовал в свою счастливую звезду, в свое военное превосходство. В его расчетах силы противника были явно преуменьшены. Он неверно оценивал и боевые качества армий, с которыми ему приходилось сражаться. Конечно, Витгенштейн или Шварцен-

*Генерал Жан Виктор Моро,
(1763–1813).*

берг как полководцы рядом с ним немногого стоили. Но эффект Бауцена или Дрездена был совсем иным, чем Аустерлица и Йены. Тогда победа в генеральном сражении сокрушала армию противника и предрешала исход кампании. Теперь, в 1813 году, проигранное сражение лишь ожесточало противника, его армии отступали в полном порядке, чтобы через короткое время снова ввязаться в бой. Сами армии, сражавшиеся ныне с Наполеоном, тоже стали иными. Они не только приобрели боевой опыт и научились побеждать французские полки, но и в моральном отношении превосходили наполеоновских солдат, ибо дрались против завоевателей за свою независимость. Этих изменений император видеть не хотел.

Лейпцигское сражение. 16—19 октября

Ваши государи, рожденные на троне, не могут понять чувств, которые меня воодушевляют. Они возвращаются побежденными в свои столицы, и для них это все равно. А я солдат, мне нужна честь, слава, я не могу показаться униженным перед моим народом. Мне нужно оставаться великим, славным, вызывающим восхищение.

Наполеон — Меттерниху. 1813 год

После успехов у Дрездена Наполеону казалось, что он близок к победе: оставался еще один удар — и успех обеспечен. Но силы его таяли, а маршалы как будто разучились воевать. Он потерял около 100 000 человек, теперь непосредственно у Дрездена у него было около 220 000 солдат против 350 000 войск союзников.

Сначала император решил сам провести поход на Берлин и нанести силами 100-тысячной армии удар по Северной армии Бернадота, а затем выйти на Вислу и напасть на Силезскую армию. Всю эту операцию должна была прикрыть 100-тысячная армия Мюрата против Шварценберга и 60-тысячная армия Макдональда про-

тив Блюхера. Но после Кацбаха Наполеон решил, что обстановка требует его присутствия в Дрездене, на Берлин же он отправил Нея с 70-тысячным войском и стал сосредотачивать резервы у Гойсверда.

Когда Наполеон приступил к исполнению принятого плана, выяснилось, что Блюхер перешел в наступление и дошел до города Герлица. Французский император должен был отказаться от посылки резервов и сам направился к Герлицу. Блюхер, считая свою миссию выполненной, отступил. Вслед за этим начала наступление на Дрезден Богемская армия, чтобы заставить Наполеона отказаться от наступления на Берлин и вернуться в Саксонию. Император должен был предоставить Нея самому себе и отойти к Дрездену. Это решило судьбу армии Нея. В сражении под Денневицем, где 6 сентября 70 000 французов атаковали 150-тысячную армию Бернадота, французы были разбиты. Потеряв 18 000 человек, Ней отошел. Одной из причин поражения было то, что бывшие в его корпусе саксонцы массами бежали без всякого повода.

Хотя план удара по Берлину провалился, Наполеон не пал духом. Он решил нанести молниеносные удары. Но его попытка окружить Богемскую армию сорвалась, Шварценберг отошел. Таким образом, борьба за стратегическую инициативу не привела на первом этапе к значительным результатам. И Наполеон, и союзники желали еще до зимы сразиться в решающем бою. В октябре Бавария вышла из состава Рейнского союза и присоединилась к коалиции. Французская армия устала, сам император был недоволен своими маршалами, о чем сообщал военному министру Кларку: «Генералы и офицеры утомлены войной, у них нет той подвижности, которая заставляла их делать великие дела».

Положение Наполеона ухудшалось с каждым днем, но сам он упорно не желал этого замечать и не собирался отступать. Вот как объяснял это Шлиффен: «...отступить, хотя бы и для того, чтобы вслед за этим одержать победу, он считал ниже своего достоинства. Таким образом, он остался посреди трех врагов. Для того чтобы поступить так, он мог бы обойтись и без размышлений. Во всяком случае союзники решили прямо наступать с трех

сторон на главного противника. Та армия, которая наталкивалась на самого Наполеона, должна была уклоняться, а обе остальные армии — тем сильнее напирать. Наполеон должен был в результате изнемочь от этих усилий, направленных к одной цели. Но как ни хорош был этот первоначальный план, двое из трех командующих армиями, твердо решили его не выполнять. Кронпринц Шведский хотел возможно долго оставаться на месте и отходить при малейшей угрожающей ему опасности. Шварценберг ... намеревался не прямо идти на противника, а только обходить его по широкой дуге. Он подражал тем самым в известной степени маневру, примененному при Маренго, Ульме и Йене, но не с твердым намерением драться, а только для того, чтобы угрожать и произвести диверсию. Осторожный полководец подвергал себя тем самым большой опасности, если бы еще светило солнце Аустерлица. Но оно уже находилось в закате. Наполеон не удержал в одной массе главную часть своей армии для нанесения в подсказанном направлении сокрушающего удара, а довольно равномерно разделил боевые силы против трех врагов. Сколько бы союзники ни делали ошибок, эти ошибки не могли исправить результатов этого рокового мероприятия. Какие бы случаи не представлялись, чтобы возобновить дни Маренго, Ульма и Аустерлица, всегда не хватало сил на выполнение гениального плана, на принятие мужественного решения. Таким образом, были оставлены все попытки дать сражение на уничтожение. С французской стороны бои в общем ограничивались фронтальными атаками и попытками прорыва, то есть тем, что Наполеон называл раньше «ординарными» сражениями. Выставленные против трех неприятельских армий отдельные части армии терпели поражения. Союзники напирали. Медля и колеблясь, они все же напирали. Там, где показывался император, они опять подавались назад. Одной своей личностью он отвращал каждый натиск. Но как только он поворачивал спину и обращался в другую сторону, опять восстанавливалось старое положение. Он вернулся в Дрезден усталым и выдохшимся. С отчаянием решил он здесь выждать атаки. Этот признак слабости поднял дух союзников».

Перед сражением у Лейпцига сложилась следующая обстановка. В наступление перешли все три союзные армии, при этом Блюхер перевел свои войска на нижнюю Эльбу и установил связь с Бернадотом. На подходе была Польская армия под командованием Беннигсена, в наступление двинулась армия Шварценберга. Создалось стратегическое окружение, готовое перерасти в тактическое. Общая численность союзных армий составляла 306 000 человек и 1385 орудий, а всего участники коалиции располагали более чем миллионом солдат. План их заключался в том, чтобы силами всех войск окружить и уничтожить в районе Лейпцига армию Наполеона численностью до 180 000 человек при 600 орудиях. Движение союзников встревожило императора, но он решил использовать преимущество коротких операционных линий и нанести удары по разобленным армиям союзников. Он оставил в Дрездене крупный гарнизон под командованием Сен-Сира, а сам со 170-тысячной армией передвинулся к Лейпцигу. Все его попытки порознь разбить неприятельские армии кончились неудачей. Первую попытку он совершил 9 октября, но удар по войскам Блюхера у местечка Дюбен не состоялся. Блюхер отвел их за реку Заале. Бернадот отошел к Ротенбургу. Так тренированные псы травят медведя; стоит зверю отвернуться, как кто-нибудь нападает сзади.

На выяснение обстановки ушло два дня. Когда Наполеон решил все же настичь Блюхера, то от Мюрата, прикрывавшего Лейпциг, поступило сообщение о подходе Богемской армии. Наполеон возвратился в Лейпциг, в то же время он произвел демонстрацию двумя корпусами в сторону Берлина, чтобы отвлечь Бернадота от Лейпцига. Сначала Бернадот заколебался и хотел было спешить к Берлину, но, посоветовавшись с Блюхером, решил продолжить давление на Лейпциг с севера. Обстановка для Наполеона неуклонно ухудшалась, в войсках его союзников началось брожение, но он ко всему оставался глух, надеясь, что победа устранил все трудности.

Сражение под Лейпцигом произошло на обширной равнине, перерезанной реками Плайсе и Эльстер. Равнина разделялась на восточное и западное поля, связанные между собой тремя дефиле. Наполеон прибыл в Лейпциг

14 октября и развил кипучую деятельность. К началу сражения у него было 170 000 войск при 717 орудиях, сверх того 25 000 человек охраняли единственную свободную коммуникацию, ведущую на запад через Линденау.

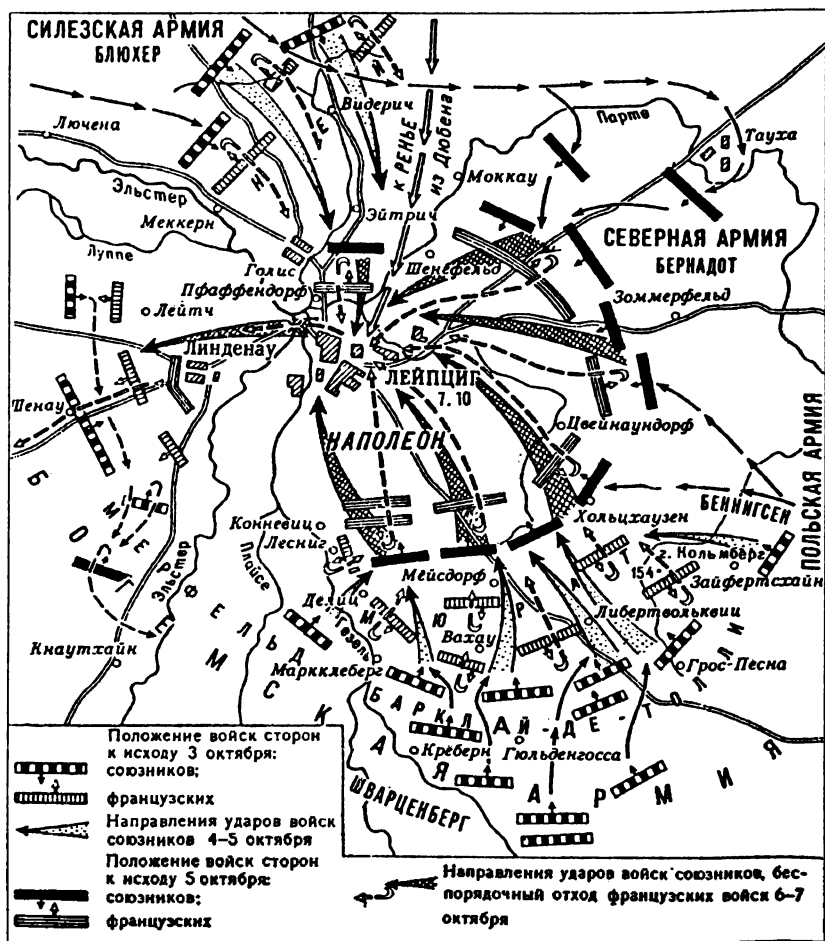
Для действий против Богемской армии (133 000 человек, 578 орудий), наступавшей на Лейпциг с юга, Наполеон выделил пять пехотных корпусов и расположил их в две линии. В первой линии на правом фланге стоял корпус Понятовского, в задачу которого входила оборона переправ через реку Плайсе у Делица, Леснига и Конневица. В центре стал корпус Виктора, он должен был защищать важный узел Вахау. На левом фланге расположился корпус Лористона для прикрытия дороги, идущей через Либертовольквиц.

Во второй линии были размещены два корпуса. За войсками Понятовского и Виктора — корпус Ожеро, а за корпусом Лористона у Хольцхаузена — корпус Макдональда. Оба они должны были играть роль подвижного резерва. Во второй же линии располагались четыре кавалерийских корпуса: Келлермана, Пажоля, Латур-Мобура и Себастиани. Функцию общего резерва выполняла гвардия, составившая третью линию обороны. Таким образом, южнее Лейпцига была создана мощная группировка, насчитывавшая 120 000 человек, под командованием Мюрата.

Для действий против Северной (58 000 человек и 256 орудий) и Силезской (60 000 человек и 315 орудий) армий Наполеон оставил два пехотных и один кавалерийский корпус — всего 50 000 человек. Пехотные корпуса Мармона и Сугама заняли линию Шенефельд—Меккерн. Позади них стоял кавалерийский корпус Арриги. Командовал группировкой маршал Ней. Наполеон предполагал еще усилить эту группу войск двигавшимися из Эйленбурга корпусом Ренье и 3-й дивизией из корпуса Сугама — 25 000 солдат. Сравнительно слабое прикрытие Лейпцига с севера объяснялось предположением Наполеона, что, обманутые ложной демонстрацией на Берлин, Северная и Силезская армии двигались к столице Пруссии.

У Линденау фронтом на запад был развернут корпус гофмаршала Бертрана. Замысел Наполеона состоял в

том, чтобы мощным ударом сначала разгромить Богемскую армию, а затем, если появятся Силезская и Северная армии, нанести поражение и этим войскам союзников порознь.

Сражение под Лейпцигом. 16-19 октября 1813 года.

К началу сражения к Лейпцигу подошли только Богемская и Силезская армии. Северная находилась в Галле, в 30 километрах, а Польская — в Вальдхайме, в 40 километрах от места главных событий.

Командование союзников по настоянию трех монархов решило с утра 16 октября атаковать французов с юга. После острых споров в главном штабе Богемская армия была разделена на три группы и общий резерв. В первую группу вошли четыре русских корпуса — Витгенштейна, Палена, Раевского и Евгения Вюртембергского и два прусских — Кленау и Клейста. Группа насчитывала 84 000 человек при 404 орудиях, командующий — Барклай-де-Толли.

Во вторую группу вошли прусский корпус Мерфельда и австрийские резервы. Она насчитывала 30 000 человек при 114 орудиях.

Третью группу из австрийских и прусских частей — 19 000 человек и 60 орудий — возглавил генерал Гиулай. В нее вошли корпус Гиулая, дивизия Лихтенштейна, отряды Тильмана, Мейнедорфа и казаки.

В задачу первой группы входило атаковать французские позиции на фронте Зайфертсхайн—Креберн; вторая группа должна была действовать между реками Гезель и Эльстер, имея задачу овладеть переправами и нанести удар по правому флангу французов. Третья группа направлялась для атаки Линденау, чтобы перерезать дороги и овладеть единственной переправой, ведущей к Эльбе.

Силезская армия Блюхера, в которую входили преимущественно русские корпуса, должна была атаковать Лейпциг с севера на фронте Меккерн — Моккау. В целом у союзников к началу сражения было 190 000 человек при 893 орудиях. Но на главном направлении действовали только 84 000 войск Барклая-де-Толли против 120 000 солдат Наполеона.

16 октября 1813 года на равнине у Лейпцига началась одна из величайших битв эпохи наполеоновских войн, вошедшая в историю под названием «битвы народов».

В 7 часов утра сражение началось канонадой союзных батарей и наступлением войск Барклая-де-Толли на Вахау. На этом направлении Наполеон сосредоточил несколько крупных батарей и большие силы пехоты. После упорной борьбы войска Барклая-де-Толли овладели Либертвольтквицем, Вахау и Мекк-Клеебергом. Но дальнейшее продвижение русских было остановлено. Фран-

цузы расположили на высотах между Вахау и Либерт-вольтквицем 100-орудийную батарею, которая открыла ураганный огонь. Русские войска вынуждены были отступить, потеряв 22 орудия. К 11 часам французы вернули все захваченные противником пункты. В это время центр Богемской армии пытался пересечь реку Плайсе, чтобы ударить в обход неприятельского фланга. Однако противоположный берег реки был весь усеян французскими орудиями и стрелками, которые метким огнем вынуждали противника к отступлению.

Первую половину дня на всех участках битва шла с переменным успехом. В некоторых местах союзникам удалось захватить несколько участков обороны противника, но французы переходили в контратаки и отбрасывали их на исходные позиции. Только на правом фланге колонне Кленау удалось занять гору Кольмберг, а на левом Клейст ворвался в Маркклеберг.

Успехи первой половины дня окрылили Наполеона, и он сам решил нанести удар по Богемской армии, проведя мощную атаку четырьмя кавалерийскими корпусами Мюрата. Умело организовав оборону, французский император к 15 часам подготовил плацдарм для решительного наступления и прорыва союзного центра в направлении Госсы.

Первоначально скрытые от глаз неприятеля 160 французских орудий по приказу генерала Друо обрушили ураганный огонь на место прорыва. «Земля дрожала от нестерпимого оглушительного рева. Отдельные дома снесло, как ураганом; в Лейпциге за восемь верст звенели стекла в рамах». Затем началась массивованная атака французской кавалерии и пехоты. Против 100 эскадронов Мюрата выстроились в каре несколько батальонов принца Вюртембергского, ослабленные канонадой Друо. Они открыли картечный и ружейный огонь и держались стойко. Однако французские кирасиры и драгуны, поддержанные пехотой, смели русско-прусскую линию, опрокинули гвардейскую кавалерийскую дивизию и прорвали центр союзников. Преследуя бегущих, они оказались в 800 метрах от ставки союзных государей. Этот ошеломляющий успех убедил Наполеона, что победа уже одержана. Властям Лейпцига было приказано

звонить во все колокола в честь триумфа французского оружия.

Однако битва продолжалась. Александр I, раньше других поняв, что в сражении наступил критический момент, приказал послать в бой дивизию Раевского и прусскую бригаду Клейста. В интервалы между пехотой была выдвинута 112-орудийная батарея генерала Сухозанета. До подхода подкреплений французов сдерживала только рота русской артиллерии и лейб-казаки из конвоя Александра I. Затем в бой были брошены казаки Палена, несколько кавалерийских полков, русская гвардия и гренадеры из резерва. «В сем ужасном сражении, — вспоминал участник войны Орлов, — было одно роковое мгновение, в котором судьба Европы и всего мира зависела от твердости одного человека. Наполеон, собрав всю свою кавалерию, под прикрытием ужасной батареи, устремил ее на наш центр. Часть оного поколебалась и временно уступила отчаянному нападению; но корпус гренадер под команду Раевского, свернувшись в каре, стоял непоколебимо и, окруженный со всех сторон неприятелем, везде отражал его усилия. Сия твердость дала нашим время выстроиться и вскоре опрокинуть французскую кавалерию, которая принуждена была ретироваться под огнем непоколебимых гренадер, расстроилась и обратилась в бегство».

В этом бою генерал Раевский был тяжело ранен картечью в плечо. Барклай-де-Толли послал ему на помощь дивизию легкой гвардейской кавалерии, но она не успела развернуться в лаву и была опрокинута на марше французской конницей. Ядра падали уже в ставке Александра. Наконец Барклай-де-Толли бросил против врага тяжелую кавалерию, русскую и прусскую гвардии. После исключительно тяжелого боя эти части остановили французов и заставили их отойти на расстояние пушечного выстрела.

Из своей ставки на холме у Тонберга Наполеон видел, как пришли в движение резервы союзников, как свежие кавалерийские дивизии остановили Мюрата, закрыли брешь в союзных позициях и вырвали, по сути дела, из рук Наполеона.

Полный решимости одержать верх любой ценой до подхода войск Бернадота и Беннигсена, французский император отдал приказ пустить на ослабленный центр союзников силы пешей и конной гвардии и хотел снять с северной части позиции корпус Мармона. Однако неожиданная атака австрийцев на правый фланг французов — группа Мерфельда дошла до Делиц — изменила планы Наполеона и заставила послать часть гвардии на помощь князю Понятовскому, который с трудом сдерживал австрийские удары. Чтобы предотвратить удар во фланг, сюда же был брошен корпус Удино. После упорного боя австрийцы были отброшены, а сам граф Мерфельд попал в плен. Но зато был упущен момент для повторной атаки в центре.

В это время с севера к Лейпцигу подошла Силезская армия. Блюхер атаковал корпус маршала Мармона, который с 24 000 солдат сдерживал его натиск. Деревни Меккерн и Видерич в течение боя неоднократно переходили из рук в руки. Пруссаки показывали в этот день примеры поразительного упорства и мужества. В одну из последних атак генерал Горн повел свою бригаду в бой, отдав ей приказ не стрелять. Под барабанный бой пруссаки пошли в штыковую атаку, а бранденбургские гусары врубились во фланги французской колонны. Французские генералы говорили позже, что они редко видели проявление столь неудержимой отваги, какую продемонстрировали прусские солдаты. Когда первый день сражения закончился, воины Блюхера сделали себе заслоны из трупов убитых, полные решимости не отдавать французам захваченных территорий. В конце концов Мармон должен был оставить Меккерн, что ухудшало положение Наполеона, угрожая ему окружением.

Бой у Линденау окончился для союзников неудачно. Корпус Бертрана отбил все атаки Гиулая и удержал сообщения в своих руках. По-прежнему главной бедой союзников оставалось отсутствие единого командования. Номинальный главнокомандующий фельдмаршал Шварценберг весь день провел с войсками Мерфельда и никакого влияния на общий ход боевых действий не имел. Ставка монархов могла связаться с Силезской армией и о

результатах ее сражения с Мармоном узнала только на следующий день.

К вечеру сражение утихло. Потеряв по 30 000 человек, ни одна из сторон не добилась решающего успеха. Но если потери союзников вполне компенсировались подходившими к Лейпцигу армиями Бернадота и Беннигсена, насчитывающими около 110 000 солдат, то Наполеон мог ожидать всего 25 000 человек — корпус Ренье и одну дивизию из корпуса Сугама. Попытка императора разбить Богемскую армию до подхода остальных войск коалиции не удалась. Союзники выиграли время на сосредоточение всех своих сил.

В ночь с 16 на 17 октября к городу подошли свежие силы — Северная и Польская армии. Теперь союзники имели 306 000 человек, Наполеон — только 185 000. Ему нужно было немедленно отступить, но это означало признать себя побежденным. Рано утром французский император объезжал вчерашнее поле битвы в сопровождении Мюрата, который отметил, что со времен Бородина не было такой массы убитых. Весь день 17 октября Наполеон провел в раздумьях, а союзники не торопились. Они ожидали полного сосредоточения своих сил. Обе стороны собирали раненых и хоронили убитых. Вечером Наполеон вызвал к себе пленного генерала Мерфельда и отпустил его с просьбой передать союзникам предложение о мирных переговорах. Ответа от монархов не последовало. Наполеон решил остаться и продолжить битву.

В ночь на 18 октября началась перегруппировка французской армии. Император стянул войска ближе к Лейпцигу и занял позиции в четырех верстах от города. Против Богемской армии он оставил пять пехотных и четыре кавалерийских корпуса и направил против Силезской армии три пехотных и один кавалерийский корпус. Он усилил охрану переправы у Линденау и дороги к Эльбе, направив сюда два корпуса и Молодую гвардию. Император надеялся под прикрытием сражения вывести из окружения на запад все свои корпуса.

К утру французские войска имели почти кольцевое расположение по линии Конневиц—Хольцхаузен—Цвейнаундорф—Шенефельд—Пфаффендорф—Линденау. Раз-

вернув на фронте протяженностью в 16 километров около 150 000 солдат и 630 орудий, Наполеон достиг большой плотности боевых порядков – свыше 9000 человек и 39 орудий на один километр.

Битва при Лейпциге.

Союзники тоже перегруппировали свои силы. Богемская армия по-прежнему вела атаки Лейпцига с юга, Силезская – с севера, Северная и Резервная – с востока.

В 8 часов утра 18 октября поддерживаемые огнем более чем 1000 орудий союзники начали наступление. Французы дрались отчаянно, деревни переходили из рук в руки по несколько раз, приходилось штурмовать или защищать каждый дом, каждую улицу, каждую пядь земли. На левом фланге французов русские солдаты графа Ланжерона неоднократно штурмовали деревню Шельфельд, дома и кладбище которой, обнесенные каменной стеной, были прекрасно подготовлены к обороне. Дважды отброшенный Ланжерон в третий раз повел своих солдат в штыки и после страшной рукопашной схватки овладел селением. Однако посланные против него Мармоном резервы снова выбили русских с занятой позиции.

Особенно жестокая схватка кипела у деревни Пробстейд в центре французской позиции. Корпуса генералов Клейста и Горчакова к 15 часам ворвались в деревню и начали штурмовать укрепленные дома. Тогда в дело была брошена Старая гвардия. Ее повел в бой сам Наполеон. Французы выбили союзников из Пробстейда и двинулись в атаку на главные силы австрийцев. Под ударами гвардии неприятельские линии затрещали и были готовы рассыпаться. Как вдруг, в самый разгар битвы, вся саксонская армия, сражавшаяся в рядах наполеоновских войск, перешла на сторону союзников. Это был страшный удар. «Страшная пустота зияла в центре французской армии, — писал Мережковский, — точно вырвали из нее сердце». Наполеон ценой огромных усилий восстановил положение, но победа вторично была вырвана у него из рук. Бой продолжался до вечера. К концу дня французам удалось удержать все ключевые позиции обороны.

Таким образом, положение сторон мало изменилось к вечеру, но союзники в этот день ввели в действие всего 200 000 человек, не трогая совершенно свежий 100-тысячный резерв. Наполеон понял, что еще один день он не выстоит, и поэтому в ночь с 18 на 19 октября отдал приказ к отступлению.

Измученная армия французов стала отходить через Лейпциг за реку Эльстер. В первую очередь из города уходили артиллерийские парки и обозы, за ними — кавал-

лерия и пехота. Для прикрытия оставлялись корпуса Ренне, Мармона, Макдональда, Лористона и Понятовского. Единственный Линденауский мост был заминирован. Хотя отход был нелегким делом для 170-тысячной армии, Наполеон постепенно отвел все корпуса к предместьям города.

От неожиданности союзники даже растерялись и не сразу атаковали отходивших французов. Они перегруппировались и образовали три колонны: русскую Витгенштейна, прусскую Клейста и австрийскую Коллореда.

При вступлении войск коалиции в предместья к командованию обратилась депутация города с просьбой не начинать уличных боев, дать возможность французам очистить Лейпциг. Однако, когда совет монархов потребовал капитуляции, Наполеон отказался. Союзники открыли огонь и в середине дня начали штурм крепостной стены и ворот. Северная армия овладела Гримауским предместьем еще в 11 часов. Польская армия утвердилась к часу дня в Южном предместье, Силезская армия захватила Галлеское предместье. Только после этого в бой вступила Богемская армия.

Город защищали солдаты Понятовского и Макдональда. В стенах домов и каменных оград были проделаны бойницы, на улицах, в садах и кустарниках были рассыпаны стрелки и расставлены орудия. Каждый шаг стоил союзникам крови. Приступ был жесток и страшен.

В разгар сражения за город по недоразумению был взорван единственный мост через Ольстер. Охранявшие его солдаты, увидев прорвавшийся к месту переправы небольшой отряд русских, в панике подожгли запальные фитили. Французские саперы начали сооружать второй мост. Наспех сделанный, он не выдержал нагрузки и обвалился. К этому времени Наполеону удалось вывести из Лейпцига основную часть своей армии, но около 28 000 человек еще не успели переправиться. И тогда среди оставшихся на восточном берегу началась паника.

Во внезапно возникшей сумятице солдаты отказывались подчиняться приказам, некоторые бросались в воду и пытались переплыть реку, но либо тонули, либо погибали от неприятельских пуль. Маршал Понятовский, получивший жезл буквально накануне, пытаюсь организо-

вать отступление, был дважды ранен, бросился на коне в воду и утонул. Ворвавшиеся в Лейпциг союзники добивали разрозненные остатки французской армии, убивали, резали, брали в плен. Таким образом, было уничтожено до 13 000 человек. 20 дивизионных и бригадных генералов попали в плен вместе с 11 000 наполеоновских солдат. Сражение при Лейпциге завершилось.

В этой четырехдневной битве обе стороны понесли крупные потери: Наполеон — около 80 000 человек и 325 орудий; союзники — свыше 54 000 человек, в том числе более 22 000 русских, 16 000 пруссаков, 15 000 австрийцев. Еще долгие дни страшные вопли тяжелораненых оглашали лейпцигские поля, а разлагающиеся трупы наполняли окрестности невыносимым зловонием. Не хватало рабочих рук, чтобы очистить поле, и медицинского персонала, чтобы оказать помощь искалеченным и раненым.

Результаты битвы могли бы оказаться более тяжелыми для Наполеона, если бы союзники не упустили возможности для полного разгрома противника, достижению решительных целей в сражении препятствовала двойственная политика Австрии, стремившейся лишь к ослаблению французского императора, а не сокрушению его. В управлении войсками коалиции имели место нерешительность, несогласованность действий, отсутствовало единое твердое руководство. Шварценберг фактически не сумел выполнить функции главнокомандующего, а совет трех монархов не являлся полноценным руководителем боевыми действиями союзных войск. Это мешало реализации широких оперативных замыслов, вело к нерешительности действий, резервированию больших масс войск — почти треть сил коалиции под Лейпцигом бездействовала.

Наполеон отнюдь не считал себя побежденным, так как ему удалось увести 100-тысячное войско. Французской армии предстояло совершить 350-километровый марш к Эрфурту, где были сосредоточены крупные запасы вооружений и продовольствия. Союзники ограничились лишь слабым ее преследованием. Более или менее активно действовал лишь Блюхер, да баварцы безуспешно попытались преградить дорогу к Эрфурту. Вышеназ-

ванные обстоятельства дали Наполеону основание считать себя победителем. Диктуя свои воспоминания, он так прямо и формулировал: «16 октября обе армии сошлись на поле сражения под Лейпцигом. Французская армия вышла победительницей...» Вероятно, нельзя стать великим полководцем без великой самоуверенности.

Однако народы Европы оценили результаты Лейпцига по-другому. Вся Германия восстала против завоевателей. Наполеоновская империя рушилась, конец его господству был близок и неизбежен. Это увидели все.

Ганау. 30—31 октября

Армия должна каждый день, каждую ночь и каждый час быть готовой к оказанию всего сопротивления, на какое она способна.

Наполеон

После Лейпцига французская армия сосредоточилась в Эрфурте, куда медленно стали продвигаться и союзные войска. Наполеон был уже не в состоянии дать генеральное сражение к начал отступления к линии Рейна, во Францию.

Впервые император осознал, что его звезда начала закатываться. Вот с ним распрощался Мюрат, его маршал, герой многих битв, которого он сам сделал королем Неаполитанским. Мюрат уехал в Неаполь, и Наполеон знал, что он уехал для измены и уже тайно перешел на сторону коалиции. Вот назначенный им в Испанию его брат, король Жозеф, вытесняется англичанами и испанскими повстанцами с Пиренейского полуострова. В Гамбурге Даву осажден русскими и пруссаками. Зашаталась власть французов в Голландии. Империя таяла.

У Наполеона еще было около 100 000 человек, из них 40 000 вполне вооруженных. Остальных еще нужно было вооружить и обучить. У него еще было до 150 000 войск, разбросанных в различных крепостях и гарнизонах. Он

еще не складывал оружия и думал о предстоящих стадиях борьбы.

На пути к Рейну союзники сделали последнюю попытку нанести решающее поражение французскому императору, у города Ганау. Они решили атаковать французов с трех сторон и повторить Березинскую операцию. Чтобы удержать Наполеона до подхода главных сил, 40-тысячная австро-баварская армия принца Карла Филиппа фон Вреде 30 октября попыталась преградить ему дорогу.

Вреде развернул свои войска в боевой порядок впереди Ганау, закрывая путь на Франкфурт. Сосредоточив в одну точку всю артиллерию, император жестоким фронтальным ударом, не считаясь с потерями, проложил себе дорогу к Рейну, разбив бывших своих союзников. Французы потеряли 6000 человек убитыми и ранеными и 4000 пленными во время отступления. Потери баварского корпуса составили 10 000 человек.

2 ноября 1813 года император вошел в Майнц, при нем было меньше 40 000 боеспособных солдат. Остальные толпы следовавших за армией безоружных, израненных, больных людей, еще числившихся в строю, можно было не считать. Остатки наполеоновской армии уходили за Рейн.

Так Наполеон, начав в 1812 году поход на Россию, привел в конце 1813 года русских и их союзников к воротам Франции. Вторая кампания подряд была проиграна. Подводя итоги, французы могли видеть, что за полумиллионом погибших в Русском походе последовала гибель новых сотен тысяч, набранных и истребленных в 1813 году.

В середине ноября император поспешил в Париж, а оборону Рейна поручил своим маршалам: Виктор стоял на правом берегу у Страсбурга, у Кобленца в центре находился Мармон, на левом фланге расположился Макдональд. Трехсоткилометровое пространство по Рейну прикрывалось лишь 60 000 французов.

Богемская и Силезская армии прибыли к Рейну в начале ноября и расположились здесь на квартиры. Северная же армия двинулась на север Германии, датские войска отступили, и Дания капитулировала. По договору, подписанному в Киле, она уступила Швеции Норвегию. В то

время как Бернадот разбирался с Данией, главные силы Северной армии очистили от французов Ганновер, вынудив их отойти на территорию Голландии.

Армия Беннигсена разделилась на две части: одна вела осаду Данцига, другая блокировала Гамбург. Лишь в конце 1813 года капитулировал Данциг, где энергично защищался 30-тысячный корпус Раппа. Наконец, сдались Штеттин, Торгау, Виттенберг. Союзники захватили 73 000 пленных и 2500 орудий. Но гарнизоны Кюстрина, Глогау, Магдебурга, Эрфурта, Гамбурга, Вюрцбурга, Везеля, Майнца продолжали сопротивляться и в 1814 году.

В целом кампания 1813 года завершилась освобождением всей немецкой земли. В этой войне все народы Европы объединились для уничтожения общего врага.

Но император французов не собирался сдаваться, он готовился продолжить борьбу, его девизом по-прежнему было: «Все или ничего». Наполеон считал, что он еще сможет восстановить свой престиж непобедимого полководца и сохранить господство в Центральной Европе. Его не смущало, что военный потенциал коалиции намного превышал теперь возможности Франции, что французы перестали быть преимущественными носителями наполеоновских боевых традиций — эти традиции перешли ко всем крупным европейским армиям. Все это только будило азарт игрока, напоминало недалекое прошлое, когда молодой генерал Бонапарт одну за другой сокрушал враждебные армии и коалиции.

Война во Франции. 1814 год

Из всех народов мира я должен сделать единый народ, а из Парижа — столицу мира.

Наполеон

Борьба с наполеоновской Францией не закончилась освобождением Германии от французского господства. Зимняя пауза была вызвана как военными, так и политическими причинами. Хотя союзники после победы под Лейпцигом и имели почти тройное превосходство в силах, однако их армии были разбросаны по всей Германии. Зимой 1813 года и в 1814 году продолжались осады и очищение крепостей от французских гарнизонов.

Но наиболее важными были политические факторы. Между союзниками возникли разногласия. Австрия и Англия были готовы прекратить войну. Их правительства теперь, скорее, были озабочены ростом русского влияния на Европу. Меттерних считал нужным сохранить империю Наполеона как противовес России. Россия и Пруссия требовали продолжения войны до окончательного разгрома наполеоновской Франции.

По настоянию Австрии в конце 1813 года Наполеону еще раз были предложены сравнительно благоприятные условия мира. Тем не менее император медлил, он считал еще возможным продолжать сопротивление и энергично собирал силы. Были отозваны войска из Испании и Португалии, начался новый набор в самой Франции. Когда некоторые буржуазные деятели почтенно предложили Наполеону все же начать переговоры, учитывая полное истощение экономических и людских ресурсов страны, он с негодованием ответил отказом и призвал народ Франции вернуть утраченное величие, а армию — восстановить боевую славу.

Но обстоятельства складывались не в пользу императора. Убедившись в невозможности сформировать и во-

оружить новую большую армию, он, наконец, дал согласие на проведение конгресса в Мангейме, направив туда своим представителем генерала Коленкура. Однако было уже поздно. Союзники, прождав достаточно долго, отказались от переговоров.

К началу новой войны члены коалиции располагали 900 000 войск, которые включали в себя Главную армию, насчитывавшую 198 000 человек при 690 орудиях; Силезскую армию — 75 000 при 336 орудиях; к этим армиям должны были присоединиться 6-й и 8-й немецкие корпуса, 3-й и 5-й прусские корпуса и русский корпус Винценгероде, входившие ранее в Северную армию — всего около 70 000 человек, а также формируемые 2-й и 4-й немецкие корпуса. Кроме того, действовала Польская армия Беннигсена из 50 000 русских войск, блокирующих Гамбург; шведский корпус, оперирующий в Дании, и отдельный немецкий корпус Тауэнцина, осаждавший крепости на Одере и Эльбе. Наконец, на территории Варшавского герцогства стояла 80-тысячная русская Резервная армия генерала Лобанова-Ростовского. К этим силам нужно добавить армию Веллингтона, действовавшую в Пиренеях, и австрийскую армию Бельгарда в Северной Италии.

В главной квартире союзников были обсуждены три варианта оперативного плана. Штаб Силезской армии в лице Гнейзенау предложил действовать главными силами прямо на Париж, оставляя за собой все крепости, на защиту которых у Наполеона, по мнению Гнейзенау, не было сил. Начальник австрийского штаба генерал Лангенау предложил совершить главными силами обход укрепленных восточных границ Франции через Швейцарию, Юру и Вогезы, выйти на Лангрское плато и отсюда угрожать Парижу, возложив на Силезскую армию задачу действиями с востока сковать французские войска на границе и оборонять Германию, если Наполеон сам перейдет в наступление в этом направлении. В основу этого плана был положен русский операционный план, предложенный от имени царя, согласно которому Главная армия, совершив обход через Швейцарию, должна была выйти на Лангрское плато, а затем наступать по долинам рек Марна и Сена на Париж, а Силезская армия, форсировав Рейн у Мангейма, наступать на Мец и Нан-

си. Армия Веллингтона из Испании и австрийская армия из Северной Италии также должны были начать активные действия. Наконец, бывшая Северная армия должна была овладеть Голландией. План был принят на военном совете во Франкфурте-на-Майне 1 декабря.

Наполеон имел в это время под ружьем до 300 000 человек, но в восточной части Франции — всего 130 000, в Испании — еще 80 000 и в Северной Италии — около 30 000 солдат. Остальные 60 000 человек составляли гарнизоны крепостей. Новые меры по увеличению армии давали мало. Недоставало времени даже на переброску наличных войск к угрожаемым направлениям.

Впервые за долготлетнюю практику ведения войн Наполеон созвал Комитет для разработки плана защиты страны. Комитет остановился на оборонительном варианте плана, но император отверг его. Рассчитывая довести к весне 1814 года свою армию в Восточной Франция до 300 000 человек, он считал необходимым начать наступление на Германию и поодиночке разгромить разбросанные армии союзников. Учитывая же возможность активных действий Главной армии противника, он приказал приготовить к обороне все французские крепости, а также в случае необходимости и парижские укрепления.

Но времени на проведение всех этих мероприятий уже не было. Наступление союзников началось 1 января 1814 года.

Главная армия перешла Рейн в трех местах: правый фланг у Страсбурга, центр у Базеля и Лауфенбурга, левый фланг у Шафгаузена. Тотчас после переправы армия образовала восемь колонн и начала движение на фронте протяженностью 600 километров. Эти колонны должны были провести захождение левым флангом, принимая за ось вращения Базель.

Колонна Бубны, пройдя через швейцарские перевалы, вышла к Лангрскому плато и остановилась. Не решаясь атаковать стоявший перед ним корпус Ожеро, Бубна запросил подкреплений. Вслед за Бубной на Лангрское плато вышли колонны Коллоредо и Гиулая. За ними по своим маршрутам стали прибывать и другие колонны. Разброска сил на широком фронте ничем не оправдывалась. От поражения каждой в отдельности эти колонны спасло

лишь то, что у Наполеона не было свободных войск. Французский полководец не ожидал, что союзники начнут военные действия зимой и что Швейцария нарушит свой нейтралитет. Он полагал, что наступление неприятеля начнется весной со стороны Голландии, куда были направлены корпуса Виктора, Мортье, Мармона и Нея.

Кампания 1814 года.

Медленные действия Главной армии союзников дали Наполеону возможность снять эти корпуса с голландского направления и перебросить их к Лангрскому плато.

Одновременно с Главной армией в наступление перешла Силезская армия Блюхера. Она форсировала Рейн в трех пунктах: генерал Сакен у Мангейма, Йорк и Капцевич у Кобленца, а Сен-При у Ланштейна. Вслед за ними Рейн перешел корпус Олсуфьева. Блюхер с корпусами Сакена и Олсуфьева обошел Мец и двинулся к Нанси, оставив для осады Майнца и Касселя корпуса Капцевича и Сен-При. Для овладения Мецем был отряжен корпус Йорка. Заняв Нанси, Блюхер пошел на соединение с Главной армией, связь с последней была установлена 27 января.

Между тем Главная армия, сосредоточившись на плато у Шомона, не предпринимала активных действий.

Между союзниками все еще продолжались дебаты по вопросу о возможности заключения мира с Наполеоном. Теперь уже и Пруссия проявляла склонность к переговорам. Но против этого возражал Александр I. Он даже заявил, что в случае отказа союзников Россия готова одна вести войну до конца. Союзникам не оставалось ничего другого, как продолжать борьбу. Пока шли переговоры, события развивались дальше.

Войска корпуса Бюлова, входившие в бывшую Северную армию, с боями заняли Голландию, оттеснив войска генерала Мезона. Активность на этом направлении создала у Наполеона впечатление, что решающие действия начнутся именно здесь. Вот почему он направил сюда часть Молодой и Старой гвардии и приказал Мезону вернуть Голландию. В сражении при Гогстратене 11 января Мезон был разбит. К этому времени Наполеон убедился в ложности своих предположений и возвратил гвардию к Шалону. Нанеся поражение французам в Голландии, Бюлов дождался подхода 2-го немецкого корпуса Саксен-Веймарского, сдал ему район военных действий, а сам двинулся через Монс к Лаону.

К этому же времени к Рейну подошел корпус Венцегероде, переправился через реку и двинулся через Намюр и Бомон к Суассону.

Под давлением союзных войск части Виктора, Нея и Мармона отошли к Шалону, куда Наполеон направил подкрепления из Парижа. Войска Мортье оставались в Троя. К моменту прибытия императора в Шалоне оказалось только 40 000 французских войск, но и в передовых корпусах союзников было не более 50 000 человек. Таким образом, в 1814 году война была перенесена на территорию Франции.

С точки зрения военного искусства кампания 1814 года была одной из самых блестящих в наследии Наполеона. Он дрался с юношеской энергией. С остатками своих войск он бил противника поодиночке, нанося неизмеримо превосходящим силам коалиции тяжелые поражения. Он разбил прусскую армию Блюхера при Бриенне, нанес поражения союзной армии при Шампобере, Монмирале, Вошане, Монтеро. Но как писал Лавалетт: «Тог-

да как император, зажатый всеми армиями Европы, сражался, как лев, устремляясь от одной к другой, переигрывая их маневры быстротою движений, обманывая все их расчеты и заставляя их изнемогать от усталости, в Париже другие враги — еще более опасные, вступив в тайные связи с иностранцами, готовили его низвержение».

Наполеон чувствовал, как сужается вокруг него круг. Он видел опасности, подстерегавшие его и впереди, и позади. Поразительная энергия, с которой он вел последнюю кампанию, какая-то новая, яркая вспышка его полководческого таланта не была доказательством его хорошего физического состояния. Напротив, на него находили неожиданно приступы непреодолимой сонливости, у него все чаще были сильные боли в желудке. Его уже не хватало на все. Как всегда, в минуты опасности он обнаруживал хладнокровие и ясность ума. Но это уже ничего не могло изменить...

Бриенн. 29 января

Под Бриенном я шпагой отбивался от казаков...

Наполеон

Прибыв в Шалон и оценив обстановку, Наполеон решил не допустить соединения Главной и Силезской армий, только установивших связь между собой, и нанести удар по войскам Блюхера с тыла. Он сосредоточил свои силы к Витри, а затем перешел к Сен-Дизье. Здесь он получил сведения, что Блюхер движется к Бриенну, где намеревается соединиться с частями Главной армии, также направлявшейся к Бриенну от Бар-сюр-Об. С момента своего прибытия к войскам 25 января императору приходилось преодолевать инертность своей армии, стараясь внушить ей уверенность в своих силах. Почти все маршалы, даже Ней, пали духом. Только Наполеон был бодр, оживлен и казался каким-то помолодевшим.

Узнав о движении Блюхера, император решил настичь его и разбить до соединения с Главной армией. Ос-

тавив для прикрытия своего тыла корпус Мармона, Наполеон внезапно вышел 29 января через Сен-Дизье к Бриенну и атаковал Блюхера, который принял бой.

Сражение началось в 2 часа дня и продолжалось до полуночи. Французская пехота и затем конница атаковали корпус Сакена, захватили 2 орудия и поставили русский корпус в тяжелое положение. На выручку подоспел генерал-майор Никитин, он выдвинул из резерва 24 батареинных орудия, открыл огонь по левому флангу французских войск и нанес им большие потери. Замешательством противника воспользовалась русская кавалерия под командованием Палена. Она контратаковала и отбросила французов назад, вернув свои орудия и захватив еще 5 неприятельских. Артиллерия буквально спасла от поражения корпус Сакена.

Бой при Бриенне, первое крупное сражение 1814 года, отличался исключительным упорством. Блюхер едва не попал в плен к французам, однако известно, что и сам Наполеон едва избежал здесь плена. Это свидетельствует о пестрой и переменчивой картине боя. Обе стороны потеряли примерно по 3000 человек.

Хотя Блюхер и удержал в итоге свои позиции, но не захотел рисковать и в ночь на 30 января стал отходить к Ла-Ротьеру. Наполеон выиграл этот бой, но тем не менее не достиг поставленной цели — помешать соединению Главной и Силезской армий. И все же император одержал победу, и это необыкновенно подняло дух французских солдат, приунывших до его прибытия.

Ла-Ротьер. 1 февраля

Кто не может смотреть на поле боя без слез, тот бессмысленно потеряет много людей.

Наполеон

Силезская армия после отхода от Бриенна расположилась в районе Транна. Сюда же подтягивалась Главная армия союзников. Шварценберг, получив сведения о появлении 40-тысячной армии Наполеона, отрядил к Жу-

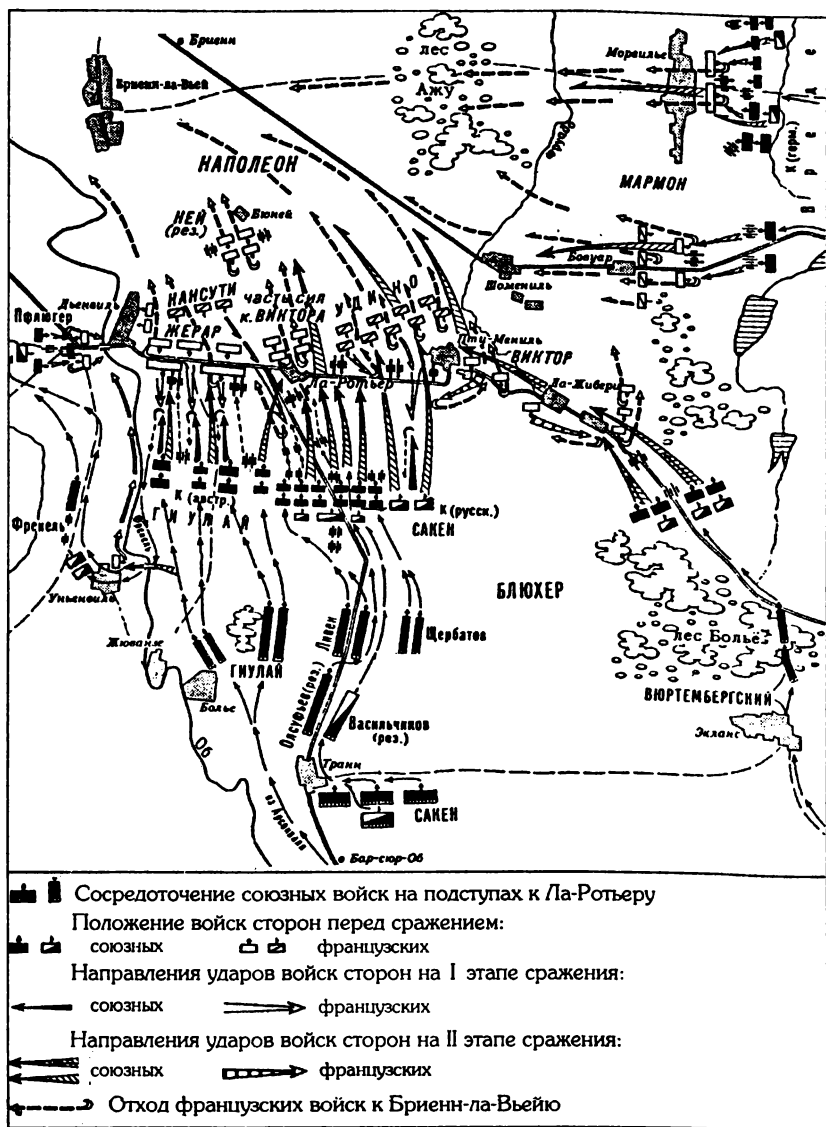
анвиллю два корпуса, а оставшиеся два сосредоточил у Бар-сюр-Об.

Блюхер настаивал на том, чтобы получить у главной квартиры резерв в два корпуса и атаковать Наполеона, который до 31 января стоял на позиции у Ла-Ротьера в ожидании корпусов Мортье и Макдональда. С их приходом у императора было бы 80 000 человек. На военном совете союзники решили атаковать общими силами французские войска, которые занимали оборону по линии Дьенвиль—Ла-Ротьер—Ла-Жибери. Выбор направления главной атаки вызвал разногласия. Блюхер основные силы располагал в центре для атаки на Ла-Ротьер. Император Александр I настаивал нанести главный удар правее — на Ла-Жибери. В дальнейшем это отразилось на использовании резервов: часть их была введена в бой под Ла-Жибери, что ослабило удар в центре. Всего союзники имели перед сражением до 100 000 войск, из которых в деле участвовали 72 000 человек.

Наполеон так и не дождался своих корпусов. Поэтому Блюхер начал атаку, имея полное превосходство. Правда, наступление его началось поздно и развивалось медленно из-за того, что ждали выхода на правый фланг французов корпуса Вреде. Казалось, союзная армия должна была смять 40-тысячное войско Наполеона, но этого не произошло. Упорное сражение продолжалось до глубокой ночи.

Австрийский корпус фельдцейхмейстера Гиулая, атаковавший французские части генерала Жерара по обеим берегам реки Об, овладел Дьенвилем и захватил мост через реку лишь около полуночи. Русский корпус генерала Сакена, после ожесточенного боя, выбил войска Виктора из Ла-Ротьера, но дальнейшее его продвижение было остановлено подошедшими резервами Нея, и Ла-Ротьер несколько раз переходил из рук в руки. Русский корпус принца Вюртембергского с большим трудом овладел Ла-Жибери и Пти-Менилем. Германский корпус Вреде, который должен был обойти левый фланг противника, встретил упорное сопротивление войск маршала Мармона, приступом взял Шомениль, но также не смог развить успех.

Тем не менее французские войска, сбитые со своих позиций, опасаясь окружения, отошли по всему фронту к Бриенну. Темнота и разыгравшийся снежный буран не позволили союзникам организовать их преследование.

Сражение при Ла-Ротьере. 1 февраля 1814 года.

Французы потеряли до 6000 человек и 43 орудия, союзники — 4600 человек.

Эта была первая победа союзников во Франции, и она имела большое политическое значение. Вместе с тем здесь снова проявились такие недостатки коалиционной стратегии, как отсутствие твердого единого командования объединенными войсками, нерешительность действий, стремление к чрезмерному резервированию сил. Таким образом, действия союзников были на редкость безынициативными. Вялое преследование армии Наполеона свело победу лишь к моральному эффекту. Главнокомандующий Шварценберг действовал очень осторожно, полагая, что противник не отступает, а совершает какой-то хитроумный маневр. За сражение при Ла-Ротьере фельмаршалы Блюхер, Шварценберг и Барклай-де-Толли были награждены золотыми шпагами, украшенными алмазами и лаврами.

У французов же Ла-Ротьер оставил впечатление почти выигранной битвы, так успешно шла защита Наполеона против значительно превосходящих сил. Но их положение все-таки оставалось крайне опасным, подкреплений поступало мало, и подходили они медленно. Ней, Макдональд, Бертье, Мармон считали, что единственное спасение императорского трона — в мирных переговорах, а когда конгресс в Шатильоне оказался безрезультатным, то маршалы совсем пали духом.

Но Наполеон, по мере возрастания опасностей, становился все энергичнее. Еще в 1812 году маршалы видели некоторое утомление императора, ослабление его военного гения. Но теперь, в феврале и марте 1814 года, перед ними опять был генерал Бонапарт, герой Италии и Египта. Как будто и не бывало пятнадцати лет царствования, непрерывных кровавых войн, самодержавного управления колоссальной империей и вассальной Европой. Он поддерживал дух маршалов, бодрость солдат, успокаивал оставшихся в Париже министров.

Узнав о новом разделении армий союзников, Наполеон отменил все разговоры о перемирии одной фразой: «Сейчас не время говорить об этом. Я собираюсь разгромить Блюхера!»

Монмираль. 10—14 февраля

Можно сдать крепость — военное счастье переменчиво, — можно потерпеть поражение. Можно попасть в плен. Завтра такое может случиться и со мной. Но честь! На поле боя полагается сражаться, а тот, кто вместо этого капитулирует, заслуживает расстрела... Солдат должен уметь умирать.

Наполеон

На собранном 2 февраля в Бриенне военном совете союзники решили продолжать наступление, но действовать двумя только что соединившимися армиями порознь. Основным мотивом для разделения были трудности снабжения. В действительности же Шварценберг боялся, что в главной квартире основную роль начнут играть русские и пруссаки.

Итак, армии были вновь разъединены. Шварценберг получил задачу наступать на Париж долиной Сены, а Блюхер — долиной Марны. Связующим звеном между ними был назначен корпус Витгенштейна, замененный вскоре казачьим отрядом Сеславина, который вскоре тоже был отозван к Главной армии. В результате обе армии союзников действовали самостоятельно, без необходимой связи одна с другой.

Блюхер начал движение в долину Марны тотчас по окончании совета и со 2 по 4 февраля выдвинулся к Фер-Шампенуазу. Прусский фельдмаршал ставил себе целью, во-первых, сосредоточить все свои войска для наступления на Париж и, во-вторых, не допустить отхода корпуса Макдональда из Шалона к французской столице. Этим Блюхер расплывал свои силы. Чтобы ускорить соединение с корпусом Йорка, двигавшимся из Сен-Дизье к Шалону, Блюхер тоже повернул от Фер-Шампенуаза к Шалону. Таким образом, Макдональд со своими 18 000 солдат подвергался угрозе двойного удара.

Войска Йорка, выйдя к занятому французами Витри, атаковали его еще 1 февраля, но были отбиты. На другой день французы отошли к Шалону. Йорк достиг его 4 фев-

раля и безуспешно пытался занять. Но поскольку Макдональд имел приказ двигаться на соединение с главными силами Наполеона, то 5 февраля его войска оставили Шалон, взорвали переправу на Марне и направились к Эперне. В это время Блюхер находился у Витри, где вскоре к нему присоединился корпус Йорка. Получив сведения об отходе Макдональда, Блюхер тотчас организовал преследование, но ему не удалось добиться никаких результатов, так как его войска были сильно разбросаны. Более того, по этой причине Блюхер сам оказался под угрозой быть разбитым.

После сражения при Ла-Ротьере Наполеон двигался к Труа, где к нему присоединился Мортье с резервами. Теперь император располагал 45 000 войск и с нетерпением ожидал подхода корпуса Макдональда. Чтобы установить намерения Шварценберга, Наполеон провел разведку боем, которая была принята австрийским главнокомандующим за прелюдию к большому сражению. Вот почему он решил отойти с занятой позиции и угрожать позиции неприятеля у Труа. В результате войска Шварценберга и Блюхера стали расходиться. Связь между ними была потеряна. Все это довольно ясно увидел Наполеон. Он тотчас принял решение воспользоваться сложившейся обстановкой и разбить 80-тысячную армию Блюхера на виду у 123-тысячной Главной армии.

Оставив заслон против Шварценберга. Наполеон с 35-тысячным войском двинулся через топи в долину Марны, к Шампоберу. Блюхер, не ожидавший появления французского императора, был озабочен лишь тем, чтобы перехватить корпус Макдональда, и поэтому прусский командующий разбросал свои силы, расставив их на возможных путях отступления противника. В это время на севере, преследуя Макдональда, 18-тысячный корпус Йорка подошел к Шато-Тьерри, а 14-тысячный корпус Сакена, стремясь завершить окружение, выдвинулся к Ла-Ферте-су-Жуар. Таким образом, Силезская армия растянулась на 60 километров.

За эту ошибку Блюхера тяжело поплатились русские корпуса, подвергнувшись массированному удару французской армии. Первым 10 февраля император разбил 6-тысячный отряд генерала Олсуфьева и занял Шампобер.

Больше 1300 русских были перебиты, около 3000 человек во главе с командующим взяты в плен, остальные бежали. Вечером Наполеон, довольный ходом операции, заявил своим маршалам: «Если завтра я буду так счастлив, как сегодня, то в пятнадцать дней я отброшу неприятеля к Рейну, а от Рейна до Вислы — всего один шаг».

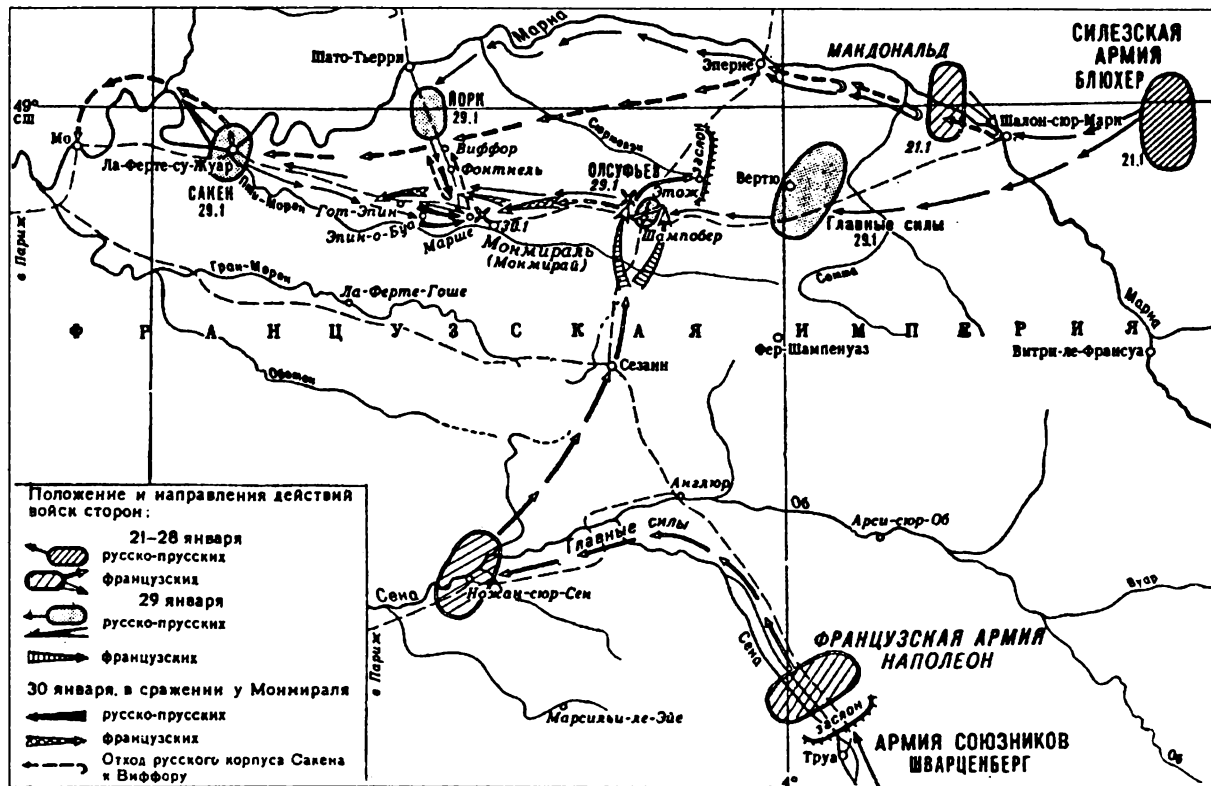
Обеспокоенный Блюхер решил сосредоточить все свои силы и отдал приказ корпусам Сакена и Йорка отходить через Монмираль к Вертю. Наполеон, тоже начал движение на Монмираль. 11 февраля французские войска выбили из города немногочисленный русский гарнизон и перерезали путь отхода русско-прусским войскам.

Генерал Сакен со своим корпусом начал пробиваться к Монмиралю. Ожесточенный бой разгорелся в нескольких километрах от города у деревушки Марше, которая четыре раза переходила из рук в руки. В середине дня Наполеон бросил подошедшую дивизию Старой гвардии против прусских войск Йорка, которые двигались к Фонтнелю на соединение с русским корпусом, а силами резерва нанес удар по правому флангу войск Сакена. Русские войска сражались упорно, но силы были неравны. Французы прорвали русские линии и вышли им в тыл. Четыре полка оказались в окружении, к своим из них прорвались немногие. Сакен, не дождавшись поддержки от Йорка, который действовал довольно нерешительно, сам начал отход к Виффору на соединение с пруссаками.

В сражении у Монмиралья русские потеряли 2800 человек, пруссаки — 900, французы — около 1000 солдат. Немедленно Наполеон устремился к Шато-Тьерри, преследуя отходящие русско-прусские силы. «Я нашел свои сапоги итальянской кампании», — воскликнул император, вспомнив свои победы в 1796 году.

Битва при Шато-Тьерри 12 февраля завершилась новой победой Наполеона. Если бы не ошибочное движение и опоздание Макдональда, дело закончилось бы полным истреблением союзных сил.

В это время сам Блюхер, двигаясь с корпусами Клейста и Капцевича из Шалона к Сезанну, у Этожа натолкнулся на войска Мармона, оставленные Наполеоном для прикрытия своего тыла. Под давлением пруссаков Мармон стал отходить к Монмиралю и тотчас послал сооб-

Сражение при Монмирале. Общий ход военных действий. 2-11 февраля 1814 года.

щение императору. Наполеон направил для преследования Йорка и Сакена корпус Мортье, а сам возвратился с частью сил к Монмиралю, где соединился с войсками Мармона. 14 февраля у Вошана Наполеон уничтожил авангард Блюхера, а затем обрушился на его главные силы. Пытаясь уйти от поражения, Блюхер хотел отступить под прикрытие Этожского леса, но не успел и был разбит, потеряв 9000 человек.

Таким образом, Наполеон, имея всего 45 000 солдат, рядом последовательных ударов нанес поражение более сильной Силезской армии, которая была вынуждена отойти к Шалону. Одержав эти победы, император обратился к французскому народу с воззванием о создании поголовного ополчения и организации народной войны. Кое-где против союзников стали действовать отряды народного ополчения.

К Наполеону подходили подкрепления, а коалиция потерпела ряд поражений, и все-таки положение императора оставалось критическим; у союзников в наличии сил было гораздо больше, чем у него. Но эти неожиданные, ежедневно следующие одна за другой победы Наполеона так смутили его противников, что числившийся главнокомандующим Шварценберг послал в лагерь Наполеона адъютанта с просьбой о перемирии. Император отказал посланцу в личной встрече, а письмо Шварценберга принял, но отложил свой ответ. «Я взял от 30 до 40 тысяч пленных; я взял 200 пушек и большое количество генералов», — писал он Коленкуру и заявлял при этом, что может примириться с коалицией только на основании оставления за Францией ее «естественных границ». На перемирие Наполеон не согласился.

Монтеро. 18 февраля

У меня есть пятьдесят тысяч плюс я сам: итого — сто пятьдесят тысяч!

Наполеон

В то время как Наполеон наносил удары по армии Блюхера, Шварценберг 7 февраля атаковал Труа, из ко-

торого император уже ушел. Сложный обходной маневр, совершенный Шварценбергом, оказался пустой тратой времени. А когда в главной квартире были получены сведения о поражении Блюхера, то австрийского главнокомандующего стали громко порицать и на него возложили ответственность за неудачу Силезской армии.

По настоянию Александра I Шварценберг 12 февраля приступил к овладению переправами через Сену у Ножана, Бре и Монтеро и перевел на правый берег реки корпуса Витгенштейна и Вреде. Предполагая, что вслед за этими корпусами движется вся Главная армия союзников, Виктор и Удино отошли к реке Йер и соединились с корпусом Макдональда, защитив Париж с юга силами в 40 000 человек.

Наполеон, оставив в качестве прикрытия против расстроенных войск Блюхера около 20 000 человек, быстро двинулся на юг. У городка Мормане он нанес удар по авангарду генерала Палена и разбил его. 18 февраля у Монтеро император атаковал Шварценберга, несмотря на его двойное превосходство. В этом бою император сам наводил пушки и, как под Тулоном, кричал: «Вперед, друзья! Еще не отлита та пуля, которая меня сразит!» Союзники были вновь разбиты и, потеряв 3000 человек убитыми и ранеными и 4000 пленными, были отброшены на 40 миль к югу. Таким образом, наступательные движения Главной армии были сведены к нулю.

Наполеон, по отзывам даже неприятельских наблюдателей, превзошел самого себя в этой, казалось, совсем безнадежной кампании 1814 года. Но солдат было мало, а маршалы — утомлены до последней степени и делали ошибки, поэтому французский император не мог использовать полностью свои блестящие победы. Наполеон гневно и нетерпеливо выговаривал маршалам и торопил их: «Какие жалкие оправдания вы мне приводите, Ожеро! Я уничтожил 80 тысяч врагов с помощью новобранцев, которые были едва одеты... Если ваши шестьдесят лет вас тяготят, то передайте командование старшему из ваших генералов!.. Будьте же первым под градом пуль! Теперь нужно шагать широко и возродить в душе мужество 1793 года!» «Император никак не желал по-

нять, что не все его подчиненные — Наполеоны», — вспоминал об этом времени один из его генералов.

Шварценберг собрал военный совет, спросил мнение трех монархов, и было решено вновь предложить Наполеону перемирие. В ставку императора был послан один из знатнейших в Австрии владетельных князей, Лихтенштейн, с новыми предложениями. Было ясно, что союзники серьезно встревожены и что некоторые из них хотели бы кончить войну поскорее и завершить ее компромиссом. Наполеон на этот раз не отказал посланцу коалиции в приеме и дал согласие на переговоры.

Конгресс, открывшийся в Шатильоне 16 февраля 1814 года, был просто дипломатической игрой. Каждая из сторон старалась разведать силы противника и выиграть время, вовсе не собираясь доводить переговоры до логического конца. И союзники, и Наполеон направили на конгресс представителей, которые лишь могли излагать волю пославших их монархов, но не решать самостоятельно. Союзники только 29 февраля изложили суть своих предложений, сводившихся к тому, что Франция должна была отказаться от всех завоеваний и возвратиться к границам 1792 года.

Наполеон решительно отверг эти предложения: «Я так взволнован гнусным проектом, который вы мне прислали, — писал он Коленкуру, — что считаю себя уже обесчещенным тем, что нам его предлагают». Стараясь выиграть время, Наполеон прислал отказ от этих условий спустя пять дней. Император в самом разгаре успехов, разгромив, как он представлял тогда, в ряде сражений чуть ли не половину союзных армий, вновь уповал на свое военное искусство, благодаря которому снова и снова побеждал сильнейшего неприятеля.

Но и союзники, несмотря на поражения, не хотели уступать: слишком много было поставлено на карту. Эти изумительные победы уже, казалось, совсем погибавшего Наполеона заставляли их с тревогой думать о том, что же будет, если этот человек, которого они единодушно и давно считали первым полководцем всемирной истории, останется на престоле, отдохнет, соберется с новыми силами? Кто справится с ним тогда, через год? 1 марта союзники подписали в Шомоне договор о ведении войны до

полной победы. Каждый из них обязался не вступать в сепаратные переговоры о мире и оказывать военную помощь друг другу. Все вопросы о будущем Европы впредь должны были разрешаться только сообща. Срок действия союза был определен в 20 лет. Именно здесь были заложены основы «Священного союза», окончательно оформившегося на Венском конгрессе в 1815 году.

Пока шли переговоры, война продолжалась. Колебания Наполеона в значительной мере определялись небольшими тактическими успехами, которые вселяли в него надежду превратить их в успех стратегический. Между тем гибель наполеоновской Франции в военном отношении была предопределена. Союзники имели на главном театре военных действий в середине февраля до 150 000 человек в составе двух армий. На подходе были еще два корпуса. Значительные силы высвобождались в тылу по мере форсирования резервных войск, заменявших кадровые части. Так, из бывшей Северной армии, которая оставалась для очищения территории Германии и Голландии, стали уже поступать крупные силы.

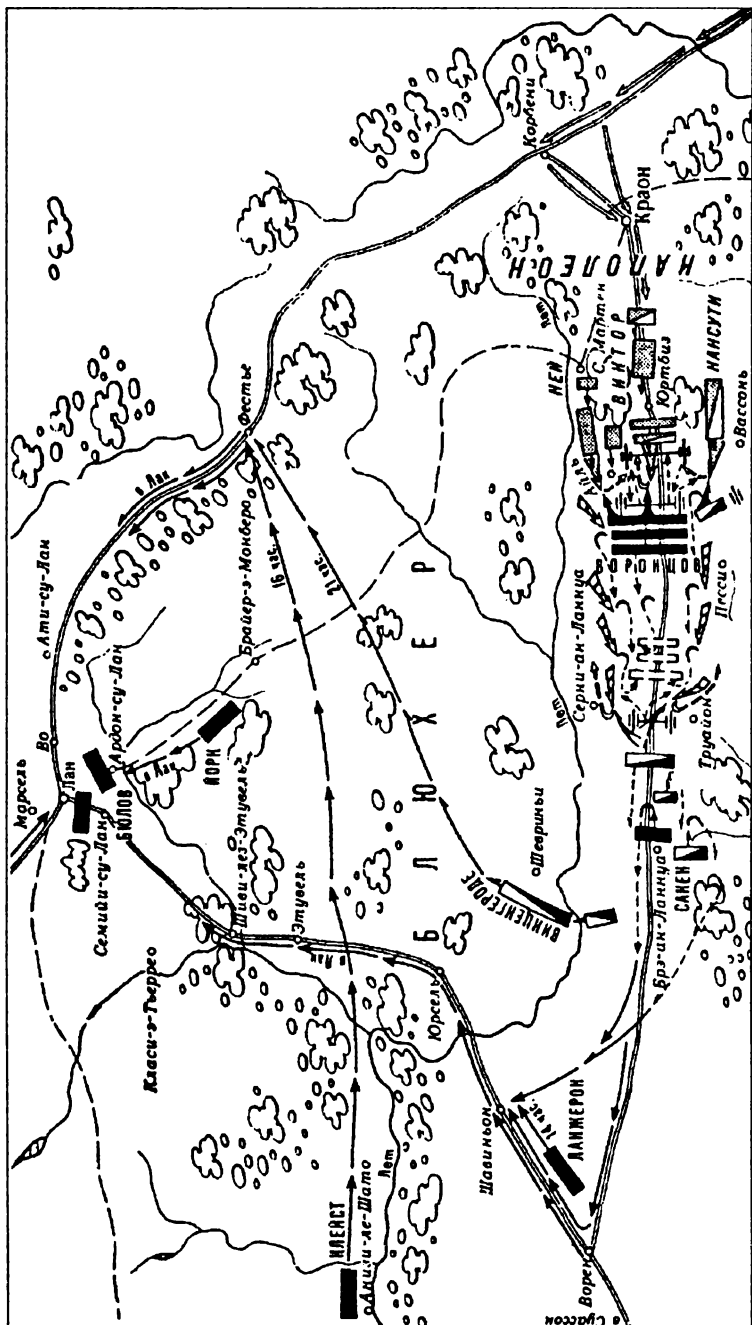
Шварценберг в ожидании резервов изображал «шаг на месте». Блюхер же после испытанных поражений не пал духом. Скорее, наоборот, он стал действовать более энергично. Не надеясь на Шварценберга, он добился от главной квартиры разрешения действовать самостоятельно. И в то время как Главная армия продолжала отход и оставила Труа, армия Блюхера перешла в наступление на Сезанн.

Краон. 7 марта

И если небо обрушится на нас, мы вздернем его на острия наших штыков!

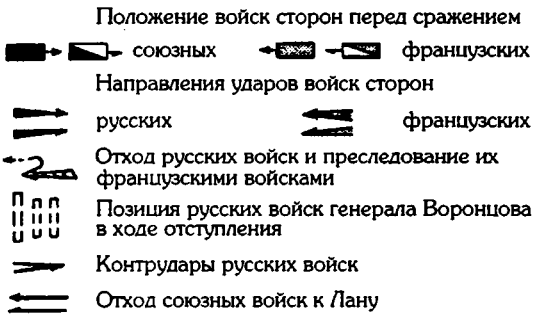
Наполеон

По настоянию Александра I в Бар-сюр-Об 25 февраля союзники собрали военный совет, на котором было решено предоставить Блюхеру возможность действовать самостоятельно, доведя его силы до 100 000 человек.

Краонское сражение. 7 марта 1814 года.

Условные обозначения к предыдущей схеме:

Главной армии предписывалось отойти к Лангру и действовать по обстоятельствам. Наконец, решено было образовать Южную армию в 50 000 человек для ведения операций против войск Ожера.

Потеряв надежду на генеральное сражение со Шварценбергом, от которого тот всячески уклонялся, Наполеон направил 40-тысячную армию к Бар-сюр-Об и Бар-сюр-Сен, а с остальными 35 000 двинулся против Блюхера, начавшего второе наступление на Париж.

Появление Наполеона заставило Блюхера после переправы через реку Эна отойти к Лаону. В составе Силезской армии было в этот момент три русских и три прусских корпуса. Наполеон решил воспользоваться отходом противника и стать на операционном пути Блюхера, чтобы отрезать его от баз снабжения в Бельгии. С этой целью войска императора форсировали реку Эна у Берри-о-Бак и начали продвижение к Лаону. Наполеон намеревался атаковать Блюхера на Краонском плато, нанося главный удар по его левому флангу.

Командующий Силезской армией первоначально намечал атакой с рубежа Краон—Корбени сорвать переправу войск противника, но потом отказался от этого замысла. Новый его план заключался в том, чтобы, обороняясь частью сил в дефиле между реками Эна и Лет, сковать здесь французские войска и завершить сражение решающим ударом им в тыл. Оборона была возложена на русские корпуса генерала Воронцова (18 000 человек и 96 орудий), который занимал выгодную позицию на Краон-

ском плато между селами Вассонь — Айль, и генерала Сакена (9000 человек), располагавшегося в районе Брю-ан-Ланнуа. Для обхода создавался сводный конный отряд (10 000 человек и 60 орудий) под командованием Винценгероде, который должен был, переправившись через реку Лет у Шевриньи, выдвинуться к Фестье и оттуда нанести удар на Берри-о-Бак. Для поддержки кавалерии выделялся пехотный корпус генерала Клейста. Остальные силы союзников концентрировались в районе города Лаон.

Наступление 7 марта начали французские войска. Маршал Ней ударил по левому флангу Воронцова. Огнем и контратаками русские отразили этот удар. Так же были отбиты атаки кавалерии Нансути на правый фланг. После неудач на флангах, Наполеон готовил сосредоточенный удар в центре, где французами была установлена 100-орудийная батарея. В это время, около 14 часов, Блюхер отдал своим войскам приказ оставить оборонительную позицию на Краонском плато. Оказалось, что кавалерия не смогла в срок выйти в исходный район для обходного движения. Главнокомандующий отменил прежний план действий; все войска стягивались к Лаону.

Французы немедленно перешли к преследованию. Но русские войска проявили высокую организованность и стойкость при отражении попыток противника помешать планомерному отходу. С наступлением ночи преследование было прекращено. Русские потеряли убитыми и ранеными 5000 человек, французы — около 8000.

Лаон. 9—10 марта

На войне нет ничего, чего бы я не мог сделать сам: порох, осадные приспособления, пушки... Война — это мое ремесло, я к этому привык.

Наполеон

Итак, Силезская армия сосредоточилась у Лаона. Здесь Блюхер получил подкрепления — два корпуса Бернадота, и его силы возросли до 110 000 человек. Тем не

менее с 30-тысячным войском Наполеон продолжал развивать наступление.

Блюхер, ожидая главной атаки с востока, вдоль дороги из Реймса, сосредоточил здесь свои основные силы — четыре корпуса. И лишь два оставил для прикрытия южных подступов к городу. Наполеон же направил к Лаону с востока только один корпус маршала Мармона, а сам с основными силами — корпусами Нея, Виктора, Мортье — подошел к городу с юга. Проявляя осторожность, главнокомандующий Силезской армии, несмотря на почти тройное превосходство в силах, отдал инициативу противнику.

9 марта французские войска атаковали правый фланг и центр позиции союзников — корпуса Бюлова и Венценгероде, но огнем и контратаками были отброшены в исходное положение. Лишь к вечеру подошел к Лаону корпус Мармона и предпринял демонстративную атаку против неприятеля на востоке. После того, как она была легко отбита, Блюхер решил разгромить войска Мармона в ночном бою. Эта задача была успешно выполнена союзниками. В результате контрудара прусских корпусов Йорка и Клейста в ночь на 10 марта Мармон был разбит, французские войска отброшены к Краону, потеряв 36 орудий и более 2000 человек только пленными. Наполеон еще не знал, что Мармон уже изменил ему, но поведение маршала выглядело откровенно предательским. Он вел боевые действия лишь для виду, держал всю свою артиллерию на месте и даже позволял противнику напасть на него на биваке. «Император мог бы пронзить его шпагой, — отмечал Бертье, — но он так его любит, что, закатив ему бурную сцену, оставляет командование за ним».

На следующий день Блюхер решил начать наступление к югу от Лаона, но император его опередил. Он сам предпринял 10 марта сильную атаку на позиции союзников, вынудил фельдмаршала отказаться от наступательного плана и вернуть войска вновь в Лаон. Сражение окончилось безрезультатно. Не добившись решительного успеха и потеряв 9000 человек и 46 орудий, Наполеон отвел свои войска к Суассону.

В сражении при Лаоне французскому императору не удалось ни обойти, ни оттеснить Силезскую армию на се-

вер и обеспечить себе свободу действий на юге против главных сил союзников. Крупные потери и утомление войск вынудили Наполеона принять решение сделать паузу, чтобы дать отдых солдатам и подтянуть резервы, он получил около 5000 человек подкрепления. Командование Силезской армии также не использовало всех возможностей для нанесения более крупного поражения французским войскам.

9 марта в Шамоне представители союзных держав заключили между собой новый договор, по которому обязались, во-первых, требовать от Наполеона возвращения Франции к границам 1792 года и полного освобождения Голландии, Италии, Испании и всех германских государств и не слагать оружия, пока они этого не добьются; во-вторых, Россия, Австрия и Пруссия обязались для достижения этой цели выставить каждая по 150 000 солдат, а Англия пообещала давать отныне союзникам ежегодную субсидию на эту войну в пять миллионов фунтов стерлингов.

Союзники просто не знали даже приблизительно, когда и как им удастся сломить отчаянное сопротивление Наполеона, по-прежнему не желавшего и слышать о границах империи, которые ему предлагали.

Арси-сюр-Об. 20—21 марта

Дисциплина не допускает исключений. Армия — это единое целое. И кто ей командует — для нее значит все.

Наполеон

В это время на соединение с Силезской армией от Рейна шел 13-тысячный русско-пруссский отряд под командованием русского генерала графа Сен-При. 12 марта его корпус вступил в Реймс. Решив не допустить соединения Сен-При с Блюхером, Наполеон бросился к Реймсу и 13 марта ворвался в город. Внезапный удар привел к полному разгрому неприятеля, жестокий бой закончился истреблением половины корпуса союзников и

гибелью Сен-При. Захватив Реймс и понеся потери всего в 700 человек убитыми и ранеными, Наполеон двинулся на юг для встречи со Шварценбергом.

Операции французского императора против Блюхера открывали австрийскому фельдмаршалу блестящую возможность сразу ударить по Парижу. Против Удино и Макдональда, располагавших только 30 000 человек, у него было 120 000 солдат. Однако Шварценберг после боя у Бар-сюр-Об не предпринимал никаких действий. Он начал наступление к Труа и далее к Сене лишь после того, как убедился, что Наполеона там нет. В наступление он двинул только корпуса Витгенштейна, Вреде и принца Вюртембергского. И хотя французские войска повсюду отступали, Шварценберг не торопился. С 3 по 16 марта он продвинулся едва на несколько десятков километров. Но когда в этот день было получено известие о поражении корпуса Сен-При у Реймса, главнокомандующий тут же отдал приказ об отходе к Труа, находившемуся в 80 километрах в тылу.

Александр I приказал Шварценбергу остановиться и настоял на сосредоточении войск в районе Труа, Арси, Лемона. Лишь после этого Шварценберг решился наконец атаковать французские войска.

Наполеон, предполагая, что Шварценберг будет продолжать отступление, решил, что необходимо ударить по операционной линии Главной армии и этим вынудить ее отойти еще дальше к границе. В результате в наступление перешли одновременно обе стороны, но у Шварценберга было 100 000 войска, а у императора не более 30 000 человек. Встреча произошла 20 марта у Арси-сюр-Об.

В первый день сражения во встречном бою 14 000 французов остановили 60 000 союзных войск, хотя казалось, что поражение Наполеона в данной ситуации неотвратимо. Когда в самый разгар боя его драгуны в панике ударились в бегство, император ворвался в толпу своих солдат: «Драгуны! Назад! Вы бежите, а я стою!» Выхватив шпагу он бросился в гущу врагов, увлекая за собой лишь свой штаб и эскадрон лейб-гвардейцев. За много лет это была первая кавалерийская атака, которую возглавил Наполеон. Конь под ним был убит, он вскочил на другого, 6000 казаков обратились в бегство. «Видно бы-

ло, — сообщал Бертье, — что в этот день император искал смерти». Затем Наполеон предпринял отчаянную попытку массированным ударом на узком фронте опрокинуть союзников, но его атака на их левый фланг была отбита.

В ночь с 20 на 21 марта кавалерия Себастиани нанесла внезапный удар по корпусу Вреде, отбросила его, но вскоре сама была остановлена русскими кирасирами.

Этот эпизод имел большие последствия. Шварценберг решил перейти к обороне, и утром 21 марта Наполеон, имея значительно меньше сил, планировал атаковать Главную армию у Арси и даже начал сражение. Но когда ему было доложено, что здесь находится вся армия союзников, а Мармон и Мортье не смогут к нему присоединиться, то он велел своим войскам отступить к Соммпью. За два дня сражения Наполеон потерял 3000 человек, союзники — до 9000, но достигнуть разгрома союзных войск императору не удалось, сил уже не было. Он перешел обратно через реку Об и взорвал за собой мосты.

Париж. 30 марта

Это превосходный шахматный ход. Вот, никогда бы я не поверил, что какой-нибудь генерал союзников способен это сделать.

Наполеон

Положение Наполеона становилось все тяжелее. Его удручало появление войск противника в Южной Франции, куда отошел из Испании маршал Султ. Правда, в Голландии продолжал держаться Мезон, в Северной Италии вице-король укрепился у Минчио и не давал возможности австрийцам и неаполитанцам вторгнуться во Францию с юго-востока. Наконец, Ожеро перешел в наступление на Швейцарию, чем заставил Шварценберга отделить от Главной армии почти 40 000 войск. Тем не менее ситуация складывалась отчаянная, ибо в случае соединения Главной и Силезской армий у союзников

было бы почти 200 000 человек, а у Наполеона едва 80 000 солдат.

Оставалось одно решение — прикрыть Париж частью войск, а с главными силами броситься на коммуникации союзников и этим принудить их к отступлению. Поэтому 22 марта Наполеон предпринял неожиданный маневр — направил свою 50-тысячную армию через Витри к Сен-Дизье в тыл Главной армии союзников, оставив Париж практически неприкрытым. Он полагал, что союзное командование, крайне опасавшееся действий противника на своих сообщениях, не решится двинуть войска к столице, а направит их вслед за его армией. Тем самым Наполеон отвлек бы неприятеля от Парижа, защищать который у него уже не было сил.

Но смысл этого рискованного маневра был разгадан, трюк не удался. 24 марта Главная и Силезская армии соединились западнее Витри и отрезали Наполеона от столицы. На совещании союзников в Сомпьюки было подтверждено решение идти прямо на Париж. К Сен-Дизье был направлен лишь сводный отряд под командованием Винценгероде и казаки — всего 20 000 человек. Главные силы — 170 000 солдат — начали марш к Парижу, рассчитывая овладеть им раньше, чем на помощь гарнизону подойдет армия Наполеона. Во время движения на французскую столицу 25 марта произошло случайное столкновение между двумя французскими корпусами Мармона и Мортье, которые двигались на соединение с императором, и Главной армией Шварценберга. Французы были разгромлены у Фер-Шампенуаза, их потери составили 11 000 человек и 75 орудий. Остатки корпусов отступили к Парижу.

29 марта, форсировав Марну у Трийпора и Мо, союзные войска достигли парижских пригородов Пантен и Роменвиль. Для прикрытия тыла от Наполеона были оставлены корпуса Сакена у Мо и Вреде у Куломье.

Главная квартира Александра I разместилась в Бондийском замке на опушке одноименного леса, который занял гренадерский корпус Раевского. Главная армия вышла к Роменвильским и Бельвильским высотам, Силезская — к Монмартрским высотам, охватив город с севера и востока.

На пути союзных войск лежало множество оврагов, парков и рощ, а также два больших канала — Уркский и отходящий от него канал Сен-Дени. С севера Париж окружали высоты и холмы. Наиболее трудными для преодоления были холмы Бельвиля и Монмартра. Серьезным препятствием мог стать Венсенский замок, а также массив толстостенных каменных домов перед дворцами Тюльери, Тильмон и Фонтене.

Наполеон никогда не допускал мысли, что какая-либо армия когда-нибудь окажется у стен Парижа. Поэтому город оказался почти неподготовленным к обороне. Лишь

Общий ход военных действий. 8–21 марта 1814 года.

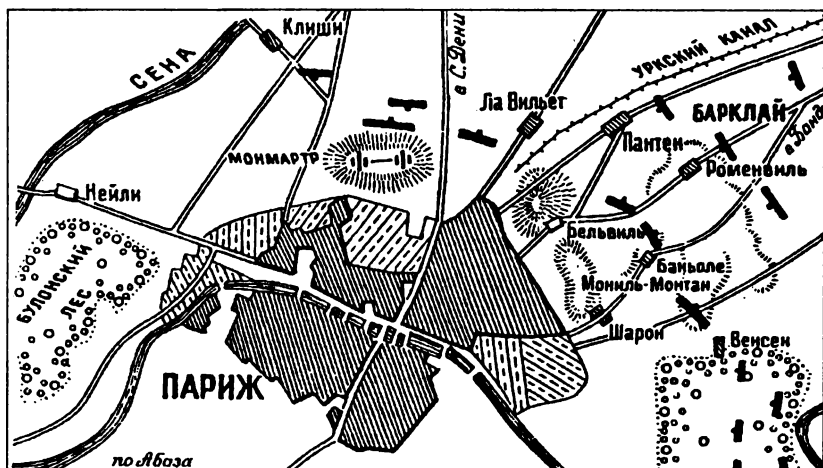
когда союзные армии уже появились в опасной близости, парижане стали наспех наметывать земляные брустверы на высотах и возводить укрепления. Пушки втаскивали на холмы уже тогда, когда до штурма оставались считанные часы.

Около 6000 слабо обученных солдат Национальной гвардии, небольшое количество рекрутов, несколько сот инвалидов, кадеты, батальоны отдельных полков, по разным причинам очутившиеся в столице, — всего около 45 000 человек при 150 орудиях — таков был гарнизон вместе с остатками корпусов Мармона и Мортье. Насторожение в Париже было паническое, в войсках тоже наблюдался упадок.

Оборону города возглавил старший брат Наполеона — Жозеф, бывший король Испании. С востока Париж

должны были защищать Мармон и Компан — 12 400 человек; с севера, на Монмартрских высотах стали корпус Мортье и дивизия Мишеля — 12 000 человек. Остальные войска под начальством маршала Монсея должны были оборонять городскую ограду. Между тем в штурме собиралось участвовать около 100 000 союзных войск.

Наступление союзников началось 30 марта в 5 часов утра. Перед самым городом их войска перестроились в три колонны для одновременного удара с различных направлений. Барклай-де-Толли командовал средней из них, справа шла колонна Блюхера, слева — колонна

Сражение под Парижем. 30 марта 1814 года.

принца Евгения Вюртембергского. Но согласованного удара у них не получилось, фланговые корпуса подошли к рубежу атаки с большим запозданием. В результате вся тяжесть боя в течение первой половины дня легла на русские войска под командованием Раевского, атаковавшего французов в районе Роменвиля. Первые стремительные нападения центральной колонны были отбиты. Тогда Барклай-де-Толли послал на помощь Раевскому гренадерский корпус и гвардейские полки пруссаков и баденцев. Благодаря этому своевременному маневру, все пространство между Пантенем, Бельвилем и Роменвилем оказалось в руках союзников.

В 11 часов справа от Раевского показалась колонна Блюхера, вслед за ними на Венсен двинулись войска Евгения Вюртембергского. Барклай приказал начать общую атаку на город и бросил в бой 2-ю гвардейскую пехотную дивизию Ермолова. После тяжелых боев французы были оттеснены, союзники овладели рядом населенных пунктов восточнее и севернее Парижа, к 14 часам заняли господствующие высоты и на отдельных направлениях достигли городской стены.

Александр I с самого начала не желал кровопролития под Парижем и разыгрывал великодушного победителя. «Париж, лишенный своих защитников и своего великого вождя, не в силах сопротивляться; я глубоко убежден в этом», — сказал царь Орлову, уполномочив его прекращать бой всякий раз, когда появится надежда на мирную капитуляцию столицы. Первая попытка завязать переговоры успехом не увенчалась, и французское командование согласилось на переговоры только после восьмичасового сражения, когда союзные войска уже заняли Бельвиль и предместья.

В 16 часов, когда союзники были готовы продолжить штурм и ворваться в город, в главную квартиру приехал французский парламентар и сообщил, что маршал Мармон согласился прекратить огонь и немедленно создать комиссию для ведения переговоров. Боевые действия было решено завершить в 17 часов, но русские войска генерала Ланжерона на крайнем правом фланге, еще не получившие распоряжение на этот счет, продолжали выполнять задачу и штурмом овладели Монмартром. Видя безвыходность создавшегося положения, французское командование приняло решение далее не сопротивляться.

Союзники потребовали капитуляции Парижа вместе со всеми находившимися в нем войсками. Мортье и Мармон, уполномоченные Жеромом Бонапартом вести переговоры, настаивали на свободном выводе французских войск из города. Союзники согласились выпустить французскую армию, но сохраняли за собой право преследовать ее. После этого Мармон и Орлов составили условия капитуляции Парижа. В соответствии с ними французские войска оставляли город 31 марта в 7 часов

утра. А союзники должны были войти в Париж не ранее 9 часов утра. Все арсеналы и военные склады переходили в полной сохранности в руки союзников. Национальные гвардейцы и жандармерия обезоруживались. Последняя статья договора о капитуляции гласила: «Город Париж передается на великодушные союзных государей».

В 10 часов утра из Бондийского замка в Париж выехал Александр I. У ворот города стояли в парадном строю полки русской гвардии, три дивизии кирасир, гренадерский корпус, прусская гвардия, австрийские гренадеры, корпус баварцев, корпус вюртембергцев и баденская гвардия. Ворота города были еще заперты, но, как только царь и его свита подъехали, они растворились, грянула музыка и войска торжественным маршем хлынули в город.

Впереди Александра I в Париж вошли несколько кавалерийских эскадронов и гвардейские казаки. За ними ехал царь со свитой, прусским королем и Шварценбергом. Царь остановился на Елисейских полях и четыре часа принимал парад союзных войск.

При штурме Парижа союзники потеряли 8400 человек (из них 6000 русских), французы — 4000 человек убитыми. Маршал Мармон сдался в плен с остатками своего корпуса.

Наполеон понял свою ошибку только после того, как 27 марта разбил под Сен-Дизье корпус прикрытия союзников, который принимал за авангард главных сил. В его реакции на известие о движении противника на Париж сказался, прежде всего, специалист-стратег. «Это превосходный шахматный ход», — воскликнул император и тотчас же бросился форсированным маршем к столице.

30 марта Наполеон прибыл в Фонтенбло. За ним в двух переходах шла армия. Здесь он узнал о произошедшем сражении и капитуляции Парижа. Только теперь Наполеон сделал попытку возобновить переговоры и принять условия, предложенные на конгрессе в Шатильоне. Но было уже поздно. Союзники опубликовали декларацию об отказе от переговоров с Наполеоном и о готовности заключить мир с правительством, которое изберет французская нация.

Наполеон в эти дни был полон энергии и решимости. Еще 4 апреля он произвел смотр войскам и, обратясь к ним, сказал: «Солдаты, неприятель, опередив нас на три перехода, овладел Парижем. Нужно его оттуда выгнать. ...Поклянемся победить или умереть, отплатить за оскорбление, нанесенное отечеству и нашему оружию!» — «Мы клянемся!» — кричали ему в ответ. Войска стягивались к ставке императора, и он рассчитывал к 5 апреля иметь в своем распоряжении 70 000 солдат и с ними ринуться на Париж. Но когда Коленкур доложил о том, что Париж устал и не поддержит Наполеона, боясь, что союзники сожгут столицу в отместку за пожар Москвы, что трудно будет заставить французских солдат сражаться на развалинах города, а маршалы промолчали в ответ на призыв Наполеона, то он решил отречься от престола в пользу своего сына.

Утром 6 апреля Наполеон созвал маршалов и объявил им о своем отречении. Маршалы горячо одобрили этот акт. Император взял перо и вдруг раньше, чем поставить подпись, спросил: «А может быть, мы пойдем на них? Мы их разобьем!» Но маршалы молчали, ни один из них не поддержал этих слов. Наполеон отрекся от престола.

Договор, подписанный союзниками, предоставлял Наполеону остров Эльба в пожизненное суверенное владение. Герцогства Парма, Пьяченца и Гуасталла были предоставлены его жене, Марии-Луизе, с переходом в наследственное владение ее сыну. На французский престол вступал Людовик XVIII, брат казненного во время Французской революции короля. Все было кончено, наполеоновская империя рухнула. 11 июня был подписан Парижский договор, согласно которому Франция возвращалась к границам 1792 года...

11 апреля, через пять дней после отречения, когда уже во дворце в Фонтенбло начались сборы к выезду его на остров Эльба, Наполеон принял яд, тот самый, изготовленный для него доктором Юваном после Малоярославца. Начались страшные мучения, которые продолжались несколько часов, так как Наполеон отказался принять противоядие. Но яд не вызвал смерть, и Наполеон с тех пор не повторял уже попытки самоубийства и никогда не вспоминал о ней.

20 апреля все сборы были закончены. По условиям союзников экс-император мог взять с собой на Эльбу один батальон императорской гвардии. Перед отъездом Наполеон пожелал проститься со своими солдатами. Гвардейцы выстроились в парадном дворе дворца. Когда император вышел, солдаты взяли на караул, знаменосец преклонил знамя Старой гвардии к ногам Наполеона. «Солдаты, вы мои старые товарищи по оружию, с которыми я всегда шел по дороге чести, нам теперь нужно расстаться. Я мог бы дальше остаться среди вас, но нужно было бы продолжать жестокую борьбу, прибавить, может быть, к войне против иноземцев еще войну междоусобную, и я не мог решиться разрывать дальше грудь Франции...» Он не закончил свою речь, его голос пресекся. Наполеон обнял и поцеловал знаменосца и знамя и, простившись, сел в карету, которая умчалась, сопровождаемая криками «Да здравствует император!» «Грандиознейшая героическая эпопея всемирной истории закончилась — он простился со своей гвардией», — писали об этом дне английские газеты.

На самом деле 20-летняя эпопея вовсе не закончилась в апреле 1814 года в Фонтенбло. Наполеону суждено было еще раз изумить свет, который, казалось, именно он отучил уже чему бы то ни было удивляться...

«Сто дней». 1815 год

Прямо с Эльбы в Лион! Города забирая,
Подошел он, гуляя, к парижским стенам,
Перед дамами вежливо шляпу снимая
И давая по шапке врагам!

Дж. Байрон.

На бегство Наполеона с острова Эльба

Я не могу умереть на этом острове и
кончить свое поприще в покое, который
был бы недостойн меня... Все заставляет
меня надеяться, что, увидя меня, армия
поспешит ко мне.

Наполеон. На Эльбе

Итак, Наполеон воцарился на Эльбе, а в Париж вернулись Бурбоны. В это же время активно шел передел Европы. 30 мая 1814 года был подписан Парижский мирный договор, которым Франция возвращалась к границам 1792 года, союзные войска при этом были выведены из страны.

В сентябре начал работать конгресс в Вене. Основной его целью было создание гарантий существованию монархических режимов в Европе и предотвращение проявлений революционного движения на континенте. Не менее важным стал раздел добычи между державами-победительницами. По последнему вопросу шел ожесточенный торг. «Народы покупались и продавались, разделялись и соединялись, исходя из того, что больше отвечало интересам и намерениям их правителей», — писал Маркс.

Оставаясь на Эльбе, Наполеон зорко следил за обстановкой в Европе, внешне делая совершенно равнодушный вид и играя в «солдатики» со своим малочисленным войском. Он видел, что возможность его возвращения на французский престол не исключена. За несколько меся-

цев своего правления Бурбоны умудрились стать невыносимыми для всех слоев населения. Они вели себя так, словно никакой революции и никакого Наполеона никогда не существовало, словно не было этих двадцати лет войн, империи и гигантских преобразований в общественной жизни страны. Людовик XVIII и его приближенные стремились к восстановлению дореволюционных порядков. Возвратившиеся из эмиграции феодалы заговорили о возвращении им земель, перешедших в крестьянское владение. Естественно, в деревне это никому не могло понравиться. Настроение крестьян передавалось солдатам, враждебно настроенным к роялистским офицерам, в которых они привыкли видеть своих врагов. В связи с сокращением армии множество военных оказались не удел, жалованье оставшихся было уменьшено вдвое. Боевые генералы и офицеры были уволены в отставку, а их места заняли дворяне-эмигранты. Невежественные бездарности из окружения короля и его брата графа д'Артуа заняли высшие командные должности в армии. Буржуазию не устраивала экономическая политика Бурбонов: иностранные товары, заполнившие французские рынки, подрывали промышленность.

Не прошло и полгода со дня воцарения Людовика XVIII, как в стране возникла широкая оппозиция и даже заговоры против реставрирования королевской власти.

Внешнеполитическая обстановка также благоприятствовала Наполеону. На Венском конгрессе уже началась грызня между союзниками, когда от общих политических деклараций дело дошло до дележа отторгнутых от Франции земель. Наполеон видел, что Англия и Австрия решительно выступают против России и Пруссии и по вопросу Саксонии, и по вопросу Польши. Прежнего единства действий европейских держав ожидать было нельзя.

И экс-император решился на смелый шаг. «Он был человеком действия, ему было сорок пять лет, в нем жил темперамент никогда не сдающего раньше времени игрока».

Венский конгресс продолжал еще свою работу, когда пришло известие о том, что Наполеон во главе небольшого отряда в 1400 человек высадился на южном побере-

жье Франции у Канн и двинулся к Греноблю. Высланные навстречу правительственные войска присоединились к нему. Из Гренобля Наполеон двинулся на Лион, разослав многочисленные воззвания к народу и армии. Он запретил своим солдатам стрелять, его возвращение должно было быть совершенно бескровным либо гибельным для него одного. Собственная смерть в данной обстановке была для него предпочтительнее гражданской войны. У Лиона его ждали королевские войска под командованием Макдональда, но они без колебаний перешли на сторону Наполеона, а сам Макдональд бежал. Точно также перешел на сторону возвратившегося императора высланный против него маршал Ней с четырьмя полками. Из Лиона Наполеон, имея уже 15 000 солдат, двинулся к Парижу. По пути следования народ встречал его как избавителя; королевство Бурбонов было сметено, словно бурей.

19 марта королевская семья бежала в Бельгию, а на следующий день утром Наполеон вступил в Париж. Начались знаменитые «сто дней». Под лозунгом мира и введения конституции император Наполеон I вновь воцарился во Франции.

Именно с предложением мира он обратился к России, Англии, Австрии и Пруссии. Однако члены Венского конгресса отнеслись к возвращению «корсиканского чудовища» резко отрицательно. Все споры о разделе наполеоновского наследства были немедленно прекращены и в течение одного часа был решен вопрос о войне.

13 марта главы европейских правительств приняли декларацию, объявившую Наполеона вне закона. В ней говорилось: «Наполеон Бонапарт исключил себя из всех гражданских и общественных отношений и как враг и нарушитель мирового спокойствия осудил себя на публичное наказание». Это решение было совершенно незаконно и продиктовано страхом новых потрясений. Ведь что, собственно, произошло? Наполеон как суверенный властитель Эльбы выиграл войну с суверенным королем Франции; французская нация признала его своим главой, и сам он, не переставая, предлагал мир. Таким образом, его низложение было актом грубого насилия и вопиющим нарушением норм международного права. А вой-

на, на которую тотчас же решились державы, чтобы раздавить Наполеона колоссальным превосходством сил, была обыкновенной реакционной войной, ведшейся в интересах династий, и не имела решительно ничего общего с интересами наций. Монархи боялись Наполеона, а главное, тех идей, которые несла на своих штыках его армия. «Державы не со мной ведут войну, а с революцией. Они всегда видели во мне ее представителя, человека революции», — считал Наполеон.

Для Франции принятие декларации означало войну со всей Европой. 25 марта юридически была оформлена седьмая коалиция. Ее армии, в сущности, были готовы к выступлению. После свержения Наполеона в 1814 году союзные войска продолжали еще находиться в боевой готовности. Призрак «узурпатора», оставшегося свободным на острове Эльба, еще пугал европейских монархов (кстати, идея сослать его на остров Святой Елены родилась еще тогда), а споры на Венском конгрессе, угрожавшие перерасти в вооруженное столкновение между «союзниками», вынуждали их держать армии на военном положении.

План войны с Наполеоном разрабатывался рядом европейских генералов, присутствовавших в Вене. Наиболее активными участниками работы над планом стали русские генералы Толь и Волконский, а также Гнейзенау, Кнезебек, Шварценберг и Веллингтон. План предусматривал вторжение в пределы Франции союзных армий, развернутых на обширном пространстве от Северного до Средиземного морей с целью окружения Наполеона и Парижа железным кольцом. Англичане должны были двинуться через Перонн, пруссаки через Лаон, русские со стороны Нанси, австрийцы через Лангр, а итальянцы через Лион.

При этом союзники планировали выставить сразу около 700 000 солдат в первом эшелоне, а к концу лета еще 300 000 человек, рассчитывая двинуть против Франции более чем миллионную армию. Англия обязывалась, кроме того, выделить субсидий на сумму 5 миллионов фунтов стерлингов. Начало операций намечалось на 1 июля, когда русские войска подойдут к Рейну. Для того чтобы лишить Наполеона возможности успешных дейст-

вий на внутренних операционных направлениях, отдельные армии союзников должны были находиться на расстоянии нескольких переходов друг от друга, чтобы переброска сил Наполеона с одного фронта на другой не могла бы оказаться неожиданной.

В Бельгии формировались две армии: англо-голландская: численностью в 95 000 человек под командованием английского фельдмаршала Веллингтона, и Нижне-Рейнская, под командованием прусского фельдмаршала Блюхера. Армия Блюхера, укомплектованная пруссаками и контингентами различных северогерманских владений, к началу войны насчитывала 124 000 человек, не считая еще 26 000 люксембургцев генерала Фридриха Клейста. Русская армия Барклая-де-Толли, силою в 167 000 человек, получив название Средне-Рейнской, выдвигалась из Центральной Германии к Майнцу и Мангейму.

К югу от Мангейма до Шафгаузена располагалась Верхне-Рейнская армия, укомплектованная австрийскими войсками и контингентами южногерманских владений. Эта армия численностью 210 000 солдат находилась под командованием австрийского фельдмаршала Шварценберга. Кроме того, созданы были еще две вспомогательные армии: 40-тысячная австрийская армия генерала Бианки в Северной Италии и 75-тысячная австро-сардинская армия генерала Иоганна фон Фримона в Савойе.

В начале мая армии коалиции находились в движении к границам Франции. Главная квартира коалиции располагалась в Гейдельберге.

Наполеон видел, что новая война неизбежна. Необходимо было создать новую многочисленную армию, что встречало огромные затруднения. Франция была истощена многочисленными войнами, а ее людские ресурсы исчерпаны. Сорок миллионов золотом, оказавшиеся в ее казне, были употреблены на формирование армии. Началось производство нового оружия и ремонт старого. Спешно заготавливалось обмундирование и снаряжение. Возводились новые укрепления. К мобилизации людских резервов Наполеон подошел весьма осторожно. Призваны были старые солдаты, которым обещано было увольнение, «как только настоящий мир упрочит-

ся», а также рекруты 1815 года. Всего огромным массам войск союзников император мог противопоставить к 10 июня лишь около 200 000 человек, из которых, за вычетом сил, необходимых для прикрытия всех границ, он мог вывести на поле битвы 130 000 солдат и 344 орудия. Правда, в отличие от 1813 года и особенно 1814 года, это были отборные войска, возможно самые отборные из всех, которыми когда-либо командовал Наполеон. Они были сведены в гвардию, пять армейских корпусов и кавалерийский резерв.

После некоторых колебаний Наполеон решил не выжидать вторжения союзников в пределы Франции. Благодаря разведке, он имел довольно точное представление о силах и группировке войск коалиции. Наполеону было известно, что бельгийская группировка противника слабее рейнской, и к тому же готовность ее ожидается не ранее середины июня. Император не считал возможным оставаться под Парижем в ожидании противника, который мог подойти к французской столице к концу июля при огромном численном превосходстве. Кроме того, он понимал, что борьба на территории истощенной Франции при малейшей неудаче может вызвать взрыв негодования со стороны народных масс, уставших от многолетних непрерывных войн и без энтузиазма относившихся к военным приготовлениям императора. А ждать, что предпримет противник, было не в его характере.

Наполеону нужно было начать войну решающей победой хотя бы на одном из участков обширного фронта. Он решил сосредоточить свою армию против ближайшей англо-прусской группировки в Бельгии и разбить ее, прежде чем она успеет получить поддержку. После разгрома Блюхера и Веллингтона Наполеон намеревался обратиться против рейнской группировки русских, оставив в Бельгии наблюдательный корпус. Император предполагал, что первые его победы смогут поколебать коалицию и зажечь военный энтузиазм во французской нации.

Пока Наполеон обдумывал план своих действий, 4-й корпус Жерара в 16 000 человек был выдвинут к Мецу под названием Мозельской группы, для того чтобы ввести в заблуждение командование союзников, 5-й корпус Раппа численностью в 19 000 человек, под названием Рейнской

армии, был выдвинут к Страсбургу. Послан был также корпус на подавление восстания роялистов в Вандею. Остальные войска готовились к вторжению в Бельгию.

Линьи. 16 июня

...на войне ничего еще не сделано, пока остается еще что-нибудь сделать. Во всяком случае победа является неполной там, где возможно достигнуть большего.

Наполеон

В начале июня армия герцога Веллингтона в составе 95 000 человек и 196 орудий была расположена в обширном районе между рекой Шельда и дорогой Брюссель—Шарлеруа. Франко-бельгийская граница, а также ряд крепостей в Бельгии были укреплены, на что Англия отпустила союзникам 50 миллионов франков. Укрепления возводились главным образом по обоим берегам реки Самбры, где ожидалось наступление французов, но ничего не было сделано для укрепления Шарлеруа, в направлении которого двинулась армия Наполеона.

Войска Блюхера — 124 000 человек и 304 орудия — в это время были разбросаны в районе по обоим берегам рек Маас и Самбра от Шарлеруа до Люттиха. Условия снабжения армий заставили Веллингтона и Блюхера распылить свои войска на широком пространстве, но по соглашению между командующими, в случае активных действий со стороны французов, каждый из них должен был продержаться вплоть до получения помощи от другого. Если Наполеон перейдет в наступление, армия Веллингтона должна была сосредоточиться у Катр-Бра, а армия Блюхера на позиции у Сомбрефа.

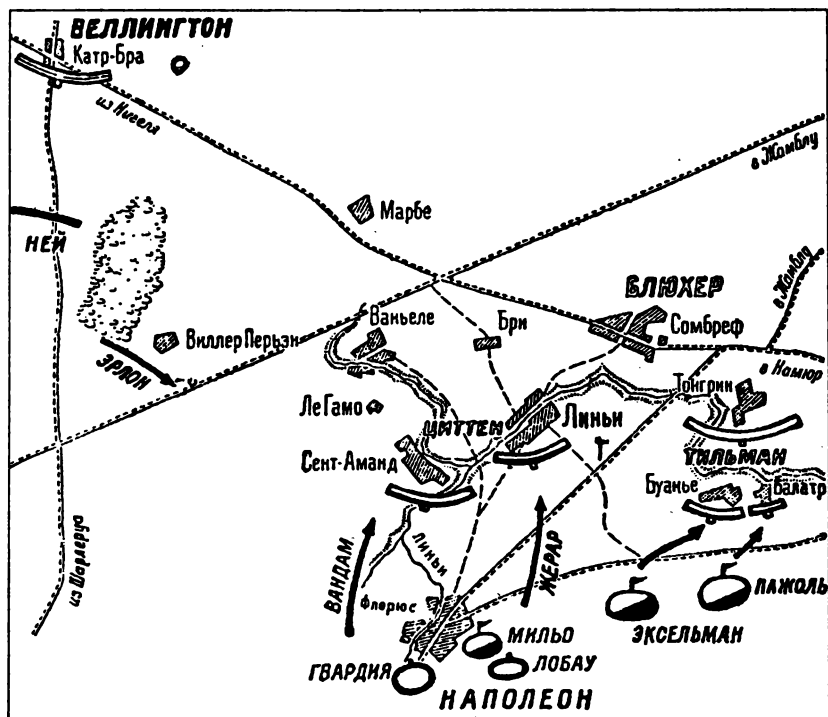
Наполеон решил разъединить англо-голландскую и прусскую армии и разбить каждую из них в отдельности. Для разобщения Веллингтона и Блюхера необходимо было нанести удар в направлении Шарлеруа, где предполагался стык двух армий, и овладеть дорогой Нивель—Намюр, их связующей. План был отчаянно смел и чисто

наполеоновский по духу. Вот только надежных исполнителей у императора осталось маловато. По непонятной причине одного из способнейших своих подчиненных маршала Луи-Никола Даву Наполеон оставил в Париже в качестве военного министра. Маршал Никола Сульт был смещен с поста главнокомандующего и назначен на должность начальника штаба, которой он совершенно не соответствовал. С императором оставался храбрый до безрассудства маршал Мишель Ней и нерешительный генерал Эммануэль Альфонс де Груши. Именно им он доверил командовать флангами.

11 июня Наполеон покинул Париж и выехал в войска. Когда император прибыл к армии, он был встречен с необычайным энтузиазмом. Английские лазутчики не могли прийти в себя от удивления и доносили Веллингтону, что обожание Наполеона в армии дошло до умопомешательства. Другой тенденцией было подозрительное отношение солдат к командному составу. Солдаты помнили, как в 1814 году маршалы изменили императору. Уже в самом начале кампании ряд генералов и офицеров французской армии перебежали к противнику, вследствие чего это недоверие усилилось еще больше. Впрочем, даже верные Наполеону его старые соратники не испытывали подъема, не веря в успех предстоящей кампании.

К вечеру 14 июня 120-тысячная французская армия, ранее разбросанная между Мецем и Лиллем, была сосредоточена на фронте Филипивиль—Мерб почти незаметно для противника. Сам Наполеон с главной квартирой находился в этот день в Бомоне. 15 июня он перешел в наступление тремя колоннами в направлении на Шарлеруа, и к полудню мост через реку Самбра был уже в руках французов. Передовые части 1-го прусского корпуса генерала Циттена были отброшены. Средняя колонна Вандама — около 60 000 человек — выступила с опозданием, поэтому первый удар французов был недостаточно мощным. Корпус Циттена к вечеру сосредоточился в районе Линьи. Левая колонна французов — два корпуса и конница под общим командованием Нея, всего 44 000 человек, — достигла в этот день Франа, отбросив передовые части Веллингтона. Войска правой колонны Жерара — 16 000 человек — были еще на левом берегу реки Самбра.

Блюхер быстро осознал нависшую опасность и начал сосредоточение своей армии к Сомбрефу. Веллингтон же, плохо осведомленный, только в полночь отдал приказание своим войскам двигаться в Катр-Бра. Таким образом, французам удалось вбить клин, оставалось оседлать дорогу и полностью изолировать союзников друг от друга.

Сражение при Линьи.

Однако действия Наполеона на следующий день не носили свойственного ему решительного характера. Необходимость помешать соединению Блюхера и Веллингтона требовала быстроты действий по внутренним операционным линиям, что крайне затруднялось недостатком времени. А Наполеон колебался. Вспоминая впоследствии кампанию 1815 года, он говорил: «Тогда во мне уже не было предчувствия конечного успеха, не было

прежней уверенности, и я сознавал, что во мне чего-то не хватало».

Потеряв много времени в колебаниях и размышлениях, Наполеон только в 8 часов 16 июня разослал приказания о дальнейшем наступлении. Подтянув свои войска, он разделил их на две колонны. Первой колонне — двум пехотным корпусам и трем кавалерийским под общим командованием Груши, предписывалось атаковать пруссаков у Сомберфа и Жамблу. Император рассчитывал, что противник не успеет сосредоточить здесь более 40 000 человек. Левой колонне — маршала Нея — приказано было атаковать противника у Катр-Бра и отбросить его на Брюссельскую дорогу. «Прусская армия погибла, если вы будете действовать решительно, — сказал Наполеон Нею, — участь Франции в ваших руках». Корпус Лобау и гвардия оставались у Наполеона в резерве.

Предпринятый императором маневр привел в этот день к двум сражениям: главные силы Наполеона атаковали немцев под Линьи, а группа Нея столкнулась с англо-голландской армией у Катр-Бра.

Как уже говорилось, французы начали свое движение с запозданием, тогда как их противники стягивали войска. Поэтому для Наполеона, прибывшего в 11 часов 30 минут в Флерюс, сосредоточение пруссаков у Линьи явилось неожиданным. Армия Блюхера из трех корпусов, за исключением запоздавшего Бюлова, уже занимала позиции на пересеченной местности Сент-Аманд, Линьи, Буанье, имея в строю 84 000 человек и 216 орудий, против 68 000 и 210 орудий Наполеона. Правый фланг Блюхера был открыт в надежде на поддержку Веллингтона. Оборону здесь держал корпус генерала Циттена. В центре Линьи прикрывал корпус Пирха. На левом фланге стоял корпус Тильмана. Его сильная позиция была прикрыта болотистым ручьем, образовавшим столь труднопроходимое препятствие перед фронтом, что оборонявшийся не мог быть атакован, но и сам не мог атаковать. Тильман оказался зрителем, для участия в сражении он не подходил, правда, с его крыла можно было перебрасывать резервы. Вся прусская позиция имела узкий фронт, что привело к большой глубине и чрезмерно густому

строю, в котором стояли войска, подвергая себя излишним потерям во время боя.

В 14 часов 30 минут Наполеон начал атаку. Против левого фланга противника в демонстрационных целях были направлены два кавалерийских корпуса. В центре атаковал корпус Жерара, поддержанный одной кавалерийской дивизией. На правое крыло Блюхера двинулся корпус Вандама, усиленный одной пехотной и одной кавалерийской дивизиями. Остальные войска французов оставались в резерве у Флерюса. Нею было послано приказание немедленно двигаться для охвата правого фланга Блюхера, а корпус Лобау, который до этих пор находился в Шарлеруа, должен был идти на соединение с главными силами.

Наполеон полагал, что Нея уже захватил Катр-Бра и вот-вот обрушится на правый фланг пруссаков и выйдет им в тыл. Однако «храбрейший из храбрых» не справился с поставленной задачей и сам в этот момент нуждался в подкреплении.

После некоторого сопротивления пруссаки очистили Сент-Аманд и прилегающие к нему с севера два поселка, однако упорный бой продолжался. Противники на всем фронте подкрепляли войска резервами.

Около 17 часов 30 минут за левым флангом Наполеона показался 20-тысячный корпус генерала д'Эрлона из группы Нея. Встретив на пути следования к Франу адъютанта Наполеона и узнав от него обстановку у Линьи, д'Эрлон решил оказать помощь главным силам. Однако вместо удара в правый фланг пруссаков, он двигался к Флерюсу, очевидно желая пристроиться к левому флангу Наполеона. В этом движении д'Эрлон был перехвачен депешей Нея, требовавшего следовать в Катр-Бра, и, не имея никаких указаний от императора, начал движение в указанном направлении.

Между тем ожесточение боя нарастало. На своем правом фланге немцам удалось вновь овладеть поселками, примыкавшими к Сент-Аманду. Получив от Веллингтона сообщение о бое у Катр-Бра, Блюхер воспрял духом, решив, что против него действуют незначительные силы. После 19 часов Наполеон, так и не дождавшись прихода Нея, решил перенести направление главного удара в

центр прусской позиции и направил к Линьи часть своего резерва. Блюхер же как раз в этот момент ослабил центр, послав отсюда помощь своему правому флангу. Подготовив атаку огнем 60 орудий, император нанес решительный удар по Линьи и обратил немцев в беспорядок.

П. Лалоз. Атака 7-го гусарского полка.

дочное бегство. Прискакавший Блюхер не имел возможности подкрепить центр, ввиду отсутствия резервов. Поэтому исправить положение он уже не мог. Сбитый с лошади беглецами, престарелый фельдмаршал расшибся и остался лежать на земле. Вступивший в командование начальник штаба Гнейзенау, увидев, что фронт оказался прорванным, отдал приказ об отступлении к Вавру. Это движение Гнейзенау на соединение с Веллингтоном, в сущности, решило исход кампании.

Уставшие французы не преследовали противника в наступившей темноте. Беспорядочное бегство прусской армии ввело Наполеона в заблуждение: он решил, что Блюхер отступает на восток и, тем самым, его армия была из игры.

На самом деле поражение Блюхера у Линьи, благодаря отсутствию преследования со стороны французов, не привело к катастрофе. Наполеону не удалось также использовать возможность нанести противнику решающий удар охватом его правого фланга. Слабая координация действий между двумя французскими группировками привела к тому, что 20 000 солдат д'Эрлона провели полдня в бессмысленных маршах между двумя французскими армиями, так и не оказав помощи ни одной из них. Слабая разведка, не давшая своевременно сведений о сосредоточении немцев у Линьи, лишила Наполеона, столкнувшегося с противником неожиданно, возможности предпринять широкий маневр, который принес бы более ощутимые результаты.

Император ограничился фронтальной атакой. Недостаток сведений о противнике привел к тому, что она началась слишком поздно, когда три корпуса Блюхера уже были сосредоточены у Линьи. Более ранняя атака могла бы закончиться разгромом подходящих к полю сражения корпусов по частям. Даже сосредоточенная армия противника могла бы потерпеть решающее поражение, если бы Наполеон начал атаку раньше и имел бы больше времени для развития успеха до наступления темноты. Вопреки собственным правилам император в этот день распылил свои силы и не сумел создать численное превосходство на направлении главного удара.

Ней, втянувшийся в безуспешный бой у Катр-Бра, не смог поддержать Наполеона у Линьи. Более того, он сам был отброшен Веллингтоном, потеряв 4400 человек. Между тем пруссаки, потеряв 17 000 человек убитыми и ранеными и 35 орудий, помимо 8000 разбежавшихся человек, усилились подошедшим корпусом Бюлова и отступали на соединение с армией Веллингтона. Тогда как Наполеон предполагал, что Блюхер отходит на Люттих.

Таким образом, кампания для императора началась вроде бы и удачно, но основная цель достигнута не была. В стратегическом отношении день 16 июня не дал Наполеону никаких выгод. Несогласованность действий с Нем помешала окончательному разгрому Блюхера, а развитию успеха французов на фронте прусской армии в последующие дни мешала сосредоточившаяся армия Веллингтона.

Ватерлоо. 18 июня

Исход битвы висит на волоске и большей частью является результатом внезапной мысли. Мы сближаемся с противником согласно заранее продуманным планам, схватываемся в рукопашную, деремся какое-то время, исход близится, вдруг одна единственная мысль пронзает мозг, и небольшой резервный отряд решает дело.

Наполеон

Отступление немцев, открывших фланг англо-голландской армии, заставило Веллингтона отойти к северу. Он сообщил Блюхеру, что готов принять сражение у Мон-Сен-Жана при условии, если будет поддержан двумя прусскими корпусами. Это совпадало с планом Гнейзенау, который вел прусскую армию на соединение с англо-голландской.

Весь день 17 июня армия Веллингтона находилась в движении на Ватерлоо, а армия Блюхера — на Вавр. Как уже говорилось, Наполеон немедленное преследование пруссаков не организовал. Он не проявил прежней энер-

гии и решительности, полагаясь больше на своих подчиненных, но те мало верили в успех и не блистали инициативой, исполняя только прямые распоряжения. Штаб, возглавляемый неопытным в штабной работе Сультом, не в состоянии был справиться с делом управления войсками. Связи он не дублировал, как это делал Бертье. Так, Вандам не получил своевременно приказа о выступлении из Шарлеруа только потому, что посланный к нему с пакетом офицер упал с лошади и расшибся. Сведения о противнике были более чем скудны.

На основе опыта своих легких побед над немцами в прошлом Наполеон полагал, что у Линьи разгромлена вся армия Блюхера (то есть все четыре корпуса), которая в своем отступлении рассеялась и откатывается на восток, поэтому император и не торопился с выступлением. Ней, заняв Катр-Бра, также оставался на месте.

Только в 12 часов Наполеон решил двинуть свои главные силы против Веллингтона, выделив группу Груши в 33 000 человек для преследования Блюхера с задачей «довершить поражение противника». Одновременно с этим Груши было предложено держаться ближе к Брюссельской дороге, чтобы в нужный момент поддержать Наполеона. Ни Груши, ни императору не было известно направление, по которому отступила прусская армия. Груши медленно двигался под проливным дождем на Жамблу, а Наполеон с главными силами, соединившись с Неем, пошел на север вдоль Брюссельской дороги.

К исходу дня 17 июня император прибыл на плато Бель-Альянс и увидел английскую армию. Веллингтон занял позицию на холме Мон-Сен-Жан недалеко от бельгийской деревни Ватерлоо, собрав свои главные силы на правом фланге. Герцог выстроил свои войска в каре, укрыв их от французского артиллерийского огня за склонами холмов. Аванпосты англо-голландской армии были выставлены на линии: замок Угумон — ферма Ла-Хе-Сэнт.

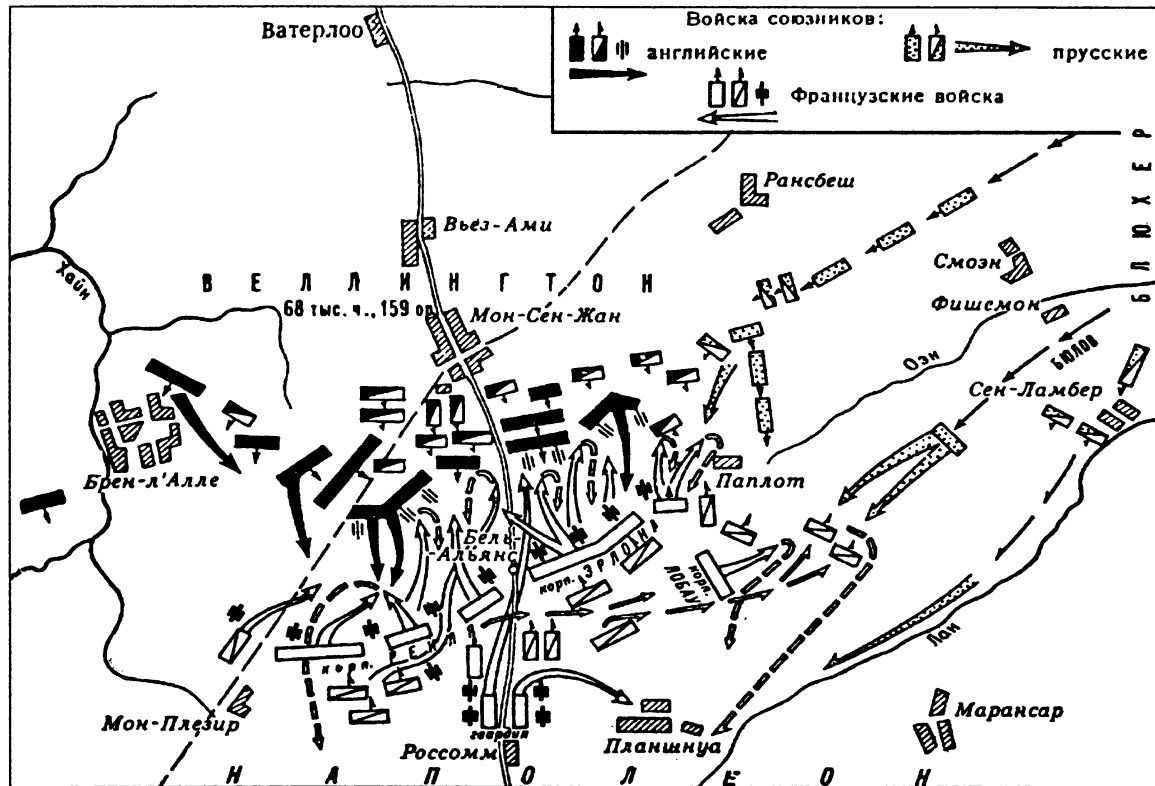
К началу сражения 18 июня у Наполеона было приблизительно 72 000 человек и 243 орудия, у Веллингтона — 68 000 солдат при 156 орудиях. Оба полководца ждали подкреплений, император — Груши с его корпусом, Веллингтон надеялся на Блюхера, имевшего после Ли-

нии около 80 000 человек, из которых к месту сражения могли успеть около 40 000 солдат.

К 8 часам утра армия Веллингтона построилась в боевой порядок, расположившись в две линии дивизий с конницей в третьей линии. Однако Наполеон и на этот раз не проявил свойственной ему стремительности. Желая дать своим войскам возможность обсушиться и почистить оружие после ночи, проведенной под проливным дождем, император медлил с началом атаки. Утром он объехал свои войска и был в восторге от оказанного ему приема — исключительного порыва энтузиазма, не виданного со времен Аустерлица. Это придало ему уверенности, но отсрочка стала для императора роковой. Груши, блуждавший в поисках прусской армии, только в 10 часов утра было приказано двигаться к Вавру. Блюхер же, оторвавшись от Груши, шел на соединение с Веллингтоном, стоявшим от него в 9 милях. Для того чтобы задержать Груши, он оставил в заслоне корпус Тильмана. Приказание императора было получено Груши только вечером, а в течение всего решающего дня он был увлечен боем под Вавром с незначительными силами пруссаков.

Наконец, к 11 часам французская армия развернулась для боя: четыре дивизии д'Эрлона встали по правую сторону Брюссельской дороги, три дивизии Рейля — по левую. Позади них в качестве резерва разместились корпус Лобау, гвардия и резервная кавалерия. Ставка императора находилась у фермы Дюх-Кайю.

В 11 часов 30 минут Наполеону показалось, что земля достаточно подсохла и можно начать сражение, и вот «последние солдаты последней войны» пошли в атаку на английские позиции. Первый, отвлекающий удар французов был направлен на правый фланг Веллингтона против замка Угумон. Французский корпус Рейля, пройдя лес на подступах к замку, бросился на штурм. Но стены укреплений оказались слишком высоки и неприступны, английская артиллерия и пехота вели убийственный огонь по нападавшим. Через некоторое время небольшая операция, затеянная поначалу как демонстративные действия, превратилась в отдельное жестокое сражение. Начав атаку незначительными силами, Рейль постепен-

Сражение у Ватерлоо. 18 июня 1815 года.

но втянул в бой весь корпус, но успеха до конца дня так и не добился.

В это время Наполеон готовил главную атаку своих сил против левого крыла и центра англичан. На правом фланге французских позиций он установил батарею из 80 орудий, которая открыла смертоносный огонь по противнику. В это время на северо-востоке у Сен-Ламберского леса появились неясные очертаниядвигающихся войск. Мнения наполеоновских командиров разделились. Одни утверждали, что это войска Груши, другие придерживались мнения, что это армия Блюхера.

Тем не менее около двух часов дня Наполеон отдал приказ Нею начать массивное наступление. Четыре пехотные дивизии д'Эрлона под барабанный бой двинулись в атаку. Нога к ноге, штык к штыку взбирались они по скользким кручам Мон-Сен-Жана, прорываясь сквозь густой огонь английской картечи. В конце концов поредевшие ряды взошли на холм, но тут на них бросилась лавина шотландской кавалерии, которая врезалась в плотную массу французских дивизий и изрубила часть их состава. Французы отступили. Причиной неудачи было еще и то, что они были построены в глубокие колонны; при этом в атаке одновременно участвовали незначительные силы, а наступавшие несли огромные потери от огня противника. К тому же французская артиллерия развернулась слишком далеко от английских линий, и ее огонь был малоэффективен. Левое крыло сломить не удалось. Тогда император изменил план и перенес главный удар своих сил на центр и правый фланг противника.

В то время как дивизии д'Эрлона пошли в атаку, Наполеону донесли страшную весть — Блюхер оторвался от Груши и полным ходом двигался к месту сражения; во второй половине дня авангард прусской армии вышел в район Фишемона. Немедленно против приближающихся пруссаков были брошены 10-тысячный корпус Лобау и часть Молодой гвардии. К ферме Паплот была направлена дивизия Дюрата, чтобы воспрепятствовать здесь соединению союзников. Ставка Наполеона была перенесена глубже в тыл расположения французских войск, дабы полководец мог держать под контролем обе операции. Наполеон был уверен, что за пруссаками подоспеет

Груши, что Блюхер не имеет достаточно сил для серьезного сражения, и поэтому все свое внимание обратил на Веллингтона.

В 15 часов 30 минут д'Эрлон захватил мощный опорный пункт англичан — ферму Ла-Хе-Сэнт. Ганноверские солдаты, защищавшие этот участок, отступили, над фермой взвилось трехцветное французское знамя. Потеря Ла-Хе-Сэнта опасно обнажила участок центральной позиции Веллингтона, и вскоре французская артиллерия обрушила на его ряды ливень картечи. Тогда же Наполеон отдал Нею приказ пробить брешь в английский линии. 40 эскадронов французской конницы построились у подножия Мон-Сен-Жана и бросились вперед. Земля задрожала под копытами лошадей кирасир; сотни уланов, егерей и конной гвардии неслись за ними вслед — 9000 всадников, которые должны были разметать центр противника. Вся эта лавина в одном неудержимом потоке взлетела на вершину холма; была захвачена английская легкая артиллерия, канониры бежали, близилась победа. Но тут перед мчащейся конницей выросли построенные в шахматном порядке каре английской пехоты. Залп за залпом косил сотни всадников. Англичане стреляли по лошадям, штыками добивали упавших седоков. В боевом порыве носились французы среди дыма ружейной пальбы, безуспешно пытаясь пробить оцетинившиеся штыками ряды неприятеля. Поддержки вовремя эту атаку французская пехота, центр армии Веллингтона был бы смят. Весьма неудачной была атака французской кавалерии левее Брюссельского шоссе. Одна из бригад, не ознакомившись с местностью, на полном карьере неожиданно слетела в овраг. Мчавшиеся за этой бригадой другие эшелоны постигла такая же участь. В результате этой сумятицы только здесь погибло 1500 человек и 2000 лошадей.

В разгар битвы Наполеон, тщетно ожидавший подхода корпуса Груши, спросил Сульта: «Вы послали гонцов к Груши?» — «Я послал одного». — «Милостивый государь, — с негодованием воскликнул Наполеон, — Бертье послал бы сто гонцов!»

Но силы англичан были также на исходе. Веллингтон бросил в бой последние резервы, ему докладывали со

Английская пехота в битве при Ватерлоо. 1815 год.

всех сторон о невозможности сдерживать неприятеля. «Пусть в таком случае они все умрут на месте! У меня уже нет подкреплений», — отвечал главнокомандующий. Его задача заключалась в том, чтобы несмотря ни на что продержаться до подхода Блюхера. «Веллингтон не был военным гением, как его позднее изображали... Но у него была бульдожья хватка. Он вгрызся в землю, и его было трудно вышибить с занятых им позиций».

Французские генералы видели, что английская линия была готова дрогнуть, они просили императора дать им гвардию. В императорском резерве еще стояли нетронутые 8 батальонов Старой гвардии и 6 батальонов Средней. В 20 часов было еще светло, и последний натиск гвардейцев мог решить исход боя в пользу французов. Однако позиции Наполеона уже находились под угрозой: пруссаки на правом фланге, несмотря на все усилия Лобау, соединились с войсками Веллингтона и теснили батальоны Молодой гвардии. Фланг французов был обойден, угроза нависла над тылом. Прусский корпус Бюлова захватил деревню Планшнуа. За ним следовал корпус Пихта.

Наконец Наполеон построил 11 батальонов гвардии в каре на Брюссельской дороге. Два батальона отбросили пруссаков у Планшнуа, а девять оставшихся под командой самого Наполеона двинулись на Веллингтона. Все генералы, маршал Ней шли впереди.

Англичане встретили гвардию страшным огнем артиллерии с фронта и с фланга. Солдаты падали десятками, но не замедляли шага, лишь плотнее смыкая ряды и еще громче крича: «Виват император!» Наконец два батальона взошли на взлобье Мон-Сен-Жана, и перед ними из высоких колосьев пшеницы встала стена сомкнутых рядов английских гвардейцев. Первый их залп скошил несколько сот человек — половину двух батальонов, второй залп, третий... Французские гвардейцы остановились, смешались, стали отступать. Раздался крик: «Гвардия отступает!»

Соотношение сил в это время уже было в пользу союзников — с подходом трех прусских корпусов Бюлова, Пирха и Цитгена они имели 130 000 человек. Веллингтон скомандовал общее наступление. Одновременно

Блюхер вышел с 53 000 человек с Охайской дороги и опрокинул правый фланг французов. Наполеоновские солдаты побежали на Бель-Альянс, а за ними неслись английские гусары и драгуны, рубя на скаку отступавших. «Неожиданное отступление превратилось в бегство, императорская армия рассыпалась прямо на глазах, а неприятель, преследуя по пятам, кромсал на куски уцелевшие ее остатки».

Наполеон пытался организовать оборону, чтобы прикрыть бегущую армию. Три последних батальона гвардии построились в каре с императором в середине, откуда тот лично пытался командовать отступлением с тайной надеждой найти смерть на поле боя. Здесь же, недалеко, в водовороте бегущих людей метался маршал Ней. Израненный, с лицом, черным от пороха, в изодранном штыками и пулями мундире и с обломком шпаги в руке, он бросался в гущу схватки. «Смотрите, как умирают маршалы Франции!» — кричал Ней. Но пули его обходили, и смерть бежала от него. Под ним были убиты пять лошадей, а он оставался невредим. Его судьба — быть расстрелянным по решению палаты пэров через шесть месяцев.

Гвардия медленно отходила, пытаясь прорваться сквозь войска наседавшего противника. Англичане были восхищены мужеством и стойкостью этих людей. Их ряды всегда были плотно сомкнуты, лица спокойны, шаг размерен и четок. Одному воину из каре под командованием генерала Камбронна английский полковник предложил сдаться. «Дерьмо! Гвардия погибает, но не сдается!» — ответил Камбронн. Французские гвардейцы, которых расстреливали в упор, предпочли смерть плену.

2-й батальон 3-го гренадерского полка, окруженный со всех сторон и отбивающий атаку за атакой англичан и пруссаков, расстреливаемый пушками с расстояния в 60 метров, уменьшился настолько, что из каре образовал треугольник. Оставшиеся в живых около 150 гвардейцев бросились в штыки на окружившую их кавалерию и погибли в рукопашной схватке все до единого.

Из этой мясорубки в полном порядке смогли выйти только 1-й гренадерский полк с присоединившимися к нему остатками других гвардейских полков и 1-й баталь-

он 1-го егерского полка, не участвовавший в основном бою.

Над полем сгущались сумерки, битва при Ватерлоо была французами проиграна. Попытка Наполеона остановить войска коалиции у Женаппа при переправе через реку Диль также не удалась. Беспорядочное скопление войск у единственного моста под натиском преследующего врага исключало возможность управления. Генералы уже не повиновались, солдаты бежали, бросая оружие.

В битве французы потеряли 25 000 человек убитыми и ранеными, всю артиллерию и 7000 пленными. Армия Наполеона как организованная сила перестала существовать. Почти все снаряжение было потеряно, дух войск сломлен, свежих сил практически не осталось. Веллингтон потерял 15 000 человек, Блюхер — 7000.

Наполеон покинул остатки своих войск и поспешил в Париж, чтобы спасти тех, кого еще можно было спасти. Но было уже поздно, палаты бурно требовали его отречения, а затем выставили ультиматум: либо отречься, либо быть низложенным. В это время Даву с оставшимися войсками и Груши со своим корпусом маневрировали перед союзниками, давая императору выиграть время. Но Наполеон понял, что все кончено. Ватерлоо означало проигрыш всей кампании, поражение Франции в войне с коалицией. Император решил отказаться от дальнейшей борьбы.

22 июня Наполеон I вторично отрекся от престола. 25 июня он был вынужден покинуть Париж, союзные армии начали оккупацию территории Франции. 29-го император отправился в Рошфор, где были приготовлены два фрегата для бегства в Америку, но рейд уже заблокировала английская эскадра.

15 июля Наполеону пришлось сдаться англичанам, лишь бы не попасть в руки Бурбонов. Самый могучий, упорный и грозный враг, какого Англия имела за все время исторического существования, был теперь в ее власти. Впереди императора ожидал остров Святой Елены, шесть лет узничества и смерть от яда...

Весьма жестко оценивая ведение Наполеоном своей последней кампании, другой великий стратег писал:

Наполеон покидает поле битвы под Ватерлоо, убедившись в своем поражении.

«Нельзя узнать Наполеона 1800 и 1805 годов в Наполеоне июньских дней 1815 года. Полководец, который 15 и 16 июня колебался, направить ли ему корпус направо или налево, был уже не тот человек с орлиным взором, который после длительного перехода в тот же вечер вновь выступал, чтобы, как тигр, наброситься у Фридрихсанда на свою добычу. Император, который утром 18 июня медленно устанавливал боевой порядок и нашел еще время произвести смотр войскам, был не тот человек воли и действий, который кричал своим маршалам: «Энергия, энергия, быстрота!» или который в ночь на 14 октября 1807 года с факелом в руках поднимал артиллерию по крутому подъему на Ландграфен. Тот мастер военного дела, который бросал на фронт Веллингтона сначала пехоту, затем кавалерию и, наконец, гвардию, был, конечно, не тот бог полей сражений, который под Аустерлицем со всей своей армией обрушился на неприятельский фланг! Конечно нет. Ведь в 1797 году он сам сказал: «На полях сражений скоро стареют». Когда это было сказано, шел только второй год его полководческой карьеры. Но с тех пор... случилось многое, что должно было расшатать даже крепкое строение этого колосса... Ни стояние на месте, ни движение назад были невозможны. Он вынужден был идти вперед против все более и более возраставших сил. Ресурсов не хватало. Падение должно было наступить 18 июня или позднее. Во всяком случае, оно было неизбежно».

Но это с военной точки зрения, а с человеческой — Наполеон одержал по выражению Льва Толстого «моральную победу», важную для него лично и ставшую предметом гордости французской нации. Дельбрюк так оценивал результаты кампании 1815 года: «...Наполеон никак не мог выиграть кампанию... Но то, что он был совсем близок к победе и, в конце концов, был побежден не позорно, но со славой, озарило его самого немеркнущим сиянием, а для его народа создало источник моральной силы, из которого он непрерывно черпает все новую и новую живую воду».

Так была поставлена последняя точка в истории наполеоновских войн.

Искусство полководца

В чем состоит ныне превосходство полководца? В свойствах его духа: в остроте его взгляда, в умении рассчитывать и принимать решения, в его красноречии и знании людей. Если бы полководцу было достаточно обладать физической силой и мужеством, то любой храбрый солдат мог бы взять на себя командование армией. Ныне грубая сила всюду уступает нравственным качествам. Штык склоняется перед мужем, выказывающем превосходство в знании и понимании.

Наполеон

Военная теория и практика Наполеона сыграли огромную роль в разрушении феодализма и абсолютизма в Европе. Эта теория и практика были порождены буржуазной революцией, создавшей те возможности, которыми Наполеон умело воспользовался. Не он, а революция сделала реальными и неизбежными массовые армии, сознательность солдат, тактику рассыпного строя в сочетании с густыми колоннами; но именно он гениально показал, как всем этим можно пользоваться и чего можно достигнуть.

Он сам говорил: «Почему французскую армию боятся во всем мире? Потому что офицеры иммигрировали, их заменили унтер-офицеры, которые стали генералами. Только опираясь на унтер-офицеров и можно командовать народной армией, потому что они — выходцы из народа».

Война большими массами, война с большими резервами, какие только способна дать мощь крупного буржуазного государства, война с действительным использованием громадных материальных средств и людских фор-

мирований тыла — все это выявилось при Наполеоне в полной мере.

Он был необыкновенным мастером в умении держать в своих руках и заставлял маневрировать не только в период подготовки сражений, но и на поле битвы громадные войсковые массы, заставляя их заполнять внезапные, не предусмотренные никем новые построения.

Он избегал стереотипов, каждую кампанию и каждое сражение планировал по-новому, чтобы его враги не могли понять, чего от него ожидать. Тем не менее все его блистательные замыслы были основаны на относительно простых принципах.

Основные черты его стратегии — большая мобильность в деле сосредоточения на решающих направлениях с целью разгрома живой силы врага, его непоколебимая настойчивость в достижении этой цели, его неотступное преследование противника, а также перенесение всех тягот войны на чужую территорию.

В противовес стратегии предшествовавшей эпохи Наполеон ставил своей целью не географические объекты, армии противника, которые необходимо сокрушить и открыть себе дорогу к его столице. Обыкновенно, начиная войну, он стремился как можно скорее, молниеносным наступлением, одним-двумя сокрушающими ударами, повергнуть противника и заставить его просить мира. От сражения, говорил Наполеон, «зависит участь армии, государства или обладание престолом». Сражение при Маренго дало французам Италию, Ульмская операция ликвидировала целую армию, сражение при Йене имело следствием покорение Пруссии, сражение при Ваграме решило исход кампании.

Считая сражение решающим актом войны, Наполеон заявлял, что его не следует давать, если нельзя рассчитывать на семидесятипроцентный успех. При этом, с целью обмануть врага, Наполеон до начала сражения держал свои войска рассредоточенными, собирая их в последний момент перед самым наступлением.

Одной из характерных черт его стратегии являлось создание превосходства на решающем направлении. «Сущность стратегии, — определял Наполеон, — заключается в том, чтобы с более слабой армией иметь больше

сил, чем противник, на том пункте, на котором ты атакуешь или на котором атакуют тебя». Наполеон искусно определял это решающее направление — главный театр войны — и сосредотачивал на нем превосходящие по численности войска. А отказ от магазинной системы снабжения и переход к системе реквизиций значительно повысил маневренность французской армии. Воюя с многочисленными антифранцузскими коалициями, Наполеон пользовался разбросанностью их войск и бил их по частям, действуя по внутренним операционным линиям. Французская армия, обладая превосходством в силах, быстро и искусно маневрируя, появлялась на избранном направлении и, одержав победу, устремлялась на новое.

Когда Наполеон вступал в сражение с меньшими, чем у противника, силами, то и в этом случае он исходил из того, что меньшие силы терпят поражение от больших. То есть, имея перед собой численно превосходящего противника, он бросал основную массу своих войск в атаку против одного из неприятельских флангов, разбивал его и, пользуясь смятением неприятеля, наносил удары по другим пунктам его боевого построения. Таким образом, поражение наносилось по частям и превосходящими силами. Победа вновь была «ни что иное, как победа сильнейшего над слабейшим». Уже в самом начале своей полководческой деятельности — в итальянской кампании 1796 года, будучи численно слабее противника на всем фронте, Наполеон на направлении главного удара был неизменно сильнее его.

Громя неприятеля по частям, он стремился не допустить раздробленности своей армии. В походе войска двигались, как правило, тоже сосредоточено, это позволяло более гибко управлять ими при существовавших в то время средствах связи.

Одним из основных правил, которых придерживался Наполеон, был выход всеми силами или частью сил во фланг или тыл противнику, с тем чтобы захватить его коммуникационную линию, отрезать его от баз снабжения и заставить принять сражение в невыгодных условиях — с перевернутым фронтом. Французская армия, осуществляя обходной маневр, учитывала главнейшую осо-

бенность действий войск противников, которые были привязаны к магазинам; отрыв от источников снабжения ставил их в весьма затруднительное положение. Совершение обходного маневра требовало большого искусства от войск, поскольку они сами могли оказаться обойденными. Именно Наполеон показал, что обход неприятельской армии только тогда имеет смысл, когда, во-первых, достигает тыла противника и перерезает в тылу его линии сообщений, во-вторых, когда этот обход приводит к сражению, в котором обходящие колонны принимают участие.

Стратегия наполеоновской армии отличалась решительностью, наступательным образом действий. Захват инициативы, быстрое и внезапное приближение к противнику с целью создания наивыгоднейших условий для сражения — характерная черта действий французских войск. В то время как армия Фридриха II после удачного сражения была лишена возможности преследования из опасения расстроить боевой порядок, Наполеон, разгромив неприятельскую армию, преследовал ее до тех пор, пока не создавалась обстановка, при которой неприятель вынужден был принять любые условия мира.

Нельзя сказать, будто Наполеон не придавал значения крепостям противника, но он не считал их главным объектом в данную эпоху. Он требовал и воспитывал своих военачальников в убеждении, что не взятие крепостей, но уничтожение живой силы решает войну. Второстепенное значение, которое он придавал крепостям, логически связано с тем воззрением на инициативу, которое так характерно для Наполеона: «Начинай поход обдуманно, но, начав, до самой последней крайности борись за то, чтобы инициатива действий оставалась за тобой».

Он не был догматиком, всегда умел проявить гибкость, выделить главное в меняющейся обстановке. В Италии он знал, что крепость Мантуя — ключ, и боролся за нее отчаянно.

Там, где неприятель с главными силами замыкался в крепости или укрепленном лагере, Наполеон приступал к осаде и, если противник отказывался купитулировать,

к штурму. При этом, в случае победы, Наполеон был беспощаден.

При составлении планов войны он стремился исходить из правильной оценки своих сил и сил противника. Он придавал огромное значение изучению театра войны, неприятельской армии, ее полководцев, что очень часто позволяло ему предугадывать намерения противника. Этому способствовала также широкая сеть шпионажа, организованного Наполеоном в странах своих вероятных противников. Но на поле сражения он тем не менее не терял времени, ожидая получения полных разведывательных данных; он начинал решительные действия, выделяя лишь крупный резерв. В дальнейшем он импровизировал, используя всю мощь своего таланта.

Ряд усовершенствований Наполеон внес в тактику ведения боевых действий. Тактика наполеоновских войск находилась в прямой зависимости от стратегии, рассчитанной на уничтожение армии противника в полевом сражении. Решительность стратегии определяла решительность тактики, и та и другая были ориентированы на достижение единой цели — выиграть генеральное сражение. Поэтому и в основе тактики лежал принцип сосредоточения всех возможных сил к пункту, избранному для главного удара.

«Если вы намерены вступить в сражение, — говорил Наполеон, — то необходимо сосредоточить все свои войска, не упуская из виду даже самой незначительной части: часто один батальон решает сражение».

Его армия и на театре войны, и на поле битвы отличалась подвижностью и быстротой действий. Нередко Наполеон завязывал сражение, не имея плана и четкого представления о позиции противника. Однако он всегда знал его особенности, примерную численность его войск. Завязав же бой, он избирал главный пункт для атаки и настойчиво добивался успешного тактического решения.

Могучим средством, призванным решать исход сражения и предохранять от возможных случайностей, являлся резерв. Наполеон умел его беречь и использовать. Он вводил в сражение все войска, включая и последний резерв, когда был уверен в победе. По его мнению, «гене-

рал, который будет сохранять свежие войска к следующему сражению, будет почти всегда бит. В случае необходимости надо уметь двинуть в бой всех до последнего человека, так как на следующий день после победы нет неприятеля, которого нужно побеждать».

На поле сражения войска вводились неравномерно. Основные силы нацеливались на главный пункт атаки, который избирался или на одном из флангов противника, или в центре его позиции, чтобы вклиниванием нарушить боевые построения неприятельских войск, расколоть их на две группировки и разбить по частям.

Таким образом, тактика французских войск основывалась на решительности, на создании превосходства в силах на избранном участке, на смелом и глубоком маневре, на выделении и использовании больших резервов, на сочетании действий колонн с рассыпным строем, стрелковой цепью и линиями развернутых батальонов, на совокупном действии огня и штурма. Успех сражения обеспечивался взаимодействием пехоты, кавалерии и артиллерии; на поле боя войска маневрировали, перебрасывались с одного участка на другой.

«Взаимная поддержка трех родов войск была доведена до максимума сочетанием этих родов войск в небольшие отряды, а сочетание трех форм боя — в рассыпном строю, в линейном построении и в колонне — составило великое тактическое превосходство современных армий».

Батальон — основная тактическая единица пехоты, для ведения боя развертывался в боевой порядок: четыре роты в колонну и одна, вольтижерная, — в рассыпном строю в 100–150 метрах впереди колонны. Боевой порядок полка состоял из двух батальонных колонн, а дивизии — из двух линий батальонных колонн и резерва. Против конницы применялось каре.

Основной тактической единицей в кавалерии был эскадрон. Боевым строем являлась линия и колонна. Кавалерийский корпус располагался в несколько линий. Центр занимала тяжелая кавалерия. Конная артиллерия обычно размещалась в интервалах первой линии. Легкая кавалерия также использовала рассыпной строй.

Кавалерия применяла три способа атаки: так называемую облическую, или уступами, атаку эшелонами и атаку колонной. Атака начиналась шагом, а затем в 300 шагах конница переходила на рысь и в 150 шагах — в галоп. Облическая атака применялась для удара по флангам противника. Атака эшелонами производилась путем последовательных ударов по пехотным каре противника. Атака крупными колоннами применялась при прорыве фронта ударом конных масс.

Главные тактические задачи, возложенные на корпусную конницу, состояли в разведке и охране флангов пехотного корпуса на марше. В сражении конница также охраняла фланги и, кроме того, содействовала пехоте. Находясь обычно в резерве, она затем направлялась в атаку в решительный момент. Армейская конница вела глубокую разведку и охраняла армию, это была преимущественно легкая кавалерия — егеря и гусары. Кроме того, конница предназначалась для нанесения решающего удара на поле сражения.

Основной тактической единицей в артиллерии являлась рота — батарея в 6 орудий. Артиллерия обычно располагалась на выгодных позициях впереди, в промежутках первой линии пехоты и кавалерии и в особо важных пунктах с целью обстрела противника сосредоточенным огнем. Огонь легкой артиллерии должен был заставить неприятеля развернуть свои силы. После этого вводился в бой огонь тяжелых батарей, который подготавливал атаку пехоты на решающем направлении. В практике войн 1805, 1806—1809 годов во французской армии подошли к идее массирования огня путем сведения батарей в крупные объединения — до 100 и более орудий. Батареи прикрывались брустверами. Площадки под них искусственно возвышались над лежащей перед ними местностью, чтобы вести обстрел по всем направлениям.

Придание дивизиям и корпусам кавалерии и артиллерии превращало их в небольшие самостоятельные армии. Боевой порядок дивизии обычно был следующим: каждая бригада строилась: в первой линии — батальоны первого полка развернутым строем со стрелками в рассыпном строю впереди; во второй линии — батальоны второго полка, построены колоннами. Если дивизия

имела еще пятый полк, то его батальоны строились колоннами и составляли резерв. За бригадами располагался эскадрон или дивизион конницы. В интервалах между полками первой линии и на их флангах размещалась артиллерия.

При линейной тактике на поле сражения выстраивались длинные непрерывные линии пехоты с кавалерией на флангах. При ударной тактике корпуса и дивизии в колоннах скрытно располагались за деревьями или холмами. Колонны являлись основной ударной силой. Батальоны, развернутые в линии, составляли вместе с вольтижерами первую стрелковую линию и вели залповый огонь. При необходимости эти батальоны образовывали колонны или каре, или же рассыпались и вместе с вольтижерами вели прицельный огонь.

Войска, составляющие развернутые стрелковые линии и рассыпной строй, образовывали собственно первый эшелон. Они вместе с артиллерией завязывали бой и вели его до вступления в сражение батальонных колонн.

Если линейная тактика основывалась на одновременном развертывании и использовании всей или почти всей пехоты, то при ударной тактике начинала бой сравнительно небольшая часть пехоты — основные силы находились во втором эшелоне; сражение питалось из глубины вводом свежих войск, сильных резервов — гвардии и конницы. Кавалерия обеспечивала фланги и тыл, а в нужный момент бросалась на неприятеля. Что касается использования артиллерии, то она «сделалась в руках Наполеона оружием неслыханной до тех пор силы». Французская артиллерия обладала большой маневренностью на поле боя. Могучим средством достижения победы являлся артиллерийский резерв. В наполеоновских битвах артиллерия играла огромную, а иногда и просто решающую роль.

Таким образом, при новой тактике колонн и рассыпного строя каждый род оружия приобретал значительную силу. Задачи, которые решали пехота, кавалерия и артиллерия, стали много сложнее и разнообразнее. Основным родом войск являлась пехота, которая не только завязывала и развивала бой, но и наносила главный удар.

Кавалерия получила возможность решать самостоятельные задачи в ходе сражения. Ее массированный удар иногда определял исход сражения. Артиллерия приобрела самостоятельность и стала более активной. Каждый род оружия при расчлененном боевом порядке получил возможность маневрировать. Сражение превратилось в сумму боев за опорные пункты.

Эта тактика выковывалась еще в эпоху революционных войн, когда французы уяснили, что успех атаки зависит от подразделений с более глубокими, нежели линейные, построениями. Командиры ввели новый стиль — комбинирование плотной колонны и рассыпанных стрелковых цепей, обеспечивающих такую огневую поддержку, которая могла бы подавить врага. Применение атакующей колонны как стандартного боевого порядка во времена войн Французской революции было вызвано отчасти естественной необходимостью. Дело в том, что солдаты революционной армии набирались путем массовой мобилизации и, будучи недисциплинированными и необученными, не могли эффективно сражаться в линейном порядке. Нововведение позволяло применять тактику заградительного огня и сокрушительного штыкового удара. В дальнейшем Наполеон использовал массовые боевые колонны как мощные тараны.

Огромная тактическая ценность колонн заключалась в их гибкости и подвижности. Это позволяло командиру на поле боя управлять большими массами быстрее и эффективнее, чем прежде. Колонна могла успешно действовать и в гористой местности. Она обладала способностью легко трансформироваться в различные подразделения. Превращение пехотной колонны в атакующую занимало много меньше времени, чем преобразование пехотной колонны в линейное подразделение. Необходимое ранее тесное соединение линейных строев становилось менее важным, тактическая ситуация стала более динамичной.

Наполеон ниспроверг то преклонение перед штыковым боем, которое после Суворова сделалось таким общепринятым. «Теперь сражения решаются огнем, а не рукопашной схваткой», — категорически заявил император в своем сочинении о полевых укреплениях. Продол-

жая применять тактику армий Французской революции, в первых своих войнах он бросал вперед подвижные линии стрелков, которые при поддержке артиллерии подготавливали основной удар, расчищая путь штурмующим колоннам. Он внушал своим маршалам мысль, что недостаточно просто обучить солдата стрельбе, нужно добиться, чтобы он стрелял с предельной меткостью.

Но с другой стороны, по мнению Наполеона, никогда не следует слишком долго оставлять армейских стрелков без поддержки: если против них действует неприятельская артиллерия, они могут, в конце концов, пасть духом и подвергнуться разгрому, а подтягивая артиллерию, он рекомендовал делать это возможно энергичнее, потому что только массовое воздействие артиллерийского огня может иметь серьезное значение.

Надо отметить, что с 1807 года Наполеон все чаще применял новые боевые порядки, действуя слишком массивными, а потому и слишком уязвимыми построениями, чего он не делал в первую половину своей военной карьеры. Дело в том, что недостаток времени на обучение призванной молодежи вынудил императора перенести центр тяжести на использование колонн. Малообученные войска были более пригодны к натиску холодным оружием, чем к стрелковому бою. Пока у Наполеона не поредели ряды старых солдат революционных армий и ветеранов Египта, Маренго, Аустерлица, он не прибегал к этому преувеличенному уплотнению боевых масс.

Высоко ценя индивидуальную храбрость, ловкость и искусство боя отдельных лиц, Наполеон не верил, чтобы рассыпной строй каких-нибудь лихих наездников, вроде мамлюков или казаков, мог продержаться против больших компактных масс дисциплинированной европейской армии, хотя и допускал, что при столкновении малых сил такие индивидуально превосходные наездники могли оказаться сильнее.

То, что в конечном счете массы решают все, — эту истину Наполеон не переставал повторять.

Итак, искусство полководца, во-первых, заключается в том, чтобы уметь добывать, вооружать и быстро обучать большие батальоны, создавать массовые армии; во-вторых, чтобы к моменту нанесения решительного удара

они оказались в нужном пункте полностью; в-третьих, чтобы, начиная битву, уметь не щадить эти большие батальоны, если это нужно для выигрыша сражения; в-четвертых, чтобы собрав эту массу никогда не избегать битвы, а искать скорейшей решительной развязки едва только есть шанс победить; в-пятых, чтобы находить в неприятельском расположении тот пункт, на который нужно направить решающий удар.

Наполеон никогда не излагал на бумаге в систематической форме своих военных концепций. В оставшихся после него записях отразились лишь наиболее фундаментальные идеи стратегии и тактики. Друзья и враги императора начали скрупулезное изучение и анализ наполеоновских методов еще задолго до его падения. После первых поражений другие военачальники европейских армий пытались подражать ему. Они постепенно вводили дивизионную и корпусную организацию в свои армии, преобразуя линейные формирования в более глубокие построения, применяли концентрацию сил на поле боя, создавали резервы — они учились у него. Но несмотря на это, никто из них так и не смог понять секрет его гения. Безусловно, почти каждый может выучить ноты или устройство скрипки, но стать Паганини?

Наполеон одинаково велик и как тактик, и как стратег, и как дипломат. У него все эти три способности сливались в одно неразрывное и гармоничное целое.

Он говорил, что роль счастья, роль случая на войне существенна, но истинно великие дела все-таки зависят от личных качеств полководца, от работы ума, знаний, способности к методическим действиям, от дара комбинаций, от изобретательности и находчивости. Не потому Александр Македонский, Цезарь, Ганнибал стали велики, что им служило счастье — нет, счастье им служило потому, что они были великие люди и умели овладевать им. Сам Наполеон качества хорошего полководца уподоблял квадрату, где основание и высота всегда равны: под основанием он понимал характер, смелость, мужество, решимость, а под высотой — ум, интеллектуальные способности. Если характер сильнее ума, то полководец увлечется и пойдет дальше, чем нужно. Если ум сильнее характера, то у него не достанет мужества осуществить свой план.

Полное единоначалие он считал абсолютно необходимым в армии, если эта армия уже заранее не решила терпеть поражения. «Один плохой генерал лучше, чем два хороших», — его мнение на этот счет. И сам он, если не считать Тулона, никогда ни в одной из своих войн не имел ни равноправного товарища, ни, подавно, старшего над собой.

Сам он ценил в себе основные, по его мнению, качества, которые, как он утверждал, важнее и незаменимее всего: железную волю, твердость духа и ту особенную храбрость, которая состоит не в том, чтобы в критический миг броситься со знаменем в руке брать Аркольский мост или простоять несколько часов под русскими ядрами на кладбище в Эйлау, а в том, чтобы взять на себя целиком самую страшную, самую тяжелую ответственность за принятое решение. Ибо выигрывает сражение не тот, кто придумал план битвы или нашел лучший выход, а тот, кто взял на себя ответственность за его выполнение.

Инициатива в общем ведении войны, в выборе места и времени битвы, в первых тактических действиях перед битвой и в ее начале должны оставаться в руках главнокомандующего. Но, давая маршалам ясные и точные приказы перед началом боя, Наполеон никогда не стеснял их мелочными указаниями, к чему были так склонны современные ему главнокомандующие старой школы — и австрийские, и прусские, и русские. Он приказывал маршалам стремиться к выполнению определенной задачи на определенном участке и указывал для какой общей стратегической цели должна служить ее реализация, а уж как маршал решает задачу — дело его разума.

Но в бою Наполеон оставался центром, мозгом армии. Выполняя свои задания, маршалы были в постоянном контакте с императором, осведомляли его о ходе действий, просили подкреплений, держа его в курсе постоянно меняющейся обстановки. Так, критикуя донесение Кутузова о битве под Аустерлицем, Наполеон писал, что вся французская армия так же управлялась императором и так же была готова исполнить любой его приказ, как отдельный батальон управляется своим майором.

Самое трудное — понять, как сохранял Наполеон эту руководящую роль, не подавляя инициативы своих маршалов и главных генералов. Правда, от кампании к кампании он терял самых лучших, и уровень его командиров падал. И уже в 1813 году император говорил, что «где меня нет — делают только глупости».

Он много заботился о «духе» своей армии. Наполеон решительно подтвердил произведенное еще революцией изгнание телесных наказаний и, разговаривая с англичанами, всегда недоумевал, как они не гнушались пускать в ход плеть в войсках. «Чего же можно ожидать от людей обесчещенных? Как может быть чуток к чести тот, кого в присутствии товарищей подвергают телесным наказаниям? Вместо плети я управлял честью... После битвы я собирал офицеров и солдат и спрашивал о наиболее отличившихся».

Чинами он награждал тех из отличившихся, кто умел читать и писать, а неграмотных приказывал усиленно, до пяти часов в день, учить, после чего производил их в унтер-офицеры, а дальше — в офицерский чин.

За серьезные провинности Наполеон расстреливал беспощадно, но, вообще говоря, он гораздо больше полагался на награды, чем на наказания. А награждать — и деньгами, и чинами, и публичными чествованиями — он умел с совершенно неслыханной щедростью. Все помнили слова императора о том, что «каждый солдат носит в своем ранце маршальский жезл». Солдаты знали, что многие маршалы и генералы вышли из их рядов. Они любили Наполеона, и он это знал и верил им.

Сознательно, обдуманно и с блистательным успехом Наполеон приготовил себе из материала, созданного революцией, дееспособнейшее и лучшее оружие, которое в руках искусного мастера и должно было проявить себя неслыханными в военной истории достижениями.

Смерти он не боялся. На его теле были обнаружены раны, о которых никто не знал, и которые он скрыл, чтобы не вызвать смятение у своих солдат в бою. Пульс его никогда не превышал 62 ударов в минуту.

Наполеон был вполне уверен в своей посмертной славе. Свою изумительную жизнь он объяснял совсем особыми, исключительными условиями, совпадение кото-

рых может встречаться раз в тысячелетие. И правда, кроме, может быть, Александра Македонского, никогда ни один из прославленных полководцев не был поставлен так длительно в такие выгодные условия, как Наполеон: он не только соединял в одном лице неограниченного монарха с главнокомандующим, но царствовал над богатейшими странами мира. После 18 брюмера он был неограниченным властителем целых пятнадцать лет. Так что и материальных сил, и средств, и времени ему было отпущено для игры его военного гения больше, чем кому бы то ни было из его предшественников по военному искусству. Но и самый гений его оказался более могучим, чем у кого бы то ни было.

Наполеон неизмеримо превосходил и своих предшественников, и современных ему генералов. Все вышеизложенное дало Клаузевицу основание, особенно когда «мозгом армии» стал изобретенный пруссаками Генеральный штаб, назвать Наполеона «последним полководцем» в истории. Его исчезновение с исторической арены произвело на современников впечатление долго бушевавшего и внезапно прекратившегося урагана неслыханной силы.

Интересно, что он никогда не восхищался своими победами и не воздавал хвалу полководцу Бонапарту. Самым великим своим достижением Наполеон считал создание Гражданского кодекса, который действует в большинстве европейских стран и поныне: «Ватерлоо сотрет память о моих победах, последний акт заставляет забыть о первом. Но что пребудет вовеки, это мой Гражданский кодекс...»

Последний бой. 1815—1821 годы

Я нес этот мир на своих плечах. Все же довольно утомительное занятие.

Наполеон

Чудесный жребий совершился:
Угас великий человек.
В неволе мрачной закатился
Наполеона грозный век.
Исчез властитель осужденный,
Могучий баловень побед...

А. Пушкин. Наполеон

Великий полководец, знаменитый государственный деятель, человек необыкновенной судьбы Наполеон Бонапарт сошел с исторической сцены в июле 1815 года.

Шесть лет после этого на затерянном в океане скалистом острове еще теплилась жизнь человека, пережившего свою славу. Это была растянувшаяся на долгие месяцы агония узника, обреченного на медленную смерть. Английское правительство, на великодушие которого рассчитывал Наполеон, не оправдало его ожиданий. Оно поставило своего пленника в тяжелые и унижительные условия мелочной и придирчивой опеки, отравлявшей последние годы его жизни. В эти долгие дни испытаний и несчастья он демонстрировал мужество и твердость духа, заставившие забыть о многих его прежних преступлениях.

Когда Наполеону объявили, что его местопребыванием будет остров Святой Елены, он протестовал, заявив, что с ним не имеют права обращаться, как с военнопленным. Но его по-прежнему боялись, и 15 октября 1815 года английский фрегат привез императора на остров, где ему суждено было окончить свои дни. Уже вследствие своего положения в океане и отдаленности от суши ост-

ров Святой Елены гарантировал невозможность возвращения Наполеона в Европу.

Ему предоставили дом в части острова, называемой Лонгвудом. Вместе с императором в изгнание прибыла очень небольшая свита, так как британское правительство отказало большинству домогавшихся следовать за ним. В единственном городке Джемстоуне разместился специальный отряд войск для охраны острова и узника. Любопытно, что солдаты и офицеры гарнизона обнаруживали к Наполеону, смертельному врагу Англии, не только почтение, но и какое-то сентиментальное чувство. Солдаты передавали ему букеты цветов, просили у наполеоновской свиты, чтобы им позволено было украдкой на него взглянуть. Это обратило на себя внимание комиссаров держав, живших на острове для наблюдения за Наполеоном. «Что более всего удивительно, — заявлял граф Бальмэн, представитель Александра I, — это влияние, которое этот человек, этот пленник, лишенный трона, окруженный стражей, оказывает на всех, кто к нему приближается... Французы трепещут при виде его и считают себя совершенно счастливыми, что служат ему... англичане приближаются к нему только с благоговением. Даже те, которые его стерегут, ревностно ищут его взгляда, дожидаются от него одного словечка. Никто не осмеливается держать себя с ним на равной ноге». Когда на острове происходит смена гарнизона, отплывающие солдаты с борта фрегата кричат ему «Ура». Он был императором и оставался им, несмотря на все унижительные издевательства врагов: «Я человек, которого можно убить, но нельзя оскорбить».

Чтобы выразить свой протест против титула «генерал» и против незаконного пленения, Наполеон в первое время, когда еще выезжал, показывался на острове в карете, запряженной шестеркой лошадей, и с эскортом. Мужчины его свиты являлись к нему в генеральском или придворном мундире, никто не заговаривал с ним первым, приближались к нему в саду только, если он подаст знак подойти, о визитерах генерал-адъютант докладывал, находясь при шпаге. Наполеон признавал: «Я живу здесь как бы под грузом, который сжимает пружину, но не может ее сломать, — и тут же гордо добавлял. — Никто

не виноват в моем падении, кроме меня самого. Я сам творец своей судьбы».

Больше всего императора угнетала праздность, порождая ту угрюмую тоску, которую все хорошо замечали. Он очень много читал, катался верхом, ходил, диктовал. Но перейти к такому существованию после привычки к неустанной работе было для него непереносимо. Никогда у него не было столько свободного времени.

Свое настроение он скрывал, старался быть разговорчивым и оживленным с окружающими и переносил свое положение стоически. Но когда генерал Гурго из его свиты в минуту меланхолии начал брюзжать, что ему мало платят, а мать его живет в бедности, император не выдержал: «Мы здесь на поле боя, генерал! И кто обращается в бегство из-за того, что ему мало платят, тот трус!» Так в редкие моменты из души Наполеона вырывались настоящие чувства. Он снова вел бой. Он знал, что каждый день его пребывания на острове будет описан в многочисленных мемуарах и дневниках. Каждый день он жил для потомков, так рождалась наполеоновская легенда.

Поэтому очень редко и в очень узком кругу он мог позволить себе выразить истинные чувства: «Не полагаете же вы, что у меня не бывает тяжелейших минут, особенно ночью, когда я просыпаюсь и думаю о том, кем я был и кем стал?» Но днем он снова становился императором, хозяином своей судьбы, «пружиной», которую невозможно сломать.

Наполеон охотно принимал у себя английских путешественников, навещавших остров на пути в разные Индии и обратно, и тоже делал это с конкретной целью. Для него это были не только новые лица и сплетни из Европы, но и единственный доступный ему способ рассказать о своем положении миру. Весть о его стойкости, о сохранившейся живости его ума распространялась по всему континенту. Публикация дневника возвратившегося домой Лас-Каза породила в Европе новые симпатии к императору.

Уже во время долгого морского перехода в эту ссылку Бонапарт начал диктовать свои воспоминания — пристрастные, личные, порой неточные, но которые — он был в том уверен — будут прочитаны всеми последующими

поколениями. Он теперь осознавал и отчетливо видел допущенные ошибки.

Наполеон считал себя, без сомнения, величайшим полководцем во всемирной истории, но напрямую ни разу об этом не сказал. Сам он из полководцев высоко ценил Тюренна и Конде. С особой гордостью он говорил об Аустерлице, Ваграме и Бородине, а также о первой своей итальянской кампании и о предпоследней в 1814 году. Разгром австрийской армии под Ваграмом он считал одним из лучших своих стратегических достижений.

Однажды он выразил сожаление, что не был убит при Бородине или при Ватерлоо. О «ста днях» он вспоминал с гордостью и говорил о народной любви к нему, проявившейся и при высадке в бухте Жуан и на поле Ватерлоо. Он много и часто говорил об этой своей последней битве и считал, что если бы не совсем непредвиденные обстоятельства и если бы у него были прежние, убитые в предшествующих войнах маршалы — Мюрат, Ланн, Бессьер, то исход сражения был бы другой. Ему особенно тяжело было вспоминать, что эта битва была выиграна именно англичанами.

Он не переставал сожалеть, что покинул завоеванный им Египет и что, сняв осаду Акры, вернулся из Сирии в 1799 году. По его мнению, ему следовало оставаться на Востоке, завоевать Аравию, Индию и быть восточным, а не западным императором.

Он признавал, что вторжение в Испанию было первой его ошибкой, а Русский поход — второй, хотя теперь снисходительно говорил о «недоразумении», вовлекшем его в поход на Москву. Наполеон считал, что когда он узнал, что Бернадот, ставший шведским принцем, не намерен помогать ему против России, и что султан турецкий заключил с Россией мир, то ему следовало тут же отказаться от нашествия. Войдя в Москву, ему надо было сейчас же из нее выйти и, догнав Кутузова, уничтожить русскую армию. «Эта роковая война с Россией, в которую я был вовлечен по недоразумению, эта ужасающая суровость стихии, поглотившей целую армию... и затем вся вселенная, поднявшаяся против меня».

Интересно, что многолетнее всеевропейское кровопролитие, в центре которого он находился и решающую

роль в котором он играл (только французов погибло более миллиона), — ни в малейшей степени не воспринималось им как нечто печальное, тяжелое, способное омрачить душу. Совершенно верно, он стремился к завоеваниям, но у него вообще было это пристрастие: он слишком «любил войну». К тому же он давно отчеканил для себя эту формулу: «Я не такой человек, как другие, законы морали и условности не могут применяться ко мне».

Уже в 1819 году Наполеон начал все чаще и чаще болеть. В 1820 году болезнь усилилась, а в начале следующего года английский врач, допущенный императором, нашел положение довольно серьезным, но все-таки были периоды улучшения, когда Наполеон ходил гулять. Еще в конце 1820 года все заметнее становились признаки утомления. Он начинал фразу и не заканчивал, впадая в глубокое раздумье. Он стал молчалив, все реже катался в коляске, а верхом уже давно перестал выезжать. В марте страшные внутренние боли стали учащаться. Император считал, что у него развивается рак, от которого всего лишь в сорок лет умер его отец. Когда боли несколько ослабевали, Наполеон старался поддержать бодрость в окружающих. Он острил над своей болезнью: «Рак — это Ватерлоо, вошедшее внутрь».

13 апреля он приказал графу Монтолону писать под диктовку завещание, которое через день переписал и скрепил своей рукой. Там были и такие строки: «Я желаю, чтобы мой прах покоился на берегах Сены, среди французского народа, который я так любил». Главную часть своего имущества, в общей сумме до 200 миллионов франков золотом, он завещал: половину — «офицерам и солдатам», сражавшимся под его знаменами, а другую половину — местностям Франции, пострадавшим во время войны в 1814 и 1815 годах.

За неделю он лично продиктовал извещение губернатору Лоу о своей смерти с открытой датой и просьбой позаботиться о его свите.

Все последние дни Наполеон был совершенно спокоен. Ночью 29 апреля он вдруг стал диктовать Монтолону проект переустройства Национальной гвардии. 2 мая доктора сказали свите, что смерть совсем уже близка. Мучения так усилились, что в ночь на 5 мая он в полубреду упал

Наполеон Бонапарт в конце своей карьеры.

с кровати на пол. Его вновь уложили, и он уже не приходил больше в сознание, а лежал несколько часов с открытыми глазами и не стонал. Он и раньше, во время самых страшных приступов, почти не стонал, а только метался.

В этот день на океане свирепствовал шторм, вырывавший с корнем деревья и снесший несколько домов на острове.

К концу дня началась агония. Последними его словами были: «Франция... армия... авангард...»

В шесть часов вечера 5 мая 1821 года Наполеон скончался, ему был 51 год. Слуга Маршан принес старый плащ, в котором император был в день битвы при Маренго, и накрыл его тело. После этого вошли губернатор, офицеры английского гарнизона и низко поклонились покойнику. Затем были впущены комиссары держав, которые в первый раз за годы своего пребывания на острове вошли в дом императора, не допуская их к себе.

Англия отказала в транспортировке тела в Европу. Через четыре дня в овраге, возле источника, затененного двумя ивами, вырыли могилу и опустили в нее императора. Процедура похорон была такая же, как для английских генералов: три слабеньких залпа — и шесть каменных плит от артиллерийских платформ накрыли могилу. Губернатор запретил написать имя «Наполеон» и настаивал на «Наполеон Бонапарт». Поэтому могила осталась безымянной. Лишь одно сделала Англия, чтобы почтить память покойника: к могиле был выставлен часовой. В течение девятнадцати лет часовые на этом посту будут сменять друг друга...

В эти годы во Франции штыками интервентов на престол вновь были посажены Бурбоны. Их вторичное возвращение ознаменовалось волной белого террора, мстительной расправой со всеми, кто не хотел их царствования. После того как был расстрелян Ней — слава и гордость Франции — все поняли, что наступила пора беспощадной реакции. Маршал Брюн был убит в Авиньоне без суда, генерал Рамель — в Тулузе, генерал Лагард — в Ниме. Многие спасались бегством за границу.

Поэтому уже в последние годы заточения Наполеона на Святой Елене его имя, в противоположность мелким низостям и преступлениям власти Бурбонов, беспощадной политической реакции и мракобесию Священного союза, стало обрастать легендами. В эту глухую пору имя Наполеона связывалось с борьбой за свободу, с бесспорными завоеваниями революции. Как антитезу Бурбонам,

Меттерниху, Аракчееву, прославляли Наполеона Байрон и Мицкевич, Стендаль и Гейне, Лермонтов и Пушкин:

*Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!
Хвала!.. Он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.*

Через девять лет после смерти Наполеона Бурбонов снова свергли. На трон взошла Орлеанская династия. Новый король, зная силу бонапартистов и наполеоновской легенды, приказал вновь водрузить на Вандомскую колонну статую Наполеона, снятую 15 лет назад. Когда Жером известил об этом больную и ослепшую мать Бонапарта, Летиция впервые за многие годы присоединилась к своим родным, собравшимся в зале и, показывая на бюст сына, произнесла: «Император вновь в Париже».

В 1840 году прах Наполеона был перевезен во Францию и помещен в саркофаг в парижском Дворце инвалидов.

Со временем страсти, кипевшие вокруг его имени, остыли, а новая эпоха породила новые проблемы. И все-таки из истории не вычеркнуть имени Наполеона Бонапарта. Одни его клянут и хулят, другие воздают хвалу, третьи стараются найти объяснения противоречивости жизненного пути, столь непохожего на все остальные. Но сколь ни резко различаются мнения, все сходится на том, что то был человек неповторимой, удивительной судьбы, навеки запечатлевшийся в памяти поколений.

Как-то в молодости Наполеон заметил: «Лучше вообще не жить, чем умереть, не оставив следа». Всей своей жизнью он доказал, чего может достигнуть человек благодаря чувству собственного достоинства, страсти и фантазии, трудолюбию и воле. Трудно найти более сильный пример.

«Война — это анахронизм. Когда-нибудь победы будут одерживаться без пушек и штыков...» И это тоже Наполеон.

Библиография

- Варламов А.А.** Наполеон Бонапарт и его военная деятельность. Петрозаводск: [Б. и.], 1992. 64 с.
- Дюма А.** Наполеон // Генрих IV. Наполеон. М.: Русь, 1992. 352 с.
- Исдейл Ч.** Наполеоновские войны. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 360 с.
- Кирхейзен Ф.** Наполеон Первый: В 2 т. М.: Terra, 1997. Т. 1. 288 с.; Т. 2. 272 с.
- Клаузевиц К.** Итальянский поход Наполеона Бонапарта 1796 года. М.: Воениздат, 1939. 232 с.
- Коленкур А.** Поход Наполеона в Россию. Смоленск: Смядынь, 1997. 368 с.
- Левицкий Н.А.** Полководческое искусство Наполеона. М.: Воениздат, 1938. 276 с.
- Людвиг Э.** Наполеон. М.: Вагриус, 1998. 592 с.
- Манфред А.З.** Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1989. 734 с.
- Мережковский Д.С.** Наполеон: Роман-биография. М.: Республика, 1993. 319 с.
- Наполеон I.** Избранные произведения. М.: Воениздат, 1956. XXIV + 788 с.
- Наполеон I.** Воспоминания и военно-исторические произведения. СПб: [Б. и.], 1994. 704 с.
- Скотт В.** Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов: В 2 т. М.: Эхо, 1995. Т. 1. 282 с.; Т. 2. 702 с.
- Стендаль А.** Жизнь Наполеона. Воспоминания о Наполеоне // Собр. соч. М.: Правда, 1959. Т. 11. 432 с.
- Тарле Е.В.** Наполеон. М.: Наука, 1991. 462 с.
- Тарле Е.В.** Нашествие Наполеона на Россию в 1812 году. М.: Мысль, 1992. 304 с.
- Тюлар Ж.** Наполеон, или Миф о «спасителе». М.: Мол. гвардия 1996. 384 с., 24 с. ил.
- Чандлер Д.** Военные кампании Наполеона. М.: Центрполиграф, 1999. 684 с.

Содержание

Предисловие	3
Рождение полководца. 1769—1793 годы	5
Тулон. Сентябрь—декабрь 1773 года	9
13 вандемьера — 5 октября 1795 года	18
Итальянский поход. 1796—1797 годы	26
Монтенотте. 12 апреля	31
Миллезимо и Дего. 13—14 апреля	33
Чева и Мондови. 19—21 апреля	35
Лоди. 10 мая	37
Лонато и Кастильоне. 3—5 августа	41
Роверето и Бассано. 4—8 сентября	46
Арколе. 15—17 ноября	51
Риволи. 13—15 января 1797 года	58
Тальяменто. 16 марта	64
Неймаркт. 1 апреля	68
Египетская экспедиция. 1798—1799 годы	72
Александрия. 2 июля	77
Битва у пирамид. 21 июля	79
Сирийский поход. 1799 год	86
Яффа. 3—7 марта	89
Осада Акры. 18 марта — 21 мая	91
Абукир. 25 июля	99
Вторая итальянская кампания. 1800 год	108
Маренго. 14 июня	112
Война с третьей коалицией. 1805 год	121
Ульмская операция. 26 сентября — 17 октября	126
Аустерлиц. 2—3 декабря	144
Русско-прусско-французская война.	
1806—1807 годы	164
Война с четвертой коалицией	164
Заальфельд. 10 октября	168
Йена. 14 октября	171
Ауэрштедт. 14 октября	176
Армия Пруссии	181

Прейсиш-Эйлау. 8 февраля 1807 года	186
Гейльсберг. 10 июня	199
Фридланд. 14 июня	202
Пиренейская кампания. 1807—1808 годы	209
Австрийская армия	224
Австро-французская война. 1809 год	227
Абенсберг. 19 апреля	231
Ландсхут. 20—21 апреля	236
Экмюль. 22—23 апреля	240
Эслинген. 21—22 мая	247
Варгам. 5—6 июля	254
Армия Франции	269
Русский поход. 1812 год	279
Армия России	289
Виленская операция. Июнь—июль	295
Смоленское сражение. 16—17 августа	306
Бородинское сражение. 7 сентября	318
Малоярославец. 24 октября	348
Сражение под Красным. 16—18 ноября	361
Березина. 26—28 ноября	372
Лейпцигская кампания. 1813 год	388
Лютцен. 2 мая	392
Бауцен. 20—21 мая	396
Дрезденское сражение. 26—27 августа	402
Лейпцигское сражение. 16—19 октября	410
Ганау. 30—31 октября	425
Война во Франции. 1814 год	428
Бриенн. 29 января	433
Ла-Ротьер. 1 февраля	434
Монмираль. 10—14 февраля	438
Монтеро. 18 февраля	442
Краон. 7 марта	445
Лаон. 9—10 марта	448
Арси-сюр-Об. 20—21 марта	450
Париж. 30 марта	452
«Сто дней». 1815 год	461
Линьи. 16 июня	467
Ватерлоо. 18 июня	474
Искусство полководца	487
Последний бой. 1815—1821 годы	501
Библиография	509

Научно-популярное издание

Бешанов Владимир Васильевич
ШЕСТЬДЕСЯТ СРАЖЕНИЙ НАПОЛЕОНА

Под общей редакцией А. Е. Тараса

Ответственный за выпуск *Ю. Г. Хацкевич*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 06.01.2000.
Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 32,0. Тираж 15 000 экз. Заказ 114.

ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
ППП им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.